

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
в эпоху перехода
от феодализма к капитализму

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Д. Ф. Марков (председатель), *В. Н. Виноградов*,

И. С. Миллер, *А. С. Мыльников* (заместители председателя),

Л. А. Обушенкова (ответственный секретарь),

Г. Л. Арш, *В. А. Дьяков*, *В. И. Злыднев*,

Т. М. Исламов, *Б. Н. Пугилов*, *Л. Н. Смирнов*,

Б. Ф. Стахеев, *В. И. Фрейдзон*

ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ

Исторический
и историко-культурный
аспекты

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1981

Книга содержит сравнительно-исторический анализ и историческую типологию процессов формирования наций у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, раскрывает закономерности и специфику этого процесса в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Показана взаимосвязь экономических, политических и культурных явлений в становлении наций. Рассматривается проблема формирования национальных литератур и языков.

Редакционная коллегия:

И. С. МИЛЛЕР, В. И. ФРЕЙДЗОН

(ответственные редакторы),

Т. М. ИСЛАМОВ, А. С. МЫЛЬНИКОВ,
Л. А. ОБУШЕНКОВА, Л. Н. СМИРНОВ

© Издательство «Наука», 1981 г.

Ф $\frac{10603-356}{042(02)-81}$ 161-81 0508000000

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящая книга содержит статьи, посвященные комплексной проблеме, которая явилась предметом рассмотрения на международной конференции, организованной в Москве Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Проблема формирования наций представляет собой одну из ключевых в плане изучения закономерностей процесса перехода от феодализма к капитализму стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Она находится в центре внимания широкого круга историков, историков культуры, лингвистов и литературоведов.

В публикуемых статьях дается трактовка процесса формирования наций в указанном ареале в целом и некоторых его существенных компонентов в отдельности. В сравнительно-историческом плане дан анализ процессов формирования наций у народов, входивших в состав Австрийской империи: венгерской, словацкой и польской наций, а также сербской и болгарской. В отдельных статьях исследуются конкретные явления, присущие формированию чешской, словацкой и румынской наций.

Компактную группу представляют статьи, посвященные языковым аспектам формирования наций. Большое внимание в них уделено характеристике предпосылок становления и развития национальных литературных языков и роли единого литературного языка в борьбе за консолидацию наций. Завершают книгу статьи, анализирующие особенности развития национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху становления наций.

Авторами статей наряду с сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР и советскими исследователями из других научных учреждений являются ученые из европейских социалистических стран: Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Румынии и Чехословакии.

Руководство редакционной коллегией на начальном этапе работы осуществлял профессор И. С. Миллер, скончавшийся в 1978 г. Подготовка рукописи к печати завершена другими членами редколлегии.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ: КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ *

И. С. Миллер

Настоящая книга выходит в серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». Это определяет ее замысел, состав и структуру. Хотя в названной серии уже вышли несколько книг, не лишним будет охарактеризовать кратко ее общую концепцию, пространственные и временные рамки, что позволит более четко определить задачи данной книги.

Институт славяноведения и балканистики Академии наук СССР изучает историю, культуру, языки большой группы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Этот обширный ареал характеризуется на протяжении всей истории устойчивыми чертами взаимосвязанности развития, в значительной степени общностью исторических судеб населявших его народов. Разумеется, это не исключает существовавшей специфики отдельных частей ареала; так, очевидной представляется закономерность выделения балканского региона. Вместе с тем отдельные историко-географические регионы, как и ареал в целом, не могут рассматриваться статично; в различные исторические эпохи в соответствии с масштабами важнейших исторических событий менялись и пространственные границы. Например, в эпоху позднего феодализма, когда для многих народов Европы первостепенное значение приобрела угроза османского порабощения, определяемые этим фактом границы региона оказывались значительно шире географического понятия Юго-Восточной Европы или Балканского полуострова. Понятие «Центральная Европа» тоже не отличается достаточной определенностью и применяется в литературе неоднозначно. Эта неоднозначность имеет историческое обоснование. Принимая в качестве критерия в эпоху позднего феодализма такую важнейшую черту развития этого региона, как господство фольварочно-барщинной системы феодального хозяйства и усиление крепостничества, мы вправе отнести к Центральной Европе, связанной общностью социально-экономических процессов с Восточной Европой, и остальбскую Германию. По-иному мы определяем границы изучаемого региона применительно к эпохе перехода от феодализма к капитализму.

* При подготовке к печати данной работы видного советского историка произведена минимальная правка научного и редакционного характера.— *Ред.*

Исторические условия, в которых начиналась эра капитализма, а с нею и формирование наций, отличались в Центральной и Юго-Восточной Европе специфическими чертами. При всем различии тех этносоциальных общностей, которые сложились в ареале Центральной и Юго-Восточной Европы, и при существенных особенностях, характеризующих два основных составляющих его региона — балканский и средневропейский, нации, сформировавшиеся в этом историко-географическом ареале, объединяют между собой и в то же время отличают от наций, сформировавшихся в западной части Европы, важные черты.

Во-первых, капитализм возник и утверждался в этом ареале Европы позднее, чем в передовых в экономическом отношении странах Запада, что существенно сказывалось на социально-экономических и политических условиях его развития. Эти обстоятельства, специфика феодальных отношений и незавершенность в большинстве стран региона Центральной Европы буржуазных революций привели к утверждению здесь капитализма при сохранении значительных феодальных пережитков в социально-экономических отношениях, политической структуре, в духовной жизни. Развитие капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути существенно отличало восток Европы от Англии, Нидерландов, Франции, прирейнской Германии. Еще более глубоким своеобразием социально-экономического развития отличались страны Балканского полуострова, долгое время находившиеся в условиях военно-феодального режима Османской империи. Вследствие этого буржуазно-капиталистические отношения складывались в этих странах еще более медленно и мучительно, чем в Центральной Европе, и их общее отставание измерялось десятилетиями.

Во-вторых, если на западе Европы формирование наций проходило в условиях централизованных национальных государств (Англия, Франция)¹, либо в процессе борьбы за воссоединение государства на национальной основе (Германия, Италия), в ареале Центральной и Юго-Восточной Европы существовали сложившиеся еще в XVI—XVIII столетиях многонациональные государства. В Австрийской и Османской империях в XVIII—XIX вв., охватывавших большую часть рассматриваемого ареала, господствующая нация составляла лишь меньшинство.

В-третьих, спецификой формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе было то, что оно протекало в условиях национально-освободительной борьбы. Все эти народы находились на положении отнесенных — либо на протяжении всего периода, либо были низведены в это положение уже на стадии формирования нации, как поляки, либо юридически или практически добившись независимости на части национальной территории, как сербы, греки, румыны, а к концу периода и болгары, продолжали борьбу за полноту национального суверенитета и за освобождение всей национальной территории.

Национально-освободительное движение в различных формах и с различной степенью остроты было характерной чертой общественной жизни народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму, чертой, составлявшей специфику данного ареала в эту историческую эпоху.

Можно сказать, что общим для стран Центральной и Юго-Восточной Европы является развитие капитализма и формирование наций при отсутствии собственной государственности и в условиях борьбы за политическую независимость или за политические условия свободного национального развития. Эти процессы составляют ось внутривнутриполитических процессов в Австрийской империи и балканских владениях Османской империи. В том, что господствующая политически нация в каждой из них составляла меньшинство по отношению к угнетенным нациям, основное отличие этих государств от Российской империи и Пруссии, где национальный вопрос и национально-освободительное движение угнетенных народов не приобретали в рассматриваемый нами период определяющего значения. В этом отношении исключение составляли польские земли.

Наше определение пространственных рамок ареала Центральной и Юго-Восточной Европы по существу не отличается от того, которое дает *восточной части* Центральной Европы исследователь проблематики формирования наций в этом регионе польский историк Ю. Хлебовчик: «...речь идет о части континента, простирающейся от Балтийского моря на севере до Адриатического, Эгейского и Черного морей на юге, между компактным этнически немецким пространством на западе и русским (т. е. восточнославянским. — *И. М.*) на востоке»².

Хотя интенсивность процесса формирования наций была неодинакова и его завершение, в основном относящееся ко второй половине XIX в., не было у народов этого ареала одновременным, тем не менее процесс этот может рассматриваться в сопоставлении и во взаимосвязи для всего ареала на протяжении эпохи перехода от феодализма к капитализму и начальной стадии капиталистической формации, т. е. на протяжении столетия — от последней четверти XVIII в. до 70-х годов XIX в. включительно. Это означает, в частности, что в круг рассматриваемой проблематики не входят нации, которые в силу конкретных (и весьма несходных) исторических обстоятельств начали складываться значительно позднее и сформировались уже за пределами изучаемого периода.

Особой спецификой отличался национальный процесс у сербов-лужичан, где в силу немногочисленности и неразвитой социальной структуры этноса (отсутствие национальной буржуазии) результатом процесса в XIX в. явилось сложение буржуазной народности.

Рассматриваемая эпоха в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы является исключительно важной. Время консолидации наций, развития национальных движений, до-

стижения рядом народов национальной независимости оставило гигантское наследие, что делает изучение этой эпохи задачей первостепенного уже не только собственно научного, но и общественно-политического значения. Это тем более необходимо сказать, поскольку движение по пути объективного познания проблематики этой эпохи неразрывно связано с последовательным освобождением от легенд и мифов, нагроможденных в этой области буржуазно-националистической политикой и историографией. Научный анализ исторического прошлого, историко-культурного и идеологического наследия, национальных традиций, межнациональных отношений имеет неопределимое значение для решения актуальных проблем воспитания коммунистического сознания, пролетарского интернационализма, для борьбы с буржуазной идеологией и ее влиянием.

Марксистско-ленинскими общественными науками сделано немало для изучения указанной проблематики. Велики заслуги ученых социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы, нет оснований умалять и результаты труда советских ученых. Однако сомкнуть исследования, ведущиеся в различных областях исторического прошлого различных народов, в единую систему, соответствующую всей многоплановости и сложности реального исторического прошлого, осветить вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как целостный объект комплексного сравнительно-исторического изучения — так задача еще не ставилась. Эта задача может быть решена лишь в серии исследований.

Нельзя не напомнить в этой связи о ленинском предостережении по поводу необходимости выяснения вопроса: «сравнимы ли исторические эпохи развития сравниваемых стран»³. Рассмотрение процессов общественного развития в эпоху перехода от феодализма к капитализму как целостной системы для всего ареала Центральной и Юго-Восточной Европы возможно потому, что у большинства народов, его составляющих, эти процессы при всех различиях в основном протекали в один и тот же период, а в значительной мере и взаимосвязанно.

Следует отметить при этом, что для большинства народов восточной части Центральной Европы утверждение новой, капиталистической формации наступало не как результат победоносной буржуазно-демократической революции, радикально расчищавшей почву от остатков феодализма, а как завоевания революции, в плане политическом потерпевшей поражение, и как система реформ, являвшихся, по определению Ленина, побочным продуктом революционной борьбы⁴. В силу этого значительная часть социальных и политических задач борьбы угнетенных классов и пробуждающихся к национальной жизни народов оставалась нерешенной и входила в круг политической проблематики новой исторической эпохи — капиталистической формации. Сама же смена формаций в этих условиях приобретала характер отно-

сительно растянутого во времени процесса. Так, в Австрийской империи буржуазно-демократическая революция, как отмечал В. И. Ленин, «началась 1848 годом и закончилась 1867»⁵. В этих условиях начальный этап капиталистической формации составляет вместе с тем заключительную стадию эпохи перехода от феодализма к капитализму. Что касается балканского региона, то здесь утверждение капитализма было связано с созданием независимых национальных государств.

Особенность исследовательской программы, которую наметил Институт славяноведения и балканистики, реализуя ее в контакте со специалистами соответствующих профилей в других научных центрах нашей страны и зарубежных социалистических стран, заключается в стремлении к целостному комплексному изучению многоплановых и взаимосвязанных процессов развития в масштабах целого ареала. Объединяя специалистов различных гуманитарных дисциплин, ориентируя их на междисциплинарную координацию качественно высшего уровня, используя методику системного анализа, Институт ведет подготовку ряда коллективных трудов по различным аспектам изучаемой эпохи. Эти коллективные труды (степень внутренней целостности которых неизбежно различна — от сборника статей до органически единой коллективной монографии) представляют собой этап, приближающий нас к комплексному охвату изучаемых процессов. Вместе с тем в каждом из этих трудов в меру возможного уже ставятся задачи сравнительно-исторического анализа. То же можно сказать о комплексном подходе к изучаемым проблемам. Может быть, в первую очередь это относится именно к той проблеме, которой посвящена настоящая книга. Основанием для такого вывода является место проблемы формирования наций в совокупности процессов перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Эпоха перехода от феодализма к капитализму ознаменована переменами гигантского масштаба во всех областях жизни. Это — существенный прогресс в развитии производительных сил: появление парового двигателя, машин, начало промышленного переворота, развитие новых средств транспорта и связи, переход к качественно новым методам агротехники, внедрение новых сельскохозяйственных культур, начиная с картофеля, изменение демографической ситуации.

Это — генезис капитализма: разложение феодальных производственных отношений, развитие капиталистического уклада, формирование внутреннего рынка, подготовка экономики к окончательному утверждению капитализма.

Это — кризис сословной структуры общества: формирование классов буржуазной эпохи, коренные перемены в социальной стратификации, приспособление феодальных институтов к потребностям капиталистического развития, появление и неуклонное расширение сферы действия буржуазного права собственности.

Это — развитие прогрессивной общественной мысли, враждебной феодальной косности, сословному неравенству, обскурантизму, развитие культуры, проникнутой идеями Просвещения, утверждающей демократические и социалистические идеалы и национальное достоинство, право нации на свободу и суверенитет.

Это — распространение грамотности и начального образования на светской основе, развитие газетного дела и журналистики, значительное расширение сферы восприятия передовой общественной мысли, культуры, литературы на родном языке и, наконец, демократизация культуры, насыщение ее антифеодальным содержанием.

И, наконец, всю эпоху перехода от феодализма к капитализму пронизывает борьба народных масс против феодального гнета, против абсолютизма, борьба формирующейся нации против национального неравноправия, против национального угнетения.

Все это черты переходной эпохи, когда феодализм уже был обречен, а капитализм еще не восторжествовал, те черты, которые определяли созревание объективных и субъективных факторов приближавшейся буржуазной революции, призванной опрокинуть обветшалый феодальный строй, расчистить путь для развития в рамках более прогрессивной, капиталистической формации.

Среди всех изменений в базисе и надстройке особое место занимает формирование нации. Эта проблема значима сама по себе, и у нее есть особенность, выделяющая ее из всего круга названных выше проблем. При всей взаимозависимости многообразных явлений переходной эпохи нигде эта взаимосвязь не выражается столь выпукло как именно в процессе формирования нации, при которой как бы перекрещивались все линии развития общества, пересекались все плоскости развития — от материального производства до вершин идеологии. Каждый из аспектов перехода общества от феодализма к капитализму приобретал черты национального своеобразия, которые отличают в истории разных народов этот единый в своем существе этап их развития.

Есть еще одна специфическая особенность рассматриваемой проблемы, дающая основание охарактеризовать ее как уникальную по присущей ей комплексности. Формирование нации представляет собою процесс, производный от других объективных процессов — социально-экономических, языковых, этнокультурных и иных. Но вместе с тем на процесс формирования нации накладывает отпечаток, нередко определяет его динамику и конечные результаты, активное вмешательство субъективного начала, проявляющегося в идеологии, культуре, а подчас воздействовавшего и на развитие даже таких объективных факторов, как экономика. Диалектичность процесса, о котором можно сказать, что нация формируется и нация «формирует себя», в немалой мере усложняет его изучение, тем более, что изучение это неминуемо вынуждено опираться на источники, по большей части да-

лекие от объективной точности и бесстрастности, на источники, целенаправленно или бессознательно деформирующие явления, мистифицирующие их. И это отнюдь не чисто исследовательский аспект дела. Формирование нации представляет собой в истории каждого народа этап развития особой важности. С ним, как правило, связаны социально-психологические стереотипы и исторические, историко-культурные традиции, надолго сохраняющие свое значение. Поэтому рассматриваемая проблема, несмотря на то что мы имеем дело с фактами вековой или двухвековой давности, сохраняет большую остроту и не только академический интерес.

Нельзя исследовать формирование нации без учета всех многочисленных аспектов этого процесса. Нельзя полноценно организовать такое изучение без координации усилий историков, этнографов, лингвистов, литературоведов, искусствоведов. В этом серьезная трудность данной задачи, трудность научная и организационная. Но в то же время ни одна из проблем развития общества в эпоху перехода от феодализма к капитализму не создает таких органических условий сотрудничества представителей разных специальностей, такого естественного объединения в разработке комплексной проблематики.

К теоретическим проблемам этнических, в том числе национальных, процессов обращаются в последние годы многие исследователи-марксисты. Не столь долгий срок отделяет нас от прошедшей на страницах «Вопросов истории» дискуссии о теории нации (1966—1970). Появились труды Ю. В. Бромлея⁶, С. Т. Қалтахчыяна⁷, Ю. Хлебовчика и другие исследования. Все эти труды, содержащие много ценного и в плане общей марксистско-ленинской теории нации и для ряда конкретных вопросов, связанных с формированием наций в Центральной и Юго-Восточной Европе, были существенно полезны коллективу авторов настоящей книги. Однако по задаче, стоявшей перед авторским коллективом, эта книга отличается от них. Это определяется рассмотрением формирования наций в изучаемом ареале в качестве одного из элементов конкретно-исторических процессов эпохи перехода от феодализма к капитализму. Целью многих очерков являлся непосредственный анализ процесса формирования отдельных наций. Такой, в определенной мере эмпирический подход отнюдь не является недостатком; он дает возможность выявить те специфические факторы, без учета которых сопоставительный анализ оказался бы невозможным, а теоретические выводы обеднены.

Книга состоит из трех основных разделов — собственно исторического, лингвистического и историко-культурного. Многими нитями указанные разделы связаны с другими трудами, изданными Институтом славяноведения и балканистики, в особенности с трудами, опубликованными в серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». Некоторые из публикуемых

здесь статей перекликаются со сборником «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»; тесно связан со сборником «Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков» лингвистический раздел данной книги.

Уже само содержание книги свидетельствует о неравномерности охвата проблематики различных наций ареала, в еще большей мере это сказывается в содержании материалов, что отчасти отражает неравномерность изучения этих вопросов. Однако не всегда скромное место, отведенное в книге тому или иному вопросу, является следствием объективных трудностей. Так, например, значительно шире мог быть освещен такой важный аспект формирования наций, как социальный. Но определенным вкладом в его освещение явится подготовленная Институтом коллективная монография о социальных структурах Центральной и Юго-Восточной Европы эпохи перехода от феодализма к капитализму. Таким образом, связь данной книги с другими книгами упомянутой серии весьма существенна, и настоящая книга учитывает как уже опубликованные смежные труды, так и некоторые еще разрабатываемые или запланированные.

В связи со сказанным уместно обратить внимание на принципиальные возможности и перспективы сопоставительного анализа формирования наций. Относительная синхронность и историческая взаимосвязанность формирования наций в данном ареале является, как отмечалось, принципиальной основой сопоставительного анализа. Но знакомство с историческим процессом в странах Центральной и Юго-Восточной Европы открывает такое разнообразие конкретных проявлений общих социологических норм, что задача нахождения отправных элементов для сопоставительного анализа оказывается весьма сложной. Трудности, возникающие на пути сопоставительного анализа и типологических обобщений, очевидны, но их нельзя признать непреодолимыми.

Одним из важнейших факторов, воздействующих на процесс формирования наций, является, как известно, наличие или отсутствие собственной государственности. Если бы все возможности здесь сводились к «черно-белой» альтернативе, то типологическое размежевание было бы элементарно просто и в познавательном смысле малопродуктивно. История народов Центральной и Юго-Восточной Европы представляет обширную гамму конкретных исторических ситуаций, весьма далеких от примитивной альтернативы. Здесь наряду с народами, лишенными государственности на протяжении всей рассматриваемой эпохи, мы встречаем народы, достигшие независимости после длительного периода ограниченного суверенитета (румыны, сербы) и создавшие свои национальные государства, полностью суверенные с самого начала существования (греки) или пользовавшиеся почти всеми прерогативами суверенитета (болгары). В плане воздействия на процесс складывания нации каждая из этих си-

туаций имеет свои особенности, при этом небезразличным является и то обстоятельство, на какой стадии этого процесса народ добился независимости.

Но для процесса формирования нации фактор государственности требует более пристального рассмотрения. В плане общеполитическом не вызывает сомнений традиционная характеристика 125 лет истории Польши между падением Речи Посполитой и созданием республики в 1918 г. как «эпохи неволи». Ни княжество Варшавское 1807—1813 гг., ни Королевство Польское, даже в его конституционный период 1815—1830 гг., не являлись полноценными и независимыми государствами. Но для формирования нации отнюдь не безразличным было существование и такой неполноценной, но национальной государственности с польским языком в администрации, суде, армии, общественной жизни, с высшими и средними учебными заведениями, готовившими кадры национальной интеллигенции и т. д. Для истории венгерской нации существенным являлось не только воссоздание государства в рамках Австро-Венгрии, но и существование в предшествующий период сословно-представительных учреждений и конституции (до 1848 г.), а также и короткий, но необычайно значительный для развития нации эпизод революционной независимости 1848—1849 гг. Сопоставимо в этом плане значение освободительных восстаний 1794, 1830, 1846, 1848, 1863—1864 гг. для процесса консолидации польской нации и формирования ее национального самосознания.

Типологически существенным являлось различие условий формирования наций у народов, этническая территория которых целиком находилась в пределах одного многонационального государства (венгры, чехи, словаки, словенцы, болгары), и у народов, территория которых была расчленена (поляки, румыны, сербы). В последнем случае, разумеется, неравноценно было положение наций, у которых создалась государственность на части национальной территории, и особенно тех, которые государства вообще не имели. Наконец, очень важно, в рамках какой общеполитической системы находился тот или иной народ.

С фактором государственности тесно связан, хотя и неравнозначен ему вопрос о месте в формировании нации национально-государственного ядра. Этот вопрос касается не только наций, добившихся независимости, но и наций, на пути формирования которых существовали преграды в виде архаичного административного земского деления, национальной чересполосицы и т. п.⁶

Наконец, наряду с реальной государственностью в процессе формирования наций и особенно национального самосознания немаловажен был фактор традиции государственности. Думается, что роль его была велика не только для польской нации, уже складывавшейся в момент утраты независимости, но и для венгерской, для хорватской и чешской наций. Традиции былой государственности были небезразличны как для народностей, ранее господствовавших в многонациональных государствах (поляки,

венгры), так и для тех, которые были в этих государствах неравноправными.

Затронутый вопрос соприкасается с темой типологического различия наций на основе их социальных структур. В эпоху перехода от феодализма к капитализму отчетливо выступают два типа формирующихся наций — нации со «своим» господствующим феодальным классом (поляки, венгры, хорваты в Хорватии — Славонии, румыны в Дунайских княжествах) и нации, полностью или в значительной мере лишившиеся «своего» феодального класса в ходе предшествующего развития, либо истребленного завоевателями (болгары), либо полностью или в значительной мере ассимилировавшегося (словаки, местные феодалы в Боснии), либо частично уничтоженного и частично денационализировавшегося (чехи) и т. п. И социальные процессы возникновения классов и социальных групп буржуазного общества, и идеологическое развитие, и облик национального движения характеризовались у этих двух типов формирующихся наций существенными различиями. И здесь также мы встречаемся не только с «чистыми формами», и здесь, как и в других аспектах межнациональных отношений, ощутимо сказывалось то обстоятельство, что процессы формирования живущих бок о бок наций протекали в тесной взаимосвязи.

Разумеется, мы не исчерпали плоскостей сопоставления — некоторые существенные аспекты (языковый, конфессиональный и др.) даже не упомянуты, но нет необходимости подробно перечислять все аспекты процесса формирования наций для того, чтобы убедиться в том, что многоплановость этого процесса не только требует комплексного его изучения, но и дает широчайшее поле для сравнительно-исторического исследования, для выявления исторически обоснованных и исследовательски перспективных сопоставлений.

Необходимо оговориться, что некоторые проблемы, затронутые в книге, сохраняют дискуссионный характер. В отдельных очерках проявились нюансы взглядов историков, устранять которые редакционная коллегия не считала целесообразным.

¹ В Великобритании и Франции формировались английская и французская нации, тогда как развитие других этносов было заторможено.

² *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.). Warszawa — Kraków, 1975, s. 5—6.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 268.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 179.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.

⁶ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.

⁷ *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969; 2-е изд. М., 1975.

⁸ См.: Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981, гл. VII.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ

С. М. Стецкевич, В. А. Якубский

«Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»¹. Обусловленность процесса зарождения и становления наций успехами капиталистического прогресса вводит социально-экономическую проблематику в круг проблем, без анализа которых невозможна разработка истории складывания нации.

Являясь под этим углом зрения важной составной частью проблемы формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе, социально-экономическая динамика этого ареала в позднее средневековье и в новое время достаточно сложна сама по себе. Нельзя сказать, чтобы в странах Западной Европы генезис капитализма — в особенности, если рассматривать его сквозь призму процесса складывания наций, — развивался прямолинейно. Однако территории восточнее Эльбы свойственна специфика, которая придала становлению буржуазных отношений в городе и в деревне особую сложность. Здесь приходится начинать от «второго издания крепостного права» и его последствий, наложивших печать на всю историю региона, и от развития капитализма в земледелии по прусскому пути.

В интересующем нас контексте нет надобности останавливаться на причинах, вызвавших к жизни барщинно-крепостническую систему хозяйства в Центральной и Восточной Европе. Существен сам феномен: в эту эпоху, когда в более развитых в экономическом отношении странах Запада наступала капиталистическая эра, регион восточнее Эльбы повернул к крепостническим порядкам и отработочной ренте. Напомним некоторые моменты, связанные с этим явлением.

В историографии делались попытки представить крепостническое хозяйство XVI—XVIII вв. как своеобразную форму разложения феодализма и перерастания его в капитализм. Современная марксистская наука показала беспочвенность таких построений, основанных на поверхностных аналогиях. В результате углубленной разработки социально-экономической истории ре-

гиона получил признание тезис о том, что «второе издание крепостного права» не что иное, как феодальная реакция.

Помещик-крепостник, разворачивая домениальное хозяйство, или фольварк (этот польский термин вошел в обиход) притянул на весь прибавочный труд крестьянина. Крестьянский двор, веками составлявший основную ячейку хозяйственного организма, терял всякое самостоятельное производственное значение. Целью его существования должно было стать обеспечение бесперебойного функционирования домениального хозяйства, которое при этом высвобождалось от всех производственных затрат. Крепостной крестьянин низводился до положения составной части средств производства. Он терял даже владельческие права на свой надел, переставал быть собственником живого и мертвого инвентаря и иного своего имущества. В то же время крепостной не отрывался от земли. Не экспроприация (составляющая, как известно, суть так называемого первоначального накопления капитала), а прикрепление непосредственного производителя к земле лежало в основе барщинно-крепостнического строя. Окончательная пауперизация, полный отрыв крестьянина от средств производства были не выгодны крепостнику.

Внедрение подобной экономической модели имело далеко идущие последствия. В принципе не оставалось места для расширения сельскохозяйственного производства за пределами поместья, для самостоятельного выхода крепостного на рынок. Резко сужалась сфера товарного производства, и «вторичное крепостничество» должно было ударить по городу. Длинная цепь причинно-следственных связей, в начале которой стояла экстенсивная по своей природе барщинно-крепостническая система хозяйства, убивавшая инициативу работника, тянула общество в тупик.

Признание того типа хозяйства, который долго — на протяжении примерно XVI—XVIII вв. — господствовал в странах восточнее Эльбы, регрессивным, разумеется, не равнозначно объявлению исторического пути региона в период позднего феодализма движением вспять. Барщинно-крепостническая система не была реализована в полном виде.

Социальные, политические, природные, географические и прочие особенности областей породили массу хозяйственных модификаций. Даже там, где — как, например, в Польше, — «второе издание крепостного права», рано утвердившись, отличалось интенсивностью, фольварк не стал монополистом. Производственная необходимость, с одной стороны, классовая борьба крестьянства и оппозиция городов — с другой, заставили помещиков удовлетвориться такими разновидностями фольварочной системы, при которых крестьянский двор сохранял хотя бы минимум хозяйственной самостоятельности и возможности накопления, а домен не ограничивался применением дарового труда крепостных.

Мелкое хозяйство непосредственных производителей в ремесле и сельском хозяйстве, на котором, собственно говоря, и держится феодальный способ производства, продолжало играть существенную роль. В нем вопреки феодальной реакции по-прежнему сохранялись условия для развертывания товарного производства.

Помещики на опыте убедились, что отработки не универсальны. Барщина как ведущая форма феодальной ренты не подходила для тех отраслей сельского хозяйства, с которыми в первую очередь связывалась интенсификация земледелия. Виноградарство, хмелеводство, льноводство, а также широко распространенное в Центральной Европе разведение рыбы в прудах требовали по преимуществу квалифицированного труда. От умения и старательности работника наглядным образом зависели доходы сеньора. Специфика производства диктовала феодалам обращение к найму. Барщинные порядки плохо прививались и в районах наиболее экстенсивного хозяйствования — там, где преобладали скотоводство и лесные промыслы.

Более успешно (с точки зрения помещика) барщинно-крепостнический вариант реализовывался в районах хлебопашества. Отрицательные последствия принудительного труда феодалы могли в известной мере нейтрализовать, увеличивая бремя лежавших на крестьянине повинностей. Тем не менее и здесь домен вынужден был маневрировать. В обстановке разорения деревни, вызванного грабительской эксплуатацией и прокатившимися чуть ли не повсеместно в Центральной Европе в XVII—XVIII вв. массовыми военными опустошениями, крестьянским конем и плугом фольварку было не обойтись. Помещики или заводили собственный хозяйственный инвентарь, или отказывались от доменной запашки. В XVIII — начале XIX в. стимулируемый развитием производительных сил перевод с барщины на оброк местами распространился широко и — что характерно — для многих помещиков оказался выгодным.

В странах на восток от Эльбы позднефеодальное доменная хозяйство, опиравшееся на феодальную собственность на землю и на обостренное внеэкономическое принуждение, т. е. воспроизводившееся на натуральной основе, в то же время было хозяйством предпринимательским, товарным. Оно работало на рынок. В одних случаях доминировал внешний рынок. Так, Польша, Прибалтика, восточногерманские княжества торговали зерном и иными продуктами с Западной Европой. В Венгрии же, Чехии и некоторых других государствах сельскохозяйственный экспорт не приобрел размаха и барское хозяйство (не говоря уже о мелком товаропроизводителе) работало на местный рынок, что создавало более благоприятные возможности для развития национальной экономики.

Участие барского двора в формировании рынка было, конечно, односторонним. Оно заметно деформировало весь процесс. Но тем не менее его нельзя сбросить со счетов. Барщинно-крепостниче-

ское хозяйство функционально соприкасалось с категориями товарного и даже капиталистического производства, и происходила взаимная адаптация. Самый яркий ее пример — крепостная мануфактура XVII—XVIII вв., в которой производительные силы буржуазного типа комбинировались с феодальными производственными отношениями, с доведенным до крайности внеэкономическим принуждением.

К востоку от Эльбы «...капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»². Мысль Ф. Энгельса напоминает нам о недостаточности одного лишь противопоставления нашего региона с его «вторичным крепостничеством» ряду стран Западной Европы. Молодая буржуазия с первых своих шагов переступала через государственные и региональные границы, и области так называемого второго издания крепостного права втягивались в нарождавшийся мировой рынок. Но торговля западноевропейских держав с этой частью континента приобретала полуколониальный характер. И все же известный стимул к разрыву буржуазных связей в изучаемом ареале это давало.

До сих пор шла речь о деревне. Так или иначе приспособившийся к барщинно-крепостническому строю город, как бы сильно он ни пострадал, само собой разумеется, имел больше возможностей для развития буржуазных элементов. Товарно-денежные отношения в целом устояли перед натиском «вторичного крепостничества». Даже в пору расцвета фольварочной системы не исчезли прежде спорадически появлявшиеся зачатки капиталистических отношений. Наряду с торговым капиталом, кое-где выступал капитал промышленный. В горном деле, судостроении, сукноделии и некоторых других отраслях формировалась ранняя мануфактура.

В каждом регионе, в каждой из стран Центральной и Юго-Восточной Европы удельный вес новых элементов в экономике был различен, по-разному и в разной мере сказывалась — тоже далеко не одинаковая — внутренняя и внешняя политическая обстановка. В развитии буржуазных отношений лидировала Чехия — ни Тридцатилетняя война, ни торжество габсбургской реакции не оборвали этого процесса. На противоположном полюсе стояли балканские провинции Османской империи, где военно-феодальный строй максимально тормозил общественный прогресс.

При изучении распада феодальных порядков в балканских странах ко всем сложностям добавляется чрезвычайная скудость источников (которая, собственно, обусловлена тем же османским игмом). Не удивительно, что в исторической литературе можно встретить взаимоисключающие оценки. Так, по мнению болгарского исследователя Хр. Гандева, в сельском хозяйстве XVIII в. успешно развивался капиталистический способ производства и практически существовала буржуазная собственность на землю.

Изучение аграрных отношений в северо-западной Болгарии привело Гандева к выводу, что там «становление капитализма в сельском хозяйстве... в XVIII в. вполне аналогично как в отдельных его элементах, так и в целом с процессом, который происходил в первой половине XVII в. в Англии»³. Если в дальнейшем подобная точка зрения была отвергнута большинством специалистов, то, насколько можно судить, не отвечает современному состоянию историографии и мнение, что «в южных и части западнославянских, венгерских и румынских землях, находившихся под османским игом, практически не только не было возможности возникновения предпосылок капитализма в XVI—XVIII вв., но даже имел место обратный процесс — сокращение товарного производства»⁴.

При нынешнем состоянии вопроса еще далеко до окончательных суждений о темпах и масштабах созревания капитализма в Болгарии и соседних с ней странах. Все же оно заставляет отойти от очевидных крайностей, присутствующих в обоих приведенных выше цитатах. Фактический материал, который обобщен в новейших трудах, в частности в капитальной монографии болгарского ученого Н. Тодорова о балканском городе, позволил датировать заметные проявления буржуазных отношений в торговле и промышленности балканских владений султана по меньшей мере XVIII в. (тогда как в деревне жизнеспособные ростки новых отношений появятся, по-видимому, лишь к середине XIX в.). Показав неравномерность в хозяйственной и социальной эволюции отдельных областей полуострова, пагубные последствия османского владычества, Н. Тодоров тем не менее заключил, что у греков, сербов, болгар формирование класса буржуазии началось еще в XVIII в.⁵

Если так было на Балканах, естественно сделать вывод, что во всех основных областях ареала капиталистический уклад возник не позднее второй половины XVIII в. Тот факт, что новые производственные отношения довольно рано стали появляться в толще феодального способа производства и, несмотря на временные спады, постепенно пускали корни, весьма важен. Однако акцентирование этих моментов — по-своему вполне закономерное — не должно исказить общей картины. Противоборство классовых сил в регионе складывалось так, что и в XIX в. даже в Центральной Европе феодализм отступал медленно и при этом сильные позиции захватывал капитализм «помещичий, полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы...»⁶.

Однако генезис капитализма, социально-экономические процессы при всей их важности (и добавим — сложности) — только часть комплекса явлений, усиленно изучаемого современной славистикой и балканистикой: «Не просто смена феодальных производственных отношений отношениями капиталистическими, но связанный с этим процесс переформирования типичных для феодализма общностей людей в структурно и качественно новые

общности — нации с новым уровнем социальной и национальной психологии, с качественно новым уровнем культуры и как следствие всех этих экономических, социальных, национальных процессов (а с другой стороны, и в свою очередь как мощный катализатор всех этих процессов) новая политическая обстановка, важнейшей чертой которой становятся национальные движения»⁷.

Как выглядит, чем характеризуется эта взаимная связь между развитием буржуазного общества и формированием наций? При том запутанном, внутренне противоречивом переплете регрессивных и прогрессивных черт, который свойствен социально-экономическому движению ареала Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX в. и в предшествующие столетия, связь с трудом поддается расшифровке. Многие остаются здесь спорным. В отношении как стран Центральной и Юго-Восточной Европы, так и России продолжается полемика. Для состояния вопроса показательна всесоюзная дискуссия, посвященная переходу России от феодализма к капитализму, которую в 1966 г. организовал в Москве Научный совет по проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой»⁸.

То, что без внутреннего рынка, без победы капитализма не может полностью конституироваться нация,— общепризнанно. Но в историографии проявилась тенденция при анализе национального процесса принимать во внимание только далеко зашедшее капиталистическое развитие — на уровне если не формации, то хотя бы сложившегося уклада. Нации же в Центральной и Юго-Восточной Европе стали складываться задолго до первых буржуазно-демократических революций, задолго до промышленного переворота — это ни у кого не вызывает сомнений. Как согласовать эти посылки?

Для этой цели в свое время были привлечены работы, авторы которых, на их взгляд, обнаруживали капиталистический способ производства по крайней мере в XVIII столетии. О концепции Хр. Гандева сказано выше; можно было бы еще вспомнить о трудах 1950—1960-х годов, в которых процессы в центрально-европейской деревне XVII—XVIII вв. уподоблялись английским орожаиваниям, и о некоторых других. Но сейчас среди славистов и балканистов такого рода гипотезы не популярны.

Зато приобрело известный авторитет иное построение, опирающееся на те же исходные посылки. Часть историков сделала вывод, что начальный этап складывания наций проходил без участия (или при ничтожном участии) буржуазных элементов. Эта идея пронизывает недавно изданную книгу польского историка и социолога Ю. Хлебовчика, в которой подробно разобраны основные, по мысли автора, аспекты формирования нации у чехов, венгров, словаков и некоторых других народов, входивших в Австрийскую империю и соседние многонациональные державы⁹.

Ученый считает типичной для Западной Европы такую модель процессов формирования наций, при которой решающую роль играло чувство государственной связи. Понятия «государство» (независимо от его конкретного классового характера) и «нация», национальная принадлежность и государственная принадлежность оказывались идентичными. В таких условиях конституирование нации протекало сравнительно быстро. Замедленность развития остальбской Европы (или восточной части Центральной Европы) и многонациональный состав населения сложившихся здесь держав привели, по мнению Ю. Хлебовчика, к появлению нной модели. Главным фактором процесса складывания наций он признает не государство, а язык. Автор подчеркивает замедленность общественных перемен: в противоположность западноевропейским отношениям лишь постепенное разложение местных феодальных структур и буржуазные революции 1848—1849 гг. создали условия и открыли дорогу для нацноформирующих процессов нового времени¹⁰.

Не будем касаться всего комплекса вопросов, поднятых Ю. Хлебовчиком в его интересной и во многом дискуссионной монографии. Остановимся лишь на том, что непосредственно относится к нашей теме. Исследователь не отрицает значения социально-экономического фактора: он показал, как создающееся буржуазное общество и связанные с этим миграции влияют на развитие национальной культуры. Но почти все это относится к середине и второй половине XIX в. — ко времени, когда в монархии Габсбургов исчезли серьезные ограничения, затруднявшие товарооборот, продажу рабочей силы и пр. Говоря о предшествующей эпохе, Ю. Хлебовчик считает возможным абстрагироваться от рынка и прямо выступает против распространенного, на его взгляд, преувеличения значимости внутрирыночных связей для рассматриваемого им предмета.

Выступая против упрощенного понимания взаимообусловленности двух процессов — формирования внутреннего рынка и формирования нации, — автор, думается, сам не избежал упрощений и просчетов. К их числу относится то, что в книге, где много сказано об интеллигенции и ее месте в создании общенационального языка и культуры, о значении просвещения и т. п., все это подано в значительном отрыве от появления общности экономических связей. Конечно, такая общность, влияя на все стороны общественной жизни, воздействовала на складывание наций далеко не всегда непосредственно и прямолинейно. Механизм действия бывал сложен, на нем сказывались многие входящие моменты. И все же интеллигенция — социальный слой, который характерен для всех стран в эпоху капиталистического развития, — не случайно появляется в пору разложения феодального общества и его сословной структуры. Едва ли допустимо забывать и о том, что распространение грамотности не было лишь спонтанным проявлением сдвига в области национальной культуры, а имело материальную подоплеку — втягива-

ние крестьянина в товарообмен с городом, в хозяйственные контакты с миром, расположенным вне пределов его ближайшей округи, и т. п.

Буржуазное развитие, понятно, не было лишь предпосылкой для формирования наций и их культуры. В советской науке установлено наличие обратной связи: формирование общенациональных языков и их закрепление в литературе является необходимым условием и спутником полного развития капитализма.

Итак, взаимодействие: «буржуазные связи», «внутренний рынок» — «нация» осталось в книге Ю. Хлебовчика недооцененным. Почему? Думаем, в первую очередь повинна не полностью изжитая в исторической литературе тенденция «отлучать» от буржуазного развития и от развития нации те явления, которые, не знаменуя еще наступления капиталистической формации или уклада, уже выходили за тесные рамки феодализма и подготовляли торжество буржуазии. Материал, которым оперирует Хлебовчик, поддается иной интерпретации — с точки зрения теории, наиболее активно развивавшейся в послевоенные годы С. Д. Сказкиным.

В 1959 г. в докладе на II сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы С. Д. Сказкин специально остановился на экономическом содержании буржуазных связей¹¹. В своем анализе он исходил из классической ленинской характеристики: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это ...вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹².

Докладчик показал, что вопреки довольно распространенному представлению в многократно цитируемых историками ленинских словах нет речи о капитализме. Термин «буржуазные связи» употреблен в том широком смысле, в каком его употреблял Ф. Энгельс, говоря о союзе буржуазии и королевской власти в деле политической консолидации европейских государств. «Дело идет, следовательно, о совокупности всех антифеодальных сил, возникших в феодальном обществе со времени появления городов, в первую очередь о ремесленниках и торговцах»¹³. Мысль С. Д. Сказкина нашла поддержку у ряда ученых, в том числе у авторов коллективного доклада на упомянутой всесоюзной дискуссии русистов 1966 г. (Н. И. Павленко, Л. В. Данилова, И. Д. Ковальченко и др.), была ими конкретизирована и подкреплена новым фактическим материалом, касающимся роли торгового капитала в формировании экономической общности как фундамента нации.

У изложенной нами концепции есть не только сторонники, но и противники. Дискуссия не окончена. Однако при современном состоянии нашей науки эта концепция, подходящая к явлениям строго исторически, под углом зрения стадиальности в экономическом и национальном развитии, на наш взгляд, наиболее удовлетворительно объясняет ход формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе и его своеобразие.

Общность экономических связей, послужив условием конституирования наций региона и выступив далее в качестве их существенного, даже определяющего признака, разумеется, не оставалась неизменной. Генеральной линией было ее укрепление. Однако история народов Центральной и Юго-Восточной Европы в новое время не позволяет упускать из вида и движение иного рода. В ходе политических комбинаций неоднократно смещались границы. Как в XVIII, так и в XIX вв. обширные территории переходили из-под власти одной многонациональной державы под власть другой — несмотря на то, что в ареале крепла тенденция к образованию национальных государств. Такие перемены на карте Европы, совершаемые порой вопреки интересам народов, не только сопровождались кровопролитиями и военной разрухой, не только сохраняли (а то и обостряли) национальный гнет: они надолго и серьезно нарушали функционирование национального рынка.

В польском материале конца XVIII—XIX в. ученые видят оптимальный случай для того, чтобы точнее оценить значение экономического момента на той стадии формирования нации, когда этот процесс уже продвинул достаточно далеко. После разделов Польши языковое и территориально-этническое единство уцелело. Национальное самосознание также сохранилось. Национальная катастрофа и поднявшаяся в ответ волна освободительной борьбы, напротив, усилили его. Зато государственные, таможенные и прочие рубежи, проведенные монархиями-захватчиками по живому телу польского хозяйственного организма, нанесли удар экономической общности. Как это повлияло на судьбу нации?

Поставив проблему в общеметодологическом плане, ответ не так давно попытался дать С. Т. Калтахчян. Автор весьма содержательного исследования без колебаний, однако, утверждает: «Разрушение общности экономических связей, государственно-территориальной целостности... польской нации в период ее разделов в то же время было разрушением нации»¹⁴. По его мнению, с конца XVIII в. по 1918 г. продолжали существовать только польская национальность и ее самосознание. По нашему мнению, этот тезис неверен, а постановка проблемы страдает недостатками. В книге Калтахчяна недостаточно строго разграничены понятия «государственно-территориальная целостность» и «общность территорий». Но главное — в том, что картина становления нации утратила свой динамизм. Политические акты Гогенцоллернов, Габсбургов и Романовых заслонили собой

сложный и длительный — занявший десятилетия и века — процесс. Мы полагаем, что в данном случае оказался нарушен подход к нации как к многогранному общественно-историческому явлению — подход, который в общем свойствен и названной монографии.

При решении вопроса, очевидно, должен быть учтен опыт советской историографии в исследовании того, как влияли политические перемены на развитие народностей и наций. Важные выводы, касающиеся рассматриваемой нами темы, сделаны были, в частности С. А. Никитиным в докладе на VI Международном съезде славистов. Опираясь преимущественно на южнославянский материал, он показал, что влияние политического расчленения неоднозначно. Там, где нация расчленена государственными границами, воздействие политического и экономического разобщения иногда бывает значительным. Но только конкретный анализ может выяснить значение этого фактора в процессе складывания каждой отдельной нации, причем его влияние должно рассматриваться во взаимодействии с другими. Тот факт, что украинские земли входили в состав России и Польши, а затем России и Австрийской империи, и у украинского народа к периоду вызревания нации не было экономической общности, не помешал тем не менее сложиться нации¹⁵.

В свете этих положений трудно допустить, чтобы политический раскол и соответствующий ему разрыв экономических связей на рубеже XVIII—XIX вв. вернули польский народ к сравнительно давно пройденному этапу, тем более что еще нужно уточнить, в какой мере были нарушены хозяйственные контакты между польскими землями, попавшими под владычество Берлина, Петербурга и Вены.

Печальные для экономики страны последствия разделов (и затем передела) общеизвестны и бесспорны. Они дали себя знать еще задолго до окончательной гибели Речи Посполитой. В итоге первого и второго разделов хозяйство пережило сильные потрясения. Торговый трактат, который Речь Посполитая была вынуждена в марте 1775 г. подписать с Пруссией, таможенным барьером отгородил центральные воеводства от захваченного пруссаками Поморья и от формально оставшегося за Польшей Гданьска. 1793 г. ознаменовался банкротствами, закрытием многих предприятий, спадом хозяйственной жизни; второго раздела не пережили шесть самых крупных варшавских банков, и пассив, который превышал четверть миллиарда злотых, в свою очередь ударил по экономике. Подобный перечень можно продолжать долго. Болезненнее всего сказалась перекройка польских земель в 1815 г. Части бывшего Польского государства вращались в хозяйственную структуру монархий-захватчиков.

Но было бы неправильным видеть только одну сторону дела. Хозяйственные связи между Краковом и Кельцами, Познанью и Варшавой и т. д. не были полностью порваны. Кризисное состояние не прошло бесследно, однако постепенное оживление

экономики, прогресс капитализма в промышленности и сельском хозяйстве дали стимул к возрождению старых рыночных контактов и к появлению новых. Как известно, буржуазный прогресс вызывает к жизни связи, которые не замыкаются национальными или государственными рамками. Эта закономерность проявилась и в Центральной Европе — в той ее части, где на коренных польских землях сошлись друг с другом всероссийский рынок и аналогичные образования в пределах Австрийской империи и Прусского королевства.

То, что на территории Польского государства в XIX в. оставались крепкие связи, которые охватывали не только товарообмен, но и рынок наемной рабочей силы, лучше всего подтверждается интенсивным строительством, начиная с 40-х годов, внутренних и межгосударственных железнодорожных линий. В свою очередь железные дороги (в сооружении которых — что симптоматично! — первую скрипку играл местный частный капитал) усилили экономическую общность. Показательна та сравнительная легкость, с которой политически разобщенные — примерно на протяжении века — части Польши соединились в единую хозяйственную систему после 1918 г. Без наличия известной экономической общности, пронесенной через XIX и начало XX в., это едва ли было бы возможным.

Так что нет оснований пересматривать точку зрения, согласно которой польская нация не перестала существовать и развиваться в эпоху разделов. Противоположная концепция, помимо прочего, недооценивает роль национального самосознания. Само оно — производное от успехов становления нации, будучи в конечном счете, следовательно, производным от успехов формирования общности языка, территории и в особенности экономических связей. Однако это не мешает национальному самосознанию действовать как значительной силе. В польском примере оно выступает необычайно важным фактором национального развития*.

То обстоятельство, что буржуазный прогресс вызывает к жизни связи, которые не замыкаются национальными или государственными рамками, хорошо видно на примере процессов, происходивших в Австрийской империи. Разложение феодальных и становление буржуазных отношений шло неравномерно: в собственно Австрии и Чехии быстрее, чем в Венгрии и других районах, что зависело как от исторически сложившихся социально-экономических особенностей каждой из частей империи, так и от политики Габсбургов¹⁶. Революция 1848—1849 гг., оставшись незавершенной, все же выполнила свою роль, связанную с ликвидацией — хотя и недостаточно полной — господства феодализма в Австрийской империи. После революции ускорились темпы

* Несомненно, что в результате разделов целостный этносоциальный организм был разрушен. Однако вместе со становлением буржуазного общества, хотя и в неблагоприятных и своеобразных условиях, процесс формирования нации продолжался. — *Ред.*

промышленного переворота: он уже не встречал многих из тех серьезных препятствий, которые стояли на его пути в дореволюционный период.

Как подчеркивал В. И. Ленин, «объединяющим, обобществляющим элементом» в капиталистическом обществе является «крупная машинная индустрия... стирающая местные, земляческие и профессиональные различия»¹⁷. Постепенно шли процессы образования экономической общности всех частей Австрийской империи через складывание местных, национальных и региональных рынков, охватывавших порой части нескольких этнических территорий. Все эти процессы вели к уничтожению остатков экономической замкнутости отдельных национальных районов, углубляли экономические связи между ними, способствуя развитию в рамках империи отдельных наций.

Однако те политические преимущества, которые предоставлялись австро-немецкому и венгерскому (после 1867 г.) капиталу, и другие факторы, связанные с политикой Габсбургов по отношению к национальным районам империи, способствовали тому, что и в 60—70-х годах XIX в. развитие капитализма в разных ее частях продолжало идти неравномерно.

Однако и в этих неблагоприятных условиях местный, национальный капитал — притом не только чешский, но в дальнейшем и хорватский, словенский и сербский — постепенно захватывал более прочные позиции. Формирование национальной буржуазии народов Австрийской империи не было единственным следствием экономических процессов, связанных с формированием общеимперского рынка. Другой их стороной явились миграции рабочей силы, вызванные разрушением феодальных порядков в деревне и ростом капиталистической промышленности в городе. Массовое появление крестьян в городах, которые ранее в значительной степени были онемечены, приводило к изменению их национального облика, что в свою очередь делало эти города центрами формирования наций.

Экономические аспекты развития стран не только Центральной, но в определенной мере и Юго-Восточной Европы свидетельствуют, что при всей сложности и замедленности процесса генезиса капитализма по сравнению с Западной Европой в этом ареале еще до завоевания национальной независимости и образования национальных государств, в условиях национального гнета сложились необходимые экономические условия для формирования наций.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 341.

³ Гандев Хр. Зараждане на капиталистически отношения в чифлишкото стопанство на северозападна България през XVIII в. София, 1962, с. 182; ср. с. 113—114.

⁴ Чистозвонов А. Н. Общее и особенное в процессе генезиса капитализма в странах Центральной и Восточной Европы: (Постановка вопроса).— В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972, с. 7.

- ⁵ Тодоров Н. Балканский город XV—XIX вв.: Социально-экономическое и демографическое развитие/Пер. с болг. М., 1976, с. 410. Отметим, что редактор русского издания книги В. Д. Конобеев не оспорил этого положения (см. там же, с. 8).
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 6.
- ⁷ Миллер И. С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения.— В кн.: Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы в XIX в. М., 1980, с. 404.
- ⁸ См.: Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969.
- ⁹ *Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.).* Warszawa, 1975.
- ¹⁰ Там же, с. 14, 335, 361.
- ¹¹ Сказкин С. Д. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1961.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.
- ¹³ Сказкин С. Д. К вопросу..., с. 28—29.
- ¹⁴ Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976, с. 215.
- ¹⁵ Никитин С. А. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале).— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Международные съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 65—66. С. Т. Калтахчян в другом месте своей книги (уже относительно к Польше) справедливо пишет о том, что признаки нации нельзя абсолютизировать и нация не обязательно возникает лишь тогда, когда налицо все условия ее образования (*Калтахчян С. Т. Ленинизм...*, с. 74).
- ¹⁶ Старую концепцию венгерских историков, объясняющую причины отставания Венгрии ее колониальным положением в габсбургской монархии, ныне можно считать отвергнутой исторической наукой (*Исламов Т. М. Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII—первой половины XIX в.*— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 9—11).
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 235.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В. И. Фрейдзон

Формирование наций в очень пестром по этническому и социальному составу, а также культурному уровню населения государстве, каким являлась феодальная, а после 1848—1849 гг. помещичье-буржуазная габсбургская монархия, проходило в условиях, определявшихся общественным строем Австрийской империи, историей ее образования, наконец, национальным составом соседних с монархией стран. В конце XVIII—первой половине XIX в. общим для всего «австрийского» территориального комплекса процессом был кризис феодального строя, быстро углублявшийся после наполеоновских войн, а в 50—60-х го-

дах XIX в.— утверждение капитализма. Результатами формирования имперского рынка пользовалась преимущественно крупная австро-немецкая буржуазия. Промышленный переворот второй и третьей четверти XIX в. и распространение новых средств транспорта повсеместно способствовали расширению ее экономического господства; государственная политика действовала в том же направлении (с 1851 г. была отменена таможенная граница между западной частью государства и Венгерским королевством). Аграрные реформы 50-х годов — следствие революции 1848—1849 гг.— окончательно определили развитие капитализма в сельском хозяйстве по так называемому прусскому пути. Полуфеодальные отношения или остатки их, в особенности в восточных и южных районах империи, сохранялись еще несколько десятилетий. Этим определялся и политический строй монархии, в 1867 г. принявший конституционную форму австро-венгерского дуализма, который являлся выражением классового господства австро-немецкого крупного капитала, немецких и венгерских крупных землевладельцев. Таковы были социально-экономические и политические условия формирования наций в Австрийской империи.

Особую проблему составляет история австрийской нации. Австрийские немцы (т. е. немецкоязычное население «наследственных земель») являлись господствующим этническим элементом в габсбургской монархии. Австро-немецкому населению были присущи особенности исторических традиций и связей, политических и культурных, корни которых уходили в средние века и которые выделяли его из всего населения Центральной Европы, говорившего на немецком языке. Эти местные особенности сказывались на его этническом самосознании: австрийские немцы одновременно считали себя «немцами вообще» и «немцами Австрии». Особая австрийская (австро-немецкая) нация сформировалась в XX в.— вне эпохи, которой посвящены наши исследования, и история этого процесса не является темой данной работы, посвященной неполноправным нациям габсбургской монархии. Специальных исследований требуют проблемы истории немецкого периферийного и «островного» населения (Чехии и Моравии, Трансильвании, Баната и др.). Здесь не рассматривается также проблема формирования итальянской нации, в основном не связанная с процессами внутреннего развития Австрийской империи.

Феодальный, а затем капиталистический, помещичье-буржуазный строй многонациональной империи по-разному влиял на процесс складывания отдельных наций, что было связано с социальной структурой и политическим положением каждой формирующейся нации. В классовой структуре народов имелись очень большие различия. Накануне и в начале формирования наций они в основном заключались в наличии или отсутствии национального дворянского класса, позднее все большее значение приобретали различия в масштабе и темпе процесса образо-

вания классов буржуазного общества. Магьяры, поляки в Галиции, часть хорватов (в Хорватии и Славонии, а также в Дубровнике, в 1815 г. вошедшем в состав империи) имели свой феодальный господствующий класс и в связи с этим — государственно-политическую традицию. Земли венгерской короны — Венгрия, Трансильвания, Хорватия и Славония — обладали разного масштаба провинциально-сословной автономией, в органах которой господствовало местное дворянство (в Трансильвании — венгерское). Другую группу составляли чехи, словенцы, сербы, словаки, румыны (влахи Трансильвании и Баната) и (западные) украинцы, которые либо не имели дворянства и феодальной государственности, либо в разное время полностью или в основном лишились национального дворянства. Аналогичной (неполной) была социальная структура хорватов в Далмации (кроме Дубровника) и Истрии и небольшой части поляков (в Силезии).

Основой процесса формирования наций было развитие буржуазных связей: торговли, мелкотоварного производства, а затем и капиталистических социально-экономических (производственных) отношений, складывание классов буржуазного общества, на ранней стадии — образование буржуазного уклада в рамках феодализма¹. Естественно, что этот процесс проходил неодинаково у первой и второй групп народов или их частей в Австрийской империи.

Условия формирования нации существенно различались в зависимости от того, входила ли она полностью (или в основном) в состав габсбургской монархии или ее большая часть находилась под властью других государств (России, Турции, Пруссии). Исключительное стимулирующее воздействие на национальный процесс имело развитие по соседству с Австрией национальных государств (румынского и сербского). Но вместе с тем в случаях, когда этническая территория народа оказывалась разделенной государственными границами, формирование нации было затруднено, а полное завершение процесса отодвигалось до политического объединения территории.

До середины XIX в. Австрийская империя являлась помещичье-дворянским государством, а в социально-экономической сфере здесь в конце XVIII в. — первой половине XIX в. все больший вес приобретало обуржуазивающееся дворянство. За исключением северо-западных районов империи — передовых в промышленном отношении австронемецких и чешских земель — помещик, ведущий торговлю хлебом и другими продуктами своего хозяйства, являлся центральной фигурой экономической жизни (в значительной мере это можно сказать и о северо-западных районах, особенностью которых было широкое распространение в помещичьих хозяйствах разных промыслов). С помещиком по преимуществу была связана развивавшаяся «своя» и инациональная торговая буржуазия. Крестьянин, пока он оставался в состоянии феодальной зависимости, был меньше помещика связан с рынком. А ведь крестьянство составляло основную массу

каждой формирующейся нации. Такой характер складывающихся буржуазных связей predetermined особым значительным удельным весом классовой идеологии дворянства в развивавшемся национальном самосознании и вызвал к жизни целый комплекс соответствующих национально-политических идей².

В данном контексте важно подчеркнуть, что процесс формирования национальной буржуазии (и интеллигенции), существенный для консолидации нации и становления идеологии национального движения, у наций, обладавших своим дворянским (феодалным) господствующим классом, происходил не только «снизу» — в результате разложения ремесла, выделения богатой крестьянской верхушки и т. д., — но и «сверху», путем социальной дифференциации дворянства, обуржуазивания части помещиков и т. д. (причем на ранней стадии развития капитализма значение этого факта, вероятно, было особенно важным). Дворянская политическая и культурная традиция в этих условиях использовалась буржуазией в национальных целях.

В связи с этим, изучая процесс формирования наций и национального самосознания, мы не можем упускать из виду наличие в эпоху кризиса феодализма и утверждения капитализма общеклассового социально-политического интереса национального дворянства. Этот интерес простирался на всю территорию формирующейся нации и обычно выходил далеко за ее пределы. Он охватывал земли, на которые распространялось социальное господство дворян данной национальности над крестьянской массой (примеры — Польша, Венгрия с их классом феодальных землевладельцев), либо территорию, которую дворянство хотело бы поставить под свой контроль. Так, у хорватов широкая территориально-политическая программа дворянства была сформулирована графом Я. Драшковичем в 30-х годах XIX в., до вступления на политическую арену буржуазии. Однако реальное значение этой программы «великой» Хорватии, т. е. восприятие ее всем дворянским классом, было несравненно меньшим, чем программа сохранения территориальной целостности многонационального Венгерского королевства или восстановления многонациональной Речи Посполитой в границах 1772 г. именно потому, что в пределах двух последних государств располагались многочисленные имения венгерских и польских помещиков.

Этот четко осознанный интерес целого класса, класса политически опытного и сплоченного в своих сословных организациях, национальные движения, возглавляемые дворянством и буржуазией, получали в «готовом виде» от предыдущей эпохи и использовали в своих целях³. Чешская праволиберальная буржуазия стремилась использовать в тех же целях «земские» традиции и сословные интересы немецко-богемской аристократии.

Социальное родство правящих кругов австрийской монархии с классом крупных землевладельцев некоторых формирующихся наций, а также традиционные политические позиции местной аристократии побуждали австрийское абсолютистское государ-

ство в первой половине XIX в. считается с определенными национальными требованиями венгров, поляков, хорватов (а также чехов), что прежде всего сказалось в более благоприятных условиях для развития их культуры и языка, а также в некоторых вынужденных политических уступках Венгрии и (в противовес ей) Хорватии до революции 1848 г. Однако на австро-польское и австро-венгерские отношения наложили отпечаток политический радикализм части дворянства неполноправных наций в период кризиса феодализма (шляхетская революционность) и нараставшее демократическое движение — борьба поляков и венгров за национальную независимость и конституционный строй. В конечном счете, однако, в 60—70-х годах XIX в. победила тенденция компромисса между социально-родственными силами помещичье-буржуазного общества разных наций. В результате перестройки империи на основе австро-венгерского дуализма упрочилось привилегированное положение венгерского и польского господствующих классов, что обеспечило лучшие — при данном общественно-политическом строе — условия политического и культурного развития этих наций в составе Австро-Венгрии.

В сравнении с другими народами, живущими в сходных экономических условиях, относительно более благоприятные условия развития социальной структуры, территориальная автономия, политические организации, значительное культурное наследие на родном языке, живые традиции освободительной борьбы, массовые революционные движения в XIX в. способствовали ускоренному формированию национального самосознания поляков и венгров⁴.

Но имелись и тормозящие факторы. В этнической среде, разделенной пропастью классового антагонизма, присущего феодальному и полуфеодалному обществу, значение политических институтов и традиций господствующего землевладельческого класса (в частности, элементов государственности неполноправных наций в системе габсбургской монархии) долгое время сказывалось преимущественно на национальном самосознании «верхних», или образованных, общественных слоев; воздействие их на массы было ограниченным, противоречивым. Крестьянство, далеко не чуждое этнического сознания вообще, видело в национальном движении «господское дело», и это сдерживало развитие его национального самосознания (польские крестьяне в первой — второй трети XIX в. в своем большинстве еще считали «поляками» лишь панов).

Представления крестьянства о сущности национализма помещиков имели веские основания. Консервативные и праволиберальные слои помещичьего класса добивались расширения национальных прав в интересах упрочения власти дворянства над массой «своих» и инонациональных крестьян, создания максимально выгодных для себя условий неизбежного перехода к новым производственным отношениям. Положение в деревне в во-

сточной части монархии в условиях дуализма — в конце 60-х годов — заметно ухудшилось, крестьянские протесты против усилившейся эксплуатации подавлялись еще более решительно, чем ранее.

Но от активизации сознания и общественной деятельности трудового населения зависел темп формирования нации. Народные массы всегда являлись основой этого процесса. Создание ими материальных ценностей и новых производительных сил приводило к развитию новых, буржуазных отношений и связей. На основе языка и духовных богатств народа вырастала культура нации. От размаха борьбы масс против феодализма зависело, в какой мере будет расчищена историческая арена для новых общественных отношений, формой которых являлась нация буржуазной эпохи. Классовая борьба, все виды освободительного движения формировали облик нации, как в период ее складывания, так и позднее. Таково было объективное значение и борьбы крестьянства — польского, венгерского, хорватского — против «национального» помещичьего класса в габсбургской монархии. Но крестьянство обычно в меньшей мере, чем против своего помещика, боролось против гнета габсбургского государства: вплоть до конца 60-х годов венское правительство небезуспешно осуществляло политику, в которой присутствовали элементы социальной демагогии. Крестьянству не хватало политического сознания, оно уже по своему положению в ряде областей Австрийской империи было наиболее «трудным на подъем» классом, когда дело шло о борьбе за политическую свободу, в частности свободу национальную. Поэтому историческое значение имела выработка демократической интеллигенцией «национальных идей», соответствующих классовым интересам эксплуатируемых масс.

У народов с неполной социальной структурой эпохи феодализма отсутствовали те относительно более благоприятные условия, которые на ранней стадии процесса облегчали формирование наций, имевших дворянский класс. В частности, отсутствовали государственно-политические традиции (или их приходилось «возрождать», как это делали чешские «будители», в особенности Ф. Палацкий в своих трудах по истории⁵⁾), и лишь в отдельных случаях имелись элементы «исторического права» (императорские «привилегии» XVII в. сербской православной церкви). Национальный гнет в этом случае, как правило, был более тяжелым (в сущности он был проявлением классового господства над «плебейской» массой народа) и подчас проявлялся в формах, угрожавших сохранению самобытности этноса, тогда как народы первой группы в худшем случае оказывались только в сильной политической (и экономической) зависимости, а их господствующие классы в свою очередь использовали все возможности для подавления национальных процессов у народов второй группы.

Роль государства в процессе формирования наций была огромной как на Западе, так и на Востоке Европы. Национальное государство, возникавшее в эпоху феодализма и развития буржуазии, представляло наилучшие условия для дальнейшего формирования классов буржуазного общества и консолидации наций (вместе с тем само это государство обычно являлось результатом складывавшейся общности социально-политических интересов представителей господствующего класса). Отсутствие национальной государственности лишало формирующуюся нацию одного из важных рычагов, обеспечивающих ее развитие, подчас ставило это развитие под угрозу. В Австрийской империи данное обстоятельство усложнило проблемы формирования всех неполноправных наций, но в особенности не имевших своего класса феодалов.

Поэтому материальные условия, которые вообще имели фундаментальное значение для формирования наций, у второй группы неполноправных народов австрийского государства играли особенно крупную роль, т. е. темп формирования классов буржуазного общества воздействовал здесь на консолидацию нации еще более непосредственно, чем в первом случае. Это хорошо прослеживается при сравнении истории чешской и других наций второй группы, различавшихся по темпу общественно-экономического развития.

У народов второй группы иной характер, чем в первом случае, имело формирование классов буржуазного общества. Источниками формирования буржуазии являлись в основном зажиточные слои, выделявшиеся из народной массы. Национальная интеллигенция по своему происхождению тоже в основном была «плебейской». Национальные процессы здесь были полностью связаны с расширением мелкотоварного производства и рыночных связей в период позднего феодализма, с втягиванием мелкого производства в эти связи посредством скупщиков, оптовиков — на раннем этапе очень часто представителей другой национальности (немцы, итальянцы, греки, сербы по преимуществу), с ростками мелкой и средней национальной буржуазии, связанной с капиталистической кооперацией, мануфактурой и лишь значительно позднее — с промышленной буржуазией и ее классовым антагонистом — пролетариатом.

Различные социально-исторические и политические условия жизни народов предопределили разный исходный уровень процесса формирования их национального самосознания и его разное социально-классовое содержание. У народов первой группы на заре формирования нации по крайней мере часть господствующего класса обладала более или менее развитыми элементами национального самосознания, хотя и сильно ограниченного сословными представлениями; у народов второй группы носителями сознания национальной принадлежности вначале выступали немногочисленные интеллигенты и представители торговых кругов. Однако в данном случае отсутствовал и тот тормозящий

распространение и углубление национального самосознания фактор, о котором говорилось (глубокий классовый антагонизм внутри народа). Наоборот, социальные противоречия здесь способствовали углублению национальных чувств в массе сельского населения (помещик говорил на другом языке, принадлежал к другой национальности).

Общность экономических связей нации создавалась на определенной территории, которая также представляла собой объективную материальную базу нации, одно из условий ее формирования. Территориально каждый народ Австрийской империи был тесно связан с другими народами, а на значительных пространствах проживало смешанное население (в Чехии, Моравии, Силезии, Галиции, Приморье, в Трансильвании, в северной и южной частях Венгерского королевства, т. е. на территории Словакии и Воеводины). Границы отдельных провинций включали разноязычное население (например, Штирия, Каринтия, Далмация). От территориального размещения народов зависели экономические связи между ними (но роль представителей той или иной национальности в осуществлении этих связей зависела от социальных структур отдельных народов). Экономические связи распространялись на территорию формирующейся нации и за ее пределы как в границах Австрийской империи, так и вне их. Так обстояло дело у румын, сербов, поляков⁶. Например, сербская буржуазия Венгерского королевства вела торговлю со странами Балканского полуострова, в том числе с сербскими землями — Сербией и районами, находившимися под османским господством.

Тенденция изменения социальной структуры разных частей формирующейся нации была общей: повсеместно, в том числе в разных (соседних) государствах, с разной интенсивностью происходило становление буржуазных отношений. И в этом смысле также можно говорить об элементах становления «экономической общности» формирующейся нации. Однако хозяйственные связи между частями народа (формирующейся нации) в разных государствах были подчинены интересам инациональных господствующих классов, эти связи могли ими нарушаться, временно ослабляться, что сказывалось и на национальных процессах.

Областные рынки, возникшие в габсбургской монархии еще при феодализме, охватывали части разных этнических территорий. Более того, нередко связи между отдельными районами национальной территории были слабее, чем их связи с соседними и более отдаленными инациональными областями. Итак, хозяйственные связи внутри формирующейся нации существовали наряду с международным рынком. Особенно тесные связи между представителями разных народов развивались в крупных экономических центрах имперского значения (Вена, Пешт, Триест).

В ходе промышленного переворота австронемецкий капитал выбивал почву из-под ног многих местных купцов и владельцев

старых мануфактур. Лишь части из них удалось освоить новые отрасли производства, не встречавшие ожесточенной конкуренции, либо стать клиентами крупных австронемецких компаний. Длительная неустойчивая социально-экономическая ситуация, а в большинстве областей государства — преимущественное развитие капитализма в сельском хозяйстве и в сфере добычи сырья, подчас резкие перемены направления потоков основных грузов в связи с прокладкой железных дорог — все это сказалось на состоянии местных экономических связей.

Аналогичные процессы не протекали безболезненно и в таком классическом национальном государстве, как Франция, приводя к упадку одни города и экономические районы и к быстрому возвышению другие (например, подъем Лиона в XIX в.), к резким сдвигам в социальной структуре населения. Но в Австрийской империи они означали изменение первичных экономических взаимоотношений между отдельными национальными районами и между социальными слоями разных народов, нередко вели к нарушению прежних, складывавшихся в течение длительного времени внутринациональных связей и в конечном счете — к обострению межнациональных противоречий. Благополучие той или иной национальной буржуазии и массы мелких производителей в несравненно большей степени, чем раньше, стало зависеть от сил, находившихся вне их влияния. Ущерб, который они могли понести, или выгоды, которые они приобретали, зависели от интересов господствующих классов Австрии, а после 1867 г. — и Венгрии. Так, например, железные дороги, проложенные от Вены к окраинам империи в 50—60-х годах, упрочили связи между словенскими землями, тогда как традиционные связи между хорватскими землями были ослаблены (дороги Вена — Любляна — Триест, Вена — Загреб — Сисак, Вена — Пешт — Южная Венгрия)⁷.

В результате промышленного переворота экономическое превосходство австронемецких и чешских земель над другими частями государства значительно усилилось. Некоторые старые экономические центры в национальных районах пришли в упадок, резко возросло общеимперское значение городов, расположенных на новых магистралях (Будапешт, Прага, Триест, Тишоара и др.). Экономика как промышленных, так и аграрно-сырьевых районов (к последним принадлежало большинство территорий неполноправных наций) все в большей мере ориентировалась на иностранный и имперский рынки; взаимосвязи между городом и деревней, социальное и географическое разделение труда все больше подчинялись воздействию мирового рынка.

В этих условиях обострение конкурентной борьбы, усиление давления инонационального крупного капитала на массу населения способствовали развитию национального самосознания и идеологии национализма.

Таким образом, в условиях многонациональной империи для формирования сознания национальной принадлежности угнетенного народа и всего комплекса идей и представлений, обозначаемых термином «национальное сознание», во многих случаях решающее значение имели не оформление, а тем более не консолидация национального рынка (процесс очень сложный и трудный), а социальные сдвиги, втягивание широких слоев населения в рыночные связи. Обуржуазивающиеся слои угнетенных наций осознавали трудности, стоявшие на пути к свободному развитию их хозяйственной деятельности (объективно — к монополюльной и беспрепятственной эксплуатации масс «своего» народа), ощущали препятствия созданию прочного национального рынка и выходу на рынок международный и вступали в борьбу за национальные права, против инонационального экономического и политического господства. Иной характер имел национальный протест широких трудовых масс мелких производителей города и деревни, разоряемых инонациональными помещиками и буржуазией. Трудящиеся массы страдали от разных форм социального гнета и национальной дискриминации и боролись против них. В частности, промышленный пролетариат был непосредственно заинтересован в равных возможностях получения работы независимо от языка и т. п., а в широком плане — в наилучших условиях своей классовой борьбы (т. е. в национальном освобождении и демократии). В национально-освободительном движении в определенных рамках выражалась временная общность целей разных социальных слоев, боровшихся за обеспечение лучших социально-экономических, политических и культурных условий развития. Каждый класс и социальный слой в национальном самосознании выражал свои классовые интересы.

При всех перипетиях социально-экономической перестройки в период промышленного переворота, там, где уже имелась национальная буржуазия и более или менее многочисленная интеллигенция, формирование национального самосознания, прежде всего — сознания национальной принадлежности, протекало успешно. Так обстояло дело почти у всех народов австрийской монархии, несмотря на значительные различия в конкретных условиях. Но там, где формирование более прогрессивной социальной структуры населения, в частности национальной буржуазии, было особенно затруднено (буржуазные связи на этнической территории осуществлялись в основном инонациональной буржуазией), процесс формирования нации встретился с особыми трудностями. Пример — история словацкого народа. Но и здесь национальный процесс не был остановлен, несмотря на гнет помещичье-буржуазного государства.

Вообще для процесса формирования наций в условиях многонационального габсбургского государства наряду с абсолютным уровнем экономического развития территории, занимаемой народом, большое значение имело соотношение социальных структур неполноправной и привилегированной (или господствующей)

нации. Так, Моравия, одна из наиболее развитых промышленных областей империи, долгое время отставала от Чехии по уровню национального самосознания чешского населения, вероятно, в связи с тем, что городское население (разные классы обуржуазивающегося общества) здесь было по преимуществу немецким и немецкая буржуазия распоряжалась львиной долей экономики. Аналогичная ситуация создавалась в городах словенских земель (в меньшей мере — в Крайне). Но процесс консолидации нации обеспечивался формированием классов и прослоек буржуазного общества (промышленного пролетариата, буржуазии, интеллигенции и др.), более интенсивным у чехов; тем самым нация постепенно получала все более прочное основание. В сербских районах Венгерского королевства ситуация была иной: здесь сербская буржуазия долгое время превосходила инонациональную по месту в торговле, город Нови-Сад стал важным средоточием общественно-политической и культурной жизни сербского народа. Развитие части сербской нации в Воеводине было обеспечено уже в первой половине XIX в.

Показателем успешного процесса формирования той или иной нации стало развитие городских национальных центров — этнических очагов, наиболее передовых по социальной структуре. Таково было развитие Праги уже в первой и тем более во второй половине XIX в.; несравненно более медленное, но все же неуклонное развитие Любляны, Загреба и других городов во второй половине XIX — начале XX в. Не только территориальные размеры, но прежде всего темп социально-экономического развития сельской округи при этом имел существенное значение. Сложные явления происходили в городах, расположенных на рубежах этнической территории. Например, в Триесте, центре мощного итальянского капитала и итальянского рабочего класса, население быстро пополнялось за счет пришлого югославянского (главным образом словенского) и итальянского населения, но югославяне в значительной части итальянизировались. Лишь в конце XIX — начале XX в. национальное самосознание югославян столь упрочилось, что итальянизация почти прекратилась⁸. Уже во второй половине XIX в. Триест, место самой значительной концентрации словенского населения — рабочего класса и буржуазных слоев, — стал важным центром словенского национального движения. Тот факт, что в Словакии до развала Австро-Венгрии не создано значительного национального городского центра, свидетельствовал о задержке развития социальной структуры формирующейся нации. Это угрожало ее будущему (стихийная и насильственная ассимиляция в последней четверти XIX — начале XX в. здесь была велика).

Как было отмечено, условия процесса формирования внутринациональных буржуазных экономических связей у большинства народов Австрийской империи определялись ролью их территории как аграрно-сырьевой базы империи. Трудности развития промышленности вызвали «расцвет» ростовщичества, развитие

в последней четверти XIX — начале XX в. сети кредитно-сберегательных касс, долгое время слабо связанных с промышленным предпринимательством. Их капиталы росли значительно быстрее, чем промышленность. Лишь в начале XX в. оживляется финансирование промышленности. Жертвой такого развития стал крестьянин.

Обычно крупная сберегательная касса, аккумулировавшая капиталы местных буржуа и сбережения мелких собственников, становилась финансовым центром целой округи. Постепенно связываясь между собой в союзы, эти классы охватывали всю национальную территорию, свидетельствуя о консолидации буржуазии в общенациональном масштабе. С помощью таких союзов национальная буржуазия вела конкурентную борьбу с капиталом господствующей нации. При этом национальная буржуазия выдвигала лозунг «спасения народа» (мелкого производителя) от немцев или мадьяр. В действительности «патриотические» кассы столь же рьяно распродавали имущество задолжавших крестьян, как и инонациональные капиталисты. Тем не менее, объективно в результате деятельности национальной буржуазии упрочивалась общность экономических связей в масштабе нации, т. е. происходил исторически прогрессивный процесс. Но это был противоречивый процесс формирования нации капиталистического общества, — нации, состоящей из антагонистических классов.

Экономические объединения буржуазии становились центрами ее идейно-политического воздействия на массы народа. Нередко они руководили политическими кампаниями, печатью, финансировали учреждения национальной культуры, но всегда при этом стремились направить общественное движение в русло, нужное национальной буржуазии или отдельным ее группировкам (так например, в югославянских землях Австро-Венгрии боролись между собой клерикальные и либеральные группировки, как правило, опиравшиеся на собственные экономические организации).

Антагонистический характер всех общественных связей в условиях развивавшегося капитализма побуждал буржуазно-помещичьи круги распространять идеи «национального единства». Всюду, где это удавалось, они осуществляли шовинистическую политику денационализации, ассимиляции (которую следует отличать от стихийного процесса сближения между народами и ассимиляции, вызванной объективными обстоятельствами экономического и культурного характера). Так поступали габсбургские власти, австронемецкие, венгерские, итальянские и польские помещики и буржуазия. Нации, имевшие свое дворянство и крупную буржуазию и хотя бы элементы государственности (автономия, официальный язык), проявляли особую способность привлекать к себе представителей инонациональной интеллигенции, чиновничества, буржуазии, лиц наемного труда, так как переход в их среду означал упрочение социального статуса.

Большой устойчивостью к ассимиляции отличались народы, достигшие более высокого уровня социальной структуры; незначительная ассимиляция была присуща также малоподвижной сельской среде. Наибольший размах она приобретала в условиях развитого капиталистического хозяйства, когда вырванные из деревни крестьяне попадали в крупные инонациональные города.

Существенным фактором, влиявшим на масштабы ассимиляции, была религиозная принадлежность. Общность религии резко повышала возможность ассимиляции (католики словенцы в Австрии рядом с католиками немцами и итальянцами; католики и протестанты словаки рядом с мадьярами, принадлежавшими к тем же религиям; православные сербы и православные румыны в Венгрии), тогда как религиозные различия часто становились для нее непреодолимым барьером. Этот барьер, правда, не приобретал столь же существенного значения, когда народы были очень близкими или едиными по языку (сербы и хорваты). Наличие национальной церкви и связанной с ней системы школ значительно укрепляло внутриэтнические связи и сдерживало ассимиляцию. Об этом свидетельствовала история той части сербского народа, которая оказалась под властью Австрийской империи⁹.

Итак, капитализм одновременно развивал многообразные внутринациональные и межнациональные связи, нес две тенденции — к внутреннему сплочению наций и к созданию межнациональных общностей, интернационализации всей жизни общества. В условиях многонациональной империи с ее пестрой социальной структурой и обширными районами истари смешанного населения имели место тенденции к переходу отдельных групп населения в состав других национальных общностей. Однако абсолютно преобладала нациообразующая интеграционная тенденция¹⁰.

Любопытно, что в тех случаях, когда политика ассимиляции была бесперспективной, имущие слои, отличавшиеся от массы народа по языку, относительно быстро меняли его; изменялось и их самосознание. Пример такой ассимиляции дает история формирования хорватской нации в Далмации, где значительная часть итальянских или ранее итальянизированных городских землевладельческих и торгово-предпринимательских кругов, а также интеллигенции во второй половине XIX в. примкнула к массе славянского населения, которая ранее видела в них чужаков¹¹. Подобные явления имели место и в других землях империи. В конечном счете, социальный интерес всегда приобретал решающую роль, хотя отдельные лица искренно руководствовались нравственными патриотическими соображениями.

В условиях многонациональной империи, когда государственная власть — орган инонациональных господствующих классов — подчас открыто использовалась для торможения и подавления прогрессивных национальных процессов, а территория формирующейся нации в большинстве случаев оставалась раздроблен-

ной в административном отношении, угнетенные народы были вынуждены прибегать к различным средствам самозащиты. Внутринациональные связи, объективные по своему содержанию (общность экономических связей, о чем уже говорилось, а также развитие общенационального литературного языка), могли более успешно развиваться лишь при целенаправленной деятельности участников национального движения. Так, например, развитие сети кредитно-сберегательных учреждений сознательно рассматривалось лидерами каждой национальной буржуазии в качестве средства упрочения позиций данной нации. Формирование общенационального литературного языка, протекавшее в национальных государствах в благоприятных условиях — на основе все более богатой сети массовых внутригосударственных коммуникаций политического, экономического и культурного характера, в габсбургской монархии требовало усилий «будителей», преодолевших немалые препятствия (например, долготелный запрет на издание национальных газет в Словении, Словакии или Восточной Галиции, даже сборников литературных произведений и т. д.).

В условиях относительно ограниченных внутриэтнических экономических связей и — в ряде случаев — отсутствия политической традиции и тем более этнического единообразия территории общность литературного языка приобретала исключительное значение для процесса формирования нации, в особенности на его раннем этапе¹². Кодификация общенационального литературного языка и преподавание на нем в школах, выход в свет грамматик и словарей в этих обстоятельствах знаменовали крупный шаг в сближении и слиянии отдельных локальных этнических диалектных групп, в преодолении местного патриотизма, в консолидации нации. Эта кодификация, как и закрепление общенационального языка в литературе, сама являлась следствием роста национального самосознания и вместе с тем была средством его дальнейшего упрочения. Поэтому творчество Й. Добровского, Й. Юнгмана, Ф. Казинци, Е. Копитара, Ф. Миклошича, Ф. Прешерна, В. Караджича, Б. Радичевича, Дж. Даничича, Л. Гая, И. Мажуранича, Л. Штура, М. Шашкевича и других деятелей культуры навсегда осталось в памяти народов¹³.

Ввиду отмеченных обстоятельств справедлива констатация Ю. Хлебовчиком различия в ходе процесса формирования нации на Западе и Востоке Европы (по нашему мнению, здесь следует иметь в виду неполноправные нации Востока Европы, в частности Австрийской империи, не обладавшие в XIX в. самостоятельной государственностью, тогда как в формировании наций господствующих было значительно больше общего). В первом случае: от общего государства к общему языку и затем к национальной общности, во втором случае: от общего языка к национальной общности и затем к собственному государству, т. е. среди условий формирования наций автор подчеркивает особое значение общенационального языка¹⁴. При всем том оба варианта сближали

самые важные моменты (к сожалению, в упомянутой книге именно этому не уделено достаточно внимания): объективная социально-экономическая основа процесса, формирование буржуазных связей и буржуазного общества, потребность в общенациональном языке для свободного развития товарного обращения уже в эпоху формирования буржуазного уклада в рамках феодальной формации. Очень часто языковой вопрос сознательно увязывался национальными деятелями с этой (социально-экономической) потребностью¹⁵, иногда же на первый план выступали аргументы политического и культурного характера. Но в конечном счете языковая проблема всегда была обусловлена развитием буржуазных связей в многонациональной империи.

Все сказанное свидетельствует о том, что в условиях этой империи освободительное движение народов оказывало большое воздействие на процесс формирования наций. Оно развивалось в самых разных формах¹⁶.

В частности, необходимой предпосылкой распространения национального самосознания являлось школьное образование на родном языке. На наш взгляд, по уровню грамотности населения, овладения им родным литературным языком можно в какой-то мере судить даже о темпе формирования нации¹⁷. Борьба за преподавание в начальной и особенно в средней школах на родном языке являлась одной из форм национального движения¹⁸. Следующей ступенью в борьбе за права родного языка было требование введения его в общественно-политическую жизнь — в администрацию, законодательство и т. д.

В истории народов с неполной социальной структурой (феодалного общества) борьба за развитие национального языка и утверждение его прав обычно составляла длительный и важный этап национального движения (его лишь условно можно назвать «культурно-языковым», так как в действительности эта борьба объективно имела общественно-политическое содержание: ее задачей был подрыв монополии инациональных господствующих классов в области просвещения, культуры и политики)¹⁹. У других народов монархии (польского, венгерского, хорватского в Хорватии и Славонии) эта борьба была менее трудной и менее продолжительной, раньше переплелась с политическим движением, с борьбой за демократизацию строя, за широкую автономию или независимость.

Пропаганда национального самосознания была важным средством усиления и сплочения политической армии движения. Интеллигенция черпала из сокровищницы народной культуры все, что могло быть использовано в этих целях. Огромную роль играла пропаганда политических и культурных традиций (у сербов и хорватов — героической борьбы против османского нашествия, у мадьяр — движения куруцев, у чехов — гуситства и т. д.), подчас трактуемых не только реалистически (лучшие исследования историков), но и в романтическом духе (идеализация прошлого). Так, тезис об «исконно» присущем славянам демократизме

следует оценивать не только критически (имея в виду его научную необоснованность), но и с точки зрения его воздействия на массы: этот тезис служил одним из аргументов в пользу реальных общедемократических требований в XIX в. Так, в 60-х годах в Словении ссылались на древнюю славянскую традицию народных собраний на полянах под священным деревом — это служило аргументом в пользу свободы митингов и демонстраций! В патриотических целях в Чехии даже были сфабрикованы рукописи эпических произведений, и, действительно, их опубликование вызвало широкие отклики не только в чешских, но и в других славянских землях, послужило развитию национального самосознания славянских народов.

В национальных целях использовались идеи «исторического права» народа на самостоятельность, дополняемые там, где это было нужно лидерам движения, аргументами, основанными на естественном праве (у хорватов, сербов, румын и др.); в качестве аргумента приводился и факт автохтонности народа (например, у румын и словаков)²⁰.

Наконец, развертывалась пропаганда элементарного сознания национальной принадлежности, особенно в патриархальной крестьянской среде; предавались осуждению и осмеянию разного рода локальные и некоторые иные исторически возникшие этнонимы и т. п. Национальному движению служили наука, художественная литература, театр, школа, печать, разного рода манифестации и др.

Но в максимальной степени формированию национального самосознания способствовали массовые освободительные движения, в особенности такого масштаба, как венгерская революция 1848—1849 гг. Революционная национально-освободительная борьба народов Австрийской империи (кроме итальянского) потерпела поражение, но не прошла бесследно. Революционное движение создало определенную идейно-политическую традицию, наложило печать на развитие национальной культуры, на формирование национального самосознания, т. е. ускорило процесс становления наций у венгров и поляков. У остальных народов подавление национального движения в годы революции имело аналогичные последствия: оно вызвало напряженную работу общественной мысли; радикальные и демократические круги анализировали причины неудачи, что также сказалось на общественно-политической жизни, культуре и национальном самосознании, т. е. на процессе формирования наций. Наконец, этот процесс стимулировался революционной борьбой данного и других народов вне пределов Австрийской империи — независимо от того, завершилась ли она в данный период успехом или временной неудачей (Италия, Балканы, Польша, Германия, Ирландия).

Разностороннее воздействие на процесс формирования наций, прежде всего национального самосознания, оказывала ситуация, в которой находились части данного или формирующегося этноса вне Австрийской империи — вся тамошняя обществен-

но-политическая жизнь, борьба за свободу, развитие культуры и т. д. Южные славяне габсбургской монархии ожидали коренных перемен в своем положении от решения Восточного вопроса, поляки — вплоть до середины 60-х годов XIX в. — от исхода борьбы своих собратьев в Королевстве Польском и т. д. Между частями каждого народа крепили политические, культурные и идеологические связи.

В результате активной, подчас самоотверженной деятельности ученых, писателей, публицистов, учителей, патриотически настроенных священников и др. национальное самосознание, прежде всего осознание своей национальной принадлежности, подчас опережало развитие социально-экономических связей. Нередко оно было следствием не только этих связей, но в большой степени — протеста против национального гнета. Однако при всех сдвигах в сознании народов в результате общественно-политической деятельности людей остатки прошлой эпохи (религиозное, локальное, сословное сознание) сохранялись долго, ибо полностью «возместить» недостаток объективной материальной основы нации (которая обычно с большой силой воздействовала на сознание самых широких масс) никакая, даже самая энергичная, деятельность была не в состоянии. Такая ситуация свидетельствовала о недостаточной зрелости процесса национальной консолидации²¹.

Нация — этносоциальная общность буржуазной эпохи. В. И. Ленин отмечал, что связь между людьми при капитализме имеет «антагонистический, полный колебаний и противоречий характер». «И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, *вынуждает* все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению... всех представителей данного класса *во всей нации* и даже в различных государствах»²². Эти общенациональные классовые связи основаны «на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и т. п. интересах»²³. Очевидно, что только при этих условиях можно считать социально-исторический процесс формирования нации *в основном* завершенным. По нашему мнению, хронологические рамки процесса, в результате которого изменяется сознание сотен тысяч и миллионов людей, как правило, следует определять приблизительно (имеющиеся в исторической литературе попытки «указать год» обычно неубедительны).

Как свидетельствует приведенный материал, все виды связей (общностей), в совокупности образующих нацию, — экономических (проникнутых социальными противоречиями), территориальных, культурных, языковых — составляют органический комплекс, становление которого сопровождается развитием национального самосознания, обусловленного идеологией разных классов, прежде всего сознания национальной принадлежности (не имеющего классового характера)²⁴. Действительно, от географического расположения, конфигурации территории данного

этнoса (даже от рельефа и почвы страны, наличия естественных водных путей) зависели развитие экономических связей и более или менее благоприятные условия развития нации²⁵. Формирование польской, украинской, сербской и румынской наций (до 1878 г. и хорватской) происходило несмотря на государственные границы, разделявшие их территорию (хотя и не могло полностью завершиться), при этом политическая раздробленность обусловила сохранение местных особенностей экономики, социальной структуры, быта и самосознания.

Границы распространения литературного языка во многих случаях в основном определяли пределы национальной территории, поэтому последние не всегда были ясны в начальный период формирования нации. Но вопреки мнению множества деятелей национальных движений общность языка — при всем ее значении в изучаемом регионе — не была абсолютным решающим фактором национального процесса. На первый план всегда выступали социальные интересы отдельных слоев населения. При формировании сербской и хорватской наций общность литературного языка и наличие сплошной сербско-хорватской территории не имели решающего значения. Воздействие факторов духовного порядка (особенности культуры, религии и др.) на формирование нации в отдельных случаях было различным и может быть понято в связи со всем комплексом национальных взаимосвязей (ср. роль религиозных различий у южных славян, с одной стороны, у румын, венгров и словаков — с другой). Но религиозная принадлежность влияла даже на экономические взаимосвязи там, где являлась элементом формирования разных наций (среди южных славян возникали организации торговцев и ремесленников в зависимости от религии их членов). В этих случаях религиозная принадлежность способствовала определению границ национальной территории.

Таким образом, ни одно из условий формирования наций не являлось единственным и абсолютным; в разные периоды у разных народов в развитии этого процесса сказывалось большее значение какого-либо из них (экономические связи, наличие элементов государственности и политических традиций, общность языка, территории, религиозная принадлежность, особенности культуры и др.). Но всегда определяющую роль играли глубокие социальные интересы разных слоев формирующегося буржуазного общества.

Именно поэтому, как уже говорилось, на особенностях и темпе формирования наций в многонациональной империи сказывалась социальная структура неполноправных наций.

В процессе становления нации различаются: этап ее возникновения (у некоторых народов — национального возрождения или «пробуждения») и этап дальнейшей консолидации нации, завершения процесса в основном, т. е. этап зрелости национальных связей. У большинства народов Австрийской империи со-

держанием первого этапа было создание национального ядра, когда в период перехода от феодализма к капитализму в какой-либо относительно развитой в социально-экономическом и культурном отношении географической области наметилась бóльшая и более ранняя, чем в других местах, интенсивность процесса развития всего комплекса внутринациональных связей, в частности возник городской центр, который постепенно приобретал все более существенное значение. Здесь действовали патриотические организации и учреждения (читальни, клубы, газеты, славянские матицы, экономические организации, очаги культуры и искусства) и интенсивнее, чем в других районах, формировалось национальное самосознание²⁶. Здешние национальные деятели стремились распространить свое идейно-политическое влияние на территорию, которую они считали национальной (в действительности, если это оказывалось возможным, и выйти за пределы территории складывающейся нации; экспансия всегда была присуща национальной буржуазии; в многонациональном государстве она облегчалась).

В зависимости от исторических условий национальное ядро охватывало бóльшую или меньшую часть нации, а по интенсивности и времени национального процесса больше или меньше опережало другие, периферийные районы. Иначе говоря, его роль в процессе формирования нации была разной. Сравним историю, с одной стороны, венгерской нации, где вообще трудно говорить о «ядре», поскольку процесс охватывал почти одновременно всю национальную территорию, хотя авангардная политическая и культурная роль Буды, Пешта и Пештского комитета несомненна, а с другой — хорватской и сербской наций, где активная роль ядра четко прослеживается длительное время: у хорватов это историческое королевство Хорватия с центром в Загребе, у сербов — Банат и особенно Бачка с Нови-Садом (Воеводина)²⁷ и во все возрастающей мере — вне пределов габсбургской монархии — княжество Сербия с Белградом; таким образом, у сербов процесс долгое время был двухцентровым; наконец, у чехов, очевидно, можно говорить о промежуточном варианте процесса: передовая роль Чехии (Богемии) с Прагой несомненна, но нация интенсивно, хотя с некоторым опозданием, формируется и в Моравии (с австрийской частью Силезии).

Революция 1848—1849 гг. для всех народов Австрийской империи сыграла огромную роль в процессе формирования наций. Наличие национального ядра накануне революции или вскоре после нее означало, что нация возникла, хотя все ее внутренние взаимосвязи еще были непрочными. В дальнейшем интегрирующее воздействие притягательных центров на остальные районы становилось все более интенсивным, как и борьба передовых общественных сил против консервативных, отсталых этнических представлений. В некоторых районах габсбургской монархии формируются революционно-демократические течения (у сербов, украинцев; наметилось это явление у хорватов). В идеологиче-

ски более или менее развитом виде они противопоставили свое национальное сознание идеям консервативного и праволиберального землевладельческого дворянства и либеральных и демократических (нереволюционных) буржуазных кругов (у поляков революционная демократия выступила в 40-х годах XIX в.). Капитализм усиливал мобильность населения, буржуазные отношения все более глубоко проникали в крестьянскую среду. Пролетарская идеология противопоставляет себя буржуазной. В разных районах Австро-Венгрии все эти важнейшие явления происходили во второй половине XIX — начале XX в. Рабочее движение воспринимает лучшие, наиболее прогрессивные традиции народов, способствует дальнейшему формированию демократической национальной культуры. Явственно сказывается антагонистический характер национальной общности эпохи капитализма.

В заключение вернемся к народам, территория которых входила в состав нескольких государств. Как отмечалось, этносоциальный процесс формирования нации в этом случае полностью завершался после политического объединения этнической территории, в условиях единого государства. Только здесь стало возможным возникновение единого класса пролетариата и класса буржуазии в общенациональном масштабе. Но и те неполноправные нации, этническая территория которых целиком находилась в рамках одного государства (в данном случае Австро-Венгрии), имели «не вполне завершенную структуру, поскольку они лишены собственной политической надстройки»²⁸. Действительное завершение процесса формирования «этносоциального организма», каким является нация, предполагает наличие национальной государственности²⁹.

В случае, когда этническая территория была разделена, в разных государствах на каждой части этой территории происходил более или менее особый этносоциальный процесс и создавались отдельные этносоциальные организмы (эсо), но обычно связанные между собой в культурном, политическом, социальном и, как правило значительно слабее, экономическом отношении. В отличие от обычных формирующихся наций такие эсо в большинстве случаев проявляли взаимное стремление к объединению. Эта тенденция находила выражение в идеологии, программах, организации и тактике массовых национальных движений. Именно наличие таких движений свидетельствовало о том, что процесс формирования единой нации не прервался. Хотя он происходил в своеобразных условиях, он подготавливал полное завершение складывания нации после воссоединения ее этнической территории.

Такие специфические эсо — части одной формирующейся нации — можно называть *парциальными этносоциальными организациями* (парциальными «нациями»), а процессы, их формирующие, *парциальными этносоциальными* (национальными) *процессами*.

Отсутствие же сколько-нибудь значительной тенденции к объединению было свидетельством формирования разных наций или народностей буржуазного общества. Например, в результате длительного разделения испано-португальской границей португалоязычного этноса в Испании сформировалась особая галисийская народность³⁰. Но несмотря на то что, например, этническая территория сербов также длительное время входила в состав разных государств, результат развития здесь был иной. Таким образом, от конкретных исторических условий зависело, являлись ли разные эсо парциальными (т. е. частями одной формирующейся нации) или разными нациями, находящимися в процессе складывания.

¹ Капиталистические производственные отношения являются высокой формой «буржуазных связей»; в них участвуют миллионы трудящихся. Но на стадии формирования наций руководство этими связями находилось в руках буржуазии и обуржуазивающихся слоев (об «экономической общности» нации см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 44—46).

² Имеется в виду отношение ведущих политических сил венгерской, польской и хорватской наций как к австрийскому государству и его господствующему классу, так и к народам с неполной социальной структурой (правда, что касается хорватов, их дворянство после 1848 г. отошло от национально-освободительного движения и мало влияло на его идеологию).

³ Вряд ли поэтому удачна встречающаяся в историографии характеристика национальной политики венгерского дворянства (например, в 1848—1849 гг.) как серии «ошибок». Это была политика, в которой венгерский помещичий класс был кровно заинтересован на протяжении более столетия, и принципиально иной политики он проводить не мог (хотя при этом ошибки тактического характера, несомненно, имели место).

⁴ У хорватов в небольших по территории Хорватии и Славонии дворянство было относительно немногочисленным, аристократия большей частью слилась с венгерским феодальным классом, в XVII—первой половине XVIII в. культура переживала упадок, авторы

писали на разных диалектах, общий литературный язык формировался медленно и деятелям национального возрождения пришлось решать трудные задачи.

⁵ *Smerda M.* František Palacký a česká národní ideologie v době obrození.— *Slovanský přehled*, 1976, N 3; *Havlík L. F.* Palackého koncepce počátků českých dějin a Slovanů v politickém programu národního obrození.— *Ibidem*.

⁶ Говоря о «территориальной общности», мы имеем в виду территорию, сплошь или в основном заселенную данным этносом независимо от политической раздробленности.

⁷ *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću Zagreb, 1972; *Фрейдзон В. И.* О некоторых условиях формирования хорватской буржуазии в Хорватии и Славонии в 50—60-х годах XIX в.— В кн.: *Славянская историография и археология*. М., 1969.

⁸ *Istra i Slovensko Primorje*. Beograd, 1952, s. 110.

⁹ Национальная церковь в условиях феодального строя и развивающегося в его недрах буржуазного уклада была важным социальным институтом. Высшая церковная иерархия являлась частью многонационального феодального класса габсбургской монархии. Сербь, не располагавшие территориальной автономией, все же как этническая общность («влахи», «иллиры») имели особые права в сфере религии и просвещения. Обладателем этих прав в условиях феодальной

- и полуфеодальной (после 1848 г.) структуры империи, естественно, являлась феодальная и полуфеодальная иерархия православной церкви. В данном контексте мы не останавливаемся на том консерватизме, который вносила церковь в национальное самосознание, и на борьбе прогрессивных сил против клерикализма.
- ¹⁰ Проблема ассимиляции в условиях капитализма посвящена часть монографии: *Chlebowski J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Srodkowej w dobie kapitalizmu.* Warszawa — Kraków, 1975.
- ¹¹ Италоязычные горожане составляли менее $\frac{1}{10}$ жителей провинции. Но Далмация — узкая приморская полоса, позади которой — обширные южнославянские районы Балканского полуострова. В сравнении с этой массой южнославянского населения итальянцы Далмации составляли незначительную величину.
- ¹² Крупнейший деятель словацкого национального движения 40—50-х годов XIX в. Л. Штур заявлял: «Народ, не имеющий никакого другого сплачивающего элемента, имеет, однако, такой в своем литературном языке» (Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981, с. 409).
- ¹³ Даже для мадьяр с их развитой политической жизнью борьба за обновление языка имела первостепенное значение. «Язык — еще не нация, но мы знаем также, что без языка нет нации», — писал Л. Кошут. См.: История Венгрии. М., 1972, т. 2, с. 99.
- ¹⁴ *Chlebowski J. Procesy...*, p. 18.
- ¹⁵ Пример — Словения, см.: *Vošnjak J. Spomini.* Ljubljana, 1905, s. 134—143.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И.* О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.
- ¹⁷ Данные о народах габсбургской монархии см.: *Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX века). М., 1971.
- ¹⁸ См., например: *Sidak J.* Jedno stoljeće u razvoju školstva u hrvatskim zemljama (1773—1874). — In: *Zbornik za historiju školstva i prosvjete.* Zagreb, 1975, N 9.
- ¹⁹ Нам приходилось отмечать это: *Frejdzon V. J.* Hnutí slovanských narodů v habsburské říši do dualizmu. — *Ceskoslovenský časopis historický*, 1976, N 5. Об особых трудностях борьбы за права языка у народов этой группы см.: *Zwittler F.* Slovenski politični prerod XIX. stoletja v okviru evropske nacionalne problematike. — *Zgodovinski časopis*, Ljubljana, 1965, l. XVIII.
- ²⁰ О значении исторических традиций см.: *Niederhauser E.* Problemes de conscience historique dans les mouvements de renaissance nationale en Europe Orientale. — In: *Acta historica.* Budapest, 1972, v. 18.
- ²¹ Полагаем, что этот вывод не противоречит повсеместному распространению общенационального этнонима, т. е. сознания этнической принадлежности (общности): такое сознание само по себе не свидетельствует о завершении процесса формирования нации. Некоторые народы издавна, еще на стадии феодальной народности, четко осознавали свою общность (например, мадьяры).
- ²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 207.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Об условиях формирования наций см.: *Калтахян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969 (2-е изд., 1976); *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973; *Он же.* Современные проблемы этнографии. М., 1981.
- ²⁵ См., например: *Hroch M.* Obrození malých evropských narodů. Praha, 1971.
- ²⁶ Характеристика ситуации именно в таких районах на ранней стадии складывания нации имеется в исследованиях: *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praha, 1968; *Hroch M.* K problematice formování buržoazního národa v Evropě. — *Ceskoslovenský časopis historický*, 1961, N 3.
- ²⁷ *Petrović N.* O nekim specifičnostima

razvilka srpske nacije u Habsburškoj imperiji.— Jugoslovenski istorijski časopis, 1970, N 1—2.

²⁸ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии, с. 36.

²⁹ О понятии «этносоциальный орга-

низм» см. там же, с. 32—37; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 15, 35—46.

³⁰ Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации.— Вопросы истории, 1967, № 1, с. 96.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛЬСКОЙ, ВЕНГЕРСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ НАЦИЙ

Л. А. Обушенкова

Анализ такого сложного социального процесса, как формирование наций, должен опираться по крайней мере на изучение четырех групп элементов, определявших как общее, так и особенное в этом процессе, а именно — социально-экономических, социально-политических, культурно-этнических и социально-психологических.

Одним из важнейших факторов в развитии нации является формирование внутреннего рынка, как выражение процесса развития капитализма, по крайней мере на большей части территории, занимаемой данным народом. Становление капиталистических общественных отношений и, следовательно, новой классовой структуры различными путями, прямо и опосредованно, влияло на формирование наций, развитие национального самосознания и национально-освободительного движения. Поэтому анализ этих процессов должен опираться прежде всего на рассмотрение группы *социально-экономических факторов* формирования наций. В этой группе особое значение имели: первоначальное накопление капитала и его формы, промышленный переворот, тип развития капитализма в сельском хозяйстве, формирование национального рынка и степень его развития, классовая структура общества.

Процесс формирования наций — этносоциальный процесс, неразрывно связанный с развитием политических или, точнее, общественно-политических структур и отношений. Поэтому при анализе этого процесса необходимо уделять особое внимание группе *социально-политических элементов*: наличию или отсутствию государственности и степени политической автономии, формам национального гнета и национально-освободительного движения (все это — на компактной этнической территории).

К группе *культурно-этнических элементов* относятся: язык и народная, т. е. фольклорная, культура, формы национальной культуры, использование языка различными классами данного народа, распространение языка и культуры господствующей нации, этническое самосознание. При этом следует иметь в виду,

что этническое самосознание как *социально-психологический* фактор, органически связано с перечисленными выше социально-политическими элементами.

Рассматривая все эти элементы процесса формирования наций, вероятно, следует оценить их одновременно и как факторы, обуславливавшие этот процесс, и как составные части. В самом деле, например, трансформация этнической, фольклорной культуры в развитую национальную культуру, или формирование национального рынка, или развитие национального самосознания и национально-освободительного движения — это и факторы развития нации, и составные элементы этого процесса, и его результаты.

Формирование каждой из трех наций — польской, венгерской и словацкой — имеет свою специфику; тем не менее можно отметить и присущие им общие моменты, рассматривая каждую из выделенных групп элементов особо.

Группа социально-экономических элементов. Определяющий фактор превращения народности в нацию — разложение феодальных и постепенное развитие капиталистических производственных и общественных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Зависимость процесса формирования наций от развития капитализма в конце XVIII—XIX в. обуславливала его сравнительную синхронность. Общим для трех складывающихся наций являлся также прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и замедленное развитие производственных и общественных отношений. Промышленный переворот развертывался приблизительно в один и тот же период и имел много общего в формах и методах. Общая черта — слабость национальной буржуазии.

Группа социально-политических элементов. Этнические территории поляков, венгров и словаков были насильственно включены в состав многонациональных государств (Австрии, России, Пруссии). Наличие национального гнета затрудняло процессы формирования наций, деформировало их. Польская этническая территория к тому же была разделена государственными границами.

Группа культурно-этнических элементов. У поляков, венгров и словаков нация возникла как результат трансформации соответствующей феодальной народности. Это означало, что у народностей уже сложились разговорный язык (с его диалектами и наречиями), элементы народной культуры (с локальными и социально-сословными различиями в бытовой культуре) и определилась компактная этническая территория. Наличие национального языка и народной культуры имело определенное значение для дальнейшего повышения однородности культуры¹, а также устойчивого развития этнического самосознания, что было особенно важно ввиду угрозы со стороны иноэтнических и инополитических объединений².

Группа социально-психологических элементов. Процесс постепенного превращения самосознания феодальной народности в национальное в каждой из трех стран отличался значительной спецификой³, но приводил к единому результату.

Подчеркивая общность основных факторов формирования нации и синхронность этих процессов в целом, необходимо указать и на различия в уровнях экономического развития, в классовой и социальной структурах общества, а также на особенности политического строя трех держав, в состав которых входили угнетенные народы.

Указанные группы элементов взаимосвязаны и оказывали комбинированное воздействие на процесс складывания наций. В частности, отсутствие национальной независимости означало для всех трех рассматриваемых народов то или иное нарушение административно-политической или хозяйственной целостности их территории. Польская этническая территория была поделена на три части и вошла в состав трех государственных организмов. В Словакии и Венгрии, входивших в состав Австрии, экономическая политика австрийских правящих кругов, развитие железнодорожной сети нарушали единство их исторически сложившихся экономических организмов. Одним из главных последствий инонационального господства в Польше, Венгрии и Словакии был замедленный и аномальный процесс формирования внутреннего рынка. Но слабость экономических компонентов процесса формирования нации вела к тому, что другие элементы приобретали повышенное значение. Поэтому в процессе формирования польской, венгерской и словацкой наций особенно велика роль национальной культуры. Деятельность в сфере развития и усовершенствования национального языка и культуры встречала активное и часто целенаправленное противодействие со стороны господствующей нации, что задерживало развитие и этого компонента нации.

Национальный гнет неизбежно вызывал отпор у угнетенных народов. Национально-освободительное движение поляков, венгров и словаков имело различные формы, но сам факт его развития позволяет указать на него как на типичное явление, свойственное процессу формирования указанных наций. В той или иной форме, с различной степенью результативности национальное движение стимулировало развитие национального самосознания, являясь в свою очередь показателем его уровня.

Специфические особенности процессов формирования указанных наций связаны со своеобразием исторического развития этих народов⁴. В весьма значительной степени они зависели от социальной структуры в период разложения феодального строя. Наличие или отсутствие национального господствующего класса — дворянства на этом этапе развития нации определило появление двух вариантов процесса формирования наций⁵. Первый вариант представлен аналогичными путями развития венгерской и польской наций (речь в данном случае идет о польских зем-

лях, потерявших национальную независимость в конце XVIII в.). Польские земли — Гданьское Поморье, Вармия и Мазуры, где национальное возрождение относится к XIX в., так же как и Словакия, представляют второй вариант.

Наличие у поляков и венгров класса дворянства, сохранившего свои привилегии, определяло и существование у них исторической традиции национальной государственности. Это имело большое значение как для углубления национального самосознания, усиливая чувство национальной гордости, так и для практической борьбы за свои классово-национальные права, ибо у дворянства имелись организационные навыки и в его руках находился местный административный аппарат (государственное и комитатские собрания в Венгрии, воеводские комиссии и высшие государственные органы власти в Королевстве Польском в 1815—1830 гг.). Дворянство было наиболее богатым и мобильным классом.

Начальный этап трансформации народностей в нации и развития национального движения в Польше и Венгрии был облегчен тем, что во главе формирующихся наций стояло дворянство, передовые представители которого восприняли и распространяли идеи Просвещения. Просветительский этап с его расцветом национальных идей совпал в этих странах с начальным этапом формирования наций. В польских и венгерских землях этот процесс начался раньше и проходил более интенсивно, чем в Словакии. Особое значение для идеологии и развития национального движения имело то обстоятельство, что ввиду слабости и малочисленности польской и венгерской буржуазии ее роль в процессе формирования нации дворянство выполняло не только на раннем этапе, но и в дальнейшем.

Польша потеряла независимость в момент, когда уже начался процесс превращения феодальной народности в нацию. В экономике наметились признаки кризиса феодальной системы; в идеологической области был поставлен вопрос о национальном развитии, в публицистике дискутировались проблемы понятий «нация», «родина», «патриотизм», национальное самосознание было присуще значительной части просвещенного дворянства, дворянской интеллигенции и духовенства⁶, уже оформился польский литературный язык⁷. Угроза потери национальной независимости заставила передовых представителей польского дворянства и духовенства развернуть широкую реформаторскую деятельность по оздоровлению политической системы страны в 60—90-х годах XVIII в.

Оживление национальной жизни в Венгрии в 80—90-е годы XVIII в. началось в условиях отпора ассимиляторским стремлениям Иосифа II, под влиянием идей Просвещения, а затем и Французской буржуазной революции. Именно после издания указа 1784 г. о введении в Венгрии немецкого языка в Буде состоялось первое театральное представление на венгерском языке, начал выходить первый венгерский литературный журнал⁸.

Среди представителей просвещенного дворянства усилился интерес ко всему национальному, в первую очередь к венгерскому языку. В 1790 г. было выдвинуто требование ввести венгерский язык в армии. Движение за обновление венгерского языка было начато Ф. Казинци в 1811 г., и к 1820 г. в основном было завершено создание венгерского литературного языка⁹, а в 1844 г. венгерский язык был утвержден государственным собранием в качестве официального. В 30-е годы преимущественно на средства дворян были основаны Венгерская академия наук и Национальный театр. К этому времени относится расцвет национальной культурной жизни¹⁰.

Таким образом, однотипные по своей сущности процессы разнятся хронологически. Более позднее национальное пробуждение в Венгрии в сравнении с Польшей объясняется тем, что для нее период Просвещения начался при отсутствии национальной независимости.

В обеих странах ведущая роль дворянства в процессе формирования нации придавала национальному движению сословно-классовую окраску. Это сказалось в содержании национальных программ и требований и в характере практической деятельности в моменты наивысшего напряжения национального движения.

Сформулированное представителями дворянства определение «нация» носило узкоклассовый характер. Этот термин в период Просвещения и в Речи Посполитой, и в Венгрии имел феодально-сословное содержание. В Польше «нация» — это шляхетское сословие. В конце XVIII в. лишь отдельные представители передового дворянства в идейном отношении сумели выйти за пределы сословных рамок. В частности, Ф. Езерский предлагал включать в понятие «нация» и простой народ. Впервые в истории Польши во время восстания 1794 г. представители мещанства были допущены к участию в работе высших государственных органов (в которых раньше безраздельно господствовала шляхта), а крестьянин мог выслужиться и стать офицером¹¹. В начале XIX в. рамки «нации» в дефинициях шляхетских идеологов постепенно раздвигаются, особенно после восстания 1830—1831 гг., под влиянием крепнущего демократического крыла в национально-освободительном движении. Однако сохраняется представление об исключительности шляхетского сословия. Существует культ шляхетского государства, шляхетской конституции 3 мая 1791 г.

Своеобразный характер носило представление о венгерской нации («нацио хунгарика») в конце XVIII — начале XIX в. В состав «нации» включались все привилегированные сословия независимо от их этнической принадлежности, т. е. нация — это господствующий класс. Традиционное представление о венгерской нации как о совокупности благородных сословий, не исчезает вовсе, а лишь видоизменяется. В 30—40-х годах XIX в. многие сторонники буржуазного пути развития допускают возможность

признания горожан и крестьян частью нации¹². Но сохраняет свое значение термин «венгерская политическая нация», т. е. обосновывается тезис о существовании в Венгерском королевстве единой мадьярской нации и неправомерности иных национальных движений¹³. Венгерское дворянство становится творцом и носителем идеи едионационального мадьярского государства¹⁴. Дворянская трактовка понятия «нация» была несовместима с правами угнетенных народностей польских и венгерских земель, с их борьбой за свои национальные права.

Дворянство в качестве руководителя национального движения выступало противником коренных социальных преобразований. Это становилось помехой распространению национального самосознания среди широких слоев крестьянства, основного класса тогдашних Венгрии и Польши, т. е. сужало социальную базу национально-освободительного движения, тормозило процесс формирования нации. Первое национально-освободительное восстание польского народа в 1794 г., в котором вначале активное участие приняли крестьяне, лишилось массовой опоры из-за нежелания помещиков провести в жизнь положения Поланецкого универсала, облегчавшего крепостнический гнет. Проект конституции, составленный венгерским дворянством в 90-х годах XIX в., вовсе не касался вопроса о социальных преобразованиях. Только члены Общества реформаторов включили пункт о ликвидации крепостничества в программные требования 1794 г.

В условиях приближающегося национально-освободительного восстания в Королевстве Польском большинство помещиков высказалось за сохранение барщины, а во время восстания 1830 г. крестьяне — участники вооруженной борьбы не освобождались от выполнения феодальных повинностей. Венгерские руководители революции 1848 г. из-за своей классовой ограниченности не смогли демократическим путем решить национальный вопрос, что ослабило революцию. Подобных примеров можно привести много. Классово-консервативная позиция представителей дворянского сословия задерживала поступательное развитие нации.

Таким образом, для формирования нации наличие класса национального дворянства в Польше и в Венгрии имело положительные и отрицательные стороны. Социальная структура общества во многом определила сходство процессов формирования венгерской и польской наций.

Процесс формирования словацкой и польской наций на землях, издавна отторгнутых от Речи Посполитой и в конце XVIII—XIX вв. входивших в состав Пруссии, протекал при отсутствии у них национального дворянства. Словацкий народ состоял из крестьян, мещанства, превращавшегося в мелкую городскую буржуазию, незначительной в количественном отношении интеллигенции, а также представителей духовенства — выходцев из первых двух групп. Отсутствие феодального господствующего класса в условиях национального гнета (а для Словакии двойного гнета — венгерского и австро-немецкого) создавало особенно не-

благоприятные условия для процесса трансформации феодальной народности в нацию. Особенности этого процесса можно суммировать таким образом: 1) отсутствие национального дворянства и инациональный гнет задержали начало национального возрождения словаков; 2) господство инационального класса помещиков и иностранного капитала обусловило слабое развитие национальной промышленности и практически отсутствие национальной буржуазии в XIX в.; 3) в связи с этим в Словакии в XIX в. не было крупного национального городского центра, который мог бы стать средоточием национального движения.

Процесс национального возрождения поляков Поморья, Вармии и Мазур, тормозившийся длительным инациональным господством и неполнотой социальной структуры, несколько отличался от словацкой модели. У формирующейся польской нации был исторически сложившийся национальный центр — Варшава, влияние которого распространялось на все польские земли независимо от разделявших их государственных границ. Польские национально-освободительные восстания 1794, 1830—1831, 1848, 1863—1864 гг. способствовали пробуждению и развитию национального самосознания поляков Поморья, Вармии и Мазур, зарождению у них чувства принадлежности к единому польскому народу.

Интерес к национальным проблемам пробудился у польского населения этих территорий в 20-х годах XIX в. Польские учителя упорно отстаивали право на преподавание родного языка в начальных школах, выступали в качестве просветителей. При отсутствии национального дворянства крестьянства оставалось основным хранителем национального языка и народных обычаев.

Первые признаки национального пробуждения в Словакии относятся к концу XVIII в., когда А. Бернолак и Ю. Фандли выдвинули положение о том, что словаки являются самобытным народом, отличающимся от остального славянства своим языком¹⁵. Тогда же поднимался вопрос об опасности онемечивания и мадьяризации словаков. В отличие от национального пробуждения у поляков и венгров выступления отдельных словаков за свободу родного языка носили весьма узкий характер. Их нельзя считать началом процесса национального возрождения, это скорее пробуждение научного интереса одиночек к этническому своеобразию, прежде всего к словацкому языку. Национальное возрождение приходится в Словакии на 30—70-е годы XIX в.¹⁶ Но так как во главе национального движения словаков в отличие от поляков и венгров в конце XVIII — начале XIX в. стояли представители непривилегированных сословий, их национальные постулаты наполнены более демократическим содержанием. Деятели словацкого национального движения применяли демократические критерии при оценке роли человека, подчеркивая необходимость его работы для общества, отмечали социальное значение народных масс. Выдвигался тезис о том, что не происхождение и богатство красят человека, а его личные достоинст-

ва, подчеркивалось, что крестьянство кормит все население. Уже в 80-х годах XVIII в. у Яна Грдлички с особой силой прозвучала мысль о словаках как народе, отличающемся общественными добродетелями и прежде всего — трудолюбием¹⁷ (ср. представление о польской и венгерской шляхетской нации в конце XVIII в.).

Выше отмечалась большая роль национальной культуры в процессе формирования наций в условиях инонационального гнета. Это особенно заметно на примере словаков. Но развитие словацкой культуры осложнялось несколькими обстоятельствами: наличием двуязычия (употреблением словацкого и чешского языков) и двух религий, отсутствием национальных политических традиций. Словацкая литература вплоть до конца XVIII в. не располагала собственным литературным языком. Она чаще всего традиционно пользовалась чешским¹⁸. Процесс формирования чешской нации и оформление чешского литературного языка достиг к концу XVIII — началу XIX в. более высокого развития, поэтому отстаивать чистоту словацкого языка было особенно трудно, тем более что некоторые представители словацкой интеллигенции считали словаков частью единого «чехословацкого» народа¹⁹. Словацкий и чешский языки влияли друг на друга. Но тот факт, что язык господствующего класса, венгерский, не был родственным словацкому, стимулировал создание и развитие словацкого литературного языка. Ассимиляторская политика господствующей нации играла роль катализатора сознания национальной самобытности широких слоев крестьянства²⁰. Так, в 1827 г. активный отпор лайошкомарнацких словаков вызвали преследования за употребление родной речи и вообще мадьяризаторские тенденции венгерского дворянства 20-х годов.

Словацкие национальные деятели периода национального возрождения осуществляли свою деятельность в двух планах: расширяли «будительскую» агитацию и стремились усовершенствовать словацкий язык. Национальная агитация среди словаков в отличие от аналогичной среди поляков и венгров была затруднена отсутствием у них национально-политической традиции, которую словаки стремились возместить идеализацией Великоморавского государства (как словацкого государства со словацким языком). Полякам на окраинных польских землях было в этом отношении легче, так как у них существовала многовековая традиция национальной государственности. В истории словацкого национального возрождения не только до принятия в 1843 г. шуруповского словацкого национального языка, но даже до преодоления раскола из-за вопроса о словацком литературном языке в начале 60-х годов языковой вопрос играл первостепенную роль.

В Австрийской империи вообще и в Словакии в частности начальное образование находилось на сравнительно высоком уровне. Это давало возможность донести печатное слово до крестьянина. Но периодические репрессии и мадьяризация средней

и высшей школ тормозили пополнение рядов национальной интеллигенции и сдерживали развитие нации.

Эпоха Просвещения послужила исходным пунктом национального пробуждения и оживления национальной жизни угнетенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы. На протяжении всего XIX в. национально-освободительная борьба других европейских народов активизировала общественную мысль поляков и венгров. Но особенно большое значение внешние влияния имели для словаков, ибо их национальное движение развивалось замедленными темпами. Так, национальные движения в Европе во время наполеоновских войн явились толчком к распространению идей национального единства словаков²¹. Под влиянием польского национально-освободительного восстания 1830—1831 гг., в котором приняли участие национальные словацкие деятели, и особенно «Молодой Польши», в программу словацкого тайного общества «Взаимность» включаются социальные проблемы. 1848 год, как известно, особенно активизировал национально-политическую мысль; определенное влияние на оживление национальных настроений в Словакии оказали события 1861—1864 гг. в Королевстве Польском.

Конец XVIII — первые две трети XIX в. — период развития капиталистических отношений в польских, венгерских и словацких землях. На польских и венгерских территориях национальное дворянство сохраняло ключевые позиции в экономике. Претерпевая социальную трансформацию, т. е. обуржуазиваясь, дворянство тем не менее сохраняло свою сословно-классовую ограниченность, что придавало национально-освободительному движению известные черты консервативности. Как мы отмечали, процесс формирования буржуазии в польских и венгерских землях был замедленным. Ведущим классом нации буржуазия становится только во второй половине XIX в., причем эту свою функцию буржуазия выполняет вместе с обуржуазившимся дворянством, которое после аграрных реформ сделало еще один шаг вперед по пути социальной трансформации. В Словакии ввиду отсутствия не только национального феодального господствующего класса, но долгое время и национальной буржуазии процесс зарождения и развития капиталистических отношений полностью регулировался инонациональными буржуазией и дворянством. В польских землях Вармии, Мазур и Поморья национальной буржуазии также не было.

Различия в ходе развития капитализма в польских и венгерских землях в определенной степени зависели от разного соотношения между уровнями экономического развития господствующей и подчиненной нации. Россия не была более развитой страной, чем Королевство Польское, Австрия же стояла на более высоком экономическом уровне по сравнению с Венгрией и польской частью Галиции. Это наложило отпечаток на характер промышленного переворота и процесс формирования внутреннего рынка в польских и венгерских землях, что в свою очередь опре-

делило экономические позиции и направленность национальных устремлений буржуазии и обуржуазившегося дворянства.

Промышленный переворот в Венгрии и Королевстве Польском приходится на одно и то же время — 30—80-е годы XIX в.²² Однако существовали и различия. Развитие текстильного производства в Австрии привело к почти полному свертыванию текстильных предприятий в Венгрии, а это была одна из наиболее значительных отраслей промышленности в предшествующую эпоху. Снятие в 1850 г. таможенной границы с Австрией приостановило развитие ряда отраслей венгерской обрабатывающей промышленности. Подъем венгерской металлургии и проведение по территории Венгрии железных дорог были вызваны потребностями имперского рынка, эти отрасли находились в распоряжении австронемецкого и чешского капитала. Венгрия превратилась в аграрно-сырьевой придаток Австрии, что отвечало интересам венгерских помещиков, получивших емкий австрийский рынок для сбыта зерна, но делало односторонним развитие экономики Венгрии. Представители обуржуазившегося венгерского среднего дворянства вплоть до 1867 г. подвергались дискриминации в отношении кредитов и не могли конкурировать с иностранным капиталом²³.

Для промышленности Королевства Польского не существовало таких жестких рамок и преград, как для венгерской. Промышленный переворот начался там в текстильной промышленности и постепенно охватил металлургию. Свободный доступ польских изделий на имперский русский рынок в первые годы существования Королевства Польского (1815—1830) содействовал развитию польской промышленности.

Роль иностранного капитала в польской экономике, хотя и значительная, была несравненно меньшей, чем в венгерской, причем влияние русского капитала не было преобладающим. В этой ситуации польская буржуазия²⁴ так же, как и венгерская²⁵, не возглавила борьбу за национальный рынок, а довольствовалась возможностью пользоваться имперским, не заняла руководящего места в национальном движении. И в Польше, и в Венгрии не возникло антагонистических отношений между буржуазией и дворянством, потому что национальное дворянство было лишено политической власти.

Итак, несмотря на некоторые различия в конкретных условиях формирования польской и венгерской нации, можно сделать вывод, что основные черты этого процесса были сходными из-за сходства в социальной структуре обоих народов.

Отсутствие национального дворянства и национальный гнет определяли значительно более деформированный, чем у поляков и венгров, процесс становления капиталистических отношений в Словакии, складывания внутреннего рынка и формирования словацкой национальной буржуазии. В XIX в. почти все крупные промышленные предприятия на территории Словакии принадлежали инонациональным хозяевам²⁶, а небольшая часть мелкого

обуржуазившегося словацкого дворянства, земянство, особенно после утверждения режима дуализма в 1867 г., превращается в часть общевенгерского господствующего класса. Венгерские помещики, получившие свободный доступ на обширный имперский рынок зерна, усилили нажим на словацких крестьян, увеличивая отработки, а главное, сгоняя их с земли. Постепенно образуется большая армия сельскохозяйственных рабочих.

Но относительно быстрые (в масштабах Венгерского королевства) темпы промышленного развития Словакии и становление капиталистических отношений в сельском хозяйстве во второй половине XIX в. обусловили образование сравнительно многочисленного словацкого рабочего класса. Этот процесс характерен и для польского Поморья. На металлургических предприятиях и судостроительных заводах крупных городов Эльблонга, Гданьска и Торуня сосредоточилось значительное число квалифицированных рабочих. Быстрый рост рабочего класса был связан с постройкой шоссе и железных дорог.

Местный (национальный) рынок в XIX в. в Словакии не сложился. Территорию Словакии венгерская и австрийская буржуазия включила в общевенгерский и общеперсский рынки²⁷. Местные рынки, которые расширялись по мере развития товарно-денежных отношений, не смогли преодолеть локальных рамок. Однако развитие капиталистических отношений в городе и в деревне во второй половине XIX в. влекло за собой рост мелкой словацкой буржуазии, которая с 40-х годов XIX в. начинает ощущать конкуренцию со стороны венгерских господствующих классов и включаться в национальное движение. Из ее рядов в значительной мере рекрутировалась национальная интеллигенция, представители которой играли роль национальных идеологов.

Словацкое крестьянство уже в феодальную эпоху являлось носителем этнического самосознания и хранителем национального языка. Эта традиция в дальнейшем поддерживалась преподаванием в начальных школах на родном языке. Национальная агитация среди крестьянства стала действовать после аграрной реформы 1848 г. Проникновение буржуазных отношений в пореформенную словацкую деревню создает и там устойчивую базу для национальной агитации, особенно после 1867 г., когда усилился произвол венгерских помещиков в отношении крестьян — венгерских и словацких. Политика мадьяризации Словакии, систематически проводившаяся с 70-х годов XIX в., уже не смогла привести к денационализации страны.

Таким образом, основные черты процесса формирования наций в Польше, Венгрии и Словакии прежде всего определялись социальной структурой народов этих стран. Отсюда — существенные черты сходства в ходе указанного процесса между Польшей и Венгрией и серьезные различия между этими странами и Словакией, а также частью западных польских земель, давно отторгнутых от Речи Посполитой.

- 1 *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 145.
- 2 *Новосельцев А. П., Пашуто В. П., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 27.
- 3 *Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И.* О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания: (конец XVIII—70-е годы XIX века).— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 125—149.
- 4 Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981, с. 361—366, 373—376, 385—395.
- 5 См.: *Фрейдзон В. И.* К проблеме периодизации процесса формирования наций у югославянских народов Австрийской империи.— В кн.: Доклады и сообщения советской делегации: III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Бухарест, 4—10 сентября 1974 г. М., 1974, с. 14—15.
- 6 *Łepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu: 1764—1870. Warszawa, 1967, s. 508; *Kowalski J.* U początków nowoczesnego narodu.— In: Polska w epoce Oświecenia: Państwo-społeczeństwo-kultura. Warszawa, 1971, s. 163—168.
- 7 *Lehr-Spławiński.* In: Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich. Warszawa, 1953, t. II, s. 62.
- 8 Очерки новой и новейшей истории Венгрии. М., 1963, с. 61.
- 9 История Венгрии. М., 1973, т. II, с. 99.
- 10 *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.) Warszawa — Kraków, 1975, s. 116.
- 11 *Jedlicki J.* Klejnot i bariery społeczne: Przeobrażenia szlachectwa w schyłkowym okresie feudalizmu. Warszawa, 1968, s. 214. См. также статью Н. П. Митиной и О. П. Морозовой в настоящей книге.
- 12 *Исламов Т. М.* Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII—первой половины XIX в.— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 26.
- 13 История Венгрии, т. II, с. 91.
- 14 *Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII—30-е годы XX века). М., 1971, с. 155.
- 15 *Butvin J.* K otázke vzniku a formovania novodobého slovenského národa v rokoch 1780—1848.— Historický časopis, 1974, r. XXII, s. 3, s. 383.
- 16 *Hroch M.* Tzv. odrození malých národů jako problém komparativního studia sociálních dějin.— Slezský sborník, 1970, r. 68, N 3, s. 228.
- 17 *Butvin J.* K otázke..., s. 386.
- 18 *Розенбаум К.* Значение контактов словацкой литературы с литературой славянских народов в период национального возрождения.— В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций: (XVIII—XIX вв.). М., 1974, с. 66. См. также статью Л. Н. Смирнова в настоящей книге.
- 19 *Колейка И.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964, с. 45.
- 20 *Hroch M.* K problematice formování buržoazního národa v Evropě.— Československý časopis historický, 1961, N 3, s. 386.
- 21 *Butvin J.* K otázke..., s. 391.
- 22 История Венгрии, т. II, с. 52—54; *Куля В.* Формирование капитализма в Польше. М., 1959, с. 83—84.
- 23 *Пах П. Ж.* Первоначальное накопление капитала в Венгрии. Будапешт, 1952, с. 111—119, 120—122.
- 24 *Куля В.* Формирование..., с. 98.
- 25 История Венгрии, т. II, с. 179, 180.
- 26 *Месарош Ю., Матула В.* Развитие национального движения, лишенного единого городского центра, на примере Словакии: Доклад на XIII конгрессе исторических наук. М., 1970, с. 28. См. также очерк В. Матулы в настоящей книге.
- 27 *Hroch M.* K problematice..., s. 387.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СЕРБСКОЙ И БОЛГАРСКОЙ НАЦИЙ

К. А. Струкова

Балканы в прошлом были регионом Европы, где из-за многовекового господства Османской империи процесс ломки феодальных и становления капиталистических отношений происходил значительно медленнее, чем в западной и даже центральной частях континента. Это сказалось в той или иной степени на всех сторонах социально-экономического, общественно-политического, национального и культурного развития балканских народов, осложнило и затруднило формирование качественно новых этносоциальных общностей — балканских наций. Вместе с тем возникновение буржуазных наций на Балканах в XVIII—XIX вв. происходило в русле общеевропейского процесса освобождения от пут отжившей феодальной формации, создания буржуазного общества, борьбы за национальное самоопределение.

Сербский и болгарский народы, соседние по территории, родственные между собой по происхождению и языку, имели во многом сходную историческую судьбу, близкие национальные интересы и чаяния, традиции сотрудничества во многих областях. Вместе с тем в развитии каждого народа были специфические черты, наложившие отпечаток на национальную экономику, социальную структуру населения, национальную культуру, особенности характера. Поэтому сравнительный анализ формирования сербской и болгарской наций представляет интерес.

Зарождение и развитие любой нации — процесс комплексный и многогранный. При его анализе в интересующем нас аспекте мы остановимся на тех признаках, которые в марксистско-ленинской литературе всегда считались основными для нации: территориально-этнической и языковой общности, факторах экономического, социального, политического, а также духовного порядка.

Как известно, нация возникает при определенных исторических условиях в результате трансформации одной или нескольких народностей. Граница, которая отделяет нацию от народности, — это процесс зарождения и развития капиталистических отношений в недрах феодального строя.

Время формирования сербской и болгарской наций в целом (с небольшими отклонениями) падает на один и тот же хронологический период — вторую половину XVIII—70-е годы XIX в. К началу этого важного исторического процесса и сербы, и болгары были лишены собственной государственности и занимали территорию, на которой ранее сложилась этническая общность каждого из названных народов. Сербская территория к этому моменту была расчленена границами двух империй — Османской и Австрийской¹ — и внутримперским административно-политическим и местным делением. В силу ряда исторических обстоя-

гельств, прежде всего иноземного нашествия, сербское население было компактным далеко не на всей занимаемой территории, перемешано с другими этническими общностями, как родственными и даже едиными по языку (хорваты, боснийские мусульмане), так и весьма отличающимися (немцы, венгры, румыны, турки, албанцы и др.). Наличие государственных границ и административных перегородок хотя и осложнило, но не воспрепятствовало процессу формирования сербской нации.

Болгарские земли полностью вошли в состав одного государства — Османской империи. При сохранении целостности этнической территории (административное деление не было серьезным фактором) компактность болгарского населения в ряде районов была нарушена поселением значительного числа турок, албанцев, черкесов, татар и других народностей. Создававшаяся национальная территориальная общность болгарского населения была разрушена границами, установленными в результате решений Берлинского конгресса 1878 г. Вхождение этих земель в состав разных государств изменило их дальнейшее развитие, прежде всего экономическое².

И сербская, и болгарская нации формировались как угнетенные. Но сербам, значительно раньше, чем болгарам, — на полстолетия с лишним — удалось добиться освобождения части своей территории и заложить на ней основы сербской буржуазной государственности. Важную роль при этом сыграли различия в условиях существования сербского и болгарского народов под османским игом.

Сербские земли были сравнительно слабо колонизированы турками. В XVII в. Белградский пашалык стал окраинной областью Османской империи, что значительно облегчало сношение с внешним миром. Австро-турецкие войны XVII—XVIII вв., двадцатилетняя австрийская оккупация северной Сербии (1719—1739) сильно подорвали основы османского господства. Сербская феодальная культура не подверглась таким ударам, как болгарская. В XV—XVI вв. сербский язык имел широкое распространение в Турции (наряду с турецким и арабским)³. В 1557 г. была восстановлена Печская патриархия, сохранявшая свой статус до 1776 г. Более 200 лет автономная сербская церковь в Османской империи объединяла сербское население под единой церковной властью, выполняла некоторые государственные функции, хранила традиции сербского средневекового государства. Сербский патриарх занимал положение верховного главы сербского народа в Османской империи. Как писалось в церковных документах того времени, у патриарха находился «престол всей сербской земли»⁴. Велика была роль церкви и в сохранении этнической целостности народа, его культуры, языка, обычаев, в борьбе против исламизации. В те периоды, когда сербская православная церковь подчинялась юрисдикции Константинопольской патриархии, влияние греческого духовенства в Сербии не имело значительной силы.

В рамках австрийского государства после великого переселения 1690 г. сербам удалось в известных границах сохранить автономию своей церковной организации. Сербская Карловицкая митрополия сыграла важную роль в сохранении этнического самосознания части сербского народа в Австрии, его внутренней взаимосвязи и целостности⁵. Несмотря на притеснения и ограничения, которым сербы подвергались в габсбургской монархии, условия экономического, общественно-политического и культурного развития, особенно после реформ Иосифа II, были здесь более благоприятны, чем у сербского народа в пределах Османской империи.

Положение болгарского народа по сравнению с сербским и другими соседними народами — греческим и румынским — в течение веков было, пожалуй, наиболее тяжелым. Из-за своего положения в центре европейских владений Османской империи, на перекрестке дорог из Европы в Азию, плодородия, болгарские земли были превращены в оплот османского владычества в Европе. В них была относительно высокой османская колонизация, постоянно располагались большие контингенты правительственных войск, отсутствовали какие-либо формы территориальной или административной автономии. Власть Порты и турецких феодалов была в болгарских землях наиболее полной. К тому же болгарские земли, как внутренние части Европейской Турции, в течение длительного времени были значительно более изолированы от внешнего мира, особенно от Западной Европы, чем другие балканские народы. Это относилось как к экономическим, так и общественно-политическим связям и влияниям. До начала 70-х годов XIX в. болгары не имели своей автономной церкви. Власть Константинопольской патриархии в болгарских землях привела к глубокому проникновению влияния фанариотов в область духовной и культурной жизни болгар, стала серьезным препятствием на пути формирования болгарской нации.

Иностранное господство привело к деформации социальной структуры сербского и болгарского феодальных обществ. В землях, находившихся под османским игом, сербский феодальный господствующий класс был или уничтожен захватчиками, или исламизирован, оставшись большей частью славянским по языку. В габсбургской монархии сохранялась часть сербской феодальной верхушки, хотя в значительной степени и она подверглась германской и мадьярской ассимиляции. К привилегированному классу крупных феодалов относились и высшие представители сербской православной церкви в Австрии.

Болгарский народ совсем не имел своего феодального господствующего класса, который был уничтожен османами в процессе завоевания.

Известно, что основным в процессе формирования наций является развитие буржуазных социально-экономических отношений — буржуазных производственных связей, складывание классов буржуазного общества. Для сербского и болгарского наро-

дов, как и для других славянских народов Восточной Европы с неполной социальной структурой феодального общества, данный фактор приобретал особую значимость. Исходным моментом появления и развития первых элементов капиталистических отношений был новый уровень рыночных связей, в ходе развития которых закладывалась и цементировалась экономическая общность различных частей национальной территории, постепенно очерчивались контуры национального рынка.

В сербских землях с конца XVIII в. наиболее прочные и оживленные экономические связи устанавливаются между областями по обе стороны Дуная и Савы — территорией Белградского пашалыка и Воеводины. В этот торговый обмен, хотя и менее интенсивно, втягивались и другие районы с сербским населением — Босния, Далмация, Герцеговина, Косово. До 60-х годов XIX в. Воеводина имела прочные связи и с Хорватией (где жило к тому же много сербов), нарушенные затем из-за изменения направления традиционных торговых путей в результате проведения железных дорог от Вены к Загребу и Сисаку.

Пути развития капитализма в Белградском пашалыке и Воеводине существенно различались. Несмотря на дискриминацию и ограничения, которым подвергались сербы в габсбургской монархии, сербская буржуазия зарождается раньше в южной части Венгерского королевства, где для этого существовали более благоприятные предпосылки, чем в Османской империи. Местом ее формирования был, как почти повсюду, город. Сербская торговая буржуазия в Австрии, постепенно став многочисленной и зажиточной, в конце XVIII в. (на Темешварском соборе 1790 г.) уже поставила вопрос о своих политических и культурных правах, о своей роли в сербском обществе не только Южной Венгрии, но и вне ее⁶. Экономическая отсталость сербских земель в Османской империи, низкий уровень развития городского ремесла привели к тому, что в Белградском пашалыке буржуазные отношения развились прежде всего не в городе, а в деревне. Основой их стало скотоводство, исконный сербский промысел. Новым классом в связи с этим являлась не городская, а сельская буржуазия. Сербские кнезы, воеводы Первого сербского восстания, были свиноторговцами, прасолами. И Карагеоргий, и многие воеводы продавали свиные гурты за Дунай, в Австрию. Скупщики приобретали свиней и у крестьян, тем самым вовлекая их в рыночные связи⁷.

В результате сложных исторических обстоятельств, в которых пришлось жить сербам в течение весьма продолжительного времени, переход от феодализма к капитализму в сербских землях протекал неравномерно, материально-производственная база капитализма в целом складывалась медленно, особенно промышленность и транспорт, что тормозило изменения в социальной структуре сербского населения.

Рыночные отношения в болгарских землях формировались в тесной связи с развитием производства и товарообмена на тер-

ритории всего Балканского полуострова. Внутренний рынок обширной Османской империи стимулировал местное производство, городское и сельское, способствовал накоплению капитала в руках болгар. В 30—50-е годы XIX в., а особенно после Крымской войны усиливается проникновение западных государств в экономику Турции. Соответственно, и болгарские земли активно вовлекаются в сферу экономического воздействия Западной и Центральной Европы⁸. Болгарский историк В. Паскалева считает, что основы национального рынка в болгарских землях были заложены во второй половине XVIII в., а его консолидация произошла в первой половине XIX в.⁹ Последнее положение представляется нам преувеличенным. Более реалистично, на наш взгляд, мнение С. А. Никитина, считающего, что национальный рынок в болгарских землях в основном сложился и экономическая общность стала реальным фактом к моменту освобождения, т. е. к 70-м годам XIX в. Но завершение этого процесса произошло после освобождения, когда экономические связи окончательно окрепли и оформились, приспособившись к тем границам, которые определились в 1885 г.¹⁰

Решающую роль в развитии новых производственных отношений в болгарских землях сыграл город, всегда занимавший большое место в экономической жизни многонациональной Османской империи. Но условия существования болгарских земель в рамках Османской империи (национальное угнетение, наличие чуждой военно-феодальной, а затем феодально-бюрократической государственной организации) делали развитие капитализма крайне медленным и мучительным. В продолжение более чем ста лет (с появления первых мануфактур во второй половине XVIII до конца 70-х годов XIX в.) здесь не смогла развиваться сколько-нибудь значительная фабричная индустрия¹¹. Все это, естественно, сказалось на темпах и характере становления классов нового буржуазного общества, прежде всего, болгарской буржуазии. Более значительная городская часть ее была занята в мелком производстве и торговле. Сельская буржуазия едва зарождалась, ибо национальное угнетение тяжелее ощущалось крестьянством¹². Характерно, что наиболее зажиточные представители болгарской буржуазии находились вне болгарской территории — в Константинополе, в центрах болгарской эмиграции в Румынии, Австрии, России. Взятая в целом, болгарская буржуазия была раздроблена, политически слаба, в значительной части чужда национальным идеям (преклонение перед греческой культурой, туркофильство). Она составляла небольшой процент населения. Крестьяне и ремесленники, мелкие товаропроизводители города и деревни, представляли основную, а что касается крестьян — и самую угнетенную часть болгарского народа.

Ядром формирования нации у сербов явились земли по обе стороны Дуная и Савы: в Австрийской империи — Воеводина с Нови-Садом, в Османской империи — Белградский пашалык, а

в XIX в. во все возрастающей мере — Сербское княжество с Белградом. У болгар это была центральная часть Старой Планины и Средней Горы¹³, где развились болгарские города и поселения городского типа, ставшие центрами торговли, ремесла, развивающейся мануфактуры и промышленности. Эти районы центральной части болгарских земель заняли головное место и в других сферах — культурной и политической.

Одним из важнейших составных элементов процесса формирования нации является становление национального самосознания. У угнетенного народа оно формируется в условиях национально-освободительного движения, все формы которого, просветительские и политические, активно воздействуют на его созревание¹⁴. Национальное самосознание вызревает постепенно, усложняется, дифференцируются позиции разных слоев и классов. Шаг за шагом оно охватывает массы народа. Впрочем, эта проблема имеет самостоятельное значение и мы лишь бегло коснемся некоторых ее сторон, а именно — вопроса о национальной дифференциации сербов с хорватами и стойкости локализмов.

Этническое родство, близость языков, культуры, обширная, в целом сплошная территория заселения при замедленном темпе и низком уровне капиталистических отношений затрудняли процесс национальной дифференциации между славянскими балканскими народами. Так, в первой половине XIX в., а иногда и в 60-е годы термины «хорват» и «серб» подчас еще не имели четкого национального содержания. «Серб» нередко являлся синонимом слова «православный»¹⁵. Национальная поляризация сербов и хорватов была связана в основном с вероисповеданием: сербы — православные, хорваты — католики. По мере развития буржуазных связей вширь сознание национальных различий между сербами и хорватами распространялось в народных массах (в частности, вносилось буржуазной интеллигенцией) на периферии национальных очагов¹⁶. У сербов в связи с особенностями их истории и наличием более многочисленной торговой буржуазии национальное самосознание развилось раньше и быстрее, чем у хорватов¹⁷⁻¹⁸.

Отсутствие в болгарских землях до 1878 г. какой-либо политической автономии замедляло процесс национальной консолидации болгарских этнических групп. Этническое самосознание населения здесь дольше сохраняло региональный характер в соответствии с административным делением Османской империи и так называемыми историческими областями. Наименование «Болгария» вплоть до 70-х годов XIX в. охватывало только часть болгарской территории (между Дунаем, Черным морем и Старой Планиной)¹⁹. Отсюда пестрота существовавшей тогда терминологии: болгары, мизийцы, румелиоты и т. д.

Национальное движение в различных формах и различной степени остроты было специфической чертой общественной жизни народов Юго-Восточной и Центральной Европы в период пе-

рехода от феодализма к капитализму. Поскольку в силу исторических условий главный носитель национальной идеи — буржуазия и ее глашатай — буржуазная интеллигенция — начали формироваться прежде всего у сербов в Южной Венгрии, то именно Воеводина стала центром сербского национального возрождения. Здесь сформировались сербское национальное самосознание, национальная идеология и национальная культура.

Национальное возрождение (первая половина XIX в.) было подготовлено периодом Просвещения. Идеи западноевропейского просветительства и рационализма, а также йозефинизма оказали значительное влияние на идеологическую жизнь Воеводины конца XVIII — начала XIX в. Критика верхушки сербской православной церкви, осуждение средневекового мракобесия и суеверий, борьба за торжество «здорового разума», за просвещение и культуру, дух патриотизма, стремление к пробуждению в народе национального самосознания — вот новые идеи, отразившие идеологию поднимающейся сербской буржуазии и нашедшие выражение в произведениях того времени. Особая роль в конкретизации национальной программы принадлежала Досифею Обрадовичу (ок. 1742—1811) — выдающемуся сербскому мыслителю, просветителю, литератору и национальному деятелю. В конце XVIII в. он ввел новое для своего времени понятие — «нация», «наша нация», «славяносербская нация», которое заключало в себе мысль о национальной целостности народа, означало рождение сознания сербской национальной общности независимо от государственных, административно-политических, местных и других разграничений²⁰. В состав «славяносербской нации» он включал жителей Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, Далмации, Хорватии, Срема, Баната и Бачки, говорящих на штакавском диалекте. Во взглядах Обрадовича не следует усматривать великосербских тенденций. Они были следствием крайней неразвитости процесса формирования наций и национальной дифференциации сербов и хорватов, двух близкородственных народов²¹.

В эпоху Просвещения в Воеводине развиваются школьное дело, книгопечатание, литература, растут научные интересы, особенно в области истории, начинает складываться литературный сербский язык на народной основе. Несмотря на свои культурно-просветительские формы, вся эта деятельность имела скрытую политическую направленность.

Белградский пашалык в культурном плане сильно отставал от Воеводины, но здесь в XVIII в. происходил подъем освободительного движения, связанного, как и прежде, с австро-турецкими войнами. Участие в последних и особенно широкое четническое движение 1788 г. дали сербам большой военный опыт, позволили выработать тактику борьбы с турецкими войсками, что в известной мере способствовало успеху национально-освободительной борьбы против Османской империи, начавшейся в 1804 г.²²

Первое сербское восстание, носившее характер национальной революции, явилось переломным моментом в процессе формирования сербской нации. Оно существенно повлияло на созревание национального самосознания у сербов, подтолкнуло формирование сербского литературного языка, зажгло факел национально-освободительных движений на Балканах, укрепило связи между сербами с южных и северных берегов Дуная и Савы и, что важнее всего, создало базу для борьбы сербского народа за национальные права, национальное освобождение и собственную государственность²³.

События в северной Сербии, открывшие новые перспективы в решении национального вопроса, подтолкнули Обрадовича к пересмотру сложившихся ранее представлений о путях освобождения сербов от османского ига, их национальном будущем и роли Австрии в этом вопросе. До Первого сербского восстания Обрадович, будучи сторонником просвещенного абсолютизма, говоря о национальном освобождении, имел в виду только ту часть сербов, которая находилась под османским гнетом. Отныне же, по мысли Обрадовича, центром возрожденного сербского государства должна была стать повстанческая Сербия. Переезд Обрадовича в 1807 г. в Сербию завершил его идейное развитие от умеренного представителя Просвещения до деятеля буржуазной национальной революции²⁴.

Сербская нация мужала не только на полях сражений. В первой половине XIX в. на высокую ступень поднялся процесс формирования сербской национальной культуры. Подъем общественно-политической мысли вызвал к жизни периодические издания, отражавшие идеи национального возрождения: «Даница» Вука Караджича, «Гласник Друштва српске словесности» и др. Были заложены основы исторической науки и языкознания, значительных успехов достигли все виды искусств, особенно художественная литература. Создавались типографии, появились книжные магазины. В 1826 г. в Пеште была создана Матица сербская. Действовали различные студенческие общества. Возрос интерес к народному творчеству. Происходило дальнейшее развитие и оформление национальной идеологии сербской воеводинской буржуазии. На ее формирование оказали влияние и популярные тогда идеи славянской взаимности.

В условиях национального угнетения, в которых жили сербы и в Австрии, и в Турции, одним из существеннейших факторов сплочения сербов в единую нацию и залогом развития национальной культуры явилось создание общенационального литературного языка. Подлинным реформатором сербского языка явился Вук Караджич (1787—1864). В основу литературного языка он положил живой народный язык, а правописание сделал фонетическим. Новый литературный язык коренным образом отличался от старого славяно-сербского языка. Он утвердился к середине XIX в. в результате ожесточенной борьбы с противниками реформы Вука и сильно повлиял на формирование западного

(хорватского) варианта общего сербскохорватского литературного языка.

С начала XIX в. новым центром сербского просвещения становится Белград. Усилиями Обрадовича и при содействии воеводинской интеллигенции, помимо Великой школы, здесь была открыта и семинария (1810). В 1813 г. османские власти их ликвидируют и только в 1831—1836 гг. эти учебные заведения возобновляют свою деятельность. Создание вассального Сербского княжества, нуждавшегося в собственных кадрах для новых органов государственного управления, организации экономики, обороны страны и т. д., определило дальнейшее развитие учебной сети в столице: в Белграде были созданы лицей (1838), инженерная школа (1846), военная академия (1850), сельскохозяйственная школа (1853). Учащиеся лицея поддерживали связи с сербской студенческой молодежью Воеводины.

Пути развития сербского национально-освободительного движения в XIX в. были сложны. Освобождение и объединение сербов независимо от государственных границ, восстановление сербской государственности путем вооруженного восстания — такая программа борьбы была достаточно четко сформулирована в Сербии уже в 1806—1809 гг. Национально-политическая мысль при этом опиралась на живую традицию, восходящую к эпохе феодального государства Неманичей и сохраненную в сознании народа²⁵. Как известно, итоги двух сербских восстаний были значительно скромнее. В результате тяжелой и длительной борьбы против османского господства сербы смогли освободить лишь малую часть своей земли. Отныне вопросы дальнейшей борьбы с Османской империей за ликвидацию сюзеренитета султана над Сербским княжеством, за освобождение от власти османов других сербских территорий концентрируются в руках руководителей внешней политики молодого сербского государства. В 1844 г. И. Гарашанин создает план внешней политики Сербии — «Начертание». Созданная программа была буржуазной и великосербской. На развалинах Османской империи предусматривалось создание сильного и независимого южнославянского государства, в котором Сербия и сербская династия призваны были играть руководящую роль. Эта программа на долгие годы стала основой внешней политики официальной Сербии. Государственные деятели страны рассчитывали добиться ее осуществления путем дипломатии и войн. Подготовка восстаний в славянских областях Османской империи планировалась как вспомогательное средство, должное послужить интересам правящих кругов Сербского княжества.

Новая, более прогрессивная общественная сила — либеральная буржуазия, появившаяся на политической арене Сербии в конце 50-х годов XIX в., рассматривала вопросы освобождения и объединения сербов в тесной связи с национально-освободительным движением других балканских народов.

Национальное движение в Воеводине, пройдя через борьбу

за территориальную автономию сербов в Австрийской империи, отдав дань увлечению австрославизмом, пришло к пониманию исторической необходимости объединения всех сербских земель в единое независимое национальное государство.

В августе 1866 г. на съезде в Нови-Саде прогрессивные буржуазные круги Сербии и Воеводины создали независимую от белградского правительства общесербскую организацию «Объединение сербской молодежи» (Омладина). Хотя Омладина открыто не ставила перед собой политических задач, вся ее деятельность с момента возникновения и до запрещения властями Австро-Венгрии в 1871 г. была направлена на подготовку политического единства сербских земель. Появление Омладины и сербской Национальной партии Воеводины югославский исследователь Н. Петрович считает политическим выражением того факта, что процесс конституирования сербской буржуазной нации, особенно ее части, находившейся в составе габсбургской монархии, был завершен в 60—70-е годы XIX в.²⁶

Прогрессивность Омладины состояла в том, что она явилась вестником новой эпохи, эпохи буржуазной демократии и новых капиталистических отношений, необходимым, исторически обусловленным звеном в непрерывном развитии общества²⁷.

Путь национально-освободительной борьбы болгарского народа был значительно более долгим, чем соседних балканских народов — сербского, греческого, румынского. Главная причина этого — характер османского владычества в болгарских землях, наличие второго — духовного ига фанариотов. Была полностью прервана государственно-политическая традиция, на которую можно было бы опереться в борьбе за национальную самобытность. Константинопольская патриархия отдала в руки греческого духовенства болгарскую церковь и школу. Поэтому так велика была роль знаменитой «Истории славяно-болгарской» (1762) Паисия Хилендарского, начертавшей путь и основное содержание зарождавшегося болгарского национально-освободительного движения: борьба за национальное просвещение, церковно-национальную самостоятельность и политическую независимость²⁸.

Со второй половины XVIII — начала XIX в. в болгарских землях начинается движение за национальное просвещение и национальное самоопределение. В первой половине XIX в. оно принимает более осязаемые формы. Образованные и патриотически настроенные представители формировавшейся болгарской буржуазии и интеллигенции понимали, что в новых общественных условиях судьбы народа, его будущее тесно связаны с развитием национальной школы, литературы и других областей духовной культуры. Наряду с созданием национальной школы, протекавшим в острой борьбе с греческим засильем в духовной жизни, расширялось книгопечатание, зарождалась и развивалась новоболгарская литература, с 40-х годов XIX в. — болгарская журналистика; закладывались основы театрального и изо-

бразительного искусства. Болгарская культура периода национального возрождения была проникнута высоким патриотизмом, способствовала национальному и политическому пробуждению болгарского народа, его сплочению, оказала большое влияние на духовный облик болгарской нации.

Условия формирующегося болгарского буржуазного общества требовали создания широкого коммуникативного общенационального литературного языка на народной основе. Это являлось одной из важнейших и первоочередных задач общенационального значения. Однако его создание и распространение в силу целого ряда причин происходили сравнительно медленно. В этом заключалась одна из особенностей процесса формирования болгарской буржуазной нации²⁹. Помимо недостаточно быстрого созревания необходимых социально-экономических и общественно-политических предпосылок для развития новоболгарской литературы и школы, создание литературного языка задерживали длительные, острые споры о его характере, выборе диалектной базы и многое другое³⁰. Если истоки новоболгарского литературного языка восходят к «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского (1762), то собственно историю современного болгарского литературного языка можно начинать только с 20-х или даже с середины 30-х годов XIX в.³¹ И лишь в 60—70-е годы XIX в., когда был практически решен вопрос о диалектной основе болгарского литературного языка (ею стали болгарские центральнобалканские говоры), был сделан существенный шаг вперед в создании общенационального языка. Но, по мнению болгарских ученых, даже после освобождения болгарский литературный язык оставался одним из наиболее медленно развивавшихся элементов болгарской культуры³².

Параллельно разворачивалась борьба за самостоятельную национальную церковь, ибо духовное иго фанариотов было серьезным препятствием на пути утверждения национального самосознания, формирования болгарской нации. Борьба за национальную культуру и национальную церковь, в которой под руководством буржуазии и интеллигенции приняли участие широкие народные массы, явилась подготовительным этапом болгарской национальной революции³³. В 1870 г. созданием Болгарского экзархата победоносно завершилась борьба за церковную самостоятельность. Помимо этой борьбы, имевшей скрытые политические тенденции, предпринимались и чисто политические акции, формировалась политическая программа болгарского национально-освободительного движения³⁴. Второй этап национальной революции, по мнению Д. Косева, наступил с момента создания в начале 60-х годов XIX в. под руководством Г. С. Раковского организованного национально-революционного движения.

В новую, более высокую фазу развития болгарское национально-революционное движение вступило в 1870-х годах, когда в Болгарии быстро созревала революционная ситуация. Не-

поисильный социальный и национальный гнет толкали крестьян и трудящиеся массы города к революции. В свержении чужденационального ига были заинтересованы средняя и мелкая буржуазия, интеллигенция. Переходу к новым формам борьбы способствовало и то обстоятельство, что к 1870 г. процесс формирования болгарской нации был в основном завершен и условия для завоевания национальной независимости созрели³⁵. Политическое освобождение стало единственной национальной задачей³⁶. Вершиной болгарской национальной революции явилось Апрельское восстание 1876 г. Болгарская революция и по содержанию, и по характеру была национально-демократической³⁷. Крупная болгарская буржуазия выступила против восстания. Ее предательское поведение — одна из причин слабой подготовки Апрельского восстания и его неудачи³⁸. Но подвиг народа был не напрасен. Апрельское восстание 1876 г. повлекло за собой военное вмешательство России в события на Балканах. В результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. болгарский народ получил национальную независимость, были заложены основы болгарской буржуазной государственности.

Приведенные выше факты показывают, что главным препятствием на пути складывания сербской и болгарской наций было иноземное владычество. Оно деформировало и замедлило важнейшие исторические процессы у обоих народов. Но национально-освободительное движение сербов, находившихся в рамках двух, а после создания Сербского княжества — трех государств, т. е. в совершенно различных условиях, в целом развивалось в более благоприятной ситуации, чем болгарское, так как хотя болгарский народ целиком находился в пределах одного государства, но государства крайне реакционного по социально-политическому строю. На ряд иных причин уже указывалось: более прочные традиции феодальной культуры, как и государственно-исторические традиции у сербов, церковно-культурная автономия в Османской империи (длительное время) и в габсбургской монархии, другие различия в положении сербского и болгарского народов в рамках османского государства, роль Воеводины в процессе формирования сербской нации.

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание еще на некоторые моменты, имевшие существенное значение. При наличии национального ядра в болгарских землях в то же время не было национального объединяющего городского центра, как Белград в Сербии и Нови-Сад в Воеводине. Ведущие болгарские культурные деятели, как и крупная буржуазия, действовали вне болгарской этнической территории — в Константинополе, Румынии, Сербии, Австрии, России, где издавали болгарские газеты и журналы, печатали учебную, художественную и другую литературу. До начала 70-х годов XIX в. политическая деятельность представителей болгарского буржуазного и революционно-демократического лагеря также проходила преимущественно за пределами родины. Другими словами, наиболее активные силы

формирующейся нации сосредотачивались вне ее границ, дробились между различными пунктами, не всегда достаточно между собою связанными.

- ¹ В Османской империи сербы населяли Белградский пашалык, ряд районов Боснии и Герцеговины, в Австрийской империи — часть Триединого королевства, южные районы Венгерского королевства (Воеводина), часть Военной границы.
- ² *Никитин С. А.* Общие черты и специфические особенности формирования наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале). — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов (Прага, август 1968): Доклады советской делегации. М., 1968, с. 65.
- ³ *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига: XV — начало XIX в. М., 1958, с. 29.
- ⁴ Там же, с. 47.
- ⁵ Вместе с тем нельзя забывать и об отрицательных сторонах господства православной церкви в общественной жизни сербского народа на начальном этапе формирования сербской нации: консервация отживших представлений и догм, мешавших развитию прогрессивной идеологии, светской культуры, национального литературного языка. Подробнее см.: *Лециловская И. И.* Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу. — В кн.: Славяне и Россия. М., 1972; *Богданов М. Б.* Исходные основы и главные тенденции формирования сербской национальной культуры. — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.
- ⁶ *Богданов М. Б.* Исходные основы и главные тенденции формирования сербской национальной культуры.
- ⁷ *Никитин С. А.* Общие черты..., с. 70—71.
- ⁸ *Паскалева В.* За някои особености и фактори в образуването на българската нация през първата половина на XIX в. — Изв. на Института за история. София, 1966, т. 16—17, с. 422, 429, 446.
- ⁹ *Паскалева В.* За началния етап в образуването на българска нация. — Исторически преглед, 1962, № 6, с. 41.
- ¹⁰ *Никитин С. А.* Общие черты..., с. 70.
- ¹¹ *Косев Д.* Априлското въстание — връхна точка на българската национално-демократическа революция. — В кн.: Априлското въстание 1876—1966. София, 1966, с. 9.
- ¹² *Паскалева В.* За началния етап...
- ¹³ *Куртеев Н.* Формиране на българската буржоазна нация, ч. I — Годиници на Софийския университет. София. Идеологически катедри, т. VII, 1964, с. 113, 127; *Венедиктов Г. К.* Диалектна основа българското литературно езика и българското книгопечатание в епоху възрождения. — Вопросы языкознания, 1971, № 4, с. 74.
- ¹⁴ Освободителное движение народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981, с. 407—413.
- ¹⁵ *Фрейдзон В. И.* Об особенностях формирования нации в хорватских землях. — Сов. славяноведение, 1969, № 4, с. 60.
- ¹⁶ Т. е. у сербов — за пределами княжества Сербии и Южной Венгрии, а у хорватов — вне территории исторического «Королевства Хорватии» (там же). См. также: *Hadžijahić M.* Formiranje nacionalnih ideologija u Bosni i Hercegovini v XIX vjeku. — In: Jugoslovenski istorijski časopis, 1970, N 1—2.
- ^{17—18} *Фрейдзон В. И.* Об особенностях..., с. 60.
- ¹⁹ *Георгиев Г., Шопов И.* Илинденското въстание. София, 1969, с. 14.
- ²⁰ *Лециловская И. И.* Взгляды Досифея Обрадовича..., с. 89—90.
- ²¹ Там же, с. 91. Обрадович выделял хорватов как особую национальную единицу, но относил к ним только кайкавцев.
- ²² История Югославии, т. I, с. 216—218.
- ²³ *Petrović N.* O nekim specifičnostima razvitka srpske nacije v Habsburškoj Imperiji. — In: Jugoslovenski istorijski časopis, 1970, N 1—2, S. 51.
- ²⁴ *Лециловская И. И.* Взгляды Досифея Обрадовича..., с. 94, 96—97.
- ²⁵ *Чубрилович В.* Историја политичке мисли у Србији XIX в. Београд, 1958, с. 85—87.

- ²⁶ *Петровић Н.* О неким специфичности-ма..., с. 61.
- ²⁷ *Петровић Н.* Историјско место, улога и значај уједињене Омладине српске.—В кн.: Уједињена Омладина српска. Нови-Сад, 1968, с. 31.
- ²⁸ *Косев Д.* Об идеологији Паисия Хилендарског.—В кн.: Паисий Хилендарски и неговата епоха. Софија, 1962.
- ²⁹ *Паскалева В.* За началният етап..., с. 48—49.
- ³⁰ Подробнее об этом см. статью Г. К. Венедиктова в настоящей книге.
- ³¹ *Венедиктов Г. К.* К вопросу о начале современного болгарского литературного языка.—Краткие сообщения Ин-та славяноведения, 1965, вып. 43.
- ³² *Паскалева В.* За началния етап..., с. 48—49.
- ³³ *Косев Д.* Априлското въстание..., с. 13.
- ³⁴ *Коновеев В. Д.* Формиране на политическата програма на българското националноосвободително движение през втората половина на XVIII — първата половина на XIX в.—В кн.: *Коновеев В. Д.* Българското националноосвободително движение. София, 1972.
- ³⁵ *Косев Д.* Априлското въстание..., с. 14.
- ³⁶ См. статью Кр. Шаровой в настоящей книге.
- ³⁷ *Косев Д.* Априлското въстание..., с. 11.
- ³⁸ Там же, с. 16.

О СТАНОВЛЕНИИ ЧЕШСКОЙ НАЦИИ

К. П. Гогина

В формировании чешской нации проявились как общие закономерности, связанные с развитием капитализма и буржуазных отношений и свойственные процессу формирования наций вообще, так и характерные черты, присущие процессу формирования наций у народов, длительное время развивавшихся в условиях подчинения инациональному господствующему классу. Прежде всего формирование нации у чехов сопровождалось развитием национально-освободительного движения, для которого было характерно слияние национального движения, направленного на консолидацию нации, с освободительной борьбой против феодализма и его государственно-политической надстройки, ибо инациональный господствующий класс являлся в то же время и феодальным господствующим классом. С ликвидацией феодального строя национально-освободительное движение чешского народа было направлено против гнета инациональной буржуазии.

В связи с тем что формированию чешской нации предшествовал длительный период упадка в развитии чешской культуры и общественно-политической жизни, начальным и очень важным этапом этого процесса стало национальное возрождение, наиболее характерными чертами которого было развитие чешского национального литературного языка и художественной культуры как важнейших атрибутов формирующейся нации и факторов развития и углубления национального самосознания в ши-

роких народных массах. В формировании и развитии чешской нации проявились также некоторые специфические особенности, обусловленные своеобразием экономического и социального положения и развития чешского народа в составе многонационального государства — австрийской монархии.

Проблема формирования чешской нации уже в течение многих лет является объектом изучения чехословацких историков-марксистов (И. Кочи, М. Грох, И. Коржалка, И. Колейка и др.). И. Кочи, занимаясь изучением чешского национального возрождения, указал на его органическую связь с эпохой перехода от феодализма к капитализму и с процессом формирования чешской нации¹. Значительный вклад в разработку теоретических аспектов формирования наций у так называемых «малых» европейских народов (имеются в виду народы с «неполной» социальной структурой.— К. Г.) и в исследование особенностей формирования чешской нации внес М. Грох². Общетеоретические аспекты формирования нации нашли отражение в работе И. Коржалки³. В разработку проблем развития чешской нации, национального движения и его программ большой вклад внес Й. Колейка⁴.

Как показали исследования чехословацких историков, характерные черты процесса формирования чешской нации были связаны в первую очередь с особенностями ее политического положения и экономического развития в составе многонациональной монархии Габсбургов, а также с обусловленным этими моментами своеобразием ее социальной структуры и развития национального движения.

Имелся ряд объективных и субъективных условий, которые способствовали процессу формирования чешской нации или тормозили его. Чешская народность проживала на территории крупного и в условиях Европы уникального государства — многонациональной монархии Габсбургов, являвшейся в начале XIX в. оплотом феодализма и феодальной реакции на континенте. В составе этого государства чешская народность представляла собой компактную и количественно весьма значительную этническую общность⁵, проживавшую на исторически сложившейся территории бывшего Чешского королевства, которая была разделена между тремя австрийскими провинциями, так называемыми «коронными землями» — Чехией, Моравией и оставшейся в пределах Австрии частью Силезии⁶. Эти области имели стабильные границы, которые, однако, не совпадали с этническими границами чешской народности, хотя последняя и составляла большинство их населения⁷. Этнический перевес чехов в Чехии и Моравии явился одним из важнейших объективных моментов последующего конституирования чешской народности в нацию. Это обстоятельство нашло субъективное выражение в национально-политических программах, планах и аргументации лидеров чешского национального движения, всегда подчеркивавших факт этнического преобладания чехов на территории чешских земель. Так как здесь, кроме чехов, проживали также немцы, а

в Силезии и поляки, то процесс формирования нации неизбежно осложнялся столкновением национальных интересов, тем более что одна из национальностей (немцы) занимала господствующее положение в многонациональном государстве, и в экономике, и в политике чешских земель.

То обстоятельство, что территория, занимаемая чешской народностью, была расчленена между тремя административно-политическими единицами, не стало препятствием для складывания единой чешской нации, тем более что все они входили в состав одного государства. Большую роль играл фактор исторической традиции, сохранения в сознании различных слоев чешской народности воспоминаний о единстве и международном значении средневекового Чешского королевства, укреплявший сознание народа об общности чешских земель и являвшийся одним из моментов, влиявших на развитие национального самосознания чехов. Существенное место в процессе сплочения чешских земель занимала Прага, ставшая общепризнанным чешским экономическим, национально-политическим и культурным центром.

В то же время с точки зрения процессов формирования чешской нации административно-политическое разделение чешских земель таило в себе ряд негативных моментов. Прежде всего наличие отдельных земельных управлений и особенно земельных сеймов, являвшихся, хотя и формально, символами политического представительства чехов в государственно-политической системе монархии, раздробляло политические силы чешского народа и ослабляло национальное движение чехов, что проявилось как в характере, так и в различном уровне его развития в Чехии, Моравии и Силезии. В этом отношении впереди шла Чехия. Национальное движение в Моравии развивалось с некоторым, а в Силезии — с значительным опозданием. Причем в Силезии чешско-немецкие национальные противоречия осложнялись национальным движением поляков.

Сохранение диалектных особенностей, которые нужно было преодолеть на пути создания единого чешского литературного языка как одного из основных условий формирования чешской нации, и различий отдельных элементов быта и народной культуры тормозило процесс формирования нации. Локальные традиции проявились, например, в «моравском сепаратизме», имевшем место в политической борьбе и культуре чехов в 30—40-е годы XIX в., в период революции 1848 г. и даже в начале 60-х годов. Их преодоление явилось одним из условий завершения процесса формирования чешской нации.

С развитием капиталистического уклада в промышленном производстве, ростом городов, внутренней торговли и упрочением рыночных связей становились более крепкими и экономические связи между чешскими землями. До некоторой степени этому способствовали мероприятия австрийского абсолютистского государства, направленные на централизацию экономики и политической жизни Австрийской империи, из которых особенно важ-

ное значение имела ликвидация таможенных границ между ее областями. С развитием сети железных и шоссейных дорог, связавших основные центры Чехии и Моравии не только с австрийскими областями, но и между собой, с возникновением новых промышленных областей и центров, упрочением их связей с земельными областями как источниками сырья и продовольствия и рынком сбыта промышленной продукции экономические связи между чешскими землями стали более прочными и стабильными, послужив основой для создания экономической общности чешских земель и объективным условием формирования их внутреннего рынка. Таким образом, выдвигание в национально-политической программе чехов в период революции 1848 г. требования политического объединения Чехии, Моравии и Силезии в одно административное целое имело под собой прочную экономическую основу.

В изучении проблемы формирования чешской нации вопрос об особенностях процесса формирования чешского национального рынка имеет принципиально важное значение. «Национальный рынок — это такая стадия развития рыночных отношений, когда сложилась возможность циркуляции товаров между всеми частями страны, когда между районами-производителями и районами-потребителями устанавливается систематическое взаимодействие путем торгового обмена»⁸.

Не у всех входивших в состав монархии Габсбургов народов процесс формирования нации сопровождался созданием более или менее развитых собственных национальных рынков. Это было обусловлено многими причинами, среди которых не последнее место занимало разделение этнической территории, как, например, у словенцев, и особенности социальной и административно-политической структуры, как у словаков. Однако главная причина заключалась в том, что с развитием капитализма эти народы оказались включенными в экономическую жизнь многонационального государства, в формирующийся общеперский рынок. Как свидетельствуют процессы формирования наций у этих народов, отсутствие сколько-нибудь значительных национальных рынков не стало препятствием для превращения их в нации. По-видимому, решающее значение здесь имело развитие капиталистического рынка и рыночных связей в государстве в целом.

В то же время стремление буржуазии неполноправных народов Австрийской монархии иметь собственный национальный рынок как экономическое условие для образования в будущем независимого государства сохранялось и являлось целью национальной буржуазии, стоявшей во главе национального движения. «Экономическая основа этих движений,— писал В. И. Ленин,— состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо... государственное сплочение территории с населением, говорящим на одном языке... Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требова-

ниям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения»⁹.

Но среди зависимых народов Австрийской империи имелись и такие, у которых процесс формирования собственного развитого внутреннего рынка шел одновременно с формированием нации. Так было, например, у чехов. Этому способствовал ряд обстоятельств предшествующего исторического, прежде всего экономического, развития чешских земель в составе многонационального государства. Наиболее важным, на наш взгляд, является высокий (для Австрийской империи и по сравнению с другими областями ее) уровень промышленного развития чешских земель, на территории которых была размещена значительная часть промышленных предприятий государства в целом и производилась большая часть промышленной продукции таких ведущих отраслей, как текстильная, машиностроительная, сахарная и др.¹⁰ Таким образом, несмотря на подчинённое положение чехов в государственно-политической системе монархии Габсбургов, экономическое развитие чешских земель не только не отставало от экономического развития собственно австрийских (австронемецких) провинций, но в некоторых отношениях и превосходило их. Это обстоятельство имело чрезвычайно важное значение как для процесса формирования чешской нации, так и для образования в будущем самостоятельного государства. Особенно важным моментом было создание чешской национальной промышленности, т. е. появление в 30—40-е годы промышленных предприятий, принадлежащих чешской буржуазии. Когда чешская нация в основном сформировалась (что произошло, по-видимому, на рубеже 60—70-х годов XIX в.), наличие таких предприятий стало одним из главных экономических аргументов в борьбе чешской буржуазии за господствующее положение на внутреннем, чешском, рынке и за равноправие с австронемецкой буржуазией на рынке общеимперском.

Высокий уровень промышленного развития чешских земель оказал воздействие и на специфику формирования чешского национального рынка. Как и повсюду, капиталистическая перестройка промышленного производства способствовала развитию систематической внутренней торговли, внутренних рыночных связей между промышленными и сельскохозяйственными областями, между городом и деревней как в пределах отдельных земель монархии, так и между землями с различным уровнем экономического и особенно промышленного развития, создавая базу для последующего развития национальных рынков, для формирования имперского рынка.

Чешские земли, входя в состав многонационального государства, неизбежно включались в его экономическую жизнь, являясь в силу высокого уровня своего экономического развития важной составной частью имперского рынка. Не препятствуя в целом процессу формирования чешской нации, это создавало менее благоприятные условия для ее последующего развития, яв-

ляясь одним из факторов, оказавших существенное влияние на цели и конкретные формы чешского национального движения.

Таким образом, формирование чешского национального рынка базировалось на исторически складывающейся экономической общности чешских земель, густой сети имевшихся на их территории городов, высоким уровне промышленного производства, что в условиях капиталистической перестройки всей их экономики в ходе промышленного переворота привело к созданию устойчивых рыночных связей между промышленными и сельскохозяйственными районами, между городом и деревней.

На формирование особого чешского внутреннего рынка оказал влияние и такой субъективный фактор, как своеобразная позиция немецкоязычной буржуазии чешских земель, занимавшей в течение почти всего XIX в. господствующее положение почти во всех основных отраслях промышленности. Чехословацкие историки-марксисты неоднократно отмечали необходимость более глубокого изучения соотношения экономических и политических позиций чешской и немецкой буржуазии в чешских землях как одного из важных моментов, оказывавших существенное влияние на процесс формирования чешской нации. М. Грох полагает, что позиция немецкоязычной буржуазии чешских земель в отношении развития особого чешского внутреннего рынка была одним из благоприятных условий для интеграции чешской нации¹⁴. Дело в том, что в связи со сложностью и особенностями процесса формирования немецкой нации немецкоязычная буржуазия чешских земель (предки которой, вышедшие преимущественно из Саксонии и Баварии, осуществляли средневековую колонизацию пограничных районов Чешского королевства), хотя и считала себя составной частью господствующей в Австрийской империи нации, однако в силу замедленности процессов формирования австрийской (немецкоязычной) нации не составляла единого целого с австронемецкой буржуазией собственно австрийских земель и немцами Австрийской империи в целом. Особенно наглядно это проявилось в сфере экономики. Исходя из своих экономических интересов и основываясь прежде всего на высоком промышленном потенциале чешских земель в монархии, немецкая буржуазия чешских земель иногда даже противопоставляла себя австронемецкой буржуазии монархии в целом, что проявлялось в первую очередь в фактах экономической конкуренции между ними, в стремлении не допустить австрийских, прежде всего венских, капиталистов в промышленное производство чешских земель. Это своеобразное положение немецкой буржуазии чешских земель проявилось и в ее отношении к формированию чешского внутреннего рынка.

Она была заинтересована не столько в полном слиянии местных рынков чешских земель с имперским рынком, где господствующие позиции принадлежали австронемецкой промышленной и банковской буржуазии, поддерживаемой к тому же органами государственной власти, сколько в упрочении своих гос-

подствующих позиций в рамках особого чешского рынка как составной части рынка имперского. Эта своеобразная позиция немецкой буржуазии чешских земель явилась обстоятельством, способствовавшим формированию чешского национального рынка и развитию чешской национальной буржуазии.

Поскольку чешское национальное движение, как отражение процесса формирования чешской нации, началось и длительное время развивалось в условиях феодально-абсолютистской государственной системы, это предопределило не только прогрессивный общедемократический характер этого движения, особенно в период, предшествующий революции 1848—1849 гг., но и то обстоятельство, что когда в чешских землях начался промышленный переворот, процесс формирования чешской нации уже пустил глубокие корни и достиг значительных успехов. Это имело благоприятные последствия как для ускорения процесса развития чешской национальной буржуазии — руководящей силы чешского национального движения, так и для завершения процесса консолидации чешской народности в нацию.

Чешская национальная буржуазия, особенно буржуазия промышленная, начала развиваться значительно позже, чем буржуазия господствующей нации, что предопределило ее второстепенное положение не только на имперском, но и на внутреннем чешском рынке. Укрепление в ходе промышленного переворота экономических позиций чешской национальной буржуазии стало источником обострения национальных противоречий и национальной борьбы. Целью чешской буржуазии стала победа в борьбе с господствующей и экономически более сильной немецкой буржуазией за овладение чешским внутренним рынком, где чехам противостояли не объединенные силы немецкой буржуазии всей Австрийской империи, а лишь их часть. В завоевании внутреннего рынка чешских земель и превращении его в национальный чешский рынок чешская буржуазия видела основу будущей национальной независимости. Однако то обстоятельство, что чешский внутренний рынок оставался составной частью рынка общеперского, на котором чешская буржуазия также хотела утвердиться, явилось, на наш взгляд, одной из причин того, что политические требования чешского национального движения по мере его развития носили все более ограниченный характер: на первый план выдвигались требования не национальной независимости или политической автономии, а национального равноправия, свободного развития чешского языка и культуры в рамках уже существующего государственного объединения.

В то же время, несмотря на благоприятные обстоятельства, развитие общенационального внутреннего рынка шло медленно. Его тормозили зависимость от общеимперского рынка, сохранение административно-территориальной разобщенности чешских земель и особенно медленное развитие национальной чешской промышленности, которое являлось следствием слабых экономи-

ческих позиций чешской национальной буржуазии в промышленном производстве до 60—70-х годов XIX в. Она не могла «на равных» вести борьбу с буржуазией господствующей нации.

Формирование чешской нации происходило в период ликвидации феодализма и утверждения капитализма, и социальная структура населения соответствовала этому переходному периоду, т. е. была сложной и запутанной: в ней переплетались черты феодальных сословий с нарождающимися классовыми и социальными прослойками буржуазного общества. Особенности социальной структуры чешской нации были следствием исторического развития чешского народа в период после Белой горы, его угнетенного и политически зависимого положения в системе многонационального государства. Это проявилось прежде всего в том, что на начальном этапе формирования чешской нации ее социальная структура была «неполной» или «деформированной»¹², что выразилось в отсутствии у чехов в эпоху позднего феодализма собственного дворянства. Отсутствие собственного господствующего класса, который в феодальную эпоху был носителем национально-политической идеологии, наложило отпечаток прежде всего на развитие чешского национального самосознания, особенно на начальном этапе формирования нации, и на степень охвата им различных социальных слоев в период перехода от феодализма к капитализму.

Отсутствие у чехов собственного класса дворянства имело для процесса формирования чешской нации двойные последствия. Во-первых, оно затормозило развитие у них, особенно на начальном этапе, политических форм национального движения, сведя его к борьбе за национальную культуру и язык. Во-вторых, в отличие от польского, венгерского, хорватского национальных движений, где борьбу возглавляло дворянство, чешское национальное движение с самого начала носило отчетливо выраженный буржуазный характер.¹

В то же время физическое уничтожение части национально-чешского дворянства (после Белой горы) и последующая ассимиляция (германизация) его остатков не прервали в Чехии национальной исторической традиции, ибо это происходило в период, когда в недрах феодального строя уже созревали новые силы, явившиеся носителями буржуазной идеологии, мещанства, постепенно превращавшегося в городскую мелкую буржуазию, и интеллигенции.

Именно эти слои общества стали носителями национальной идеологии и наследниками национальной исторической традиции, являющейся важным фактором распространения национального самосознания как одного из условий формирования нации.

Несмотря на отчетливо выраженный буржуазный характер чешского национального движения, чешская национальная буржуазия, особенно ее наиболее прогрессивная часть — промышленная буржуазия как один из основных классов эпохи капита-

лизма, начинает формироваться в чешских землях относительно поздно, не ранее 30—40-х годов XIX в. Это было связано с особенностями формирования класса буржуазии в Австрийской монархии в целом. Здесь в силу особенностей исторического, экономического и международного положения государства формирование класса буржуазии существенно запаздывало по сравнению с большинством стран Западной Европы к тому же оно шло весьма однобоко. Буржуазия в монархии Габсбургов формировалась прежде всего как буржуазия немецкая, буржуазия господствующей национальности. И это имело место не только в собственно австрийских областях, но и в тех областях, где большинство населения составляли другие национальности. Так было и в чешских землях, где вплоть до середины XIX в. преобладающее большинство наиболее прогрессивной прослойки буржуазии — промышленной буржуазии — составляли немцы. И хотя начало формированию чешской национальной буржуазии было уже положено, она в этот период еще не являлась активной политической силой, способной возглавить национально-освободительное движение чешского народа.

Таким образом, поскольку в чешских землях формирование немецкой буржуазии значительно опережало формирование буржуазии чешской, то одной из особенностей социальной структуры чешской нации было более быстрое формирование чешского пролетариата, чем чешской буржуазии.

Для чехов в первой половине XIX в., как и для других народов Австрийской империи в эпоху кризиса феодализма, характерно слабое участие крестьянства в национальном движении. В то же время крестьянство, сохранившее в условиях длительного периода национального угнетения национальную самобытность и язык, являлось той питательной средой, на которую опирались деятели чешского национального движения в своих культурно-просветительских начинаниях. Участие чешского крестьянства в национальном движении было связано с ликвидацией основ феодального строя, с развитием буржуазных отношений и особенно с процессом классовой дифференциации крестьянства главным образом после 1848 г.

Таким образом, в силу указанных выше обстоятельств социальную основу чешского национального движения, придававшую ему отчетливо выраженный буржуазный характер, составляли преимущественно городская мелкая буржуазия и буржуазная интеллигенция. Спецификой социальной структуры чешской нации, особенно на начальном этапе ее развития (до 1848 г.), было то, что в ней «относительно сильно был представлен городской элемент, прежде всего городские мелкие производители и ремесленники»¹³, т. е. социальные слои, на которые развитие капитализма оказывало наиболее сильное воздействие, вызывая их классовую дифференциацию, превращая их, с одной стороны, в мелкую буржуазию и буржуазию, а с другой — в пролетариат. Они явились той средой, которая была наиболее восприимчивой:

к национальной агитации чешских «будителей» и в которой скорее всего распространялось и утверждалось национальное самосознание.

В первый период развития чешского национального движения, т. е. в эпоху национального возрождения, неразвитость и слабость национальных буржуазных элементов, являвшихся социальной основой этого движения, отчетливо проявлялись в отсутствии политических выступлений, в ограничении движения культурно-национальными требованиями, в попытках сотрудничать с прослойкой «патриотически» настроенного, денационализированного дворянства. К тому же речь идет не о мелкой буржуазии эпохи капитализма, а о мелкобуржуазных элементах эпохи перехода от феодализма к капитализму, в которых сочетаются черты прежнего мещанства с чертами мелких буржуа, не столько стремящихся к развитию капитализма, сколько боящихся его. Все это в той или иной степени накладывало отпечаток на развитие чешского национального движения и проявлялось в особенностях формирования чешской нации.

С победой капитализма, прогрессирующим развитием буржуазии и пролетариата, дифференциацией крестьянства изменяется и социальная основа чешского национального движения с точки зрения участия в нем различных социальных групп. Ко времени завершения процесса формирования чешской нации социальная основа национального движения становится идентичной с социальной структурой чешской нации, которая продолжает развиваться и вести борьбу как нация неполноправная. Вместе с тем социальная структура чешской нации становится уже полной, т. е. в ней присутствуют все компоненты, свойственные структуре нации буржуазной эпохи.

¹ Koří J. České národní obrození. Praha, 1978.

² Hroch M. K problematice formování buržoazního národa v Evropě.— Ceskoslovenský časopis historický (далее — CSCH), 1961, N 3; *Idem*. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praha, 1968; *Idem*. Místo českého obrození v procesu formování evropských národů.— In: Studie z obecných dějin. Praha, 1972.

³ Kořalka J. Co je národ? Praha, 1968.

⁴ Kolečka J. Národ, nacionalismus, národnostní otázka. Brno, 1967.

⁵ В 1800 г. население чешских земель составляло 4 671 840 человек, а в 1869 г.— 7 671 170 человек (Kárníková L. Vývoj obyvatelstva v českých zemích 1754—1914. Praha, 1965, s. 329).

⁶ До 1848 г. Силезия была административно объединена с Моравией.

⁷ Национальное соотношение чехов и немцев в чешских землях устанавливалось весьма приблизительно. Так, П. И. Шафарик полагал, что в 1842 г. здесь проживало 71,3% чехов и 27,1% немцев (Šafařík P. J. Slovanský narodopis. Praha, 1842). По переписи 1880 г., когда впервые учитывался «разговорный» язык жителей (что далеко не всегда совпадало с их национальной принадлежностью), в Чехии на 1000 жителей приходилось приблизительно 628 чехов, а в Моравии — 703 (Masarykův slovník naučný, díl I, s. 1058).

⁸ Никитин С. А. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в.— В кн.: История, культура, фольк-

лор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 70.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258, 259.

¹⁰ В период завершения промышленного переворота в чешских землях (на рубеже 60—70-х годов XIX в.) доля чешских земель в промышленном производстве австрийской части монархии составляла: в стекольной промышленности — 80,4%, в текстильной — 78,2%, сахарова-

рени — 95,5, машиностроении — 57,2, металлургии — 46,1%, химической промышленности — 37,7% (Purš J. K otázce průmyslové revoluce v hlavních odvětvích textilního průmyslu v českých zemích.— CSCH, 1954, N 1, s. 139, tabl. XVI.

¹¹ Hroch M. K problematice formování..., s. 388.

¹² Hroch M. Místo českého..., s. 53.

¹³ Hroch M. Místo českého..., s. 56.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ У СЛОВАКОВ

В. Матула

Формирование наций в период перехода от феодализма к капитализму в отдельных странах, в том числе и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, наряду с общими чертами, вытекающими из общих закономерностей этого процесса, имеет и специфические особенности. Их изучение важно как для более глубокого понимания конкретного процесса, так и для сравнительно-исторического анализа в целях типологических обобщений. В формировании нации у словаков, которое происходило в сложных и неблагоприятных условиях, проявился комплекс специфических моментов социально-экономического и политического характера. Словацкий народ в период зарождения и развития национально-освободительного движения подвергался двойному национальному гнету. Среди всех частей габсбургской монархии, этого пестрого конгломерата феодальных государств, стран и провинций, самое автономное положение по отношению к центральной власти (т. е. к государю) имело Венгерское королевство, сохранившее вплоть до буржуазной революции 1848 г. сословное государственное самоуправление с собственным законодательством. В то же время и сама Венгрия была многонациональной страной, причем в отличие от Цислейтании государственная власть здесь была более централизованной. Это привело почти к полному слиянию феодальных господствующих классов разных национальностей и к образованию в сущности единого господствующего класса — общевенгерской дворянской «*natio hungarica*», которая на протяжении первой половины XIX в. превращается в «*natio magyarica*», ставшую сначала потенциальным, а позднее фактическим носителем трансформации централизованного сословного государства в централизованное национальное государство.

Наряду с мадьярами, в политическом отношении самой сильной национальностью, в рамках границ исторической территории Венгерского королевства жили только два народа, компактно заселявших свою территорию: хорваты и словаки. Но в от-

лично от хорватов, обладавших особой этнической областью, своим дворянством и автономными учреждениями, словаки не имели в венгерском феодальном государстве никаких органов самоуправления, в эпоху феодализма они лишились и собственного господствующего класса. Уже на раннем этапе национального движения сословная принадлежность словацкой шляхты к «*natio hungarica*» привела ее, за очень редким исключением, в лагерь мадьяр. Словаки, как католики, так и протестанты-лютеране, и в церковной жизни не имели особой организации, а подчинялись венгерским церковным учреждениям, яростным проводникам мадьяризации. Отрицательное значение этого факта становится особенно очевидным, если вспомнить о той роли, которую играла в национальном движении других народов национальная церковь, являвшаяся важным концентрирующим фактором, организацией, защищавшей различные национальные учреждения, особенно школы.

Хотя на последней стадии феодализма городá и городской элемент на территории Словакии сильно словакизировались, все же в дальнейшем их значение в словацком национальном движении было невелико. Более того, кроме Братиславы, находившейся на окраине словацкой этнической территории и очень пестрой по своему национальному составу, в Словакии не существовало другого крупного городского центра, который бы по своему экономическому, политико-административному или хотя бы культурному значению смог бы стать центром общенационального движения.

Общий относительно низкий уровень экономического развития и многочисленные препятствия, которые стояли на пути развития капиталистических отношений в Венгрии, в значительной степени замедляли процесс формирования буржуазии и придавали этому процессу ряд специфических особенностей. Обуржуазивание мещанства в словацких городах, так же как и более богатых производителей — ремесленников и крестьян, проходило очень неравномерно, подчас встречаясь с попятным движением. Для Словакии того времени характерны, с одной стороны, рост капиталистических элементов внутри разных категорий мелких производителей, торговцев и перекупщиков, с другой стороны, переход феодальных поместий или их частей в руки недворян, что способствовало возникновению мелкой и средней аграрной буржуазии. Однако общие условия этих процессов до революции 1848—1849 гг. не были настолько благоприятны, чтобы они могли привести к образованию многочисленной, экономически достаточно сильной и в своих стремлениях достаточно сплоченной буржуазии, способной повести решительную борьбу за ликвидацию феодализма и завоевание буржуазно-демократических свобод. В Словакии рождалась мелкая буржуазия с весьма слабой концентрацией в небольших городских центрах и без заметного политического значения (в ряды буржуазии выбивались отдельные лица). В таких условиях роль организатора и вождя

словацкого национального движения взяла на себя активная часть словацкой духовной и светской интеллигенции в основном мелкобуржуазного происхождения, реагировавшая на требования своего времени и проникнутая национальным самосознанием. Она очень быстро теряет иллюзии о возможности привлечь на свою сторону словацкую шляхту и все более сознательно ориентируется на широкие массы народа, стараясь пробудить их от феодальной спячки, привить им чувство национальной гордости. Подготовить их к роли активной политической силы или по крайней мере социального резерва национально-освободительного движения мелкобуржуазные идеологи стремились, добиваясь улучшения социально-экономического положения масс путем буржуазных преобразований.

Но социально-экономическая программа словацкого национального движения, несмотря на ряд демократических черт, связанных с «плебейским» происхождением его идеологов и вождей, в целом не выходила за рамки либеральных требований. Попытки формирования словацкой радикально-демократической программы, которые имели место накануне революции 1848 г. под влиянием роста стихийной революционности масс и под непосредственным воздействием польского революционного освободительного движения, оказывающего на словаков уже с 30-х годов XIX в. очень сильное влияние, остались незавершенными. Они, однако, существенно сказались в углублении демократических черт программы и тактики движения. Сам факт таких попыток подтверждает общую закономерность появления в национально-освободительных движениях того времени радикальных демократических течений, однако их неуспех свидетельствует об общей слабости словацкого национально-освободительного движения, что было следствием неразвитости социальной структуры словацкого общества. Кроме того, решительное подавление попыток представителей радикально-демократически настроенной части словацкого общества осуществить социально-экономические и национальные преобразования в революции 1848—1849 гг. показывают всю пагубность националистической идеологии и политики, от которых в решительный момент не сумели освободиться даже самые передовые революционные, буржуазно-демократические представители мадьярского национального движения. Объективно они могли стать, но так и не стали естественным союзником всех революционных и демократических сил угнетенных народов Венгерского королевства.

Экономическая слабость словацкого общества и неразвитость его социальной структуры, которая и после революции оставалась деформированной ввиду непоследовательной ликвидации феодализма, сохранения господства помещиков и недемократического полуфеодалного режима с типичным для него национальным гнетом, определили крайнюю замедленность процесса складывания экономической общности как одного из ос-

новых признаков нации. В то же время для интеллигенции как руководителя национального движения самой доступной — и долгое время почти единственной — сферой деятельности была область национальной культуры, прежде всего литература.

Для словацкого национального движения типичен его «языковой» характер, обусловленный отнюдь не только политикой национального гнета и насильственной ассимиляции, проводимой венгерскими господствующими классами, но прежде всего задачами и потребностями самого процесса формирования словацкой нации и национально-освободительного движения в период национального возрождения. Без преувеличения можно сказать, что языковой вопрос — и не только в смысле защиты и отстаивания языковых прав, но и в смысле создания общенационального литературного языка — является кардинальным вопросом всего словацкого национального возрождения. Борьба за общенациональный литературный язык играла в условиях известного языкового дуализма, существовавшего после языковой реформы А. Бернолака в конце XVIII в., важную роль в процессе объединения двух лагерей в национальном движении — католического и протестантского. Дело в том, что каждый из этих лагерей развивал свою собственную национально-политическую концепцию, исходившую не только из разных литературных языков, но и разных представлений о словацком народе как части славянского целого. И так как на платформе этих двух национально-идеологических концепций развивалось и национальное самосознание словаков, создание общенационального литературного языка как одного из основных и самых ярких признаков самобытного словацкого народа являлось предпосылкой для возникновения единой национальной идеологии, способной поднять национальное самосознание словацкого народа на новый, более высокий уровень. Наряду с этим принятие новой общенациональной демократической языковой нормы должно было, по замыслу и убеждениям передовых деятелей бернолаковского и особенно шутовского поколения, ликвидировать языковой барьер между словацкой интеллигенцией и массами народа, пробудить последние к активной общественной жизни. Общенациональный литературный язык рассматривался идеологами и руководителями словацкого национального движения как важный «сплывающий» фактор, способный компенсировать такие объективные недостатки, как отсутствие единого национального городского центра, географическую разобщенность словацкой этнической территории, экономическую, административно-политическую и культурную изолированность ее отдельных областей из-за слабо развитых коммуникаций и т. п. Наконец, принятие словацкого языка в качестве общенационального должно было способствовать не только развитию национальной культуры, особенно литературы, но и борьбе за языковое и национальное равноправие словаков. Словацкий литературный язык стал, таким образом, важным идеологическим средством

национальной консолидации словацкого народа. Кроме того, этот процесс имел и другую сторону, проявившуюся в выделении словаков из чешско-словацкой литературно-языковой общности, из колларовской «чешско-словацкой ветви славянского народа».

Завершением этого чрезвычайно интересного, сложного и противоречивого процесса, не имеющего примера в историческом развитии других славянских народов, явилось теоретическое обоснование Л. Штуром и его сподвижниками необходимости и закономерности кодификации нового общенационального литературного языка и словацкой национальной идеологии в научных трудах, страстных публицистических статьях и полемике со словацкими (прежде всего Яном Колларом), чешскими и иллирскими противниками новой концепции. В них вместе с обоснованием национальной самобытности словаков как особого славянского народа подвергается коренному пересмотру и вся колларовская метафизическая схема «славянского народа», которая в 40-е годы XIX в. не отвечала исторической действительности, развитию объективного процесса формирования славянских наций и интересам национально-освободительной борьбы славянских народов. Штуровская концепция славянства базируется на диалектическом понимании единства и дифференцированности «славянского народа». При объяснении этого основного тезиса своей концепции Штур исходит из того, что структура славянства характеризуется его «племенной разветвленностью», т. е. фактически существованием суверенных славянских народов. Развитие славянства должно поэтому идти через развитие этих отдельных славянских народов, причем право на самобытное национальное существование признается за всеми без исключения славянскими народами. Подчеркивание самобытности и суверенности словацкого и всех других славянских народов у Штура и его сподвижников, однако, отнюдь не означало отрицание идеи славянского единства и взаимности, тесного братского сотрудничества между всеми частями «славянского целого». Наоборот, Штур, согласно своему диалектическому пониманию отношения частей к целому, рассматривает этот процесс национальной дифференциации как средство для достижения высшего единства, как необходимый этап закономерного процесса интеграции на более высоком уровне. Новое представление о словацкой нации и вся концепция славянской взаимности Л. Штура были по сравнению с колларовской концепцией шагом вперед в развитии национально-освободительного движения славянских народов и их взаимного сотрудничества, так как реальнее отражали тенденции и потребности закономерного процесса формирования словацкой и других славянских наций. В этом заключалась ее жизнеспособность и прогрессивное значение. Правда, следует отметить, что в условиях буржуазного строя, которому присущи идеологические и политические принципы национализма, такие представления о

сплочении славянских народов были лишь благородной мечтой, в чем после революции 1848 г. убедился и сам Штур. Кроме того, исторический опыт показывает, что развитие «славянской идеи», «славянской солидарности» или так называемого панславизма (как ее называли противники освободительных устремлений славян), в действительности — национально-оборонительной идеологии угнетенных славянских народов, привело в конечном счете совсем не к тем результатам, которые имели в виду представители немецких и мадьярских господствующих классов и их шовинистическая публицистика. В действительности каждый славянский народ добивался национального освобождения. Данный факт свидетельствует о классовой сущности обвинений в «панславизме»; наличие реальной опасности для других народов такого «панславизма» в эпоху национально-освободительных движений следует оценивать весьма скептически.

Наконец, говоря о некоторых специфических чертах формирования словацкой нации, следует отметить общую «неполнокровность» и незавершенность этого процесса, который растянулся на гораздо более длительное время, чем у других народов исследуемого региона, и развивался не всегда прямолинейно. Известно, что многие компоненты словацкой нации полностью развились только после 1918 г. в совместном чехословацком государстве, образованном после распада Австро-Венгрии.

ФОРМИРОВАНИЕ РУМЫНСКОЙ НАЦИИ

Д. Хурезяну

Мы не ставим целью дать развернутый анализ процессов формирования нации и тем более ее предпосылок, исторических корней. Хотелось бы наметить лишь несколько ориентировочных вех проблемы, обратить внимание преимущественно на те аспекты, которые относятся непосредственно к эпохе формирования нации.

Процесс складывания румынской нации охватывает приблизительно полтора века. Начало его относится к периоду разложения феодализма и развития капиталистических производственных отношений и тесно связано с явлениями экономического, социально-политического и культурно-идеологического порядка. Становление румынской, как и других балканских наций, происходило в чрезвычайно сложных внутренних и внешних условиях. Если Европа — колыбель формирования нации, то юго-восточная часть континента — регион, где этот процесс был очень длительным и преодолевал тяжелые и сложные препятствия.

Формирование румынской нации немислимо вне исторического контекста, доминирующей чертой которого было зарождение нового способа производства. Разумеется, новый способ

производства и формирование нации нельзя объединять механически, но между ними существует глубокая связь. Признаки разложения феодализма становятся все более явными ко второй половине XVIII в., а обретают размах и глубину в начале XIX в. В результате развития производительных сил, роста товарного хозяйства и углубления общественного разделения труда начинается процесс первоначального накопления капитала.

Экономическая жизнь Дунайских княжеств в первые десятилетия XIX в. характеризуется возникновением и постепенным развитием капиталистических отношений. После революционных выступлений 20-х годов XIX в. и получения княжествами свободы торговли благодаря Адрианопольскому миру (1829) капиталистические отношения вступают в новый этап, важными вехами которого являются революция 1848 г., объединение Дунайских княжеств в 1859 г. и аграрная реформа 1864 г. Княжества включаются в этот период в сферу европейского торгового обмена. Это оказывает сильное влияние на их экономическую жизнь, которая становится более динамичной. Данное обстоятельство, а также углубление общественного разделения труда ведут к возникновению нового типа связей, оживленных и подвижных, объединяющим центром которых становится рынок. В этой ситуации все более обнаруживается ограниченность общественной системы. Рынок является, таким образом, основой преобразования экономической жизни отдельных территориально-административных единиц, показателем формирования их экономической общности — неотъемлемого элемента процесса образования нации. В последней трети XVIII и первой половине XIX в. в Дунайских княжествах происходит процесс преобразования местных рынков в провинциальные, а эти последние имели тенденцию объединения в единый национальный рынок.

Кроме его экономического значения, рынок должен рассматриваться и как историческая категория. Он представляет собой новый тип факторов базиса и надстройки, предполагая не только новые производственные отношения, но и новые культурно-языковые, политические и нравственные ¹.

Новые социально-экономические отношения приводят к зарождению тех общественных сил, которые примут активное участие в деле национального объединения.

Только новый общественный строй создает основу для успеха процесса формирования нации. Борьба за консолидацию нации закономерно переплетается с социальной борьбой за победу нового строя. Между ними существует больше чем простая интерференция; наиболее значительные общественные движения соединяют в единое целое национальные и социальные аспекты. Чтобы проследить процесс образования нации, необходимо поэтому обратиться к национальным и социальным движениям.

Наряду с важными элементами нового, которые обнаруживает политическая мысль Валахии и Молдовы во второй поло-

вине XVIII — начале XIX в., большее историческое значение имели также социальные и политические явления, происходившие в этот период в Трансильвании. Я имею в виду крупное крестьянское восстание 1784 г. под руководством Хорьи, Клошки и Кришана, деятельность «трансильванской школы» и политическая акция, известная под названием «Supplex Libellus Valachorum» (1791). Так называлась петиция, направленная австрийскому императору.

Освободительная борьба румынских княжеств вступает в новый этап в связи с восстанием 1821 г., во главе которого стоял Тудор Владимиреску. Политическая борьба за национальные цели определила целый период развития румынского народа, период битв за установление нового общественного строя и образование национального государства. Этот период ускоряет и завершает процесс формирования румынской нации. Именно тогда создаются элементы объективного (экономического) характера — развитие капиталистических отношений и их победа, а также социального (формирование классов буржуазного общества) и элементы культурно-идеологического характера — бурное духовное развитие под влиянием национальных идей. Общественная жизнь в этот период становится гораздо насыщеннее, активнее и охватывает более широкие сферы деятельности. В нее втягиваются все более значительные массы народа. Развитие румынского общества достигло такой стадии, на которой общественная жизнь не могла не отражать с большой силой национальные проблемы. Как справедливо отмечает один из исследователей периода, это был «важный этап истории формирования современного понимания нации — этап осмысливания ею самой себя»².

После 1821 г. движение за национальную эмансипацию отмечено рядом петиций и проектов реформ, в которых национальный момент занимает первостепенное место. В их разработке принимают участие представители различных группировок господствующих классов и передовые мыслители того времени.

Идея национальной общности румын присутствует в «Органическом регламенте». Этот документ характеризует «элементы единений молдо-румын» и ставит цель объединения обеих областей не в очень далеком будущем. В 1836—1838 гг. национальное и либеральное движения поддерживаются Ионом Кымпиняну, главой либеральной оппозиции в период действия регламента. Он выступал за объединение княжеств и предоставление им независимости. Более радикальной являлась программа тайного общества, основателем которого в 1840 г. были Митикэ Филипеску из Мунтении и Ефтимий Мургу из Баната; в это общество входил и Николае Бэлческу³. Оно добивалось независимости страны, создания демократической республики и вооружения народа, а в социальной сфере — подрыва феодального строя путем освобождения барщинных крестьян и наделения их землей за небольшое возмещение. Таким образом, накануне ре-

волюции 1848 г. происходил процесс консолидации румынской нации.

Революция 1848 г. упрочила внутринациональные связи румынского народа и ускорила созревание национального самосознания. 1848 год исключительно обогатил национальную жизнь и исторический опыт нашего народа. Идейные течения 1848 г. отличались зрелостью и глубиной политических и национальных программ. Революция 1848 г. существенно ускорила процесс формирования румынской нации: она оживила общественную мысль, способствовала осознанию реального содержания национального вопроса.

Формирование румынской нации нельзя представить себе вне этих событий, напротив, они ускорили данный процесс. «Складывание наций,— отметил Б. Ф. Поршневу,— явилось предпосылкой национально-освободительных и национально-объединительных движений, а эта национальная борьба имела в свою очередь огромное влияние на формирование наций»⁴.

Существование нации сказывается в осознании ею необходимости самоутверждения. Эта мысль энергично поддержана в записках Антонио Грамши, связывающего формирование нации с моментом, в котором она становится «достаточной силой для достижения своей цели», «с подъемом национального чувства на уровень деятельной эффективности»⁵. С этой точки зрения 1848 год занимает важное место в процессе формирования нации: нация как реальная сила должна действовать, защищать свои стремления, свои интересы. События 1848 г. служат, так или иначе, идее нации, выражают ее права, ее призвание. Поколение 1848 г. действовало во имя нации, и от ее имени оно служило родине. Национальное единство румын фактически было одной из важнейших целей революции 1848 г., несмотря на то что борцы поколения 1848 г. отдавали себе отчет в трудностях, связанных с его осуществлением на практике. Поэтому эта цель не формулировалась в виде непосредственной практической задачи. Революция 1848 г. сделала решающий шаг в определении национального единства в качестве основной исторической задачи румынского народа.

Конечно, реализация идеи национального объединения являлась процессом, который требовал борьбы и проявлялся по-разному на каждом этапе. Национальное объединение — прогрессивный процесс, являющийся результатом длительного исторического развития. Объединение представляет собой в первую очередь политический акт, знаменующий реальность существования румынской нации. К этой цели были направлены длительные усилия, социально-политическое мышление целой эпохи.

Процесс формирования нации тесно связан с процессом создания национального государства. При этом мы не забываем тот факт, что некоторые определяющие черты нации вырабатывались в течение веков. Государство становится поляризационным центром нации, элементом ее сплочения и организации.

Поэтому мы считаем, что одновременно с созданием румынского государства шел процесс формирования румынской нации. Поскольку нация — явление динамичное, живой организм, который действует и развивается, между этапами формирования и дальнейшего развития нации нет глухой стены. Важнейшими моментами развития румынской нации являются: война за независимость 1877—1878 гг. и присоединение Трансильвании к Румынии в 1918 г. Они придают румынской нации новые черты. Но они относятся уже к периоду развития румынской нации, а не к периоду ее формирования.

¹ *Sereni E.* Capitalismo e mercato nazionale. Roma, 1974, II, p. 10.

² *Cornea P.* Originile romantismului românesc: Spiritul public, mișcarea ideilor și literatura între 1780—1840. București, 1972, p. 168.

³ *Macii V.* Formarea națiunii Române.— In: Studii și articule de istorie, 1973, XXII, p. 9.

⁴ *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 304.

⁵ *Univers*, 1973, p. 165, 261, 267, 268; *Sereni E.* Capitalismo..., p. 14—15.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

О ЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

Л. Н. Смирнов

При изучении процессов формирования наций в эпоху кризиса феодализма и зарождения капиталистического строя важное место должно отводиться языковым проблемам. Это определяется прежде всего объективной значимостью языка как одного из факторов образования нации, а также тем, что с данной эпохой неразрывно связано становление национальных языков.

Освещая языковой аспект формирования нации, следует, на наш взгляд, с одной стороны, показать роль языка, языковой общности в складывании определенного национального коллектива, а с другой — раскрыть влияние социальных факторов и общественных преобразований на развитие и функционирование языка в изучаемый период. Такой подход поможет полнее выявить диалектику взаимосвязи и взаимозависимости процессов формирования нации и складывания системы национального языка в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Проблема соотношения этих процессов уже давно привлекает внимание советских ученых. Она ставится и решается как в общетеоретическом плане, так и в плане изучения истории отдельных языков и народов. Методологической базой ее разработки служит марксистско-ленинское учение о нации, которое признает языковую общность одним из решающих признаков складывания нации.

Известно, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин придавали большое значение языку как элементу и стимулятору общественного развития, отмечая, в частности, его роль в утверждении капиталистических отношений, в процессе образования буржуазных наций. Неоднократно указывая на тесную связь языка с другими объективными факторами складывания нации, В. И. Ленин особо подчеркивал такой момент, как «единство языка»¹. Так, в статье «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин писал: «...тождество языка есть важный фактор для полного завоевания внутреннего рынка и для полной свободы экономического оборота»².

Естественно, что, исследуя закономерности образования определенной нации, необходимо серьезное внимание уделять проблеме складывания единства языка, развития такой степени и таких качеств языковой общности данного этноса, которые превращают эту языковую общность в реальную опору процесса национальной консолидации (известно, что определенная степень общности языка данного народа существует и в донациональный период). Эта проблема представляет значительный интерес и в общетеоретическом, философском плане. Не случайно в известной дискуссии по вопросам теории нации (журнал «Вопросы истории», 1966—1970 гг.) делались попытки не только определить место языкового признака в кругу других признаков нации³, но и уточнить, конкретизировать содержание понятия «языковая общность». У ряда авторов проявилось стремление выделить, подчеркнуть особое значение общности литературного языка (П. М. Рогачев и М. А. Свердлин)⁴ или единства письменного языка (Т. Ю. Бурмистрова)⁵. В данной статье мы не можем подробно рассмотреть этот сложный вопрос. Он, несомненно, нуждается в дальнейшей теоретической разработке. Заметим только, что вряд ли правильно сводить языковой признак нации к общности или единству литературного и тем более письменного языка. Конечно, единый национальный литературный язык выступает как важный признак сформировавшейся нации. Однако и тогда языковая общность национального коллектива не ограничивается только литературным языком. Тем более нельзя сводить языковую общность к литературному языку на этапе становления нации. Ведь в этот период у одних народов литературно-письменная форма родного языка претерпевает сложные, порой противоречивые модификации, у других — литературный язык на основе родной речи еще только формируется. В обоих случаях подлинное единство общенационального литературного языка достигается далеко не сразу. Об этом свидетельствует, в частности, история национальных литературных языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы (болгар, сербов, словаков, чехов, греков и др.). Тем не менее действие типичных для рассматриваемой эпохи социально-экономических и этнокультурных факторов обеспечивает развитие более высокого, чем ранее, уровня языковой общности (в ее формировании наряду с литературно-письменным языком определенную роль играют и другие разновидности языка данного этноса), что является необходимым условием консолидации нации.

Известно, что история языка как явления социального тесно связана с развитием человеческого общества, с историей народа — носителя языка. Вместе с развитием общества развивается и язык как продукт общества. Правда, эту взаимосвязь не следует трактовать прямолинейно. Необходимо учитывать, что в языке происходят и спонтанные изменения, обусловленные внутренними закономерностями развития языковой структуры. Несомненно, однако, что «язык постоянно приспосабливается к об-

щественному устройству и функции его социально обусловлены»⁶. Так, например, для эпохи формирования наций характерны свои «специфические, свойственные лишь данному времени»⁷ изменения в развитии языка. Эти изменения весьма разнообразны, они затрагивают как функциональную сторону языка, проявляясь здесь наиболее очевидно и ярко, так и его системную организацию. Конечно, тенденции развития языков и в этот период далеко не прямолинейны и однозначны (в частности, в изучаемом нами регионе в эпоху складывания наций можно наблюдать сложное переплетение процессов языкового размежевания и языковой интеграции⁸). И все же можно говорить об определенных закономерностях развития, которые в той или иной мере отражаются на судьбе всех средств и форм языковой коммуникации, используемых в данном обществе, и ведут к существенному изменению языковой ситуации. Это проявляется в перестройке соотношения и в новом характере взаимодействия различных языковых формаций, обслуживающих определенный социально-этнический коллектив, иногда в появлении новых языковых разновидностей⁹. Сложные, порой противоречивые процессы и тенденции в развитии языковой ситуации наблюдаются в условиях многонационального государства и борьбы угнетенных народов за национальное освобождение. Именно в таких условиях происходит формирование наций у большинства народов Центральной и Юго-Восточной Европы. История консолидации этих народов в качественно новые социально-этнические (этносоциальные) общности — нации дает интереснейший материал и в языковом аспекте.

Развитие экономических, торговых, политических связей, рост промышленности и городов и т. п. приводит к заметному оживлению контактов населения, к разного рода миграционным процессам. Все это находит отражение и в области языка. Усиливается взаимодействие местных народных говоров, возрастает роль городских койне, получают распространение различные виды обиходно-разговорной речи, характеризующиеся определенной нивелировкой диалектных различий, простой народный язык постепенно пробивает дорогу из бытовой сферы в литературу и другие области общественно-культурной коммуникации. При этом в ряде стран наблюдается конкуренция областных (региональных) разновидностей письменно-литературного языка, возникших еще в донациональный период на базе разных диалектов местного этноса¹⁰.

Существенные изменения как в социолингвистическом, так и в интралингвистическом плане претерпевают литературные языки с древней письменной традицией (польский, чешский и др.). У некоторых народов, не имевших в донациональный период нормализованного письменно-литературного языка на основе родной речи, в рассматриваемую эпоху значительную роль приобретают специфические наддиалектные формации, выполняющие важную культурную и объединительную функцию и служа-

щие базой для становления литературного языка данной нации («культурные интердиалекты»¹¹).

В результате названных и подобных процессов создаются условия для преодоления диалектной замкнутости, характерной для эпохи феодализма, усиливается степень языковой общности формирующегося национального коллектива.

Различные изменения и преобразования в сфере языка, обусловленные исторически-объективным процессом зарождения капиталистических отношений и становления наций, на наш взгляд, можно охарактеризовать как разные стороны сложного процесса складывания системы национального языка, которая в ряде своих черт и признаков существенно отличается от совокупности языковых формаций («языковых образований», «форм существования языка», «языковых идиомов») данного этноса в донациональный период. Доминантой этого процесса является формирование и упрочение позиций единого литературного языка нации — национального литературного языка.

Следует отметить, что в последние годы в советском языковедении делаются попытки уточнить содержание понятия «национальный язык» и преодолеть нередко возникающие трудности, связанные с неоднозначным толкованием данного термина¹². При этом акцентируются два существенных момента: 1) национальный язык — не вневременная, а историческая категория, возникновение которой связано с эпохой зарождения и развития капиталистического общественного уклада и формирования наций¹³; 2) национальный язык — сложная, системно организованная совокупность разновидностей языка данной нации (от единого национального литературного языка до местных народных диалектов)¹⁴. В этой связи многие лингвисты совершенно правильно подчеркивают необходимость и важность четкого разграничения понятий и терминов «национальный язык», «национальный литературный язык» и «литературный язык», которые в научной литературе иногда смешиваются или отождествляются (так, в ряде работ по существу ставится знак равенства между «национальным языком» и «национальным литературным языком» или между «литературным языком» и «национальным литературным языком»)¹⁵.

При изучении изменений в языковой ситуации, связанных со становлением нации, основное внимание уделяется, как правило, выяснению путей образования национальных литературных языков. И это вполне оправдано, если учесть, что национальный литературный язык является важнейшим компонентом системы формирующегося национального языка (а именно, той его разновидностью, которая в своем развитии в наибольшей мере способна отражать и представлять единство языка нации, обеспечивать ее языковую консолидацию).

Исследование процессов образования национальных литературных языков представляет большой научный интерес в историко-лингвистическом плане: ведь отдельный национальный ли-

тературный язык является конкретно-исторической реализацией особого языкового феномена — «литературного языка»¹⁶. При таком подходе серьезное внимание уделяется изучению становления строевых признаков данного литературного языка, его внутренней системной организации, закономерностей складывания, унификации и стабилизации норм литературного языка на разных ярусах языковой структуры, изучению вопроса о его диалектной основе, о функционально-стилистической дифференциации единого литературного языка и т. п.

Наряду с этим важное значение имеют социолингвистический и историко-культурный аспекты изучения процессов формирования национальных литературных языков. Становление национального литературного языка не может рассматриваться как процесс имманентный. Его социальная и историко-культурная обусловленность очевидна. Не случайно, что, несмотря на специфику конкретных условий и своеобразие ряда черт процесса формирования национальных литературных языков у отдельных народов¹⁷, общность или сходство основных экономических, социально-политических и историко-культурных предпосылок, характеризующих эпоху перехода от феодализма к капитализму, определяет и обуславливает проявление общих, типичных закономерностей в становлении и развитии национальных литературных языков. Для данной эпохи типична, в частности, тенденция к демократизации литературного языка, хотя в конкретно-исторических условиях развития отдельных народов и их языков она проявляется по-разному (в одних случаях в сближении традиционных книжно-письменных норм с живой народной речью, в других — в создании литературного языка на основе местных говоров или близких к ним интердиалектных формаций и т. п.). Эта тенденция, несомненно, была связана с пробуждающейся общественной активностью народных масс, со стремлением молодой буржуазии привлечь их к борьбе за национальные права, с осознанием их места и роли в структуре формирующейся нации. Другой характерной чертой рассматриваемой эпохи является изменение социально-культурного статуса литературного языка, основанного на родной речи народа. Поднимается его престиж, расширяются сферы его применения. В это время происходит осознание общественной и национально-культурной роли родного языка и прежде всего его литературной разновидности.

При всей важности вопросов, связанных с освещением процессов становления и развития национальных литературных языков, кодификации и стабилизации единых литературно-языковых норм и т. п., изучение языкового аспекта формирования нации не может быть ограничено только этой проблематикой. Как уже отмечалось выше, национальный литературный язык является важнейшим компонентом системы (стратификационной модели) национального языка, которая объединяет ряд звеньев (подсистем, социально-функциональных и территори-

альных вариантов единого языка). Поэтому представляется необходимым выявить и осветить закономерности развития в изучаемую эпоху также других компонентов складывающейся системы национального языка (местных диалектов, различных форм общо-разговорной речи, культурных интердиалектов и т. п.) в их взаимодействии с литературным языком. В этом плане перед лингвистами, исследующими процессы становления и развития национальных языков, стоят интересные и сложные задачи.

Наряду с объективными факторами, определявшими характер конкретной языковой ситуации и тенденции ее развития в той или иной стране, в рассматриваемую эпоху заметно возрастает роль факторов субъективного плана: целенаправленной сознательной деятельности не только языковедов, кодификаторов, книжников, но и широкого круга образованных людей — представителей различных социальных слоев, политических, идеологических и литературных течений, направленной на достижение единства в литературно-языковой сфере, на совершенствование национального литературного языка, на упрочение его позиций в различных областях общественной и культурной жизни. Понимание важности языка как необходимого орудия борьбы за национальное равноправие, как фактора и показателя национального самоутверждения и развития национальной духовной культуры проявлялось в том, что языковые вопросы и требования включались в программы национально-освободительного движения народов Центральной и Юго-Восточной Европы, выступая в этих программах в тесной связи с другими социальными и национально-политическими требованиями. И это вполне естественно, так как в условиях формирования нации, пробуждения и усиления национального самосознания особенно остро осознавалась национально-репрезентативная функция родного языка, особенно активными были действия патриотически настроенных общественных и культурных деятелей, направленные на закрепление «своего» языка в литературе, в других сферах общественно-культурной коммуникации, на вытеснение из этих сфер «чужих» литературно-письменных языков (если подобные языки обслуживали общество в донациональный период).

В свою очередь упрочение престижа национального литературного языка, возрастание его роли в системе национального языка в немалой степени способствовали дальнейшей консолидации нации, укреплению экономических, торговых и культурных связей в рамках национального коллектива, усилению национального самосознания.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 147.

³ См.: Исаев М. И. *Нация и язык.*—

Вопросы истории, 1968, № 2, с. 99—112. Ср. также: *Базиев А. Т., Исаев М. И. Язык и нация.* М., 1973, с. 76—90.

- 4 См.: Вопросы истории, 1966, № 1, с. 38.
- 5 См.: Вопросы истории, 1966, № 12, с. 109.
- 6 Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 33.
- 7 Филин Ф. П. Ленинское учение о нации и некоторые проблемы национального языка.— Изв. АН СССР, серия литературы и языка. М., 1970, вып. 2, с. 150; *Он же.* Нация и язык.— *Prace filologiczne.* Warszawa, 1974, t. XXIV, s. 24.
- 8 О социальной обусловленности этих явлений см.: *Krejčí K. K otázce integrace a dezintegrace jazykové v obrozenských hnutích slovanských.*— *Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů (Varšava, 1973): Literatura, folklor, historie.* Praha, 1973, s. 83—89.
- 9 Ф. П. Филин справедливо замечает: «Становление нации влечет за собой возникновение новых видов речевого общения и серьезное перераспределение старых языковых средств» (Нация и язык, с. 24).
- 10 См.: *Десницкая А. В.* Роль устных койне в истории образования албанского литературного языка.— Материалы III Международного конгресса по исследованиям Юго-Востока Европы. Раздел 2. Лингвистика. Бухарест, 1974.
- 11 См.: *Смирнов Л. Н.* О роли культурных интердиалектов в процессе формирования славянских литературных языков.— В кн.: *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.* М., 1978, с. 116—121.
- 12 Точка зрения некоторых советских языковедов, ставивших под сомнение правомерность использования термина «национальный язык» в качестве лингвистического, была подвергнута критике и не получила признания. См.: *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, с. 77—81; *Филин Ф. П.* Ленинское учение о нации..., с. 146—147; *Ардентов Б. П.* Национальный язык в свете ленинских положений.—
- В кн.: *В. И. Ленин и вопросы языкознания.* Кишинев, 1970, с. 4—5.
- 13 Тезис о социально-исторической закономерности формирования национальных языков был впервые сформулирован Л. П. Якубинским в статье «Капитализм и национальный язык» (1932 г.) См.: *Десницкая А. В.* Как создавалась теория национального языка (Из истории советского языкознания).— В сб.: *Современные проблемы литературоведения и языкознания. К 70-летию акад. М. Б. Храпченко.* М., 1974, с. 408. Это положение получило дальнейшее развитие в трудах советских лингвистов. М. М. Гухман считает, что национальный язык — это «определенный исторический этап в развитии форм существования языка, соотносительный с процессом становления национального единства» (В кн.: *Общее языкознание: Формы существования языка, функции, история языка.* М., 1970, с. 530).
- 14 Ср. следующее определение: «Национальный язык — язык нации во всех его разновидностях (исключая жаргоны, понятные только узким кругам лиц), объединенных общей основой... среди которых ведущая, определяющая роль принадлежит литературному языку» (*Филин Ф. П.* Советское языкознание: теория и практика.— *Вопросы языкознания,* 1977, № 5, с. 8). См. также: *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. М., 1977, с. 77.
- 15 О дискуссиях по этому вопросу см.: *Виноградов В. В.* Проблемы..., с. 69—82.
- 16 Национальный литературный язык является «одним из возможных типов литературного языка» (*Гухман М. М.* К типологии германских литературных языков донационального периода.— В сб.: *Типология германских литературных языков.* М., 1976, с. 7).
- 17 Интересный материал в этом отношении содержит кн.: *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков.* М., 1978.

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ДВУАЗЫЧИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИЙ

Ю. Хлебовчик

Рассмотрим вначале понятийный аппарат в том объеме, который необходим для дальнейшего изложения.

Области соприкосновения и сосуществования различных этноязыковых групп, народностей и наций имеют ярко выраженную специфику развития. К упомянутым областям мы будем применять термин «национально-языковое пограничье», отличая их от территорий однородных или относительно однородных в этом отношении. Под термином «пограничье», правда, можно также понимать только районы, находящиеся на стыке разных национальных групп (что имеет место главным образом в Западной Европе). Мы, однако, сосредоточим наше внимание на смешанных областях (территории соприкосновения и сосуществования), характерных прежде всего для восточной части Центральной Европы¹.

Речь будет идти: а) об однородных территориях, где имеются иноязычные анклавы (например, в южном Тироле, на периферии чешских земель, на австро-венгерском пограничье); конфигурация их иногда носит очень сложный характер и б) о собственно смешанных районах (например, Южная Штирия, Южная Каринтия²), часто имеющих специфическую социально-языковую (национальную) структуру. В обоих случаях мы имеем дело либо с районами, которые исторически сформировались в результате волн колонизации разного масштаба, характера и интенсивности, наслаивавшихся друг на друга на протяжении столетий, либо с районами, возникшими в результате быстрых демографических изменений, вызванных индустриально-урбанистическими процессами капитализма. Такое понимание «пограничья» выходит за рамки чисто географической (территориальной) трактовки и дает возможность учесть ситуацию рассеянных этноязыковых и национальных групп.

Характерной чертой пограничья является то, что в его пределах выступает дву- или многоязычие. Процесс овладения двумя или несколькими языками и их использования можно рассматривать: а) в плане индивидуальных фактов — как психологический процесс и б) в сфере массовых фактов — как общественный процесс. В первом случае речь идет о полиглотах. В данном исследовании мы рассмотрим второй случай — явление двуязычия (билингвизма) или многоязычия (мультилингвизма) определенных районов пограничья. Поэтому мы отказываемся от рассмотрения тех ситуаций, которые именуются «неконтактное двуязычие» («языковой дуализм») и относятся исключительно к сфере культурных контактов, а не этнических. В качестве примера можно привести явления польско-латинско-

го билингвизма XVI в., немецко-датско-норвежского мультилингвизма в Норвегии в XVIII и начале XIX в., а также польско-французское или русско-французское двуязычие определенных слоев польского и русского общества XVIII—XIX вв.

Принимая во внимание степень этноязыкового родства, мы различаем «пограничье стыковое» и «пограничье переходное». Первое понятие относится к территориям, где сосуществуют столь различные этноязыковые группы, как, например, польские и немецкие, словацкие и мадьярские, украинские и румынские. Второе понятие определяет группы, родственные с этноязыковой точки зрения (главным образом славянские). Специфической чертой переходного пограничья является генетическое двуязычие в противоположность негенетическому двуязычию на стыковом пограничье. Этноязыковое родство — причина отсутствия четкой демаркационной границы, характерной для стыкового пограничья. Граница носит здесь настолько размытый, переходный характер, что на этой территории, как правило, мы имеем дело не с четкой разделительной линией, а с переходной зоной. В ее пределах можно констатировать — и то не всегда однозначно — лишь нарастание или сокращение числа тех или иных этноязыковых черт. Ярким примером могут служить трудности, о которых писал еще Л. Нидерле, возникающие перед славяноведом-этнографом при попытке определить, например, словацко-украинскую этноязыковую границу³.

Проиллюстрируем приведенные выше рассуждения⁴:

Двуязычие

двуязычие неконтактное

двуязычие контактное

двуязычие контактное генетическое пограничье переходное

двуязычие контактное негенетическое пограничье стыковое

Существенной чертой каждого пограничья является то, что в зависимости от степени развития оно всегда, в большей или меньшей степени, представляет собой область конфронтации различных встречающихся здесь жизненных позиций и социальных ценностей. В результате этого возникают процессы распространения и взаимопроникновения различных культурных, языковых, экономических, демографических и политических влияний. Верх берет — не окончательно, а временно — та сфера культуры и цивилизации и тот общественно-политический уклад, которые по разным причинам оказываются для местного населения наиболее привлекательными и реальными. Сила и масштаб воздействия этих процессов, не свойственных однородным районам, — зависят от разных обстоятельств данного этапа развития.

Ввиду того что на территории пограничья сосуществуют разнородные группировки, мы будем различать в условиях существования капиталистических социальных структур общность более влиятельную, как правило, более развитую в культурном отношении, иногда также более многочисленную. Мы вводим понятие «группа (общность) господствующая» в отличие от «груп-

пы (общности) меньшинства». Определяющим критерием является принадлежность к господствующей нации в рамках существующей расстановки классовых сил. Так, немецкие анклавы до 1867 г. на территории всей габсбургской империи, а позже уже только в границах Цислейтании были господствующими группами независимо от их численности в пределах данной территориальной единицы.

Среднее положение занимают те общности, которые относятся к доминирующим группам на данной территории в силу своих общественно-экономических преимуществ, более высокого культурного уровня, степени социальной активности, принадлежащих им (узурпированных ими) социально-правовых позиций и привилегий. Общность этого типа — мы называем ее «доминирующая группа» — не принадлежит к правящей нации и играет роль господствующей группы по отношению к той части населения, с которой она сосуществовала, например, саксы в Трансильвании по отношению к румынскому населению, поляки в Восточной Галиции по отношению к украинскому населению, итальянцы в Далмации, Истрии, Горице-Градишке по отношению к словенцам, хорватам и сербам; это была одновременно группа меньшинства в контактах с господствующей нацией (в первом случае — в контакте с мадьярами после 1867 г., во втором и третьем случаях — с австрийскими немцами).

Язык господствующей, а часто также и доминирующей⁵ группы в интересующий нас период выполняет две основные функции: а) повседневно употребляемого обиходно-разговорного языка (часто диалекта); б) литературного языка, посредством которого данный коллектив приобщается к общечеловеческому культурному достоянию в самом широком смысле слова.

Речь коллектива, образуемого меньшинством, завоевывает ранг литературного языка постепенно, по мере развития процесса формирования нации. Основным содержанием первой фазы этого процесса в условиях восточной части Центральной Европы является именно перспективное развитие родного языка (см. ниже) — местного диалекта, выполнявшего первоначально чисто коммуникативную функцию. Это сокращает (в некоторых случаях очень существенно) первоначально значительный разрыв между группой большинства и группой меньшинства в культурном отношении, однако само по себе не может привести к полному равноправию, к выравниванию уровня развития, а тем самым престижа обоих языков.

Здесь играют роль еще некоторые существенные моменты. В сфере общественной жизни на всей территории пограничья, а также в пределах всего многонационального государства языки «групп большинства» (группы господствующие и доминирующие) монополизируют свою позицию или сохраняют значительные преимущества как общеупотребительные. В сфере правовых и политических отношений язык господствующей группы, а в определенных условиях и ограниченном объеме также и язык

доминирующей группы выполняют функции государственного (официального) языка. Таким образом, при сохранении существующих государственно-правовых условий язык «группы большинства» всегда будет отличаться большим социальным престижем, который является следствием политического влияния, общественно-экономических преимуществ и культурного уровня. Все эти моменты объективно (независимо от наличия сознательно и целенаправленно предпринимаемых в данном направлении мер) придают ему черты активности по сравнению с языком (наречием) «группы меньшинства», который как бы подчиняется ему.

Отмеченная выше конфронтация разных групп населения в условиях пограничья в определенных обстоятельствах ведет к развитию социальных процессов, оказывающих серьезное влияние на дальнейшее формирование языково-национального облика данного региона. Эти процессы тесно связаны с обусловленной реальной действительностью объективной закономерностью развития, известной под названием *ассимиляции*. Ее сущность сводится к тому, что на всех территориях с многоязычной структурой потребности экономического оборота⁶, интересы развивающейся общественной и культурной жизни выходят за рамки (иногда весьма узкие) отдельных языково-национальных общностей, заставляют группу меньшинства пользоваться языком группы большинства. Всюду в условиях образующегося и развивающегося таким образом двуязычия и многоязычия появляются и накапливаются предпосылки для массового выхода представителей группы меньшинства из сферы действия первоначальных языковоэтнических связей с перспективой их перехода в группу большинства. Отмеченные выше процессы взаимодействия и взаимопроникновения различных культурных, социально-экономических и политических влияний приводят к тому, что наиболее частым является феномен полуассимиляции («культурной гибридизации»), который характеризует общественное положение и поведение значительной части местных жителей.

Исходным моментом в дальнейших рассуждениях будет уточнение других основных понятий. Язык⁷, с которым сталкивается ребенок и который он усваивает в родном доме, мы определяем как материнский язык (*Muttersprache*, *řeč mateřská*, *la langue maternelle* и т. п. эквиваленты, не вдаваясь в нюансы типа *Familiensprache*, *Vaterssprache* и т. д.). Для упрощения мы опускаем ситуации, когда установление материнского языка невозможно или по крайней мере сильно затруднено (например, в некоторых смешанных семьях на пограничье или в космополитических кругах мещанства, буржуазии и особенно аристократии)⁸. В то же время в сфере общественных отношений, в которых ребенок созревает, получает квалификацию и уже как взрослый человек включается в социальную жизнь (например, миграции для заработка, служба в армии), ведет профессиональную деятельность, удовлетворяет различные потребности, господствует

обиходно-разговорный язык (Umgangssprache, *l'èc obcovaci, la langue parlée*). Обиходно-разговорный язык может быть идентичен с материнским, можно также овладеть им наряду с любым другим чужим языком. Наконец остается третья возможность — разговорный язык, не совпадающий с материнским языком, проникает в сферу самой интимной личной жизни.

Интенсивность и диапазон указанного проникновения весьма разнообразны; на них воздействуют разные факторы, о которых будет сказано ниже. В самом далеко идущем варианте это проникновение приводит к такому положению, когда чужой разговорный язык оттесняет материнский на задний план и занимает его позиции в личной, семейной, общественной жизни подростка и взрослого человека. Если говорить о семейной жизни, то в ней особую роль играет характерное для условий пограничья явление смешанных браков. Это проникновение в несомненно более слабой степени касается родителей, так как здесь закон инерции проявлялся несравнимо сильнее, фиксируя первоначальное состояние, преграждая путь всяким внешним влияниям и различным «новшествам». Действие закона инерции, выступающего с особой силой во всех доиндустриальных обществах, обуславливает то, что в процессе формирования наций особую роль играет именно проблема поколений.

Процесс, о котором идет речь, наглядно можно было бы представить так. Место материнского языка, которым ребенок обязан матери и атмосфере родного дома, на котором он познал контуры окружающего его внешнего мира, а в сфере внутренних переживаний на фоне семейных связей — первые эмоции и чувства, выучил первые молитвы, занимает язык первоначально чужой — как необходимый для подростка и взрослого обиходно-разговорный язык. С течением времени житель пограничья начинает думать на этом языке (*Denksprache*) и переживать. *Lingua del pane* (язык хлеба), пользуясь известным итальянским определением, поднимается до роли *lingua del cuore* (язык сердца). Это не может не влиять на формирование чувства и характера общественной связи, обособливающей данную личность от ее первоначальной общности (языково-этнической, национальной группы), и связывающей эту личность с новой общностью, ранее ей чуждой.

Для дальнейшего анализа мы вводим следующие условные знаки:

«х» — материнский язык, исконный (язык, диалект), усвоенный в родном доме;

«у» — обиходно-разговорный язык;

«z» — чувство общественной связи, проистекающее из осознания своей принадлежности к определенной этнической общности, определяемой как «х», либо к общности, связанной с культурной средой «у», в том случае, если «у» не идентичен «х»;

«а» — язык группы большинства;

«b», «с», «d» — языки (диалекты) групп меньшинства;

«(a)» — чувство принадлежности к группе большинства;
 «(b)», «(c)», «(d)» — чувство принадлежности к данным группам меньшинства.

Динамику развития языково-этнических отношений в сфере группы большинства на пограничье отражает представленная в табл. 1 альтернатива.

Таблица 1

Общность большинства			
Вариант	x	y	z
Первый	a	a	(a)
Второй	a	ab	(a)

Таблица 2

Общность меньшинства			
Вариант	x	y	z
Первый	b	b	(b)
Второй	b	b	(b)
Третий	b	ba →ab	(ba→ab)
Четвертый	b	ab	(a)

К первому варианту относится львиная доля ситуаций, которые возникают в группе большинства, что вполне отражает положение на однородных территориях. Второй вариант появляется всюду, где профессиональные и имущественные интересы, определенные общественные запросы или просто своеобразное пристрастие диктуют необходимость установления и поддержания постоянного контакта с иноязычной средой. В данном случае прежде всего имеется в виду непроизводственный сектор или сектор услуг (купцы, торговцы, различные торговые посредники и т. д.) и представители низших кругов просвещенного слоя, позднее интеллигенции — особенно сельской — администрации, судебных чиновников, духовенства, учителей. Однако заимствованный язык, как правило, остается *lingua del rane*. Овладение и пользование им не влияет в значительной степени на формирование общественного сознания данной личности. Правда, спорадически второй вариант может привести к ситуации:

a ab→ba⁹ (ab→ba)

и даже к ситуации:

a ab→ba (b)

Однако оба случая, особенно второй, носят единичный характер и не типичны для отношений на пограничье.

Первый и второй варианты охарактеризованы выше. Пример ирландских отношений, формирующихся первоначально согласно второму варианту (а окончательно: b ba→ab→a (b)), показывает, что вытеснение (даже почти полное) материнского языка чужим языком (в данном случае английским) не обязательно влечет за собой далеко идущие этнические последствия. Специфической чертой каждой группы меньшинства является, однако, то, что первый и второй варианты не исчерпывают всех возможных жизненных ситуаций ее членов. Ибо перед ними

встают другие альтернативы развития, представленные в третьем и четвертом вариантах. Эти варианты обнаруживают качественно новое содержание, которое составляет сущность явления ассимиляции.

Схематически процесс ассимиляции в интересующей нас сфере состоит из двух фаз: *языковой ассимиляции* и *культурно-бытовой ассимиляции*. Исходным пунктом первой фазы является усвоение, хотя бы и пассивное, языка чужой группы, как правило, общности большинства; речь идет о явлении, изображенном знаками ба. В первую очередь под влиянием государственного или общеупотребительного языка происходит усвоение нового звучания имен и фамилий, затем топографических названий, сравнительно дольше в первоначальной версии сохраняются нарицательные имена. Здесь мы имеем дело с моментом особой важности в ходе всего процесса ассимиляции, хотя он еще не является поворотным. Этот процесс требует сознательной воли и определенного индивидуального усердия личности. Значение этого факта можно полностью оценить, если принять во внимание роль уже упоминавшегося закона инерции как существенного фактора общественного поведения во всех слабо развитых обществах, из которых в первую очередь состояли группы меньшинства. С чисто технической стороны овладение языком группы большинства не представляло в принципе больших трудностей по сравнению с освоением языка (диалекта) группы меньшинства (см. ab в табл. 1).

Суть дела заключалась в чем-то ином. Из того, что уже было сказано о сфере действия второго варианта в табл. 1, следует, что в орбиту билингвизма в первую очередь попадал элемент, по своей сути особенно социально подвижный, инициативный и интеллектуально развитый. В группе меньшинства из-за отставания ее развития этот элемент был представлен слабее¹⁰. Более того, его развитие было в значительной мере обусловлено, а после перехода известной границы, определено рамками и возможностями родной этно-языковой среды, в полной мере зависело от овладения языком группы большинства. Мы сталкиваемся здесь с проявлением действия специфического для каждого пограничья *Языкового барьера*. Его наличие значительно затрудняло всякие шансы жизненного старта тех лиц, которые были выходцами из групп меньшинства, даже из наиболее развитых групп. Преодоление этого барьера требовало большей затраты энергии и большей инициативы, чем от представителей группы большинства. Ибо для последних двуязычие в любом случае было не вопросом жизни и смерти, а только средством для достижения дополнительного, причем не всегда значительного, козыря для удовлетворения жизненных потребностей в общественной деятельности и в личной жизни.

Сосуществование в условиях пограничья различных языково-этнических общностей привело к стихийному образованию определенных институтов и обычаев, облегчающих преодоление язы-

кового барьера. К ним относится широко практикуемый в чешских землях и в австрийской Силезии временный обмен детьми школьного возраста и обучение ремеслу для овладения языком соседей ¹¹.

Поворотным моментом процесса ассимиляции был момент, когда расширялись функции постепенно осваиваемого чужого языка. В табл. 2 отражена указанная ситуация «Y» — в третьем варианте формулой: «ba→ab». Она представляет эволюцию основного чужого языка из *lingua del pane* в сознании данной личности в *lingua del cuore*. Речь идет о долговременной фазе, охватывающей жизнь 2—3 и более поколений, процессе, который постепенно переходит из чисто языковой сферы («Y») в сферу культуры и цивилизации (культурно-бытовая ассимиляция). Если при овладении чужим языком возникали трудности, то культурно-цивилизационная адаптация происходила как бы автоматически, почти незаметно. Ее успехи в свою очередь влияли на общественную связь внутри группы меньшинства («Z») ¹². Эти успехи отражались в изменении характера и типа самой связи ассимилирующихся лиц или целых коллективов. В первую очередь они ослабили чувство связи с прежней первичной языково-этнической общностью, все более и более освобождали данную личность или целые коллективы от воздействия культурных ценностей и моделей поведения этой общности, пролагали путь к более полной идентификации с новой чуждой до сих пор культурно-цивилизационной сферой «Z» — (ba→ab) с перспективой полной *национальной ассимиляции* в условиях развития современного общественного сознания.

Уже из того, что было сказано выше о сущности и механизме процессов ассимиляции, следует, что они должны были развиваться более интенсивно на переходном пограничье, а именно при взаимных контактах между общностями, родственными в языково-этническом отношении. Впрочем, здесь имеет значение, помимо влияния переходной зоны, еще другой момент, дополнительно усложняющий существующее положение. Низкий уровень развития, присущий преобладающей части групп меньшинства в восточной части Центральной Европы в период, когда они попадали в орбиту формирования современного общественного сознания, обусловил то, что они в этот период пользовались слабо развитым языком. Сначала он не выходил за пределы локального диалекта или даже местного говора со скромным основным словарным запасом и грамматической структурой, которая существовала благодаря языковому опыту, но не была кодифицирована. Сосуществование родственных языково-этнических групп в этих условиях ведет на переходном пограничье не столько к билингвизму, сколько содействует образованию и укреплению своеобразного наречия, являющегося смесью разных диалектов и говоров, приспособленной для нужд общения.

Воспользуемся конкретным примером, основанным на специфике польско-чешского пограничья в Тешинской Силезии, опус-

Языково-этнический характер переходного пограничья в Тешинской Силезии в XIX в.¹⁸

в.	польский язык, тешинско-польское наречие
с.	чешский язык, моравское наречие (тешинско-чешское)
Административный повет	Бельский b
»	» Тешинский $b, \begin{matrix} b & c \\ c & b \end{matrix}$
»	» Фриштацкий $v, \begin{matrix} b & c \\ c & b \end{matrix}$
»	» Фридецкий $\begin{matrix} c \\ b \end{matrix}, c$

тив проблему местного стыкового пограничья (польско-немецкого и чешско-немецкого).

Указанная выше специфическая черта переходного пограничья в табл. 3 представлена в виде дроби: ее числитель указывает на господствующую языково-этническую особенность в местном наречии. Ситуация в Бельском повете, как и на прилегающих к нему территориях соседних поветов — Тешинского и Фриштацкого, была однозначной. Собственно переходная зона включала: 1) западную часть Тешинского повета и западный и северо-западный район Фриштацкого повета, 2) большую часть Фридецкого повета. В первом случае в местных горах решительно преобладали элементы польского языка $\left(\frac{b}{c}\right)$, все явственнее уступали место по мере продвижения на запад и северо-

запад чешско-моравскому наречию $\left(\frac{c}{b}\right)$. Территории, расположенные непосредственно вдоль реки Остравы, отделяющей Тешинскую Силезию от Моравии, имели чешский облик (с).

Приведенный пример, между прочим, доказывает и то, какими иллюзорными являются все попытки использовать язык, на котором говорит местное население на территории переходного пограничья в качестве «объективного» критерия определенной национальной принадлежности¹⁴. Что касается непосредственно интересующей нас проблемы, необходимо констатировать, что в связи с отсутствием четкой языковой границы вообще трудно говорить о существовании (по крайней мере до определенного времени) билингвизма как явления социального, а соответственно и ассимиляции.

Еще во второй половине XIX в. исчезновение ряда языково-этнических, особенно мелких, общностей могло казаться единственно реальной их перспективой, полностью отвечающей общему направлению развития. Оценивая ретроспективно историю

последнего столетия этой части континента, мы ясно видим иной путь развития. Помимо интеграционных и унификаторских тенденций прогресс капитализма имеет и еще одну сторону в интересующей нас области. Она связана с объективной закономерностью, которая, как оказалось, в конце концов взяла верх в значительной части случаев. А именно прогресс капитализма ускорял — как бы на основе действия закона сообщающихся сосудов — общее цивилизационно-культурное и социально-экономическое развитие всего без исключения многонационального государства, в том числе, хотя и в неодинаковой степени, его наиболее отсталых частей. Таким образом интеграционно-унификаторским тенденциям начинают с течением времени с нарастающей силой противостоять дифференциально-эмансипаторские контртенденции; они в определенных обстоятельствах с успехом нивелируют действие процессов ассимиляции. По мере демократизации отношений и общего подъема цивилизационно-культурного уровня усиливающийся процесс объединения изолированных ранее общностей получает новое направление. Определяющим в нем становится поднимающееся в иерархии общественных ценностей до роли одного из высших ее элементов сознание обособленности, а тем самым сознание первоначальной языково-этнической общности и проистекающее отсюда чувство связи как главного объединяющего элемента этой общности. Суть такого положения вещей заключалась в том, что в условиях языково-этнической чересполосицы восточной части Центральной Европы возможности пространственной экспансии языков групп большинства оказались недостаточными с точки зрения социально-экономических требований интеграционных процессов, которые принес с собой капитализм. В этой ситуации возникли объективные предпосылки для перспективного развития родного языка групп меньшинства. Ибо только он мог обеспечить в районах пограничья максимальное развитие, сферу воздействия общественного прогресса и возможности наиболее широкого участия в нем всего населения.

Именно это перспективное развитие родного языка стало основным содержанием первой фазы процесса формирования нации — эмансипации, интеграции и унификации отдельных языково-этнических групп, живущих в восточной части Центральной Европы. В результате этого процесса возникает новый тип социальной общности — *национальность* *. Предпосылкой ее образования было развитие самого языка. Выполняя функции средства общения, обмена мыслями и опытом, он с самого начала был связан с определенными элементами «самосознания», с чувством принадлежности к определенной этнической общности, цементируемым традицией, общностью норм поведения, исторически сложившимся родством психического склада и общи-

* Относительно понятия «национальность» см.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 37—40.— *Ред.*

ми достижениями в цивилизационно-культурном отношении. Следует, однако, подчеркнуть, что в совокупности тогдашнего общественного сознания доминирующее место все еще занимали узы территориальной и социально-правовой общности независимо от ее языкового характера. На этом этапе развития весь процесс эмансипации сводится исключительно к языково-культурной сфере.

Процесс формирования нации при соответственно благоприятных геополитических условиях и межнациональных отношениях имеет свой автоматически действующий механизм развития. По мере развития языково-культурной фазы национального движения все сильнее начинает сказываться — как интеграционный фактор — чувство общих судеб в прошлом. Кристаллизуется историческое самосознание. Вместе с уже имеющимся и углубляющимся чувством принадлежности к данной языково-культурной общности оно оказывает решающее влияние на дальнейшее формирование представления о национальной обособленности и национальной идентификации. Таким образом, на фоне развивающегося осознания принадлежности к данной языково-этнической общности, связанной общими судьбами и наследием прошлого, возникает *национальная связь*, как идеологическая категория. В результате этой второй фазы процесса национальной эмансипации национальность преобразуется во внутренне сплоченную, четко обособленную от внешнего мира группу. Применительно к соответственно большим общностям речь идет попросту о *нации*; в остальных случаях ее части оформляются как *национальные меньшинства*. Среди этих последних возникает и углубляется чувство связи со всей уже существующей или формирующейся нацией. Второй этап процесса формирования нации ведет к преодолению господствовавшего ранее сознания региональной обособленности. С этого времени его место занимает — уже как массовое явление — чувство общенациональной связи, принадлежности к определенной большей общности — нации — на всей занимаемой ею территории, независимо от существующих в данное время государственных границ, административно-политических, религиозных и других делений и существующей социальной структуры¹⁵.

С учетом приведенных выше доводов дадим развернутое определение условного знака «Z» (см. с. 106); прежнее определение заменяется новым: «Z» — чувство общественной связи, вытекающее либо из спонтанного чувства обособленности и родственности (выступающего в языково-этнической группе), либо из осознанной принадлежности к определенной первоначальной этнической общности, обозначаемой через «X» (национальности, нации), или к общности, связанной с культурно-цивилизационной сферой разговорного языка «Y» в случае, когда «Y» не идентичен «X».

В свете приведенных рассуждений «Z» может обозначать:

— стихийное чувство языково-этнической общности (а), (b), (с);

— осознанное чувство языково-этнической общности, *чувство этнического самосознания* (А), (В), (С);

— чувство национального самосознания (связи) А, В, С.

Иными словами:

А — означает сознание национальной принадлежности к общности большинства,

В, С — означает сознание национальной принадлежности к общности меньшинства.

Далее, рассматривая этническую связь как фазу на пути к формированию национальной связи, мы можем в случае (А), (В), (С) говорить также о национальной ориентации (например: пронемецкой, пропольской, прочешской).

Для пограничья с простой языково-национальной структурой, т. е. населенного одной группой меньшинства, мы получаем следующую картину (табл. 4) различных возможных ситуаций и направлений развития первого поколения общности меньшинства, втянутого в процесс формирования национального самосознания.

Табл. 4 охватывает все возможные варианты развития, с которыми мы имеем дело в условиях исходного положения в рамках одного (первого) поколения. Первый вариант отражает ситуацию наиболее косной части группы меньшинства; даже дополнительное овладение языком группы большинства, вызванное жизненными потребностями (№ 2), не влияет на формирование уровня общественного сознания данной личности, которая в интересующей нас сфере в своих реакциях не выходит за пределы спонтанного проявления чувства этнической обособленности и родственной близости. Язык группы большинства, усвоенный в большинстве случаев примитивным образом, выполняет основную коммуникативную функцию, обеспечивающую личности, которая им овладела, сравнительно большие возможности и жизненные шансы. Такая позиция свойственна в количественном отношении преобладающему большинству членов группы меньшинства, вступающей в первую фазу процесса формирования нации.

Второй вариант представляет ту часть сельского и городского населения, вначале немногочисленную, которая в своих имущественно-профессиональных интересах, общественных запросах и в связи с иными обстоятельствами натолкнулась на языковой барьер. Этот барьер она пытается преодолеть либо подобно части общности по первому варианту (№ 2) — путем овладения языком группы большинства (№ 4—5), либо путем выдвижения идеи и путем борьбы за равноправие языка (№ 3). Последствия билингвизма в сфере формирования общественного сознания данных личностей могут быть различными; их отражает упоминавшаяся уже альтернатива № 2, в других случаях они не закрывают пути развитию национального движения (№ 4), на-

Таблица 4

Первое поколение группы меньшинства				
Вариант	№ п/п	х	у	z
Первый	1	в	в	(в)
	2	в	ва	(в)
Второй	3	в	в	(В)
	4	в	ва	(В)
	5	в	ва→ав	(АВ)
Третий	6	в	ва	В
	7	ва	ва→ав	А

Таблица 5

Второе и последующие поколения группы меньшинства				
Вариант	№ п/п	х	у	z
Чет- вертый	8	(В)*	в	(В)
	9	(В)	ва	(В)
	10	(В)	ва	В
Пятый	11	(В)	ва→ав	(ВА→АВ)
	12	(В)	ва→ав	(А)→А
	13	В	в, ва	В
	14	В	в, ва	(В)
	15	В	ва→ав	(В→А)
	16	В	ва→ав	(В)→А

конец, они могут создавать предпосылки для включения в процесс ассимиляции (№ 5). Если в случаях № 3—4 (а также № 6) дальнейшее развитие общественного сознания пошло в направлении, определенном первичными узами языково-этнической общности, то остальная часть (№ 5, а также № 7) была поглощена в результате ассимиляции культурно-цивилизационной сферой групп большинства с перспективой полной адаптации в новой языково-национальной среде (№ 7). Освобождаясь от бывшего влияния первоначальной этнической группы, она постепенно разрывает прежние бытовые и духовные узы и ограничивает свои контакты с ней моментами, связанными с повседневными бытовыми потребностями и профессиональными отношениями. В табл. 4 этот процесс, как и выше, обозначен путем изменения очередности знаков от «ba» (ситуация, при которой усвоенный язык группы большинства играет лишь вспомогательную роль и является *lingua del rape*) до «ab», когда первоначальный материнский язык отодвигается на второй план.

Представленное в третьем варианте явление формирования полного национального самосознания в период жизни одного поколения, вошедшего в орбиту процесса формирования нации, касается лишь части просвещенного слоя (интеллигенции) и только в отдельных случаях — единичных представителей крестьянских, мелкомещанских или рабочих кругов.

В табл. 5, отражающей развитие процесса национального самоопределения у последующих поколений, учтены дальнейшие альтернативные направления развития второго и третьего вариантов табл. 4. В связи с односторонним в принципе характером влияния процессов ассимиляции, которые в основном действуют в пользу групп большинства, мы отказались от рас-

* Знак (В) или В в рубрике х означает материнский язык, усвоенный ребенком в семье с сформировавшимся этническим самосознанием (осознанным чувством языково-этнической общности) — в случае (В) или со сформировавшимся уже чувством национальной связи — в случае В.

смотрения дальнейшего развития ассимилирующихся (№ 5) либо уже ассимилированных (№ 7) общностей. Основное направление их развития можно обозначить формулами:

$$\begin{array}{l} (AB) \quad ab, a \quad (AB), A \\ A \quad ab, a \quad A \end{array}$$

Однако это не значит, что в данной группе не могло произойти такого рода перемен, как:

$$\begin{array}{l} (AB) \quad ab \rightarrow ba \quad (B) \\ A \quad ab \rightarrow ba \quad (B) \end{array}$$

или даже:

$$\begin{array}{l} (AB) \quad ab \rightarrow ba \quad B \\ A \quad ab \rightarrow ba \quad B \end{array}$$

Случаи такого рода бывают; однако они носят, как правило, столь спорадический характер, что не составляют общественно-го, т. е. массового, явления. В первую очередь здесь сказывалось воздействие связей семейного и самого близкого окружения, чаще всего — супруга. По иным причинам они выступали в широких масштабах, например в Галиции, в случаях ассимилировавшихся в новом окружении австрийских чиновников, их семей, а особенно молодого поколения. Правда, стойкость борющихся за свое национальное существование групп национальных меньшинств в определенных обстоятельствах может достичь напряжения, приводящего к исключительным ситуациям; тогда процессы ассимиляции определенных слоев и коллективов могут подвергнуться определенному торможению и даже само направление ассимиляции может пойти по иному пути, приобретая черты приведенной выше формулы.

Вернемся к альтернативным направлениям развития групп национальных меньшинств. Они имеют разнообразный характер, исключающий наличие какого бы то ни было заранее детерминированного автоматизма в развитии. По мере прогресса современного общественного самосознания увеличиваются ряды коллективов с развитым этническим самосознанием, предопределенным родным языком (№ 8—9, 14). Рост этот не исчерпывает, однако, совокупности проблем. Ибо одновременно можно констатировать дальнейшее развитие ассимиляционных процессов (№ 11, 15—16). И что наиболее существенно, эти последние вовсе не ограничиваются только лицами, рекрутирующимися из среды, которая достигла уже определенного уровня языковой идентификации (четвертый вариант); ассимиляционные процессы втягивают в орбиту своего воздействия также личности, происходящие даже из семей со сформировавшимся национальным самосознанием (вариант пятый).

Мы имеем здесь дело с двумя характерными чертами каждого пограничья. Первая из них (№ 8, 9, 11) это проявление среди значительной части жителей и поддерживающегося в

дальнейшем состоянии несформировавшейся национальной позиции¹⁶. Это состояние не есть только производная данного уровня развития национального самосознания (вариант четвертый), оно может иметь место также в среде с более развитыми национальными связями. Выше уже была речь о специфике отношений, господствующих на пограничье. В условиях постоянной конфронтации, проникновения, а также распространения разнообразных культурных, политических, языковых, хозяйственных, демографических влияний, процесс формирования национальной обособленности, выступающий здесь — именно в результате этой конфронтации — раньше и несравненно интенсивнее, чем где бы то ни было, не охватывает всего местного населения. В итоге рядом с обществом с ясным, определившимся национальным обликом национальная позиция немалой части местного населения остается неформившейся и неустойчивой; в ее субъективном восприятии возникающая на почве исторически сложившегося языково-этнического единства (автохтонного, исконного) национальная связь не играет большой роли.

Проявления вышеуказанного феномена нельзя сводить исключительно — как это часто делается даже в научных работах, не говоря уже о политической публицистике и художественной литературе — а) в отношении отдельных лиц, с одной стороны, к возвеличиванию верности вере и языку отцов, а с другой, — к житейскому оппортунизму, конъюнктурализму, малому личному сопротивлению натиску чуждого окружения и других такого рода, как правило уничижительных, оценок; б) если речь идет о целых коллективах — к состоянию первобытного примитивизма, к «недоразвитию», как обыкновенно оценивается общность с неопределившимся национальным обликом.

Естественно, что нельзя отрицать роль вышеуказанных моментов и ситуаций. Однако предположение, будто именно на пограничье в большей мере, чем на территориях, однородных в языково-национальном отношении, сосредоточены упомянутые выше и другие прирожденные отрицательные черты человеческой индивидуальности, столь абсурдно, что всякая полемика на эту тему представляется излишней.

Не подвергая сомнению положение вещей, о которых идет речь в пункте «б» (в массовой форме он выступает в начале формирования современного общественного сознания), следует отметить, что по мере развития этого сознания возникает новая ситуация. В зависимости от различных обстоятельств она приносит (наряду с быстрым ростом силы воздействия национальной связи на почве первоначальной языково-этнической общности) в определенных социальных сферах совершенно иные ориентации и связи. Они состоят из сплава различных социальных позиций и концепций, диктуемых спецификой пограничья. В их совокупности — мы подчеркиваем это еще раз — верх берут не навсегда, а временно та культурно-цивилизационная сфера, тот уклад общественно-политических отношений, которые в

разных планах оказываются для местного населения более притягательными и реальными.

В этих обстоятельствах развитие национальной структуры пограничья в период формирования современного общественно-го сознания идет не только в направлении кристаллизации отчетливо выделившихся отдельных национальных общностей; длительный симбиоз двух и более языково-этнических групп, народностей, а также национальных общностей, ведет одновременно к закреплению позиции групп с неопределившимся национальным обликом — «анациональных». Эта позиция в благоприятной ситуации, именно в условиях отсутствия больших национальных антагонизмов, в случае острых социальных и классовых конфликтов проявляет значительную динамику развития и является:

а) или фазой в ассимиляционном процессе, в результате которого она войдет в состав большинства национальной группы,

б) или потенциальной связью качественно новой отдельной этнической и даже национальной общности, опирающейся, в частности, на чувство принадлежности к одной территории.

В условиях более сложной национально-языковой структуры, где мы имеем дело с двумя и более группами меньшинства, соответственно создается большее количество теоретически возможных путей развития. На практике дело обстоит проще. Буковина и Тешинская область дают много примеров очень сложных этноязыковых переплетений, однако в целом процесс развития характеризуется здесь одной основной чертой — значительное количественное возрастание явления возникновения и сохранения неопределенной в национальном отношении позиции. Наряду с территориями, оставшими в общественно-экономическом отношении, вроде Буковины или соседних комитатов Транслейтании, это явление типично для территорий переходного, генетического дву- (поли-) язычного, пограничья. Существование переходной полосы существенно затрудняло процесс формирования национального самосознания на почве первичной языково-этнической общности.

Используя наши условные обозначения, можно было бы следующим образом схематично представить национально-языковую структуру населения самого крупного в габсбургской монархии угольного бассейна, расположенного на польско-чешско-немецком пограничье.

На выбор именно Остравско-Карвинского бассейна в качестве примера для показа специфики развития национальных связей в условиях пограничья со сложной национально-языковой структурой повлиял не только тот факт, что сам автор, уроженец здешних мест, хорошо знает конкретные условия, но также и многообразие имеющихся здесь ситуаций. Остравско-Карвинский бассейн был одним из главных промышленных центров монархии, расположенным на пограничье как стыковым, так и переходном. Ядро жителей с отчетливо выраженной на-

Остравско-Карвинский бассейн в начале XX в.

	X	Y	Z
I. Население с четко определенной национальной принадлежностью			
Немцы	1 (A), A	a, ав, ас, $a\frac{B}{C}$, $a\frac{C}{B}$	A
	2 в, (B)	ва → ав, ас, $a\frac{B}{C}$	A
	3 с, (C)	са → ас, ав, $a\frac{B}{C}$	A
	4 а, (A), A	а, ав, ас, $a\frac{B}{C}$, $a\frac{C}{B}$	(A)
Поляки	5 (B), B	в, ва, $\frac{B}{C}$, $\frac{B}{C}a$	B
	6 с, (C)	$\frac{C}{B} \rightarrow \frac{B}{C}$, ва, $\frac{B}{C}a$	B
Чехи	7 (C), C	с, са, $\frac{C}{B}$, $\frac{C}{B}a$	C
	8 в, (B)	$\frac{B}{C} \rightarrow \frac{C}{B}$, са, $\frac{C}{B}a$	C
II. Население с нечетко определенной национальной принадлежностью			
9	в (B), B	в, ва, $\frac{B}{C}$, $\frac{B}{C}a$	(B)
10	в (B), B	в → ав, ас, $a\frac{B}{C}$	(B) → (BA) → (AB)
11	в (B), B	$\frac{B}{C} \rightarrow \frac{C}{B}$, са, $\frac{C}{B}a$	(B) → (BC) → (CB)
12	с (C), C	с, са, $\frac{C}{B}$, $\frac{C}{B}a$	(C)
13	с (C), C	са → ас, $\frac{C}{B}$, $a\frac{C}{B}$	(C) → (CA) → (AC)
14	с (C), C	$\frac{C}{B} \rightarrow \frac{B}{C}$, ва, $\frac{B}{C}a$	(C) → (CB) → (BC)
15	в (B)	в, ва, $\frac{B}{C}$, $\frac{B}{C}a$	(в)
16	с (C)	с, са, $\frac{C}{B}$, $\frac{C}{B}a$	(с)

циональной принадлежностью составляли поляки (№ 5) из автотонного населения в восточной части (тешинской, Карвинский округ), а в западной (моравской, Остравский округ) — чехи (№ 7). Среди местных немцев только часть (№ 1) происходила из среды, которая исконно была этнически немецкой, а также из иммигрантов, большинство же составляло элемент ассимилированный (№ 2—3) или же ассимилирующийся (№ 4). Этот последний уже причислен к группе с четко выраженной национальной принадлежностью, хотя реально здесь прослеживается только лишь пронемецкая ориентация.

Иначе мы поступили в отношении сложившегося этнического сознания отдельных национальных меньшинств (польского — № 9, чешского — № 12), поскольку дальнейшее направление его развития не было заранее predeterminedено, как это обычно имело место в случае ассимиляции группой большинства. Следует добавить, что среди поляков и чехов как групп меньшинства процент ассимилированных (№ 6 и 8) был значительно ниже процента ассимилированных немецкой группой (№ 2—3).

На массовое появление в Остравско-Карвинском бассейне населения с нечетко выраженной неустойчивой национальной принадлежностью повлияли главным образом два фактора. В условиях переходного пограничья жители значительной части бассейна пользовались обиходно-разговорным языком, представлявшим собой смешение польско-тешинских и лясских (тешинско-моравских) диалектов, а также технической и иной немецкой терминологии. В целом это смешение преобразовывалось, особенно в районах с более высокой степенью урбанизации, в своеобразный «жаргон» с преобладанием — возрастающим по мере продвижения на восток — элементов польского языка (в схеме обозначено дробью $\frac{в}{с}$, а при движении

в западном направлении — чешского $\left(\frac{с}{в}\right)$. Этот «жаргон» существенным образом способствовал сохранению чувства территориального своеобразия и тем самым тормозил формирование национального самосознания.

Другим фактором были последствия адаптации в новой среде Остравско-Карвинского бассейна, главным образом в его западной части, широкой волны иммигрантов из Галиции в последние два десятилетия XIX в. При конфронтации с чуждым в этноязыковом отношении и, несомненно, более развитым окружением часть иммигрантов оказалась на положении жителей своего рода культурного гетто и способствовала в то же время усилению процессов ассимиляции (№ 10—11). В восточной части бассейна значительная часть галицийских иммигрантов попала в сферу воздействия формировавшегося польского национального самосознания; здесь дело доходит даже до колонизации пытавшихся найти работу в карвинских шахтах и на коксовых заводах украинских крестьян из Восточной Галиции (это не

отражено в анализируемой таблице). Для отражения постепенно происходящих изменений в общественном сознании населения Остравско-Карвинского бассейна на фоне процессов ассимиляции использованы в рубрике Z условные обозначения типа (BA), (AB), (BC), (CB), причем первая буква такого обозначения показывает доминирующую черту: например, (BC) означает существенный перевес воздействия польских этнических связей над чешскими и наоборот — (CB) означает преобладание прочешской ориентации, (AB), (AC) — пропемецкой и т. д.

В рамках настоящей статьи было невозможно с исчерпывающей полнотой охватить весь круг вопросов, обозначенных в ее заглавии; прежде всего здесь уделено внимание специфике ситуации на территориях национально-языкового пограничья. При этом остался не рассмотренным вопрос о двуязычии и многоязычии в общественной жизни многонациональных и федеративных государств в целом. Не анализировались также дополнительные факторы, связанные с сознательным проведением определенной национальной политики (ассимиляция, политика денационализации).

¹ Под указанным географическим понятием подразумевается часть континента, простирающаяся от Балтийского моря на севере до Адриатического и Эгейского морей на юге, между этнически компактной немецкой территорией на западе и русской (восточнославянской.— *Ред.*) на востоке.

² *Strake M. Die Untersteiermark in Geschichte und Gegenwart.*—In: *Volkstum zwischen Moldau, Etsch und Donau.* Wien — Stuttgart, 1971, S. 63.

³ *Húsek J. Národopisná hranice mezi Slováký a Karpatorusy.* Bratislava, 1925, s. 5.

⁴ Ср., например: *Ильяшенко Т. П. Языковые контакты на материале славяно-молдавских отношений: Краткий очерк.* М., 1970, с. 22—29.

⁵ В номенклатуре Л. Блюмфильда «высший язык» (upper) противопоставлен языку «низшему» (lower) групп меньшинства: *Блюмфильд Л. Язык.* М., 1968, с. 506.

⁶ «...потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальностями (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 116*).

⁷ Термины «речь» и «язык» употребляются нами как синонимы. Мы в своем исследовании отказались от разграничения этих терминов, введенного Ф. де Сосюром. См.: *Курс общей лингвистики.* М., 1933, с. 42.

⁸ «Сначала я выучила английский /.../, венгерского языка я еще не знала»,— пишет в своих воспоминаниях о детстве жена «красного графа» Михая Каройи (*Károlyi-ová K. Cervená grófka spomína.* Bratislava, 1967, s. 14).

⁹ Перемены в очерденности знаков должны отражать динамику развития анализируемого явления. Если в случае «Y — ab» речь идет о члене групп большинства, который овладел языком группы меньшинства в качестве «lingua del pane», то знак «Y — ba» отражает в данном случае ситуацию, при которой усвоенный язык (обиходно-разговорный) отодвинул материнский язык на задний план и занял его место в качестве «lingua del cuore». Последствия указанного хода вещей в сфере общественного сознания представлены знаками «Z — (ab → ba)».

¹⁰ Исключения составляли общности, как правило, живущие распяленно, сравнительно немногочисленными

скоплениями со специфической социальной структурой, типа еврейского или армянского населения. Согласно венгерской переписи населения, в 1880 г. около 89% армян, живущих в пределах Транслейтании (без Хорватии и Трансильвании), наряду со своим материнским языком пользовались также венгерским (*Keleti K. Ungarns Nationalitäten auf Grund der Volkszählung des Jahres 1880.*— In: *Ungarische Revue*. Budapest, 1882, s. 124).

- ¹¹ *Paměti Františka J. Vaváka*, souseďa a rychtáře mlčického z let 1770—1816, kniha II, část II (1787—1790). Praha, 1912, S. 116; *Renner K.* An der Wende zweier Zeiten. I. Band. II. Auflage. Wien, 1946, S. 45; *Vyhliďal J.* Naše Slezsko. Praha, 1903, s. 339.

О подобном обычае в Словакии вспоминает в своих мемуарах П. Стальмах (*Pamětníky Pawła Stalmacha.*— In: *Grim E.* Paweł Stalmach. Jego życie i działalność w świetle prawdy. Cieszyn, 1910, s. 168—169).

- ¹² Правда, имеются также и случаи ассимиляции представителей группы большинства. Однако эти случаи, как уже было установлено, обычно носили спорадический характер, не выступали как массовое явление.

- ¹³ Административное деление относится к 1904—1918 гг. Расположенный в восточной части Тешинской Силезии вдоль границы с Галицией и прусской Силезией административный повет Бельско состоял из судебных поветов: Бельско, Скочов и Струмень; находившийся в центральной южной части административный повет Тешин — судебных поветов Тешин и Яблонков. В состав Фриштацкого повета, занимавшего центральную и северную часть Тешинской земли, входили судебные поветы Фриштат и Богумин; наконец, расположенный в западной части вдоль границы с Мо-

равией (река Остравица) и Опавской Силезией административный повет Фридек состоял из судебных поветов: Фридек и (северо-западнее) Польская Острава.

- ¹⁴ *Chlebowczyk J.* Wybory i świadomość społeczna na Śląsku Cieszyńskim w drugiej połowie XIX w.: Przyczynę do badań nad kształtowaniem się świadomości i aktualności społecznej w okresie kapitalizmu. Katowice — Kraków, 1966, s. 263—264.

- ¹⁵ Подробнее по этому вопросу см.: *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVII do początków XX w.). Warszawa — Kraków, 1975, s. 375.

- ¹⁶ Это вовсе не означает, что на однородных с точки зрения языка и национальности территориях все жители одновременно попадают в сферу воздействия процесса национального самоопределения. Степень воздействия этого процесса на подавляющее большинство жителей малопольской деревни и Домбровского бассейна — мы ограничиваемся этими двумя польскими примерами — еще в межвоенный период, т. е. уже во времена независимого национального государства, представлялась следующим образом (проблема еврейского населения опускается, см. табл. ниже).

Уровень развития национального самосознания зависел здесь как от различия в уровне культурного развития, так и от социальной либо профессиональной структуры и возраста. Существенные перемены, развившиеся в значительном расширении и укреплении национальной связи, стали следствием гитлеровского оккупационного террора.

Сущность интересующей нас проблемы (специфики пограничья) заключается в том, что здесь существуют альтернативные ситуации развития процесса национального самоопределения местного населения.

1	a	a	(a)	двоенное поколение
2	(A)	a	(a), (A)	двоенное поколение
3	☞ (a), (A)	a	(A), A	послевоенное поколение (молодое)

КУЛЬТУРНО- И ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

(на материале сербскохорватского,
болгарского и словенского языков)

Н. И. Толстой

История литературного языка считается лингвистической дисциплиной и, безусловно, является таковой, когда речь идет об истории его формальной стороны, об истории становления и развития нормированных фонетического, морфологического, синтаксического и лексического уровней языка и их стилистического функционирования. Национальные литературные языки, возникающие и стабилизирующиеся в XIX—XX вв., приобретают в системе языковых идиомов (просторечия, диалектов, арго и т. п.) главенствующую и организующую роль: их грамматический строй и словарный состав в этот период в силу своей авторитетности подчиняет себе и нивелирует грамматическую и словарную стороны нелитературных идиомов. Во всех этих случаях действуют внутренние и внешние факторы¹ и их изучение должно вестись языковедческими методами и быть предметом языкознания.

Однако если поставить вопрос, особенно применительно к эпохе становления национальных литературных языков, о причинах выбора той или иной структуры, того или иного типа литературного языка по определенным параметрам, о которых речь будет идти ниже, то ответы на них можно получить, лишь обратившись к историческим, историко-культурным и историко-литературным явлениям и процессам.

Таким образом, история литературного языка — дисциплина не только и не столько лингвистическая, сколько культурно-историческая. Лишь в широких рамках культурной истории конкретного народа можно определять и искать закономерности становления и развития литературных языков, особенно, подчеркнем еще раз, в их преднациональный период.

Большинство славянских литературных языков не возникало в преднациональный период сызнова, как это, например, было со многими младописьменными языками нашей страны и ряда зарубежных стран. Те южнославянские литературные языки, которые мы намерены рассмотреть, — сербскохорватский (до середины XIX в. отдельные литературные языки — сербский и хорватский), болгарский и словенский, — до времени формирования наций и национальных литературных языков уже пережили более или менее длительный период своего развития. Это требовало от носителей литературного языка определенного отношения к литературно-языковой традиции: принятия ее, отказа от нее или среднего пути — симбиоза старого с новым. Таким но-

вым в большинстве случаев представлялся народный язык, диалектная речь, не имевшая до того письменно-литературной фиксации или употреблявшаяся в весьма ограниченных пределах (жанрах). Исключением из этого положения были областные (региональные), «диалектные» литературные языки в хорватских землях на чакавской, кайкавской и штокавской основе. В последнем случае, однако, возникала проблема выбора одного из таких языков или непосредственно, или в качестве базы для литературного языка. В принципе эта же проблема оказывалась первоочередной и доминантной и при установлении диалектной базы литературного языка, если такой язык строился на народной основе или приближался к ней. Поскольку всякий литературный язык — явление искусственное и наддиалектное и остается таким и в случае его близости к определенной диалектной базе, существенную роль в его формировании в отдельных случаях может играть наддиалектное народно-поэтическое койне.

Таким образом, в пору возникновения национального литературного языка интеллигенты, писатели, ученые в разных отношениях и по разным линиям (параметрам), свод которых мы попытаемся дать ниже, стояли перед проблемой выбора и этот выбор часто был нелегким и сопряженным с ожесточенной борьбой. Не следует забывать, что в условиях иноземного господства (османского и габсбургского) борьба за национальный литературный язык была одной из немногих легальных форм борьбы за национальное самосознание и независимость.

Однако прежде чем переходить к ввелингвистическим моментам, отметим, что борьба за выбор конкретного типа литературного языка, определяемого совокупностью показателей по разным параметрам, велась не только в форме литературно-публицистической полемики и административных декретов, но и через конкуренцию разных языковых форм литературных, публицистических и научных произведений. Именно в преднациональный период соперничество форм с отдельными окказиональными или провизорными нормами достигает апогея, а прекращение такого соперничества можно считать началом функционирования единого национального литературного языка.

В донациональный период сербский, болгарский, хорватский и словенский литературные языки принадлежали к разным культурным зонам — греко-славянской (*Pax Slavica Orthodoxa*) и латино-славянской (*Pax Slavica Latina*) *. Первые два языка входили в греко-славянский ареал, а последние два — в латино-славянский. И те, и другие языки развивались в условиях двуязычия. Первые два — в условиях гомогенного двуязычия: древнеславянско (церковнославянско-)—сербско-

* Термины эти в большей мере применимы к средневековому периоду и в меньшей — к более позднему, когда противопоставление упомянутых культурных миров стало менее четким и существенным.

го или болгарского, вторые два — в условиях гетерогенного двуязычия: латино (либо немецко-, итальянско-)хорватского или словенского. Гомогенное двуязычие способствовало более тесной связи «наднационального» (церковнославянского) и «преднационального» (сербского, болгарского) культурно-литературных начал, в то время как гетерогенное двуязычие, особенно в позднюю пору его существования, осуществляло и знаменовало не только связь, но и известную противопоставленность соответствующих культур и литератур. «Над-» или «межнациональная» древнеславянская (церковнославянская) литература (и литературный язык) даже в поздний период XVIII и начала XIX в. ощущалась не как иноземная, а скорее как архаическая (при этом к «святой старине» было различное отношение — и положительное, и отрицательное), в то время как немецкий (отчасти итальянский, венгерский), почти вытеснивший латинский, ощущался деятелями славянского национального возрождения как иноземный, язык правящего слоя, и венского двора.

Различной была и древность традиции. Если сербская и болгарская письменность восходит к кирилло-мефодиевской эпохе, то же можно сказать и о хорватской письменности, во всяком случае об одной ее части — глаголической, а все они развивались непрерывно, то судьба словенской письменно-литературной традиции, как известно, была иной. Словенский литературный язык, как и словенская литература, испытали перерыв в своем развитии с XI в., времени появления Фрейзингенских (Брижиньских) отрывков, до XVI в., эпохи, связанной с деятельностью протестантских проповедников Приможа Трубара, Юрая Далматина и др. Таким образом, для сербского, болгарского и хорватского литературных языков начала XIX в. можно говорить о традиции достаточно древней, а для словенского — менее древней. Кроме того, хорватская письменность сохраняла две традиции — глаголическую и хорватскую славяно-латинскую, что приближало ее к двум основным славянским культурным мирам — греко- и латино-славянскому.

Современные славянские литературные языки принято классифицировать в типологическом плане по ряду признаков. Широко известна характеристика славянских литературных языков, представленная в виде матрицы идентификации, обладающей 15 признаками, Д. Брозовича *. Подробно обсуждать

* В этой матрице четыре признака определяют способ формирования и функционирования литературного языка: 1) степень автономности и гибкой стабильности, 2) сосуществующие дублеты в пределах нормы, 3) непосредственный переход от стандартной формы к диалектам, 4) непрерывность развития, пять — характер диалектной основы литературного языка, 5) гомогенная диалектная основа, 6) непосредственно нормированная диалектная основа, 7) наличие культурного интердиалекта, 8) полные поливалентные функции литературного языка, 9) языки по формуле: «один литературный язык — одна нация»; шесть — отношение к другим литературным языкам, 10) языки с собственной диалектной основой, 11) языки с собственной стандартной фор-

ее преимущества и недостатки для целей лингвистического исследования сейчас нет нужды, достаточно сказать, что для задач, поставленных в настоящей статье, можно ограничиться небольшим числом основных признаков-критериев. А именно: 1) отношение к традиции (церковнославянскому языку и т. п.): а) разрыв с ней, б) принятие ее в определенной мере; 2) отношение к диалектной базе: а) опора на одну основную диалектную базу, б) попытка контаминации элементов отдельных диалектных зон (с учетом степени удаленности литературного языка от диалектов); 3) отношение к областным литературным языкам: а) их отсутствие, отказ от них, б) их признание и различная степень развитости; 4) отношение к разным культурно-языковым центрам: а) стремление к единому центру, б) признание нескольких центров; 5) отношение к городскому койне — просторечию и т. п.: а) наличие его и признание, б) отсутствие его или непризнание; 6) отношение к устно-поэтическому койне: а) наличие его и признание, б) отсутствие его и непризнание².

В критериях Д. Брозовича значится еще один, который мы обозначим 7, отношение к влиянию других славянских языков (для нашего случая отметим: преимущественно русского и чешского): а) наличие и восприятие влияния, б) отсутствие и отказ от него. Здесь следовало бы добавить: 8) отношение к влиянию неславянских (основных европейских) языков с соответствующими пунктами а) и б).

Нетрудно заметить, что большинство этих критериев взаимосвязаны. Так, например, разрыв с традицией и коренное «обновление» языка требовали обращения к диалектной базе, определения ее, а в свою очередь выбор такой базы, ее принятие и утверждение, даже насаждение в литературе вели к отказу (полному или частичному) от областных литературных языков, вызывали тяготение к одному культурно-языковому центру. Что касается отношения к городскому и к устно-поэтическому,

12) языки, свободные от влияния крупных литературных языков, 13) языки, ограничивающие возможность калькирования, 14) языки, свободные от пуристических тенденций; 15) языки, отражающие и обслуживающие гомогенную цивилизацию). — *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод. — *Вопр. языкознания*, 1967, № 1, с. 27; *Brozović D.* Standardni jezik. Zagreb, 1970, s. 51—52. В работе 1964 г. этого же автора выделяется лишь восемь критериев, соответствующих следующим номерам вышеприведенных признаков: 1, 2, 4, 5, 7, 8, 11, 12. См.: *Brozović D.* Vuk i novoštokavska folklorna koine. — *Slavia*, 1965, г. XXIV, s. 4; *Idem.* Standardni jezik, s. 89. Таким образом, более ранняя классификация экономнее, и в этом, видимо, ее преимущество. Из недостатков этих классификаций можно указать: смешение синхронных и диахронических критериев, нечеткую разграниченность некоторых из них (ср., например, признаки 11 и 12), введение признаков полностью вневингвистических (например, признак 9) и т. п. Эта классификация уже частично разбиралась нами. См.: *Толстой Н. И.* К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его «стандартности» (на материале славянских языков). — В кн.: Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968.

му койне, то оно зависело также от близости к народно-диалектной базе, от характера их «наддиалектности». И, наконец, если говорить о влиянии других славянских либо неславянских языков, то его интенсивность и направление определялись также совокупностью, вернее, взаимодействием других факторов. Довольно стремительный рост культуры, техники и образования требовал создания и употребления новых слов. Разрыв с традицией допускал обращение к диалектам (в том числе и к диалектным заимствованиям — турцизмам и т. п.) или к иноземным языкам, либо иному славянскому, в первую очередь русскому, изобилующему славянизмами (южнославянизмами), либо к западноевропейскому. Существовал и третий путь — путь пуризма, который был типичен для чешского языка и для хорватского варианта сербскохорватского языка. Поскольку вопрос заимствований затрагивал почти исключительно лексическую сторону языка, возможны были и компромиссные решения, т. е. движение по нескольким путям.

В классификации, разработанной Д. Брозовичем, и в предлагаемых мною классификациях не поднимался важный вопрос о времени, о длительности процессов становления национальных литературных языков, о сроках, в которые действовали отдельные факторы (они могли быть для каждого конкретного литературного языка различными). А между тем от этого зависело многое: чем быстрее проходил процесс, тем категоричнее и решительнее производился выбор, влекший за собой последствия и в иных звеньях цепи. Иными словами, чем быстрее происходило становление национального литературного языка, тем рельефнее определялся его тип, тем более четко и бескомпромиссно производился выбор одной из двух альтернативных позиций. По признаку быстроты перехода к новой форме литературного языка — «национальной» рассматриваемые языки могут быть представлены в такой последовательности: сербский, хорватский, болгарский, словенский. При этом хорватский язык (или вариант сербскохорватского языка) в этом, как и во многих других случаях, требует специального объяснения.

История литературного языка в период становления нации, как, впрочем, и в другие периоды, довольно тесно связана с историей литературы. Процесс литературного развития у болгар, сербов, хорватов и словенцев, так же как и процесс развития литературных языков, проходил по-разному, различными темпами, с разным составом литературных произведений и жанров, с разным соотношением внутрилитературных и внелитературных моментов.

Победа вуковского типа литературного языка у сербов сочеталась с окончательной победой романтизма, пришедшего на смену классицизму и сентиментализму. Не случайно имя Вука Караджича обычно сопрягается с именами Бранка Радичевича, а последователями Радичевича были Джура Якшич, Лаза Костич, Йован Йованович Змай. Романтизм у сербов ознаменован

идеями славянской взаимности (Светозар Милетич, Йован Джорджевич), народности (отсюда и исключительный интерес к народной поэзии), стремлением преодолеть локальную ограниченность и локальные рамки и создать общесербскую литературу, способную разрешать задачи большого художественного плана.

И в XVIII в., и в начале XIX в. у сербов не было крупных областных литературных очагов, как это можно наблюдать у хорватов, имевших зародившуюся еще в XV в. чакавскую литературу (далматинская литература), кайкавскую, появившуюся в XVI в., и штокавскую, берущую начало с XV в. и имевшую несколько локальных центров: Босния (XVIII в.), Славония (XVIII в.) и др. Почти все эти областные литературы продолжали свое существование до начала XIX в., пользуясь по сути дела разными литературными языками. Период становления национального литературного языка у хорватов хронологически совпадает с тем же процессом у сербов, и то же романтическое направление с той же национально-патриотической и «всеславянской» окраской, связанное с такими именами, как Людевит Гай, Иван Мажуранич, Петр Прерадович и Станко Враз, положили начало богатой хорватской литературе XIX в., возникшей на новой основе с единым литературным национальным языком штокавского типа. Любопытно, что Гай был кайкавцем, Мажуранич — чакавцем, Прерадович — родом из района Бйеловара, вероятно, штокавцем и кайкавцем, а Станко Враз — словенцем. Последний являлся сторонником объединения не только хорватского и сербского литературных языков, как большинство хорватских писателей-романтиков «иллиров», но считал, что и словенский литературный язык должен объединиться с хорватосербским.

В Словении начало борьбы за единый словенский литературный язык, за национальный литературный язык связано с революционным 1848 г., а завершение этого процесса обычно относят к концу 60-х годов XIX в. Это был переходный период от романтизма к реализму, связанный с именами Франа Левстика, Янеза Трдины, Йосипа Юрчича и Йосипа Стритара. Существенно, что ему предшествовала эпоха романтизма, выдвинувшая в словенской литературе такую значительную фигуру, как Франце Прешерн. Однако в период романтизма (часть первой и почти вся вторая четверть XIX в.) областная раздробленность литературы была еще довольно значительной (краньская, штаерская, корошская и прекомурская литература и локальные типы литературного языка).

Аналогичная, но еще более сложная ситуация наблюдается и в истории болгарской литературы, которая, как и остальные южнославянские литературы, проходила ускоренный процесс развития³. Правда, степень ускоренности и длительность периодов, в которые такое развитие происходило, были различными у разных южнославянских народов, однако этот вопрос требу-

ет специального рассмотрения в связи с общей проблемой фактора времени в истории литературы. В болгарской литературе становление романтизма и реализма проходило почти одновременно, чаще всего в творчестве одного и того же писателя*. Окончательное становление болгарского литературного языка связывается с творчеством Петко Славейкова, Любена Каравелова и Христо Ботева (1860—1870). Этому, однако, предшествовал довольно длительный период болгарского национального возрождения, отличающийся конкуренцией литературных форм «протонационального» литературного языка (в основном на восточно- или западноболгарской основе, с опорой на древнюю традицию и без подобной ориентации), интересом к национальному прошлому и к практическо-просветительским задачам, к задачам культурного и литературно-языкового плана (П. Берон, В. Априлов, Неофит Бозвели, Неофит Рильский, К. Фотинев и др.).

В итоге следует сказать, что у сербов и хорватов развитие романтизма, совпадающее с периодом становления национального литературного языка, характеризовалось расцветом в первую очередь и преимущественно поэтических литературных форм, в то время как у словенцев и болгар в эпоху перехода от романтизма к реализму или их одновременного синкретического развития поэтические литературные формы развивались наряду с прозаическими. Характерной чертой южнославянского романтизма, существенной для становления литературных языков южных славян, было обращение к народной поэзии, к ее языку, форме, мотивам и сюжетам. Это факт известный, но мы напоминаем о нем в связи с ролью народного поэтического койне в эпоху становления национальных литературных языков.

Деятели южнославянского национального возрождения, если не все, то большинство, были одновременно писателями и публицистами, филологами и издателями, общественными и политическими лидерами. Дело не только в большей многогранности выдающихся писателей и политиков XIX в. по сравнению с писателями и политиками XX в., дело скорее в том, что социально-исторические условия, в которых рождалось национальное самосознание южного славянства, были таковы, что создание национального литературного языка, национальной литературы, публицистики и условий культурного развития оказывалось первостепенной политической задачей зародившейся нации.

* Ср. наблюдения Г. Д. Гачева: «Вот сколько, к примеру, задач реализует в Болгарии такой писатель, как Петко Славейков: он окончательно утверждает в стране литературу как искусство, он же идет от увлечения религиозно-житийной литературой через гедоническую лирику в духе Ренессанса к романтическим поэмам и социальной, гражданской лирике, близкой реализму Шевченко и Некрасова» (Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы. М., 1964, с. 299—300).

Национально-политическая программа хорватского иллиризма (1835—1848), во главе которого стоял Л. Гай и его ближайшие соратники И. Мажуранич, С. Враз, П. Прерадович, И. Кукулевич, хорошо известна⁴. Для нее были характерны идеи славянской взаимности, культурного и политического объединения южных славян, их максимального литературно-языкового сближения. В 1830—1832 гг. Л. Гай, И. Деркос и граф Я. Драшкович выдвинули идеи литературного и литературно-языкового сближения с сербами как часть своей политической и идеологической программы. Эта программа сыграла определенную роль и в развитии национального самосознания сербов, населявших хорватские земли (прежде всего Военную границу и Далмацию), хотя ее основная задача заключалась в духовном объединении хорватов, разрозненных и государственно-административными границами (земли австрийской, и земли венгерской короны, османское владычество в Боснии и Герцеговине), и находящихся под разным культурным влиянием, особенно в сфере образования и печати — венгерских и австрийских консервативных правящих кругов. Эта задача, как показали события 1848 г. и последующих лет, была успешно разрешена.

Что касается национально-политической программы сербов до 1848 г., то она была определена менее четко, чем «иллирическая», и получила свое достаточно яркое выражение в период романтизма (уже после 1848 г.) благодаря деятельности организации «Омладина». Для «омладинской» программы характерны те же идеи славянского единства, патриотизма, консолидации сербской нации, республиканского демократизма и идеализации прошлого. Впрочем, это движение не было абсолютно гомогенным и сильно эволюционировало к 60-м годам в сторону позитивизма и рационализма⁵. Развитие сербского национального самосознания происходило в особых условиях. До 1878 г. сербы были единственным славянским народом на Балканах, имевшим свои государственные образования, сначала относительно, а потом полностью независимые Сербию и Черногорию, которые, однако, не охватывали территорию распространения сербского этноса в целом. Очень важная в культурном и политико-экономическом отношении область Воеводина и другие области оставались под иноземным владычеством. До 1848 г. во многом лидирующую и достаточно экстремистскую позицию в вопросах национально-культурного строительства занимал венский кружок писателей и филологов, группировавшихся вокруг Вука Караджича (Бранко Радичевич, Джура Даничич и др.). Немалую роль играли пожунский (братиславский) и пештский (будапештский) кружки.

Политическая ситуация, связанная с формированием национального самосознания, национальной литературы и литературного языка у словенцев, была также достаточно сложной⁶. Помимо идей иллиризма, проникших в Словению благодаря усилиям С. Вразы и некоторых его последователей, стремивших-

ся сблизить словенский язык с хорватским на штокавской основе и тем самым отказать словенским диалектам в праве быть обработанными и поднятыми до уровня литературного языка*, в 40-е годы формировалась иная словенская национальная программа, связанная с деятельностью М. Чопа и Ф. Прешерна и выраженная в известной прешерновской «Здравце» (1844—1846), призывающей к освобождению от иноземного владычества, к объединению всех словенцев и к созданию единого словенского национального литературного языка. Двумя десятилетиями раньше еще были сильны словенские областнические тенденции к укреплению областной литературы и областных форм литературного языка без достаточно четкой национально-политической программы: Ф. Метелко (фонетическое правописание на доленской основе — 1825), П. Дайнко (язык горицкого диалекта — 1824), М. Шнайдер и У. Ярник (язык, близкий к корошскому диалекту, — 20—30-е годы XIX в.).

Революция 1848 г. более четко определила политическое соотношение сил в Словении. К концу 50-х годов оформляются два культурно-политических движения: «старословенцы» (консервативная группа вокруг газеты «Новице» во главе с Я. Блейвейсом) и «новословенцы» (либерально-демократическая группа вокруг газеты «Словенски народ», одним из лидеров которой был Ф. Левстик). И та, и другая партия в общем выступали за единый «наддиалектный» словенский национальный литературный язык. Но именно Ф. Левстику принадлежит опыт окончательного оформления словенского национального литературного языка на основе центрального доленского диалекта с рядом элементов горенщины и других говоров и со значительной долей церковнославянских (старославянских) и русских элементов (1868 г.). Этому во многом способствовала ошибочная, но широко распространенная в XIX в. гипотеза словенца Ф. Миклошича о словенском происхождении старославянского языка.

Формирование национального литературного языка в Болгарии происходило в русле общей освободительной борьбы за национальную независимость против османского политического и фанариотского культурного господства. При этом в среде болгарской интеллигенции 30—50-х годов XIX в. не было единого взгляда на структуру и функциональную направленность литературного языка. Довольно четко выделялись по своему отношению к характеру литературного языка и литературно-языковому наследству две группы общественных деятелей, просветителей и писателей: «архаисты» и «новаторы». «Архаисты» (Неофит Рильский, Георгий М. Владыкин, Христаки Павлович Дупничанин и др.) полагали, что национальный литературный язык должен сохранить многие формы древнеболгарского языка и

* К идеям С. Врза был близок М. Маяр, который, однако, шел еще дальше Врза, проповедуя общеславянский язык для словенцев. См.: Толстой Н. И. О последней попытке применения «общеславянской азбуки» к словенскому литературному языку. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965

тем самым живую связь с языком «единородных наших славян»: ему следует иметь именное склонение, избегать членных форм и т. п. «Новаторы» же, среди которых были и пуристы (Иван Богоров), и непуристы — умеренные новаторы (Василий Априлов, Константин Фотинов, Неофит Бозвели, Константин Огнянович и др.) и более последовательные (Захарий Княжески, Райно Попович и др.), считали, что литературный язык должен строиться на основе народно-разговорной речи. Были и такие писатели, как Константин Фотинов и Христаки Павлович Дупничанин, которые в начале своей деятельности склонялись к «новаторам» (см. журнал «Любословие»), а затем перешли на сторону «арханстов». «Новаторы», однако, добились окончательной победы в 60-е годы, когда в Болгарии возникло революционно-демократическое движение (Георгий Стойков Раковский, позже Любен Каравелов и Христо Ботев).

Для «арханстов», умеренных и тем более крайних, вопрос о диалектной базе не был вопросом первостепенной важности, как для «новаторов», обращавшихся к живой диалектной речи. Следует отметить при этом, что болгарское «новаторство» не являлось столь максималистским, как новаторство Караджича и его последователей. Болгары в XIX и XX вв. сохранили довольно прочную связь с традицией и через нее — с русским литературным языком.

Наконец, последним влилингвистическим, но важным моментом является момент государственной организации нации, литературный язык которой формируется. Болгары до 1878 г. не имели своего государства, они находились целиком под властью Порты, что, с одной стороны, препятствовало их национальному развитию, а с другой — создавало некоторые условия для консолидированных действий. При этом большую роль играла болгарская эмиграция в Румынии и в России. В аналогичном положении находились словенцы, если не учитывать различий в государственной структуре тогдашней Турции и Австрии. Что касается хорватов, то они, как отмечалось выше, были административно разобщены и их положение осложнялось австрийско-венгерскими спорами, претензиями и стремлением правящих кругов к экспансии за счет славянских наций. Консолидирующаяся сербская нация испытывала национальный гнет, она была разобщена, но вместе с тем имела свое государственное образование и свои национально-революционные традиции, начало которым было положено восстаниями 1804—1813 и 1815 гг.

В заключение вернемся к социально-лингвистическим проблемам и постараемся дать суммарное изложение результатов наших наблюдений.

В выборе диалектной базы большую роль играли: а) демографические показатели, прежде всего число говорящих на конкретном диалекте; б) географические показатели, т. е. географическое распространение конкретного диалекта (наречия); в) экономико-географические показатели — центры торговли,

ремесла и т. п.; г) политико- и культурно-географические показатели — центры государственной власти, культуры и т. п.

Если обратить внимание на выбор диалектной базы болгарского языка в XIX в., то станет ясно, что восточноболгарский центральнобалканский говор, легший в основу литературной речи (по Ст. Стойкову), занимающая срединное положение по отношению к другим говорам, был близок к соседним восточноболгарским говорам, наиболее представительным по числу носителей и был центром или близок к центру сосредоточения торгово-ремесленных сил в Болгарии середины XIX в. Вот почему, надо полагать, этот восточноболгарский говор одержал верх над конкурирующим западноболгарским (хотя после 1878 г. столица Болгарии оказалась на западе — в Софии, а не на востоке — в Тырново). Положение с диалектной базой болгарского литературного языка не так давно убедительно продемонстрировал Г. К. Венедиктов, пользуясь картографическим методом⁷. Все же конкуренция западно- и восточноболгарских диалектов отражается в допустимости элементов западной орфоэпии (рефлекса ь как е, отсутствие редукции безударных гласных и т. п.) наряду с восточной нормой.

Победу штокавского диалекта (притом герцеговинского или шумадийского типа) сербскохорватского языка можно объяснить относительной малочисленностью представителей чакавского (менее 200 тыс.) и кайкавского (несколько сот тысяч) диалектов, их относительной периферийностью, хотя политический и экономический центр Хорватии Загреб находится на территории кайкавского диалекта. У сербов в конце XVIII и в начале XIX в. конкурировали штокавские воеводинский и шумадийский диалекты, близкие друг к другу по своей структуре и форме. Окончательную победу одержал шумадийский, близкий к восточногерцеговинскому (образцовому, по Вуку Караджичу) диалекту. Это можно объяснить перенесением к середине XIX в. культурного и политического центра сербов в Сербию (Белград, Крагуевац) и сближением с хорватами, т. е. целями создания единого литературного языка. Данный язык, как известно, существует в двух вариантах — екавском и экавском (по произношению ђ) и в белградском и загребском, что не одно и то же. Эти варианты даже трудно назвать конкурирующими, так как имеется ряд признаков, прежде всего лексических, их четко разделяющих.

В основе словенского литературного языка лежит центральный доленьский диалект как один из самых распространенных, относительно монолитных и крупных. Почти на самой его границе, но на территории другого центрального и также обладающего большим числом носителей диалекта находится словенская столица Любляна, давний административный и культурный центр. Конкуренция этих диалектов по сей день отражается в некоторых грамматических и лексических особенностях словенского литературного языка.

Вообще очень значительная диалектная дробность словенской языковой территории побудила, надо полагать, к построению литературного языка со значительной степенью искусственности, наддиалектности. Чрезмерная близость к какому-нибудь одному словенскому диалекту удалила бы литературный язык от других диалектов и усложнила бы его функции как средства национального общения и культуры. Вот почему, помимо ряда других причин, здесь стал возможным путь, который, например в Болгарии, а тем более в Сербии, показался бы архаическим. Словенский литературный язык, например, не принял членных форм (артикля), хотя почти две трети его диалектов пользуются артиклем (ср. выступление против членных форм болгарских «архаистов»). Таким образом, при сравнительных исследованиях славянских литературных языков, при учете их соотношения с диалектной базой важно еще учитывать и характер диалектного ландшафта конкретного языка, степень его диалектной дифференциации и т. п.

Другим важным вопросом, рассматриваемым в нашей статье, был вопрос отношения к традиции. Смена диалектных баз, отказ от областных литературных форм и тому подобные явления были уже в известной мере отходом от определенных традиций. Но когда речь идет о сохранении традиции или об отказе от нее, обычно имеется в виду для языков мира *Slavia Orthodoxa* — древнеславянская (церковнославянская) традиция, а для языков мира *Slavia Latina* — традиция древнеписьменных славянских языков (например, польского, чешского), которая также во многом была наддиалектной. Для хорватского и словенского такой тип или эталон языка установить труднее, чем для польского и чешского. Отрыв от традиции у южных славян (впрочем, и у остальных также) диктовался, как правило, внешнелингвистическими причинами: стремлением а) в минимально короткий срок сделать новый литературный язык орудием культуры широких масс (временной момент), б) пойти на сближение с соседними этническими зонами в целях максимального территориального распространения нового национального литературного языка и сделать его орудием культуры не одной только нации (локальный момент). При этом следует отметить, что болгарский и словенский пути нельзя назвать разрывом с традицией, это скорее пути ее сохранения при определенных, иногда довольно радикальных нововведениях. Впрочем, как показывают факты, и Вук Караджич не мог окончательно порвать с традицией.

Проблемы диалектной базы и отношения к традиции являются кардинальными, основными при выборе определенного типа литературного языка в эпоху становления нации. Другие моменты, такие, как роль городского койне, народно-поэтического койне, других славянских языков, оказываются во многом подчиненными.

Плохая изученность южнославянских городских койне XX в., не говоря уже о XIX в., затрудняет работу исследователя и толкает его на путь догадок. Вполне можно предположить наличие восточноболгарского городского койне; существуют определенные отрывочные свидетельства о воеводинском городском койне начала XIX в.; интересны данные о боснийских мусульманских городских говорах с особым рефлексом *ѣ* и т. п. Есть основания предполагать, что в Любляне и в Загребе были городские койне. Но если первое сыграло свою роль в формировании литературного языка (какую — сейчас сказать трудно), то второе такую роль сыграть не могло, так как было кайкавским.

Характерно и то, что в хорватской среде областные литературные языки не исчезли. Оттесненные во второй половине XIX в. и в начале XX в. на самую периферию культуры и почти исчезнувшие, они воскресли с новой силой после войны 1941—1945 гг. и обогатили хорватскую литературу, особенно поэзию, рядом замечательных произведений. В Хорватии происходит процесс, который в Италии, Испании и отчасти во Франции называется диалектно-литературной вспышкой и характерен для развития западноевропейской литературы новейшего времени⁸.

¹ О понятии «внешнелингвистические» факторы в отличие от «внелингвистических» см. подробнее: *Толстой Н. И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований.— В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 18. Поскольку настоящая статья является кратким итоговым изложением взглядов, частично выраженных в других наших работах, мы будем по некоторым вопросам отсылать читателя к тем нашим прежним публикациям, где содержится более подробный разбор темы и дается иллюстративный материал.

² Эти критерии были выдвинуты мной: *Толстой Н. И.* О последней попытке применения «общеславянской азбуки» к словенскому литературному языку.— В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 261.

³ *Гачев Г. Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964.

⁴ *Кулаковский П. А.* Иллиризм. Вар-

шава, 1894; *Лещиловская И. И.* Иллиризм. М., 1968; Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980.

⁵ *Скерлић Ј.* Омладина и њена књижевност (1848—1871). Београд, 1925.

⁶ *Prijatelj J.* Borba za individualnost slovenskega književnega jezika v letih 1848—1857. Ljubljana, 1937.

⁷ *Венедиктов Г. К.* Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху возрождения.— *Вопр. языкознания*, 1971, № 4, с. 73—89; *Он же.* О нормализации устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка.— *Вопр. языкознания*, 1969, № 6, с. 94—102.

⁸ *Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки. Таллин, 1981; *Степанова Л. Г.* О «диалектной вспышке» в современном литературном языке Италии.— В кн.: *Лингвистические исследования*. Л., 1970.

КНИЖНО-ПИСЬМЕННЫЙ ЯЗЫК У СЕРБОВ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

В. П. Гудков

Вторая половина XX столетия отмечена большими достижениями исследователей в освещении истории литературных языков. Можно говорить о наступлении качественно нового периода в изучении истории сербскохорватского языка: произошла эмансипация истории литературного языка в сфере филологических и лингвистических дисциплин, появились специалисты, для которых исследования в области истории литературного языка стали основным профессиональным занятием, резко расширился в связи с этим объем научных изысканий, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, совершенствуется методика исследований.

Наряду с глубоким разносторонним изучением процесса формирования и стабилизации современного литературного (стандартного) языка в Сербии и Хорватии, процесса, непосредственно сопряженного со становлением и укреплением сербской и хорватской наций, филологи-югославы обращают все более пристальное внимание на период истории языка, предшествующий годам деятельности Вука Караджича и кружка «иллирийцев», труды которых, как известно, во многом определили облик литературного языка национальной поры. Стало ясно, что историю литературного сербскохорватского языка XIX—XX вв., корни его нынешнего структурного и функционального своеобразия в кругу прочих славянских литературных языков невозможно выявить и осмыслить, не принимая во внимание сложную и противоречивую действительность литературно-языковой практики того времени, когда еще складывался и оформлялся комплекс социальных и экономических явлений, ставших атрибутами национальной эпохи.

В последнее время благодаря работам А. Младеновича, Х. Куны, А. Албина и других исследователей значительно обогатились сведения и представления о книжно-письменном языке, бывшем в употреблении у сербов в XVIII и первых десятилетиях XIX в. Это дает возможность глубже и точнее определить взаимоотношения сербского литературного языка преднациональной и национальной поры, т. е. слабо нормированного книжно-письменного языка XVIII — начала XIX в., существовавшего в многообразии типов и вариаций, и упорядоченного литературного языка XIX—XX вв., нормированного Вуком Караджичем и его соратниками на основе живой народной речи.

При описании истории литературного языка сербов XVIII — начала XIX в. специалисты оперируют терминами «народный язык», т. е. язык, адекватный живой, естественной речи сербов или очень близкий к ней; «сербскославянский язык», т. е. цер-

ковнославянский язык сербской редакции; «русскославянский язык», т. е. церковнославянский русской редакции, пришедший на смену сербскославянскому, и «славяносербский» язык, язык, характеризующийся неупорядоченным смешением разнородных речевых элементов — церковнославянских, русских и сербских¹. Изучение текстов, писанных и печатанных сербами в XVIII в., показывает, однако, что эти термины в своей совокупности не вполне отражают сложную реальность книжно-письменного языка сербов в XVIII — начале XIX в.

Слабым звеном приведенного терминологического ряда является термин «русскославянский язык», вернее, не сам термин, а его неосмотрительное приложение к слишком широкому комплексу языковых явлений. Русское языковое и литературное влияние не ограничивалось каналом церковных сношений и не свелось к принятию сербским православным духовенством русских церковных изданий для отправления богослужения и учебных пособий для начального образования (типа «Первого учения отроком») и к усвоению (через их посредство) церковнославянского языка русской редакции.

В то время когда большая часть сербского народа оставалась под османским игом, а малая часть, получившая австрийские «привилегии», жила под угрозой германизации, мадьяризации и обращения в католичество, когда опора на Россию стала основой политического курса сербских духовных лидеров, в сербской среде актуализировалось и приобрело активное идеологическое значение сознание русско-сербской общности, значением которой были принадлежность и сербов, и русских к славянству, родство и близость их языков, тождество вероисповедания. В этих условиях связь по линии церкви, церковной литературы, церковнославянского языка являлась важным, но не единственным компонентом сербско-русских культурных отношений.

Новейшие исследования показывают, что в середине XVIII в. к сербам неиссякаемым потоком поступала продукция российских типографий: и богослужебные, духовные издания, и русская светская литература (учебная, научная и художественная)². Русские книги составляли основную часть фонда монастырских и частных собраний у сербов, живших на территории нынешней Воеводины. Из этих книг (а иногда и в непосредственном общении с русскими) представители молодой сербской интеллигенции учились не только импортированному варианту церковнославянского языка, но и вообще русскому литературному языку, усваивая в той или иной мере, большей или меньшей, и высокий, и средний «штиль». Не случайно основатель первого у южных славян журнала Захарий Орфелин заявил в программной статье, что намеревается включить в свое издание «пїитическія на нашемъ и Россійскомъ языку сочиненія»³.

«Сербские писатели середины и второй половины XVIII в., — констатировал М. Стеванович, — употребляли главным образом

русскославянский церковный язык, а некоторые из них писали почти на чистом русском литературном языке»⁴. Сказанное М. Стевановичем является констатацией очевидного факта, что сербы принимали и употребляли в литературных сочинениях не только русскоцерковнославянский, но и иные разновидности существовавшего в России книжно-письменного языка. Мысль о разграничении сербских текстов, написанных на церковнославянском русском редакции и русском литературном (светском) языке, не нова. Однако в работах, освещающих или затрагивающих вопросы книжно-письменного языка сербов, по-прежнему доминирует атрибут «русскославянский», который недифференцированно прилагается ко всем языковым явлениям, обнаруживающим связь с российской книжностью, и бесперспективно затуманивает картину сербской языковой реальности.

Русский вариант церковнославянского языка, усвоенный сербским духовенством и насаждавшийся сербскими школами, обрел на южнославянской почве новую жизнь. В России церковнославянский переживал упадок. Для светской литературы он служил лишь источником лексических, словообразовательных, отчасти грамматических средств, не функционируя в ней как целостная система. Принятие «русскославянского» сербами означало его своеобразный ренессанс. Он употреблялся не только в духовных, но и в чисто светских изданиях, выпускавшихся сербами на протяжении XVIII в.

В 1776 г. серб Павел Юлинец напечатал в Вене перевод «Велизария» — популярного в XVIII в. романа французского писателя Ж.-Ф. Мармонтеля. Издание «Велизария» стало значительной вехой в истории сербской литературы. «Это первая чисто художественная (буквально: беллетристическая.— В. Г.) книга в сербской литературе», — писал И. Скерлич⁵. Язык этой книги И. Скерлич воспринимал и оценивал как беспорядочный, «ни русский, ни сербский». Однако сличение текста П. Юлинца с русскими переводами «Велизария» (их было два) открывает своеобразную природу его языка. Ограничимся для иллюстрации сопоставлением только фразы из московского, петербургского и венского изданий: «Я вам представляю, говорить онъ своей женѣ, сего достойнаго чловѣка, который бодрственно сносить жесточайшее искушеніе добродѣтели» (М., 1768, с. 13). «Привель я къ тебѣ, говорилъ онъ женѣ своей, честнаго чловѣка, который храбро сносить свирѣпѣйшій опытъ добродѣтели» (СПб., 1769, с. 13). «Азь привожу къ тебѣ, глаголаше онъ женѣ своей, честнаго члвѣка, мужестве NN о терпяща добродѣтели ради величайшая искушенія» (Вена, 1777, с. 17).

Подобные глубокие различия между тремя текстами свойственны почти каждой фразе. Сравнение венского издания с русскими показывает, что текст Юлинца не заимствован (в неизменном или переработанном виде) из русских изданий; он написан не на русском и не на сербском языках (в этом Скер-

лич прав), нет в нем и смешения русских и сербских речевых элементов. П. Юлинац писал уверенно и корректно на церковнославянском в соответствии с распространенными у сербов русскими учебными пособиями по церковнославянскому языку, избегая собственно русских слов и форм, равно как и сербских, широко пользуясь формами аориста, имперфекта, причастий, употребляя формы двойственного числа.

Можно назвать и другие книги, в которых последовательно и выдержанно применялся церковнославянский язык подобного типа, например изданное в том же 1777 г. «Руководство къ чистности и правости» или сочинения Г. Терланча. Последний напечатал, в частности, в переводе на церковнославянский повесть М. М. Хераскова «Нума, или Процветающий Рим».

Сравните фрагмент оригинала и перевода:

«При сихъ словахъ слезы его умножились, и, тронутый скорбію отца своего Нума вскричалъ: я тебѣ одинъ остался, о! родитель мой» (М., 1768, с. 10). При сихъ словесѣхъ слезы его оумножишася, и скорбію отца своего тронутый Нума возопи: единый азъ тебѣ осталъ есмь, о родителю мой!.. (Въ Будинѣ градѣ, 1801, с. 12).

Наряду с умелым использованием литераторами-сербами церковнославянского (руссославянского) языка иные сербские писатели употребляют в своих трудах язык, близкий к тому, который был представлен в русской светской литературе. Так, например, в «Предуведомлении» к учебнику латинского языка, который издал в 1767 г. в Венеции З. Орфелин, говорится: «Что и Реніевъ Донатъ (т. е. латинская грамматика.— В. Г.) и меньшій Целларіевъ Лексиконъ въ настоящей книгѣ совокупно напечатаны, причина есть, чтобъ ученики обѣ оныя при рукахъ вмѣстѣ имѣли, и къ тому чтобъ не имѣти имъ нужды за два переплета сугубую въ покупаніи цѣну давать, какъ то доселѣ чинити надлежало. О пользѣ, которую обѣ сіи книги дѣтямъ въ Латинскомъ языку обучатися начинающимъ приносятъ, нѣтъ ничего говорить, самый же искусъ тое показываетъ; Лангіевыхъ Школьныхъ разговоровъ не можно довольно и похвалить, колико для красоты Латинскаго слога, толико для пользы, которую они читателямъ своимъ, каковаго бы они званія и состоянія ни были, подати могутъ»⁶.

В очерке грамматики латинского языка, содержащемся в этой книге, некоторые грамматические примеры переведены сербскими словами, но описательный текст (формулировки грамматических правил) может быть вполне принят за сочинение русского автора. Как свидетельствовал в своем журнале З. Орфелин, грамматика не является перепечаткой русского издания, однако текст ее стилизован по российским образцам: «...Имадусе нѣколике у Петербургу и у Москви Латинске Грамматике... тако Донатъ Реніевъ преведенъ по предреченнымъ Грамматикамъ»⁷. Вот для примера одна из дефиниций: «Глаголь показывает бытіе, дѣяніе или страданіе и при томъ время» (с. 89).

Тот же З. Орфелин, составляя выпущенное в 1772 г. двухтомное жизнеописание Петра I, сознательно избрал в качестве средства своего повествования русский язык того типа, который был характерен для исторических сочинений, издававшихся в России. Этот язык он именуется то «нашим славенским языком», то «иллирическим диалектом», то диалектом империи Петра I. Зная, что русский язык будет представлять немалые трудности для читателей на славянском юге, Орфелин заявляет, что он старался сделать текст доступным пониманию сербов («старался вести такой слогъ, какой Сербскимъ народамъ понятенъ») ⁸. Однако стремление автора облегчить сербским читателям восприятие текста не отразилось разрушительно на ткани русского историографического стиля: наслоение сербизмов оказалось весьма умеренным. Когда книга переиздавалась в Петербурге, значительных языковых исправлений не потребовалось.

Полагают, что применение русского языка в таких фундаментальных трудах, как «Житие Петра Великого», мотивировано не только всемерным использованием опыта российской историографии, но и желанием автора и издателя максимально расширить сферу распространения и сбыта книги: сочинение Орфелина, судя по всему, адресовалось в равной мере читателям на славянском юге и в далекой России ⁹. Таких примеров в истории небогатой сербской книжности XVIII в. немного. Принимая и перенимая язык русской церковной и светской книги, широко используя для своих изданий русские источники, сербские литераторы в стремлении «вести такой слог, какой сербским народам понятен», пренебрегали выдержанной системностью русского или церковнославянского языка и смешивали в пределах одного текста элементы разных книжно-письменных систем. Они устраняли некоторые элементы русской литературно-языковой практики, представлявшиеся им необычными или непонятными для восприятия читателей, и употребляли вместо них (а иногда наряду с ними) элементы живой сербской речи. Так возник тип языка, который принято именовать славяносербским ^{*}.

Славяносербский язык дефинируют как «смесь церковнославянского русской редакции с простонародными сербскими элементами» (В. Ягич), «смешение сербского и русскоцерковнославянского языка» (А. Белич), тип языка, «в котором наряду с русскославянскими особенностями встречаем и черты народного языка, т. е. того местного говора, носителем которого был автор» (А. Младенович) ¹⁰.

Эти определения нуждаются в уточнении в связи с многослойностью русского языкового влияния, не сводящегося только

* Современное терминологическое значение словосочетания «славяносербский язык» не следует проецировать на употребление этого выражения в текстах XVIII — начала XIX в. Прилагательное «славяносербский» значило тогда просто сербский, свойственный сербам; славяносербским мог быть в то время назван и церковнославянский язык.

к принятию сербами церковнославянского русской редакции. Говоря о славяносербском языке, П. Ивич справедливо отмечал: «В этой сложной смеси наряду с русскославянскими и сербскими находились и собственно русские элементы»¹¹.

Смешанный, или «гибридный», славяносербский язык возник при воспроизведении сербами некоторых русских изданий. Так, в составе упоминавшегося выше учебного пособия по латинскому языку напечатаны заимствованные из русской книги «Школьные разговоры» латинские диалоги с параллельным переводом. Издатель-серб З. Орфелин частично переиначивал русский текст, заменяя отдельные слова, морфемы или сообщения в скобках сербские соответствия. Например: Которая курица снесла эти яйца? Наша. Та ли, кою мы видѣли вчера, что она сидѣла на яйцахъ? Нѣтъ, иная: а подѣ нее яйца для того положены, чтобъ она цыплятъ высидѣла. Радѣ бы я это видѣтъ (Школьные разговоры. Третіе изданіе. СПб., 1763, с. 182). Которая кокошь снесла тые яйца? Наша. Та ли, кою мы видѣли вчера, что она сидела на яйцахъ? Нѣтъ, иная: а подѣ оную яйца ради того положены, что бы она цыплятъ (пилиће) исседила. Радѣ бы я тое видѣти... (Первые начатки латинского языка, с. 432—433).

Орфелин заменяет русское слово «курица» сербским «кокош», но сохраняет русскую форму «цыплятъ», сообщая в скобках сербское соответствие (пилиће). Вместо предлога «для» дан «ради». Сохранены без перемен не свойственные сербскому языку формы «которая» (сербск. која), «иная», «вчера» (сербск. јуче или јучер), значение которых Орфелин, видимо, считал известным учащимся сербам, а контекст облегчал их понимание. В некоторых словах произведена замена или изменение морфем: сидѣла — сидела, высидѣла — исседила, видѣтъ — видѣти.

Переплетение русских, церковнославянских и сербских элементов характерно для сербской лексикографии XVIII в. В «Целлариевом лексиконе», напечатанном в составе «Первых начатков латинского языка» и представляющем переработку латинско-русско-немецкого словаря 1746 г.¹², читаем, например (курсивом выделены собственно сербские образования): *pevula* — мгла, туманъ, *magla*; *posco* — знаю, вѣдаю, *познавамъ*; *nox* — ночь, *ночь*, *ноћь*; *pugus* — сноха, *снаха*, *нѣвестка*; *pux* — орѣхъ, орѣшина, *орехъ*, *оравина*.

Подобным образом переводятся немецкие слова в анонимном «Немецком и сербском словаре» (Вена, 1790 и 1791) и в словаре, вошедшем в книгу С. Лазаревича «Начало ученія хотящимъ учиться книгъ писмены нѣмецкими» (Вена, 1774), а затем переиздававшемся отдельно (1793, 1802) под названием «Рѣчникъ малый» (до недавнего времени его авторство ошибочно приписывалось А. Везиличу). Не называя немецких заглавных слов, воспроизведем для примера славянскую часть нескольких статей «Речника малого» (по изданию 1802 г.):

Страница 6: геена, адъ, пакао; дяволъ, бѣсъ, врагъ; врачба, волшебство; волшебникъ, врачъ.

Страница 9: свѣтъ, мѣръ; солнце, сунце; огонь, ватра.

Страница 11: киша, дождь; мгла, магла; муня, молнія.

Страница 70: отаць, отецъ; дщи, ктыи (т. е. кѣи); унукъ, внукъ; стрыць, стрый.

В отличие от приведенных статей «Целлариева лексикона», в которых свойственная живому сербскому языку лексика обычно помещается после слов, перенесенных из русского издания, в словаре С. Лазаревича подача лексем сербских, «славенских» или русских беспорядочна. Сравним: киша, дождь; отаць, отецъ и мгла, магла; дщи, ктыи.

Для славяносербских текстов характерен большой диапазон варьирования языковых единиц. «Являясь языковой смесью, в которой соотношение рускославянских и народных особенностей было не всегда одинаковым не только у разных писателей, но и в разных сочинениях одного и того же автора, славяносербский язык существовал без определенных грамматических правил и норм», — пишет А. Младенович¹³. С развитием литературы обнаруживается, правда, эволюция этого типа языка. К концу XVIII и в первых десятилетиях XIX в. в славяносербском заметно увеличивается доля сербских речевых элементов.

Участие естественной, живой речи сербов в оформлении литературных и иных сочинений XVIII в. не ограничивалось неупорядоченным присутствием ее слов и форм в конгломерате языковых средств славяносербской книжности. Известны деловые и собственно литературные тексты, в языковом облике которых народноречевые элементы, завуалированные в известной мере непоследовательной орфографией, имеют определяющее значение. П. Ивич писал: «Когда в конце XVII в. Австрия захватила большую часть Венгрии и когда в область Буды нахлынула новая волна сербов при великом переселении 1690 г., городá Буда, Пешт и Сентандрея стали местами, где больше всего писали по-сербски. С начала XVIII в. сохранились архивы церковных общин, многочисленные письма, списки населения, деловые и юридические документы, все это преимущественно на народном языке... В период австрийского владычества над северной Сербией (1717—1739) прибавляются подобные документы из Белграда... Богатым материалом из второй четверти XVIII в. осыпают нас произведения Гаврила Стефановича Венцловича, проповедника... и даровитого и неутомимого писателя... Патриарх Арсений Черноевич и монахи Григорий Рачанин и Ерофей Рачанин составили в конце XVII — начале XVIII в. первые у сербов путевые записки... Основу их повествования в решающей мере составляет народный язык»¹⁴.

Выявлены и некоторые печатные произведения XVIII в. на языке, близком к устной речи сербского народа. Опубликовав внушительный список изданий второй половины XVIII — начала XIX в., в тексте которых доминируют черты естественной

сербской речи, А. Младенович заключил, что «народный язык в то время составлял особый, отдельный тип литературного языка наряду с русскославянским и славяносербским»¹⁵.

Действительно, в сербском печатном и рукописном наследии XVIII столетия обнаруживается немало сочинений, в языковой ткани которых преобладают характеристики живой речи сербов (носителей главным образом воеводинских говоров), несколько затемненные, естественно, неупорядоченной орфографией и перемежающиеся наслоениями (более или менее значительными) церковнославянизмов и русизмов. Сербские церковные круги не противились употреблению народного языка в текстах, предназначенных для широких слоев верующих. Не случайно в течение всего XVIII в., начиная с рукописей Г. С. Венцловича, прослеживается преобладающее присутствие народного языка в проповедях, призванных быть и по содержанию, и по форме доступными разумению и переживанию обычного прихожанина. Так, изданное в 1764 г. в Венеции «Слово о осуждении» является переводом произведения российского проповедника Гедео-на Криновского на язык, удобопонятный — при чтении или слушании — всякому сербу: большая часть лексикограмматических элементов русского текста заменена в венецианском издании сербскими образованиями.

В кругу литературных текстов на народном сербском языке особого внимания заслуживает рукописное «Житие князя Лазаря» или сказание о Косовской битве, распространявшееся в сербской среде в десятках списков. По своему содержанию это произведение не принадлежит к жанру церковной житийной литературы, но является прозаическим переложением эпических песен косовского цикла, ставших бесценным достоянием сербской народной культуры и активным фактором в утверждении национального самосознания. В эпосе конденсировалась память об исторических событиях, воплощались идеальные представления о героизме. «Косовский бой, — писал А. Н. Пыпин, — оставил могущественное впечатление в умах: он стал темой народной скорби и поэтической идеализации, освятил для народа его старину и дал героический мотив, могущественно возбуждавший даже в века крайнего политического упадка народное мужество»¹⁶.

В списках косовского сказания виден в зародыше тот литературный язык, который оформился в следующем, XIX столетии. Язык разных списков не вполне однороден, но представленные в них различия сводятся в основном к явлениям фонетического и морфологического варьирования внутри штокавского диалекта. Наблюдаются, в частности, экавский и иекавский рефлекс «ятя», которые существуют и в современном литературном произношении (экавская и иекавская орфоэпические нормы). Своими языковыми качествами «житие» сербских героев предвосхищает образцы литературного слога, предложенные в XIX в. Вуком Караджичем. Вот отрывок из рукописи 1746 г., храня-

шейся в архиве Сербской академии наук в Белграде¹⁷ (в оригинальной орфографии, но с членением текста на отдельные предложения и с внесением знаков препинания). Для владеющих сербскохорватским народный характер языка предлагаемого текста должен быть очевиден.

«Тада Милошъ от коня от скочи и на копле се ослони, 30 лаката земле прескочи. А други путь скочи, 40 лаката земле прескочи. А трећи путь скочи, копле му се сломи. Тада сва сила турска на Милоша навали, а Милошъ веће друго нища не може, него се у руке предаде. Нега [нега] Турци свезаше и цру га отнеше подъ шаторъ, ѿще [јоште] цръ не беше умрео. Яничари, кои Милоша доведоше, ѿни цру рекоше: «Ето ти, цре, крвника Милоша ѿбилиѧ жива уватисмо. ѿди те му стани ногомъ за вратъ, како е ѿнъ теби, или нами заповеди, коемъ ћемо га смрѣти уморити». Цръ рече: «Сваки гѣдинъ свою смрѣтъ люби. ѿставьте га саде жива, а ви, паше и везири, брже устаните, исправите се да ударите на таборъ княза Лазара, да видимъ за живота, ко ће кога надѣбити, докъ нисамъ умреѧ» (л. 17).

В последние десятилетия XVIII в. в сербском обществе осознается потребность нормирования литературного языка. Вырабатываются, обосновываются и с бóльшим или меньшим успехом реализуются программы культивирования книжно-письменного языка на народноречевой, церковнославянской или смешанной основе. Показательны обдуманые объяснения и обоснования языковой позиции, которыми литераторы-сербы сопроводили их труды. Так, Э. Янкович, публикуя свой выполненный на хорошем сербском языке перевод комедии К. Гольдони, писал с полемической заостренностью: «А што нисамъ писао у славенскомъ негъ у материнимъ езику, то ће ми сваки опростити, кадъ помисли, да я нисамъ Славянинъ, негъ Срблинъ, и да не пишемъ за Славяне, негъ за Срблъ»¹⁸. А что писал я не на славенском, а на родном языке, каждый меня простит, имея в виду, что я не славянин, а серб и что пишу я не для славян, а для сербов.

Широко известна позиция Досифея Обрадовича, призывавшего сербских литераторов писать для сербов на сербском языке и ссылавшегося на опыт русской литературы («Русские все свои лучшие книги на своем диалекте гражданскими буквами печатают») и европейских литератур («В наш век все народы стараются привести свой диалект в совершенство — преполезное дело, поскольку, когда ученые люди излагают мысли свои на общем для всего народа языке, просвещение разума и свет учения не ограничивается теми, которые понимают старый книжный язык, но распространяется и достигает крестьян, передаваясь самому простому народу и пастухам, если только они умеют читать»¹⁹).

Приверженцем Д. Обрадовича и сторонником его языковой концепции был Павел Соларич. Для настроений, свойственных

определенной части сербского общества, показательно его декларативное заявление, опубликованное в 1804 г.: «Мы смо били Славяни, али смо данась еданъ путь Славено-Серби. Ова речъ каже, како данась писати надлежи, сиречь како що се говори. Мени э славенски езикъ угоданъ; но краткости и точности ради нѣгови изговора, и као нека остава, гди я многоречиві и бивамъ Сербъ, а нипошто да се за нымъ раку подобно враћаюћи, дангубити идемъ»²⁰.

Исходным положением этой декларации является мысль о национально-этническом определении, осознание отдельности сербов как народа. А поскольку сербы являются самостоятельной национально-этнической совокупностью, утверждает автор, они должны писать, как говорят. «Славенский» (т. е. церковнославянский), по мысли Соларича, принадлежит прошлому, однако он сохраняет важное значение как пример, образец и источник обогащения сербского языка (отметим, кстати, что сказанное Соларичем об использовании в литературе народного языка выражено в тяжеловесной манере, его слог более «книжен», чем у Д. Обрадовича. Декларации и практика не всегда шли в ногу).

Сторонникам культивирования литературы на народном языке — Янковичу, Обрадовичу и другим — противостояли активные защитники «славенского» языка. Самым убежденным и настойчивым пропагандистом церковнославянского был Григорий Терлаич (Трлаич), один из образованнейших деятелей сербской культуры XVIII столетия. Призывая своих соотечественников изучать «славенский» язык и предпочесть «преизобилность, пространство, красоту, нѣжность и толь велелѣпную силу выражений его нищетъ простаго языка»²¹, Терлаич последовательно применял церковнославянский в своих книгах.

Кроме представителей полярных концепций, поборников употребления в литературе народного языка и ревнителей языка церковнославянского, в конце XVIII — начале XIX в. было много сторонников компромиссного решения, т. е. применения смешанного языка, более легкого и удобопонятного для сербов, чем церковнославянский, а вместе с тем облагороженного связью с русскоцерковнославянской традицией. Так, например, А. Стойкович предупреждал читателей одной из своих книг: «Что языка касается, славянскому слѣдовати не могохъ, ибо выше [‘много’] чтецовъ находятся того невѣдущихъ; сербски совсѣмъ просто писати не хотѣхъ: мноу да овымъ начинамъ и одной и другой страны удовлесотворихъ»²².

Определение и формулирование каждым сербским литератором своей позиции в выборе и использовании языковых средств, выработка и обоснование различных концепций литературного языка — многозначительные явления сербской общественной жизни конца XVIII — начала XIX в. В те годы укрепляется сознание отдельности, самостоятельности сербского народа в кругу славянства, распространяется и актуализируется убеждение,

что сербский народ призван иметь собственную культуру, равноценную культуре европейских народов. Симптоматичны призывы П. Соларича развивать сербскую самобытность (треба да имамо свой собственный отличный характер), избегать копирования иноземного опыта. Он требовал, чтобы лозунгом сербского просвещения и образования было «ни за кимъ ни у чемъ маймунирати или обезьяничати»²³. Эти высказывания знаменательны в контексте исторического процесса формирования сербской нации.

В условиях ускоряющегося экономического развития, зрелости и роста капиталистических отношений, наступления решающего этапа национально-освободительной борьбы, подъема социальной активности широких слоев населения необходимо было для успешного функционирования и развития всех общественных, а затем и государственных институтов преодолеть книжно-письменное «разноречие» и выработать нормированный, общепринятый и общеобязательный литературный язык.

Из литературной практики сербов выпадает — как целостная функционирующая система — русский литературный (светский) язык. Церковнославянский (руссославянский), отчужденный от естественной сербской речи, трудный для усвоения, крайне стесненный в способах обогащения и развития, также не имел шансов стать эффективным социальным инструментом, доступным широким слоям общества. Смешанный, славяносербский, язык, предоставлял пишущим богатые возможности произвольного выбора и применения сербских, церковнославянских и русских лексических и (в меньшей мере) грамматических средств. В исторической обстановке первых десятилетий XIX в. усиливается тенденция демократизации славяносербского языка, т. е. его сближения с живой сербской речью. «Развитие сербского общества требовало, — пишет П. Ивич, — чтобы литературный язык был максимально понятен массам, и славяносербский со временем становился все более сербским и все менее „славенским“»²⁴.

Эта тенденция находила свое выражение в грамматическом оформлении сербских текстов и в меньшей мере — в выборе лексических средств. Однако с течением времени появлялось все больше произведений, усиливающих возникшую еще в XVIII в. струю литературы на народном языке. Сравните языковые особенности сочинений разных авторов. В книге «Иконостасъ славныхъ и храбрыхъ лицъ» Н. Шимича (Въ Будинѣ градѣ, 1807) повествуется, в частности, о жизни и деяниях А. В. Суворова. В описании сражения под Кинбурном читаем: «За малое время Суваровъ изъ обмиранія къ себѣ пришедши видѣлъ, да его воины назадъ ступаютъ. Тогда онъ, на земли сѣдѣя, имъ остро сиче говорилъ: «Ребята! (то есть юнаци, или иначе дѣпо) я еще живу! — равняйтесь (рихтайтесе), мы морамо те канайліе побити или мы сви погинути». За тимъ на ноги сталъ и повыкаль: «Ступай вперіодъ! (маршъ напредъ)» Овде крѣпко на

неприятеля ударивши, у руку раненъ былъ, кою руку ручникомъ, то есть марамою завилъ, видѣвши же, да нарочито на его біють, простаго Козака халину облеклъ»... (стр. 76). Морфологии сербохорватского языка соответствует в этом отрывке только фрагмент «мы марамо те канайліе побити или мы сви погинути», союз «да», сочетание «на земли» и предлог «у» (у руку). В лексическом плане перемежаются слова русские, церковнославянские и сербские.

Иначе оформлен текст книги Д. Исайловича «Исторія трговине отъ почетка света до наши времена» (Въ Будимѣ, 1816). На второй и третьей страницах непагинированного «предсловія» говорится: «Колико ми е допустила краткость времена оногъ, кадъ самъ книгу ову покрай други послова тежкогъ званія могъ преводио, трудіо самъ се понайвыше и старао о томъ, да еззыкъ и слогъ нѣнъ разборить и свакомъ Србљину вразумителанъ буде, то есть трудіо самъ се онако писати, као што по момъ мнѣнію треба Србљима Србљинъ да пише». Формообразование в этом тексте идет в соответствии с нормами живого сербского языка, инородных элементов почти нет. Этого не скажешь безоговорочно о лексике, но и здесь преобладают сербские слова.

Верность формообразованию сербского языка при обилии лексических русизмов характерна для изданной в Петербурге книги Г. Зорича «Краткое руководство къ познанію всемірне исторіе» (1826). В предисловии автора сказано: «Планъ ове кнѣжје сходствуе съ планомъ сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго историка Бредова подъ заглавіемъ... Несказанно сретьянъ тью [ћу] быти, ако овај слабый трудъ мой принесе сербской юности ту ползу, кою я не престаемъ іой желити» (с. 6). А в основном тексте книги читаем, в частности: «Послѣ седмилѣтногъ рата чинилосе, да су Европейскіи Кабинеты ветъ [већ] сва своя дѣла размрсили и уредили и да тье [ће] утврждена тишина дати Европейцомъ време одморитисе и ране свое залѣчити; но ова политическа тишина подобна е была великой тишины усредь лѣта, послѣ кое небо уеданпутъ се наоблачи и страшна грмљавина распространявасе на све стране» (с. 205—206). Отметим архаичную форму дат. п. мн. ч. «Европейцомъ», выделяющуюся среди словоформ, образованных в «духе» сербской морфологии. Написание — ы в окончаниях является орфографической условностью.

Эти цитаты вполне типичны для картины литературного языка у сербов в первые десятилетия XIX в. Неупорядоченность применения средств устной сербской речи и элементов церковнославянской и русской книжнописьменных традиций, неопределенность орфографии, отсутствие авторитетных образцов, которые служили бы своеобразным эталоном функционирования языковых средств в составе организованной системы, сделали жизненно необходимой и своевременной творческую инициативу Вука Караджича, который безоговорочно отверг практику языка произвольно-смешанного типа и выдвинул в качестве

критерия языковой нормы — верность народной речи — и в грамматике, и в лексике, предложив одновременно радикальную и последовательную реформу орфографии. Для утверждения концепции литературного языка, выработанной Вуком в сотрудничестве с Е. Копитаром, определяющее значение имела литературная и научная деятельность самого Вука, полностью находящаяся в сфере национальных ценностей: выявление и издание произведений устного народного творчества, описание грамматики живого сербского языка, составление словаря, в который включались только слова, свойственные народной речи, накопление этнографических материалов, работы об исторических событиях и выдающихся личностях поры национального освобождения. Как известно, литературный язык, утверждавшийся Вуком Караджичем и его соратниками, стал основой современного литературного языка сербского и хорватского народов.

Однако историческая победа, триумф начинаний Вука Караджича не означали полного отрицания языковой действительности сербской книжности XVIII — начала XIX в. Между современным литературным языком и книжно-письменным языком довуковской эпохи выявляются многообразные связи. Наиболее очевидны они в фонетике и в лексике. Литературный язык вуковского типа имел восточногерцеговинскую народноречевую базу с иекавским рефлексом «ятя». У сербов, живших на территории нынешней Воеводины, где до национального освобождения была сосредоточена культурная жизнь и литература, доминировало экавское произношение. То, что в современном литературном языке существует двойка — иекавская и экавская — орфоэпическая норма, является непосредственным выражением устойчивости фонетических характеристик, свойственных речи воеводинских сербов и орфографически закрепившихся в средствах литературного выражения.

Как писал П. Ивич в рецензии на книгу А. Младеновича «О народном языке Йована Раича», «модификации в основе вуковского литературного языка не ограничились заменой «ятя». На почве Воеводины и Шумади, где этот язык преимущественно функционировал, в него бесчисленными путями проникали особенности, свойственные народным говорам и литературной традиции этой местности. Поэтому создается впечатление, что этот язык после Вука во многом начал двигаться назад, к Раичу. Впрочем, значительную часть пути в этом направлении язык прошел еще в то время, когда он находился в руках самого Вука, который его постепенно моделировал»²⁵. Вывод о несомненной преемственности, свойственной развитию литературного языка у сербов в довуковский и современный период, сделал и исследователь языка литературных произведений славяносербского писателя М. Видаковича Й. Кашич²⁶.

Литературный язык нового времени не может обходиться лексическим фондом народных, преимущественно крестьянских, диалектов, точно так же как его не могли бы удовлетворить лек-

сические возможности церковнославянского языка. В связи с этим П. Ивич пишет: «Литературный язык, с которым выступил Вук в словаре 1818 г., совпадал в основе своей с тогдашним говором Тршича. Декларировалось изгнание из него книжных элементов, но достичь этого в полной мере на практике не удалось. В предисловии и грамматике, предпосланных словарю, нетрудно насчитать десятки слов, отсутствующих в самом словаре. С самого начала оказалось иллюзорным намерение создавать литературный язык исключительно из элементов, свойственных народному языку. Столько есть на свете всего, о чем нельзя писать, обходясь только речевыми средствами, отражающими жизнь и быт пастухов и земледельцев»²⁷. И сам Вук, переводя для сербов библию, признал необходимость использования церковнославянизмов (по возможности сербизированных) и новообразований. Однако связь с лексическим фондом довуковской книжности не ограничилась усвоением некоторых церковнославянизмов. В своей литературной практике Вук не мог отстраниться от лексических средств, употреблявшихся и в литературных произведениях «славяносербских» писателей, и в обиходе образованных сербов. Так, в небольшом предисловии В. Караджича к изданию сказок 1821 г. (46 строк текста) употреблено около десятка слов, не представленных в корпусе его словаря 1818 г.: предговор (в словаре есть предисловие, озаглавленное этим словом, но в словарных статьях его нет), родолюбив (патриотический), поредити (се) (сравнить(ся)), вкус (нет ни сербизированной формы «укус»), починач (начинающий, инициатор), народност (явления народной культуры), просвѣштеније, мода, својство, књижество (литература)²⁸. Все эти слова встречаются на страницах сербских изданий XIX в., большая их часть живет и в современном языке.

В лексическом фонде сербскохорватского литературного языка наших дней имеется множество единиц, представляющих наследие книжно-письменного языка XVIII в. Когда-то Г. Терлаич поместил в конце книги «Идея, или мужеская и женская добродѣтель» (Вена, 1793) словарь — «изъяснение нѣкоторыхъ рѣчей славянскихъ, еще къ удобншему (так!) разумению въ языцѣ семъ не много искуснымъ служити можетъ». Среди слов, значение которых он считал нужным объяснить читателям-сербам, находятся многие лексемы, не зафиксированные впоследствии Вуком Караджичем в его словаре, в который допускалась только народная лексика, но являющиеся признанным достоянием современного литературного языка. Таковы слова (в скобках сообщается их нынешний сербский облик): вѣсть (вест, вијест), гнусность, изрядный (изредан), казнь (казна), мнѣние (мнење), молба, нѣжность, обожаю (обожавам), опасность, оскудѣваю (оскудевам), подозрѣние (подозрење), позориште (с толкованием: мѣсто игре, комедіе), право (jus, Recht), предтеча (претеча), преимущество (преимуѣство), присягаю (присезати, присежем), приборъ, присутствую (присутствујем), предметъ,

разный (разни), скромный, скромность, собственный (сопствен), строгий, супругъ, угрожаю (угрожавам), ужасъ, упорный, ус-пѣхъ, чувство, шумъ.

Этот список можно пополнить достоверными данными из других источников. Так, например, З. Орфелин, публикуя в «Славяно-сербском магазине» «Письмо Ахмета, сына Солиманова», заимствованное из петербургских «Ежемесячных сочинений», пояснил читателям с помощью немецкого лексического эквивалента значение глагола тронуть (растрогать; с. 52). Ныне этот глагол, прилагательное «тронут» и наречие «тронуту» употребляются в нейтральной общеупотребительной лексике. В известном романе Д. Чосича «Солнце далеко» читаем: «Уча је говорио тихо, полако и тронуту, као да чита» (Уча говорил тихо, медленно и проникновенно, будто читая). Можно уверенно утверждать, что планомерное обследование источников выявит много лексических образований, незаметно и безболезненно перелившихся из книжно-письменной языковой стихии XVIII в. в современный литературный сербскохорватский язык.

Достижения науки об истории литературного языка сербов, черногорцев, хорватов и боснийцев-мусульман и открывшиеся в связи с этим перспективы новых целенаправленных изысканий значительно изменили сложившиеся в XIX — первой половине XX в. и казавшиеся окончательными представления о возникновении и развитии современного сербскохорватского литературного языка — литературного языка сформировавшихся наций. В течение долгого времени подчеркивалась мысль о резкой меже, отделяющей литературный язык сербского народа, оформившийся в основном в результате деятельности В. Караджича, от книжно-письменного языка предшествующей поры. Ныне стало ясно, что облик современного литературного языка у сербов сложился не только в результате новаторской творческой деятельности Вука Караджича и его сторонников и преемников, но и вследствие сохранения многих элементов литературноязыковой практики довуковской поры.

¹ Младеновић А. Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века.— Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави (Филозофски факултет у Новом Саду). Нови-Сад, 1973, с. 42—52.

² Бошков М. Руска штампана књига у нашем XVIII веку.— Годишњак филозофског факултета у Новом Саду, 1973, књ. XVI/2, с. 527—567.

³ Славено-сербскій магазинъ, то есть Собрание разныхъ сочинений и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ. Въ Венеци, 1768, т. I, ч. 1, с. 11.

⁴ Стевановић М. Савремени српско-хрватски језик. Београд, 1964, с. 26.

⁵ Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923, с. 213.

⁶ Первые начатки латинскаго языка, то есть: М. Иоанна Ренія Донать и Христофора Целларія Меньшій Лексиконъ съ Лангѣвыми Школьными разговорами. Въ Млеткахъ, 1767. Непагинированное «предупреждение».

⁷ Славено-сербскій магазинъ..., с. 80.

⁸ Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго, само-

- держца всероссийскаго. Въ Венеціи, 1772. Непагинированное предисловіе.
- ⁹ *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971, с. 166—167.
- ¹⁰ *Јагич И. В.* Историја славјанской филологіи. СПб., 1910, с. 184; *Белић А.* Око нашег книжевног језика. Београд, 1951, с. 26; *Младеновић А.* Типови..., с. 45.
- ¹¹ *Ивић П.* Српски народ..., с. 171.
- ¹² Христофора Целларія Краткой латинской лексиконъ съ російскимъ и иѣмецкимъ переводомъ, для употребленія Санктпетербургской гимназіи. СПб., 1746.
- ¹³ *Младеновић А.* Типови..., с. 45.
- ¹⁴ *Ивић П.* Српски народ..., с. 160—161.
- ¹⁵ *Младеновић А.* Типови..., с. 46.
- ¹⁶ *Пыпин А. Н., Спасовиц В. Д.* Историја славянскихъ литератур. СПб., 1879, т. I, с. 163.
- ¹⁷ *Стојановић Љ.* Каталог рукописа и старихъ штампанихъ књига: Збирка Српске краљевске академије. Београд, 1901, № 134 (337).
- ¹⁸ Терговци. Комедіа у три акта приведена... отъ Е. Янковича. У Лаипсигу, 1787, с. 4.
- ¹⁹ Дела Доситеја Обрадовића. Београд, 1911, с. 4, 5.
- ²⁰ *Соларичъ П.* Ключићъ у мое землеописаніе. У Венеціи, 1804, с. 9.
- ²¹ Забавленіе единого лѣтнаго утра. Пер. Г. Терлаича. Въ Виеннѣ, 1793, с. 53.
- ²² Кандоръ или Откровеніе египетскихъ таинъ. Отъ А. Стойковича. Въ Будимѣ, 1800. Непагинированное предисловіе (с. 6)..
- ²³ Поминакъ книжескій о Славено-Сербскомъ въ Млеткахъ печатанію отъ Павла Соларича. Въ Млеткахъ, 1810, с. 64—65.
- ²⁴ *Ивић П.* Српски народ..., с. 241.
- ²⁵ Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1967, књ. X, с. 226.
- ²⁶ *Кашичъ Ј.* Језик Милована Видаковића. Нови Сад, 1968, с. 161.
- ²⁷ *Ивић П.* Српски народ..., с. 243.
- ²⁸ Народне српске приповијетке. Написао В. С. У Бечу, 1821, с. 1—2.

О СОЗДАНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК ПРЕДПОСЫЛКЕ УПРОЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА БОЛГАР В XIX В.

Г. К. Венедиктов

Вопрос о родном языке в целом и о литературном языке в частности в эпоху национального возрождения (вторая половина XVIII — третья четверть XIX в.), в хронологических рамках которой зародилась и сформировалась болгарская буржуазная нация, занимал важное место в национально-культурном движении болгар. Многие образованные и патристически настроенные представители сформировавшейся национальной буржуазии и болгарской интеллигенции уделяли этому вопросу первостепенное внимание. Среди крупных деятелей эпохи, выступавших за разрешение жизненно важных вопросов национального развития, трудно назвать таких, которые бы в той или иной мере не касались проблемы языка. В ее обсуждении приняли участие и многие менее известные и совсем неизвестные авторы книг и переводов, учителя, книгоиздатели и т. д. О большом внимании к языку свидетельствует, в частности, и тот факт, что уже первые культурно-просветительные общества болгар (начиная с середины 20-х годов XIX в.) в качестве одного из главных пунктов своей программной деятельности выдвигали содействие со-

зданию и совершенствованию литературного языка. Об этом же говорит и участие многих периодических изданий 40—70-х годов XIX в. в обсуждении языковых вопросов.

Большое внимание к родному языку со стороны деятелей национального возрождения объясняется прежде всего той ролью, какая отводилась ему в общем движении за национальное и культурное возрождение. Напомним, что уже в «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского (1762 г.), открывшей эпоху национального возрождения у болгар, задача сохранения и возвышения родного языка, обучения на этом языке теснейшим образом увязываются с необходимостью борьбы за освобождение от греческого духовного гнета и за национальное просвещение, за утверждение национального самосознания и сохранение национальной самобытности. Паисий с гневом говорил о тех болгарях, которые отступились от своего рода и языка и стыдились называться болгарями. Чувство негодования вызывали у него те из соотечественников, кто «не любят за свой родь болгарски знати, но се обращают на чужда политика и чужди языкъ и не радатъ за свой языкъ болгарски, но се учатъ четати по грчки и сраматъ се да се наречатъ болгаре»¹, кто идут «пу чужди языкъ и обичаи, а на свой хулатъ»². Пренебрежительное отношение к родному языку, свойственное многим его соотечественникам-современникам, учение на чужом (греческом) языке, безразличие к славной истории народа и его современным нуждам — вот зло, которое надо искоренить во имя сохранения народа и его будущего. Паисий, таким образом, хорошо понимал, что подобное отношение к родному языку наносит национальным интересам болгарского народа огромный ущерб.

Через сто лет М. Дринов, видный деятель конца эпохи возрождения, подчеркивал огромное значение уже единого, литературно обработанного языка в решении назревших национальных задач. В знаменитой статье «О новоболгарской азбуке» (1870), положившей начало научному решению спорных вопросов нормализации литературного языка, он писал: «Нет сомнения, что от выработки единого литературно-письменного языка для всех болгарских областей во многом зависит укрепление нашей народности и хороший успех нашего национального развития. Пока разные болгарские области лишены единого общего органа, с помощью которого они могли бы одинаково проявить свою высшую духовную деятельность, до тех пор болгарская литература будет оставаться разобщенной, ее успехи будут слабыми, до тех пор и болгарский народ будет слабо осознавать свое национальное единство, свою духовную силу и могущество»³.

Столетие, отделяющее приведенные высказывания Паисия Хилендарского и М. Дринова, было наполнено (особенно вторая и третья четверти XIX в.) все нарастающей борьбой за приложение болгарского языка в разных сферах культурной и общественной жизни. Первоначально наиболее остро проблема языка

стояла в области просвещения, где она теснейшим образом была связана с задачей создания национальной школы — с «великим вопросом о наших школах» (Петко Славейков). Учение на родном языке, как подчеркивали П. Берон, В. Априлов, И. Богоров и многие другие выдающиеся деятели возрождения, — это самый прямой путь к просвещению, к образованию народа, это средство, которое «скорее откроет нам глаза на то, что нужно для нашего прогресса, для нашего благосостояния и благоденствия»⁴. Пожалуй, никакой другой вопрос организации школьного дела деятели возрождения не отстаивали в течение длительного времени с таким горячим участием и настойчивостью, как вопрос о том, что болгары должны получать образование в своих школах и на своем, родном языке и что источники знаний они должны черпать прежде всего из книг, написанных на этом языке. Задача сводилась здесь прежде всего к освобождению от греческого засилья в школе, к отказу от престижности греческой образованности и к созданию собственной, национальной школы с преподаванием на родном языке. Родной язык справедливо рассматривался как важное и необходимое средство приобщения, притом ускоренного, болгар к достижениям духовной и материальной культуры, в которых уже настоятельно нуждалась формировавшаяся нация. Вместе с тем и сам родной язык, и образование, развиваемое на его основе, были необходимой базой освобождения болгар от инационального культурного влияния и духовного угнетения (в первую очередь — греческого), создания собственной литературы (художественной и публицистической) и периодики, а впоследствии театра, науки и других сфер культуры формировавшейся нации*.

Известно также, что вопрос о родном языке занимал важное место и в развернувшейся в середине прошлого столетия церковной борьбе. Отмена греческого языка в церкви, богослужение на родном языке, понятном всем прихожанам-болгарам, — одни из требований, которых болгары настойчиво добивались на протяжении всего национально-церковного движения.

Следует отметить, что необходимость образования на родном языке тесно связывалась с другой характерной для просветительства того времени идеей — с идеей прямой зависимости действительной свободы отдельного человека и народа в целом от его образованности. Яркой иллюстрацией этому может служить следующая цитата из статьи «Народное просвещение и народное духовенство» П. Славейкова: «Только подлинно образованный и просвещенный человек свободен и счастлив, а неграмотный и несведущий — всегда раб, где бы он ни был, даже в самой свободной стране он все равно раб и жесточайших му-

* Ср., например, высказывание П. Славейкова о том, что просвещение на родном языке позволит болгарам создать свою литературу, которая не будет «ни малолетним отпрыском греческой, ни худосочной последовательницей какой бы то ни было другой литературы». *Славейков П.* Вспинца наши за нас си. — Македония, 1867, год. I, № 33, 15.VIII.

читателей человечества, и собственных страстей, раб своих и чужих предрассудков. Всеобщее народное просвещение — самое первое и самое главное условие благоденствия любой страны, благоденствия любого народа; это сам источник свободы. Неграмотный, необразованный и непросвещенный народ — предмет рабства во все времена и повсюду. Такой народ не могут сделать свободным ни самые славные и сильные властелины, ни самые лучшие и свободололюбивые законы»⁵.

Говоря о родном языке как об орудии (средстве) создания школы, литературы, книгопечатания, других областей национальной культуры, как об одном из существенных факторов борьбы за национальную церковь, следует подчеркнуть, что его значение не ограничивалось только рамками каждой из названных сфер приложения языка. Использование родного языка в этих сферах имело и более значительный, общенациональный смысл: оно явилось необходимой и весьма существенной предпосылкой укрепления в широких кругах населения сознания самобытности и самостоятельности болгар как славянской этнической общности, предпосылкой консолидации болгароязычного населения в единую нацию. Роль родного языка в таком контексте общенациональных задач хорошо понимали многие деятели той поры, хотя — и это тоже необходимо иметь в виду — за общепросветительскими идеями или церковными требованиями тогда еще не все отчетливо видели конечную цель национального движения и не отдавали себе ясный отчет в объективной роли в нем родного языка.

Переходя к более частному (в рамках общей проблемы родного языка в движении за национально-культурное освобождение) вопросу о едином литературном языке как об одной из предпосылок упрочения национального единства болгар, следует прежде всего подчеркнуть, что данный вопрос остро встал перед деятелями национального возрождения в середине 30-х годов XIX в. До этого он ставился у болгар не столько в плане необходимости его литературной обработки, нормализации, направленной на создание единого общebolгарского литературного языка, сколько как антитеза греческому языку, засилье которого в школе, церкви, в других общественных сферах и даже в быту у наиболее состоятельных ремесленников, торговцев и зарождавшейся интеллигенции, т. е. экономически и интеллектуально наиболее активной части болгарского населения, все более углублялось. Правда, сама мысль о необходимости нормализации болгарского языка как языка книг, школы и др., возникла у болгар уже в 20-е годы (намерение недолго просуществовавшего Филологического общества в Брашове коллективно решить некоторые вопросы литературной обработки народного языка⁶), однако именно в 30-е годы задача установления единых, общеобязательных правил литературного языка встала со всей остротой перед деятелями национального возрождения, причастными к школе, изданию книг и т. д. Тогда же Неофитом

Рильским⁷ и В. Априловым* были предприняты первые серьезные опыты установления литературных норм языка (графика, орфография, грамматика, лексика), обоснованы принципы и пути его нормализации. Причина этого лежит во внелингвистических, историко-культурных обстоятельствах. Появление первых светских школ с преподаванием на болгарском языке (первое такое училище было открыто в Габрове в 1835 г.) и потребность в разного рода учебных пособиях для них, расширение книгопечатания, зарождение новой литературы — поставили перед болгарскими задачами преодолеть господствовавший в школе и книгах языковой разнобой (в грамматике и особенно в орфографии и графике), т. е. нормализовать, создать единый, общеполитический литературный язык. Теперь акцент ставился уже не просто на родной язык вообще (хотя и впоследствии нередко речь шла именно об этом), а на единый, в определенной мере нормализованный литературный язык (на первых порах преимущественно в его письменной разновидности).

Первоначально необходимость литературной обработки народного языка и создание на этой основе общеполитического литературного языка, на чем настаивали одни деятели, как и использование церковнославянского языка, более или менее приближенного к живой речи, которому бы следовали все образованные болгары, на чем настаивали другие, мотивировались нуждами школы и шире — образования в целом. В. Априлов, например, в упомянутом выше «Мнении» писал, что, поскольку «лишь теперь (т. е. в середине 30-х годов.— Г. В.) закладывается краеугольный камень образования болгар... надо образованным людям собраться вместе прежде всего для устройства языка таким образом, чтобы после того, как каждый присовокупит свои знания к знаниям других, принять одну систему, которой впредь следовали бы все в своих сочинениях и которая была бы введена в училище в Габрове и всюду, где будут открыты другие (училища)»⁸. Но и в первых выступлениях с таких позиций в пользу скорейшего создания единого литературного языка более или менее ощущалась уже и идея национального обособления болгар и вместе с этим — их внутреннего единения, сплочения, способствовать которому и призван был этот язык. Неофит Рильский, подчеркнув, что болгары уже начали пробуждаться от долгого сна невежества и усваивать необходимые средства для подлинного просвещения, отметил, что болгарам надо срочно усовершенствовать и нормализовать свой язык, дабы со временем они могли «пить и наслаждаться вкусной и прозрачной водой своих, а не чужих источников, как они делали до сих пор»⁹.

* См. «Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа», которое было разослано им в 1836 г. образованным соотечественникам (в частности, известному педагогу Райно Поповичу и др.). Это «Мнение» лишь сравнительно недавно найдено и опубликовано И. Снегаровым (Изв. на Архивния ин-т, 1957, кн. 1).

Задача создания литературного языка, понятного широким массам населения, как важного средства не только просвещения, но и национального единения народа довольно отчетливо ставилась на рубеже 30—40-х годов молодыми болгарскими, обучавшимися в школе известного греческого педагога и просветителя Т. Каириса на о-ве Андрос и позже в Афинах. Обращение этих болгар, воспитывавшихся в греческой школе в подчеркнуто эллинистическом духе, к нуждам своего отечества, к судьбе собственного народа, к родному языку произошло под прямым воздействием национально-возрожденческих идей Т. Каириса, прославлявшего все греческое — культуру, литературу, язык и нередко оскорблявшего национальные чувства болгарских воспитанников. Поставив целью «работать для просвещения своего народа... и посредством своего родного языка»¹⁰, они обсуждали на собраниях и вопрос о совершенствовании родного языка как один из главных пунктов своей деятельности. «С некоторого времени, — писал возглавлявший афинских болгар И. Селиминский В. Априлову и Н. Палаузову (17.IX 1840), — они (болгарские гимназисты и студенты. — Г. В.) начали собираться на первые заседания, чтобы обсуждать и решать вопрос о совершенствовании нашего языка и распространении просвещения. Обсуждение этого вопроса не только не погасило вспыхнувшее в них желание и не ввергло их в отчаяние, а наоборот — еще больше их сплотило, и они, видя славную цель борьбы, крепили и поощряли друг друга. На заседаниях были рассмотрены главные пружины, благодаря которым, с одной стороны, сохраняется единство и национальность, а с другой стороны, культура движется вперед плавными шагами... Оказалось, что этот вопрос заслуживает самого глубокого изучения и прежде всего он и явился первейшей задачей их ревностной деятельности»¹¹. Как видим, совершенствование родного языка, т. е. создание литературного болгарского языка, рассматривалось молодыми болгарскими в Афинах как одна из «главных пружин», определяющих национальное единство и будущее культуры болгар.

Впоследствии, в 40—60-е годы, выработка единых общеполитических литературно-языковых норм стала еще более настоятельной и многими рассматривалась как задача первостепенного общенационального значения. Вот несколько иллюстраций к сказанному. В 1850 г. И. Добровский подчеркивал, что создание «письменного славяноболгарского языка — это исключительно важный и очень нужный предмет»¹². В конце 60-х годов Т. Икономов, редактор издававшегося в Болграде журнала «Обшт труд», писал: «Обработка языка, особенно языка нового, еще не установившегося, каким является наш болгарский, должна составить самую важную и существенную сторону развития и просвещения народа»¹³. На первостепенное значение создания единого литературного языка неоднократно указывала газета «Цариградски вестник». Так, в одной из статей неизвестного автора 1859 г. говорится, что создание такого языка — это «животрепе-

ущее, важное и чрезвычайно необходимое для умственного и нравственного развития болгарского народа дело»¹⁴.

В свете интересующего нас аспекта проблемы языка следует подчеркнуть, что необходимость единого литературного языка нередко непосредственно связывалась с самим фактом существования болгар как самостоятельного славянского народа. «Раз мы называемся болгарами,— говорилось, например, в цитированной выше статье из газеты «Цариградски вестник»,— то мы должны иметь и единый язык болгарский». Именно в единстве литературного языка многие деятели возрождения видели и признак, и средство национального сплочения болгарского народа. Известный книгоиздатель прошлого века Х. Данов писал в 1869 г., что создание «общей грамматики» (т. е. грамматики единого литературного языка.— Г. В.) позволит болгарам «сохраниться навсегда, и всем им быть, как они были и до этого, единым народом»¹⁵. Учитель П. Иванов указывал в 1871 г., что «общая грамматика — это самая прочная связь народа, сколь бы далеки ни были друг от друга его элементы и какой бы совершенно непонятный провинциализм (т. е. местные диалектные различия.— Г. В.) ни господствовал между ними»¹⁶. В другом месте он отмечал: «Если мы один народ, то мы должны иметь и один литературный язык, и одну грамматику»¹⁷. Можно привести и немало других высказываний, свидетельствующих о понимании деятелями болгарского возрождения исключительной важности единого литературного языка для упрочения национального единства болгар.

Отметим, однако, что с дальнейшей судьбой народа, с проблемой национального самосохранения непосредственно связывались иногда только графика и орфография. Это хорошо видно, например, на отношении Н. Палаузова (жившего в Одессе видного болгарского деятеля) к написанной на немецком языке и изданной в 1852 г. «Грамматике болгарского языка» А. и Д. Цанковых и к графической и орфографической системе И. Добровского в его газете «Мирозрение». Использование Цанковыми латиницы для передачи болгарских слов, как и само издание грамматики болгарского языка на немецком, а также отказ Добровского от ряда букв старой кириллицы и фонетический принцип его правописания Н. Палаузов квалифицировал как опасный шаг к утрате болгарями своей национальной самобытности, как шаг на пути к их возможной латинизации или германизации. Такое отступничество некоторых болгар от традиционного письма, грозящее, по его мнению, трудно поправимыми последствиями, равносильно предательству по отношению к своему народу. «Теперь,— писал он В. И. Григоровичу (14. III 1851),— уже появилась в печати грамматика латинскими буквами. Не сумасбродство ли это? И что из этого выйдет, если неопытные болгаре последуют этому кривописанию? Они или олатынятся, или онемечатся, и странно, западные славяне стараются ввести у себя кирилловский алфавит и посредством этого

сблизиться с своими родичами, а сии последние (т. е. болгары. — Г. В.) дурачатся, вводят латынщину и сами себя губят. Надобно образумить этих Лютеров славянских, а то, пожалуй, надедают много зла, которое трудно после исправить. И придет же в голову такая дурь!»¹⁸.

Создание единого литературного языка было сложной задачей. Целый ряд вневлигвистических факторов явился причиной того, что с самого зарождения идеи о необходимости создания такого языка возникли и острые споры о его характере (его церковнославянской или народно-разговорной основе), выборе диалектной базы, путях нормализации и совершенствования грамматики, лексики, правописания и др. Различия во взглядах книжников того времени по этим общим вопросам находили и конкретное отражение в языке издававшихся ими книг, газет, журналов, в учебной литературе (в том числе и в пособиях по грамматике болгарского языка), в переписке, не говоря уже об устной речи.

В целом литературный язык в том его виде, как он представлен в болгарских изданиях вплоть до 70-х годов XIX в., характеризовался (особенно если иметь в виду полярные его варианты с точки зрения соотношения в них элементов книжного и народно-разговорного происхождения; ср., например, язык «архаистов» Хр. Павловича, К. Фотинова или в более позднее время Г. Раковского и язык И. Богорова, И. Момчилова, П. Славейкова и многих других приверженцев чисто народной основы литературного языка) значительным разнообразием особенностей на разных его ярусах — в грамматике, лексике, звуковом составе. Особенно заметными были различия в графике и орфографии (ср., например, основанную на историко-этимологическом принципе графику и орфографию Н. Герова и максимально приспособленную к отражению особенностей живой речи графику и орфографию И. Добровского, хотя и Геров, и Добровский были сторонниками создания литературного языка на народно-разговорной основе). Не удивительно поэтому, что у читателей, наблюдавших состояние языка книг и других изданий, складывалось впечатление, в общем достаточно обоснованное, о полном произволе, хаосе или, как иногда его образно характеризовали, «вавилонском столпотворении»: будто каждый пишет, как ему вздумается. Последнее нередко оправдывалось тем, что до установления общеобязательных правил никто не волен заставлять других непременно следовать каким-либо правилам, что только свободное, не сдерживаемое искусственно использование разнообразных языковых ресурсов может стать базой формирования подлинно единого и приемлемого для всех образованных болгар литературного языка.

Ввиду существовавших разногласий по принципиальным вопросам формирования литературного языка и значительного разнобоя в самом языке разных авторов и изданий большое значение деятелями болгарского национального возрождения при-

давалось широкому обсуждению этих вопросов. Дискуссия, обмен мнениями рассматривались как важная предпосылка выработки единых норм литературного языка. Поэтому само участие в обсуждении, направленном на скорейшее достижение этой цели, постепенно стало осознаться как долг всех образованных болгар, а нежелание изложить собственный взгляд по тем или иным вопросам совершенствования языка квалифицировалось иногда как непатриотическое и даже преступное отношение к нуждам народа.

Нужно подчеркнуть, что стремление — по крайней мере на словах — к скорейшей выработке единых норм литературного языка преобладало среди учителей, писателей, книгоиздателей и других представителей болгарской интеллигенции. Однако в мощном хоре сторонников безотлагательной нормализации языка диссонансом звучали голоса тех, кто выступал против установления единых и обязательных норм сразу же или в ближайшем будущем. Таких людей было немного, но и они выступали не против нормализации вообще, не считали ее вообще невозможной или ненужной. Они тоже были за выработку единых норм литературного языка, но полагали, что для этого еще не созрели необходимые условия, и потому претензии отдельных грамматистов представить изложенные в их грамматиках правила как общebolгарские воспринимались ими как необоснованные и бесплодные.

В собственно языковом плане одним из главных был вопрос о том, каким должен быть единый общebolгарский литературный язык. По этому вопросу, как уже упоминалось выше, существовали разные точки зрения, которые можно свести к двум основным, представляющим два принципиально разных направления в истории болгарского литературного языка.

Согласно одной точке зрения, которую развивали так называемые архаисты (Х. Павлович, К. Фотинов и некоторые другие), болгарский литературный язык должен в значительной степени ориентироваться на книжный, церковнославянский в своей основе язык. Это направление не имело в Болгарии большого числа приверженцев и сравнительно быстро, уже к середине 40-х годов, сошло со сцены, хотя отголоски его давали о себе знать и позднее. Думается, что одной из причин непопулярности и недолговечности этого направления был сам характер прокламируемого им языка. Лишенный ряда характерных особенностей народно-разговорного языка (например, членных форм), с одной стороны, и содержащий многие особенности, не свойственные этому языку (например, система падежей в ее прежнем виде, старые инфинитивные формы и др.), с другой, он казался искусственным, был довольно далек от народно-разговорного языка и потому недостаточно понятным тем болгарам, которые не изучали его специально. Отметим, что одной из причин непопулярности, например, журнала «Любословие» К. Фотинова, как и некоторых изданий Г. Раковского, была малопонятность

их языка. В атмосфере широкого стремления к развитию образования, литературы, журналистики, к овладению разнообразными знаниями в других областях духовной и материальной культуры, в которых нуждалась формирующаяся буржуазная нация, стремления, порожденного наступившими глубокими социально-экономическими сдвигами, такой язык, как полагали многие деятели болгарского национального возрождения, не мог быть эффективным средством решения назревших и назревающих национальных задач.

Преобладало другое направление, представители которого (В. Априлов, И. Богоров, Н. Геров, П. Славейков и многие другие) были убеждены в том, что единый литературный язык следует строить на основе народно-разговорного языка, должным образом обработанного и обогащенного из разных источников. Считалось, что именно такой язык, доступный всем болгарам, наиболее пригоден для скорейшего приобщения широких кругов населения к знаниям, что именно такой язык позволит болгарам быстрее встать в ряды просвещенных, образованных народов, что именно такой язык — надежное средство решения болгарскими своими национально-культурных, религиозных и отчасти социальных проблем в условиях османского политического гнета. На этой стороне литературного языка, складывавшегося на народно-разговорной основе, и акцентировали внимание многие деятели той поры.

Формирование литературного языка на народно-разговорной основе в свою очередь было сопряжено с решением целого ряда вопросов. Один из главных среди них — выбор конкретного наречия (диалекта), которое должно лечь в основу литературного языка. Нужно сказать, что относительно диалектной базы формировавшегося литературного языка было высказано немало соображений и предложений. В обсуждении этого вопроса приняли участие многие учителя, писатели, грамматисты и другие книжники. Уже одно это обстоятельство говорит о том, что выбору диалектной базы литературного языка тогда придавалось большое значение, поскольку от нее зависит не только характер, облик самого языка (особенности грамматического строя, звукового состава и др.), но в какой-то мере и ход дальнейшего развития школы, литературы на всей болгароязычной территории. Многие деятели национального возрождения отдавали себе ясный отчет и в том, что выбор конкретной диалектной базы литературного языка тесно связан и с более общей задачей — национальной консолидацией болгарского населения.

Сложность решения вопроса о диалектной базе болгарского литературного языка определялась рядом факторов. Один из них, который здесь и рассматривается, — значительная диалектная дробность болгарского языка. Эта особенность в общих чертах была хорошо известна книжникам эпохи национального возрождения. Как известно, уже Неофит Рильский указал большое количество фонетических, грамматических, акцентных и лекси-

ческих различий, какого, по его мнению, не знают другие языки¹⁹. Сохранившиеся в литературе того времени суждения о многочисленных различиях языка соседних областей, городов и сел, как и о сосуществовании разных особенностей в языке жителей даже одного города или села в общем отражают действительное состояние болгарского языка на территории его распространения. И если в отдельных случаях книжники прошлого столетия преувеличивали глубину различий между говорами отдельных сел и городов или между наречиями разных областей, как и — ввиду этих различий — степень затруднений в понимании при взаимном общении жителей разных мест, все же следует признать, что в целом их представление о болгарском языке как о языке со множеством различий в фонетике, грамматике, лексике было обосновано.

Констатируя существование различий в языке разных областей, книжники указывали и основные (главные) диалекты или наречия, которых, по мнению одних, было два, по мнению других, — три или четыре. Следует подчеркнуть, что, говоря о множестве местных различий в языке и о разных наречиях, болгарские книжники неизменно отмечали единство языка в целом²⁰.

В условиях значительного диалектного разнообразия вопрос о том, по какому пути должно идти формирование вновь создаваемого на народно-разговорной основе литературного языка, стоял так: следует ли избрать какое-либо одно наречие или строить литературный язык на основе нескольких или даже всех наречий. Каждый из книжников сознательно или бессознательно решал этот вопрос, приступая к переводу или сочинению собственных книг и статей и нередко излагая свои соображения в пользу принятого им решения.

Можно утверждать, что большинство книжников прошлого века были сторонниками формирования литературного языка на базе одного наречия и в своей практике придерживались именно такого подхода. Различие между ними заключалось в том, что они опирались на разные наречия, как правило (если не исключительно), — на свое родное наречие, хотя в обоснование этого они приводили разные аргументы (большая чистота этого наречия, большая близость его к древнеболгарскому языку, большая распространенность и др.). Конкретные предложения одних книжников строить литературный язык на основе данного наречия наталкивались, как правило, на возражения других. Отвергая предложения своих современников, книжники обычно решали этот же вопрос не с позиций сторонника некоего общеполгарского наддиалектного или междиалектного койне, а с позиций приверженца тоже конкретной, но иной диалектной базы. В качестве же основного аргумента против установления литературного языка на базе конкретного диалекта (наречия) обычно выдвигалось положение, что такой язык будет понятен не всем болгарам. Общепонятность литературного языка рассматрива-

лась как совершенно необходимая его черта, без которой он не может претендовать на право быть «общим», т. е. общеболгарским, или, как мы сказали бы сейчас, — национальным. В подтверждение этого положения приведем два-три примера. Г. Раковский в 1860 г. указывал, что литературный язык должен быть «понятен всем болгарам» и что поэтому при его создании нельзя «ограничиться одним только местным наречием»²¹. Он ссылается и на опыт европейских народов (немцев, итальянцев, французов), который, по его мнению, свидетельствует о нецелесообразности создания литературного языка, общенародного по своему назначению и общепонятного по своему характеру, на базе одного наречия. «Было бы совсем неправильно, чтобы мы, болгары, теперь не обратили на это внимания!» — писал Г. Раковский*. О неправомочности предпочтения одного наречия при формировании общего для всех болгар литературного языка неоднократно писал К. Шалкарев. Он указывал, что при «образовании и выработке» языка нельзя «предпочитать исключительно то или иное наречие», на котором воспитаны книжники и которое они пытаются представить как болгарский язык, общий для всех²². Подобную же мысль развивал И. Богоров, отмечавший, что никто не имеет права «писать книгу для всего народа на местном наречии»²³, и многие другие.

Идея устройства литературного языка на основе разных наречий путем их своеобразного синтеза была также достаточно популярна среди болгарских книжников эпохи национального возрождения. Они полагали, что, идя таким путем, болгары сумеют скорее всего решить важнейшую общенародную задачу — создать единый литературный язык. Синтез разных наречий в едином литературном языке дал бы последнему ряд преимуществ, пренебрегать которыми в условиях многодиалектной Болгарии было бы ошибкой. Прежде всего литературный язык, вобравший в себя особенности разных наречий, был бы, как казалось сторонникам такого пути его формирования, общепонятным или в равной мере понятным болгарам всех областей и, следовательно, действительно «общим», а не «частным» языком, отражающим особенности лишь одного какого-либо наречия. Другое, не менее существенное преимущество усматривалось в том, что создание литературного языка на основе разных наречий положило бы конец распрям между сторонниками однодиалектной базы литературного языка, опиравшимися каждый на свое наречие, а это способствовало бы быстрее выработке единых литературно-языковых норм. Наконец, такой путь формирования

* Точка зрения Г. Раковского в данном случае особенно интересна, так как он в отличие от многих единомышленников в этом вопросе не только констатировал невозможность создания общепонятного языка на одной диалектной основе, но и показал пример создания языка, отвечающего, по его мнению, требованию общепонятности. Правда, опыт Раковского был явно неудачным, и его язык подвергся справедливой критике прежде всего за то, что он был малопонятен.

литературного языка рассматривался как наиболее прочное препятствие на пути возможного создания региональных литературных языков, а в связи с этим — и как надежная гарантия предотвращения разъединения народа на литературно-языковой основе.

Болгарский литературный язык сформировался в своих основных чертах на основе северо-восточного наречия (уже — центральнобалканского диалекта) к 70-м годам XIX в. Одна из главных причин утверждения данной диалектной базы заключается в том, что из области распространения этого диалекта (центральная часть Старой Планины и прилегающие районы) вышла значительная часть книжников эпохи болгарского национального возрождения, издавших большую часть книг до освобождения Болгарии. В силу этого данный диалект оказался преобладающим в литературе. Попытки утвердить нормы литературного языка на другой диалектной основе в специфических условиях болгарского национального возрождения оказались бесперспективными и успеха не имели.

¹ Цит. по: История славеноболгарская собрана и нареждена Паисием иеромонахом в лето 1762. Стъмки за печат И. Иванов. София, 1914, с. 5.

² Там же, с. 7.

³ *Дринов М.* За новобългарското азбуке — Периодическо списание, 1870, кн. 2, с. 9.

⁴ *Славейков П.* Всинца наши за нас си. — Македония, 1867, год. I, № 33, 15.VIII.

⁵ *Славейков П.* Народнотообразование и народното духовенство. — Македония, 1867, год. I, № 51, 18.XI.

⁶ О деятельности этого общества см.: *Арнаудов М.* Българското книжовно дружество в Браила. София, 1966, с. 10.

⁷ *Рилски Н.* Българска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835.

⁸ Изв. на Архивния ин-т, 1957, кн. 1, с. 219.

⁹ *Рилски Н.* Българска граматика..., с. 1—2.

¹⁰ Цит. по кн.: *Шишманов И.* Избр. съч. София, 1965, т. 1, с. 313.

¹¹ Цит. по: *Кристанов Ц., Маслев С., Пенаков И.* Д-р Иван Селимински като учител, лекар и общественик. София, 1962, с. 134—135.

¹² Мирозрение, 1850, ч. 1, с. 44.

¹³ [*Икономов Т.*] Програма за събиране образци по народната устна словесност и местни наречия. —

Обшт. труд, 1868, год. I, кн. 1, с. 1.

¹⁴ Предмет за български език. — Цариградски вестник, 1859, 19.XI. год. 9, № 456.

¹⁵ Летоструй, 1969, год. I, л. 1 об. См. также заметку: Мнение за българското правописание. — Македония, 1869, год. III, № 10, 1. II.

¹⁶ *Иванов П.* Язикословни размишления. — Македония, 1871, год. V, № 38, 20.IX.

¹⁷ *Иванов П.* Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски. — Право, 1872, год. VII, № 35, 30.X.

¹⁸ *Никулина М. В., Великов С.* Писма на Николай Христофоров Палаузов и Спиридон Николаев Палаузов до Михаил П. Погодин и Виктор И. Григорович. — Изв. на Държавните архиви, 1974, кн. 27, с. 109.

¹⁹ *Рилски Н.* Българска граматика..., с. 10.

²⁰ См. например: Новобългарска сбирка. М., 1863, с. 15. Подробнее о мнениях книжников рассматриваемой эпохи относительно диалектного членения болгарского языка и диалектной основы формировавшегося литературного языка см. в статье: *Венедиктов Г. К.* Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху возрождения. В кн.: Национальное возрождение и формирование сла-

вянских литературных языков М.: Наука, 1978, с. 246—268.

²¹ Раковский Г. Общи въпроси за старобългарски книжовен език, на основания коих, ако ся решат, трябва да ся поправи днешни книжовен български език— Дунавски ле-

бед, 1860, год. I, № 7, 27.III («Прибавка»).

²² [Шанкарев К.] Язикословие.— Македония, 1870, год IV, № 63, 3.VII.

²³ Български книжици, 1858, год. I, ч. 3, с. 5 (раздел «Книжевни дневник»).

О РОЛИ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛЬСКОЙ НАЦИИ

З. Н. Стрекалова

Проблематика становления польской нации привлекает внимание ученых и исследуется в разных аспектах. Историки, социологи, культурологи внесли свой вклад в ее изучение. В последние годы опубликован ряд работ, в которых освещаются важнейшие вопросы становления польской нации.

Вопрос о роли языка в процессе формирования польской нации является органической частью этой многогранной и сложной проблематики. Историки в своих трудах, как правило, в той или иной мере касаются проблемы языка в жизни формирующейся нации. В некоторых монографиях, посвященных складыванию польской нации, истории языка в изучаемый период посвящены специальные разделы. Ю. Хлебовчик, изучавший национально-образовательные процессы в Восточной Европе, центральное место в своей концепции отводит языковому принципу.

Лингвисты в свою очередь проводят исследования, имеющие значение для данной темы¹⁻². В их работах содержится богатый фактический материал по истории польского языка, освещаются политические, историко-культурные, социальные условия развития и функционирования польского языка изучаемого нами периода.

Тем не менее следует признать, что изучение роли языка в процессе образования польской нации находится в начальной стадии. Разработка этого вопроса значительно отстает от изучения других сторон формирующейся нации. Специфика проблемы «язык и нация» состоит в том, что она находится на стыке различных дисциплин — истории, социологии и языкознания. Ее успешное изучение возможно лишь при комплексном подходе, при условии использования достижений всех указанных дисциплин. При этом речь должна идти не только о фактах, известных историкам и лингвистам в отдельности, а о выработке иного подхода к изучаемому материалу. Такой подход может быть осуществлен средствами и методами социолингвистики. На наш взгляд, для изучения роли языка в процессе формирования польской нации первостепенное значение имеют категории и понятия,

выработанные социолингвистикой. Не стремясь восполнить пробелы, которые имеются в изучении этой проблематики, мы попытаемся перечислить и осветить некоторые вопросы, возникающие при ее рассмотрении.

Социолингвистика, сравнительно молодая отрасль языкознания, в последнее время интенсивно разрабатывается. Советских лингвистов в первую очередь привлекали общие вопросы развития национальных языков, в частности в связи с задачами языкового строительства и изучения функционирования языков народов СССР. Социолингвистический аспект формирования и развития нации наиболее полно разработан в теоретических трудах В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, Ю. Д. Дешериева, В. А. Аврорина, А. Д. Швейцера³ и др.

Советские языковеды, опираясь на марксистскую концепцию нации, разработали теоретически обоснованное понятие национального языка и рассматривают его не как вневременную категорию, а как категорию историческую, «возникающую в условиях экономической и политической концентрации, характеризующей возникновение наций»⁴.

Принимая это положение в качестве одного из основных постулатов, отметим, что национальный язык в нашем понимании — социолингвистическая система, объединяющая все языковые формации, которыми пользуется нация, — литературный язык, народные (территориальные или местные) говоры, интердиалекты и региональные разновидности литературного языка, а также социальные диалекты.

По мере формирования нации различные языковые формации приходят в более тесное взаимодействие, в результате чего возрастает их взаимовлияние.

Литературный язык — наиболее развитая формация — в отличие от других языковых формаций является полифункциональным, кодифицированным, стилистически разработанным. Литературный язык представляет собой формацию, «обслуживающую политические, идеологические, экономические, эстетические и другие культурные нужды данного общества, имеющую свои нормы и традиции, литературно узаконенные с началом письменности и противостоящие тенденции диалектного дробления, заложенной в необработанной обиходно-бытовой речи»⁵.

Древнепольский литературный язык сложился в тот исторический период, когда нация еще не существовала. Но только в эпоху формирования нации литературный язык стремится к тому, чтобы быть обязательным для всех слоев нации, а в конечном счете — для всех членов языкового коллектива, образуемого развитой нацией. Таким образом, одной из сторон формирования нации в период перехода от феодализма к капитализму является становление системы национального языка, развитие литературного языка как общенационального средства коммуникации.

Если на ранней стадии развития литературного языка его

функции ограничиваются сферой письменности и литературы, то по мере развития литературный язык обретает новые качества и функции, становится разговорным языком. В период формирования нации расширяется социальная база литературного языка нации, происходит его «количественная демократизация». Национальный литературный язык призван быть общенародным, т. е. общепринятым и общеобязательным; процесс демократизации литературного языка наблюдается на протяжении всего периода формирования нации, он осуществляется постепенно, по мере распространения просвещения и народного образования, роста сети начальных школ, по мере демократизации национальной культуры.

В Польше во второй половине XVIII в. формировался буржуазный уклад, происходили изменения социального характера (развитие пока еще немногочисленной буржуазии, расслоение шляхетского сословия, появление национальной интеллигенции и т. д.). Одновременно с этим происходили существенные сдвиги в идеологической и культурной жизни страны, находившие отражение в функционировании польского литературного языка, расширении сфер его употребления.

Политические взгляды и экономические планы шляхты и зарождающейся буржуазии — «новых людей» своего времени — требовали пропаганды на языке, который был бы понятен и доступен широким массам; в этой роли мог выступать только польский литературный язык.

Польский литературный язык, развивавшийся еще в донациональный период, достиг расцвета в XVI в. В то время его функционирование было тесно связано с культурой господствующих классов феодального общества, его социальная база была ограничена. Характерной чертой языковой ситуации в Польше XVI в. являлось польско-латинское культурное двуязычие; образованные поляки в различных сферах общественной жизни пользовались как польским литературным языком, так и латынью.

В последней трети XVIII в. сложились весьма благоприятные условия для развития национального языка. Перед польской нацией не стоял вопрос о создании литературного языка на собственной этнической основе, как это было в эпоху национального возрождения у других славянских народов, например у словаков. У поляков в этот период на первом плане была задача совершенствования, обновления сложившегося ранее литературного языка. Давние и значительные литературно-письменные традиции все же не снимали языковой проблемы в Польше конца XVIII в.

Формирующаяся нация нуждалась в обновленном и обогащенном польском литературном языке, который отвечал бы требованиям времени, эпохе Просвещения. Роль национального языка в жизни польского общества изменилась очень значительно: расширились сферы использования литературного языка, изменились его функции. Престиж национального языка растет;

теперь уже не на латыни, как это было принято прежде, а на польском языке ведутся дискуссии по актуальным вопросам общественно-политического характера.

Деятели Просвещения глубоко осознали значение польского литературного языка для демократизации культуры и распространения образования в Польше. Проблема литературного языка стала центральным вопросом польской национальной культуры.

Эпоха Просвещения несла с собой пробуждение национального и языкового сознания. Поэтому языковой вопрос был в центре внимания польского общества и стал частью идеологической программы просветителей. Одним из первых глашатаев нового отношения к языку стал Станислав Конарский, писатель, публицист, педагог, стремившийся отработать и утвердить простые средства выражения, добиться более ясного и четкого стиля. А. Чарторьский, Я. Снядецкий, Г. Коллонтай, Ст. К. Потоцкий — виднейшие идеологи Просвещения — призывали совершенствовать польский язык, стремились пробудить интерес к нему, так как считали язык национальным достоянием. Они утверждали, что распространять просвещение в Польше можно только на родном языке, что язык «есть показатель той ступени, которой достиг народ в цивилизации и просвещении» (Ян Снядецкий).

Языковая проблематика в трудах деятелей Просвещения была богатой и разнообразной. Теоретическое осмысление роли польского языка в обществе привело к созданию программы активной деятельности, направленной на улучшение языка. Особую роль для расширения сфер употребления литературного языка и изменения языковой ситуации сыграли реформы в области просвещения, создание Эдукационной комиссии и ее деятельность, охватывавшая значительную часть польских земель на протяжении двадцати лет (1773—1794).

Применительно к этому периоду можно говорить не только о реформе просвещения, но и о языковой реформе. Она складывалась из двух основных моментов.

Во-первых, законодательным путем была осуществлена отмена латыни как языка обучения в школах всех ступеней (от парафиальных до академий включительно). Отныне предписывалось вести обучение только на польском языке. Это был существенный сдвиг на пути демократизации польского литературного языка. Одновременно в значительной степени преодолевалась конкуренция латыни, письменно-литературного языка на чужой основе. В перспективе польский язык должен был утвердиться — и действительно утвердился — как единственный литературный язык, которым пользовалась нация. Латынь в школе сохранилась только как предмет обучения, в ограниченном объеме. Все эти изменения касались экстралингвистических условий функционирования польского языка.

Во-вторых, была проведена кодификация норм польского литературного языка, которая была вызвана необходимостью уни-

фицировать литературный язык, стремлением устранить колебания языковой нормы, ввести единую орфографию. Роль кодификатора сыграл О. Копчинский. Его «Грамматика для народных школ», издававшаяся с 1773 по 1839 г. около 70 раз и служившая учебником в школах Эдукационной комиссии, способствовала утверждению единых норм польского литературного языка. Эта грамматика была действенным средством унификации языка, устранения региональных языковых различий. Благодаря ей польский литературный язык становился не только единственным, но и единым языком формирующейся нации.

Важно отметить, что в основе кодификации, осуществлявшейся в конце XVIII в., лежало несколько иное, чем раньше, понимание нормы литературного языка. Если в XVI в. языковая норма допускала употребление региональных и диалектных слов и форм, то теперь представление о нормах литературного языка стало более строгим и вопрос об их соблюдении ставится гораздо острее.

Современники считали О. Копчинского законодателем в области грамматики и орфографии. Составляя свою грамматику, О. Копчинский опирался на огромный, тщательно собранный им материал, но для его описания в качестве подспорья использовал грамматические труды латинистов, считавшиеся образцом научной трактовки языка. Следование этим трудам придавало труду О. Копчинского черты некоторого консерватизма и искусственности. В 20-е годы XIX в. стали издаваться новые грамматики, содержащие описание языка во многих отношениях более полное и точное. Однако именно О. Копчинский, следуя требованиям времени, создавая учебник польского языка для сети школ Эдукационной комиссии, явился первым кодификатором польского литературного языка.

Деятели Просвещения придавали большое значение не только грамматике, но и словарю польского языка. На словарь возлагались большие надежды нормализаторского характера, считалось, что он ограничит употребление ненужных латинизмов. Задачу составления «Словаря польского языка» взял на себя С. Б. Линде. Издание словаря Линде (1807—1814) было значительным событием культурной жизни польского общества.

В последние десятилетия XVIII в. польский литературный язык постепенно проникает в новые сферы общественной жизни. В силу своей тесной связи с реальной общественно-политической обстановкой этого периода литературный язык должен был начать обслуживать такие области мысли, которые прежде не были им охвачены.

Школа и пресса — две основные области употребления литературного языка, где он прочно завоевал новые позиции. Большую роль для его распространения сыграли такие периодические издания, как «Монитор», «Забавы пшiemне и пожитечне» («Занятия приятные и полезные») и др.

Одной из основных сфер, где велась работа над совершенствованием литературного языка, было литературно-художественное творчество. Лучшие образцы художественного стиля этого периода принадлежат И. Красицкому и С. Трембецкому, А. Нарушевичу, К. Венгерскому.

Внедрение польского литературного языка в те сферы, где ранее обычно использовалась латынь, продвигалось в целом довольно медленно. Только в начальной школе польский сравнительно быстро вытеснил латынь благодаря усилиям Эдукационной комиссии.

В 1775 г. Эдукационная комиссия учредила специальное общество, целью которого была подготовка школьных учебников по разным дисциплинам. Язык этих учебников стал основой формирующегося научного стиля,—новой сферы применения польского литературного языка.

Длительное время шли дискуссии по поводу возможности применения польского языка в области науки. Многие ученые считали, что отсутствие исконно польской научной терминологии представляет собой непреодолимое препятствие. Ученые труды, как и в других европейских странах, продолжали писать на латинском языке. Но польские идеологи Просвещения и в этой области утверждали права национального языка; создавались первые образцы научной прозы на родном языке.

С. Урбанчик отмечал: «Начиная с середины XVIII в. польский язык становится единственным литературным языком поляков. Расширяются сферы его функционирования, определяются новые нормы, обогащается лексика, более простым становится синтаксис, общий стиль письменного высказывания приближается к стилю устного высказывания»⁶.

Благодаря длительной литературной традиции, а также языковой реформе конца XVIII в. польский язык был подготовлен к выполнению функций единого национального литературного языка в условиях разделов Польши, когда культурные и языковые традиции стали важнейшим фактором сохранения и развития польской нации.

Идеологи польского Просвещения считали, что язык является политической силой, объединяющей нацию: «Перед лицом утраты государственности единственной защитой нации является культура родного языка» (Г. Коллонтай)⁷. Защита родного языка стала тогда в глазах образованного общества одной из важнейших национальных обязанностей, поэтому не только литераторы, но и почти все выдающиеся общественные деятели начали уделять вопросам языка очень много внимания⁸.

Для нации, формирующейся в условиях разделов страны, функционирование и развитие единого литературного языка приобретали особое значение. Борьба за единый язык была проявлением национального самосознания, а язык в свою очередь оказывал влияние на национальное самосознание поляков, способст-

вовал сплочению нации, был орудием духовной культуры, служил делу продолжения ее традиций.

Польский литературный язык в условиях разделов функционировал в различных сферах. Наиболее ярким свидетельством жизнестойкости польского литературного языка было его развитие в области художественной литературы, прежде всего поэзии. Польский язык развивался вместе с успехами литературы; польское слово было неделимо так же, как неделима была польская поэзия.

В первой трети XIX в. центром культурной жизни поляков была Варшава. В литературных кругах Варшавы «классическая» литературная школа была наиболее почитаемой. Однако чрезмерно строгое следование классическим французским и латинским образцам препятствовало установлению связи с живой разговорной речью. Т. Лер-Сплавинский пишет: «Язык сочинений этого времени представляется нам еще очень тяжелым и запутанным, а в своем стремлении к присущей веку рационализма простоте и трезвости — к тому же безжизненным, однообразным, лишенным непринужденности и выразительности»⁹.

Ложноклассической школе противостояли сторонники романтизма, «нарушавшие» классические правила в пользу более свободного и живого языка. В обстановке борьбы двух литературных школ вступил в литературу А. Мицкевич, творчество которого произвело подлинный перелом в истории польской литературы и польского литературного языка. Новым было прежде всего его отношение к слову: он провозгласил свободу в области языка, свободу от правил ложноклассицизма, которые сковывали речь. Его язык стал сплавом традиционного литературного языка и народно-разговорной речи. В своих произведениях он поднял до уровня литературного языка речь той области, где вырос; язык его произведений был близок и понятен всем полякам. «Песни нашего поэта были не только в идейном отношении кочевом завета, связью между старым и новым временем; он установил связь между древнепольским языком XVI и XVII вв. формировавшимся в XVIII в. новопольским языком (в нем еще было много архаических и диалектных черт) и современным, польским языком, который берет свое начало с произведений Мицкевича»¹⁰.

Возникший и распространившийся в XIX в. в польских землях культ Мицкевича сыграл большую роль для пробуждения языкового самосознания широких масс. Заслуга Мицкевича в деле защиты и распространения родного языка несомненна. Этому делу служили не только его произведения, но и его общественная деятельность как поборника прав польского языка.

Основной линией развития языка художественной литературы на протяжении XIX в. было совершенствование художественных средств, развитие художественных стилей. В связи с этим значительный интерес представляет вопрос о роли отдельных писателей в истории польского литературного языка. Эта, по

словам М. Карася, «огромная и трудная задача ждет своего исследователя»⁴¹.

Польский литературный язык в условиях разделов успешно развивался также в области науки и публицистики. Особенно большая и активная роль принадлежала прессе, пропагандировавшей польский язык, борющейся за его чистоту и единство литературного языка. В первой половине XIX в. в Королевстве Польском, где существовала польская администрация, складывается современный официальный язык; он получил широкое распространение.

Подробная картина функционирования единого польского литературного языка в условиях разделов может быть воссоздана лишь после изучения жизни польских культурных и научных центров, их взаимосвязей и преемственности в XIX в. Эта задача также ждет своего исследователя.

Следует подчеркнуть, что развитие литературного языка польской нации, особенно процесс его «количественной» демократизации, распространения в широких массах, в значительной мере зависел от организации просвещения, от обучения на родном языке и от существования национальной интеллигенции. Эти условия менялись на протяжении XIX в. в разных частях Польши и зависели от политики завоевателей.

Касаясь вопроса о развитии польского национального литературного языка в условиях разделов, следует остановиться на социологической стороне вопроса. Польский национальный литературный язык изучаемого периода принадлежал обществу, которое находилось на путях к капитализму. По мере распада феодальных отношений в польских землях крестьяне получили личную свободу, а значит, и свободу передвижения. В языковом сознании крестьян — самого многочисленного класса — происходили изменения: нарушалась диалектная замкнутость. С ростом промышленности наблюдался прилив крестьянских масс в город, где складывалась новая языковая формация — интердиалект (или койне). Приобщение крестьянина к городскому польскому интердиалекту, а в некоторых городах и к польскому литературному языку способствовало становлению национального языкового самосознания. Этот ход языкового развития нарушался, когда крестьянин попадал в иноязычный город и сталкивался там с чужим (чаще всего немецким) языком. Так возникала ситуация, неблагоприятная для развития польского национального языка. Нормальный для периода формирования нации процесс демократизации литературного языка в целом был заторможен. Расширение социальной базы литературного языка шло медленно.

На протяжении изучаемого периода усилилась политика денационализации поляков, и все же единый литературный язык был противодействием тем иноязычным средствам, которые насаждались с ассимиляторскими целями.

Общность национального языка поляков проявлялась не

только в едином литературном языке, но и в существовании польских народных говоров. На польской языковой территории выделяются пять основных диалектных групп: великопольская, малопольская, силезская, мазовецкая и кашубская. В группировке и взаимоотношении говоров и сейчас еще обнаруживаются следы пяти древних языковых компонентов — племенных языков полян, висян, слезан, мазовшан и поморян.

По мере развития польской народности и формирования нации происходило более тесное объединение диалектов в единой исторически сложившейся системе польского национального языка. В период формирования нации отдельные диалекты не были чем-то обособленным и самодовлеющим; они являлись частями более крупного целого и зависели от развития системы национального языка. В отличие от норм литературного языка, которые кодифицированы, диалектные нормы существуют только практически, но они живут в речи народа и передаются из поколения в поколение наряду с этническими признаками. Однако в отличие от этнических признаков язык можно менять, заимствовать у другого народа. Известно, что как отдельное лицо, так и целый народ может усвоить чужой язык. В период формирования нации в условиях денационализаторской политики завоевателей именно стойкость народных диалектов обеспечила сохранность польского языка на всей его территории.

Степень близости диалектов к литературному языку различна, хотя все они участвовали в его формировании. Близость к литературному языку способствовала более быстрому приобщению к его нормам, поэтому литературный язык легче внедряется на территории великопольского, малопольского и исконной территории мазовецкого диалекта.

Исторические судьбы некоторых польских территориальных диалектов сложились неблагоприятно. Еще в донациональный период Поморье и большая часть Силезии находились под властью иноземных захватчиков. Это ослабило их связь с национальной территорией, а тем самым ослабило связь местных диалектов с польским литературным языком.

К. Нич обращает внимание на то, что степень влияния литературного языка на диалекты различна, и отмечает, что отрезанные от центральных областей Польши говоры мазовецкого Поморья испытывают самое незначительное влияние «книжного» языка¹².

В Королевстве Польском, где влияние литературного языка было намного сильнее как по языковым, так и по экстралингвистическим причинам (наличие культурных центров, интенсивная миграция населения в поисках заработка), местные диалекты сравнительно быстро передавали некоторые свои функции польскому литературному языку. Дольше всего в неприкосновенном виде местные диалекты сохранялись там, где существовал тип изолированного крестьянского хозяйства, например в Галиции. Великая Польша долго сохраняла те диалектные особенности,

которые отличали речь местного населения; носителями диалекта были не только крестьяне, но и шляхта, и городские круги.

В истории польского языка изучаемого периода большую роль сыграл польско-немецкий и польско-русский билингвизм.

Массовое двуязычие, как правило, возникает на стыке языковых территорий и существует как естественное явление. На юге и востоке польский язык граничит с родственными славянскими языками. Границы с ними представляют собой размытую линию, местами на ней возникают переходные говоры, в которых сливаются характерные черты контактирующих славянских языков. Появление переходных говоров объясняется тем, что носители родственных диалектов в процессе общения легко осваивают сходные языковые элементы соседнего диалекта. Диалектные системы, о которых идет речь, отличаются легкой проницаемостью. Причина этого явления — в их «открытости», в наличии общих звеньев у ряда родственных диалектных систем.

Иной характер носит граница польской и немецкой этноязыковой территории, так как она разделяет население, говорящее на неродственных языках. Контакты языков, относящихся к разным языковым группам, например польского и немецкого, не ведут к образованию переходных говоров, не вызывают изменения языковой структуры взаимодействующих языков. С точки зрения чисто языковой в этом случае не было условий для возникновения «размытой» границы или «переходной зоны». Польско-немецкое двуязычие распространилось на польские земли в результате немецкой экспансии и изменений этнического состава населения («демографическая германизация»).

С лингвистической точки зрения это был гетерогенный билингвизм, т. е. сосуществование двух систем неродственных языков. В период формирования польской нации польско-немецкое двуязычие приобрело широкий масштаб. Причиной этого явления были не только объективно существовавшие условия, в которых контактировало разноязычное население, но и языковая политика прусских германизаторов. Языковый вопрос был основной частью прусской политики денационализации поляков. Результатом польско-немецкого двуязычия явилось проникновение немецкой лексики в польские говоры. Народные массы не поддавались языковой ассимиляции: польские народные говоры сохраняли свою специфику, свой грамматический строй. Крестьяне, даже принявшие протестантство, объединявшее их с завоевателями, продолжали оставаться носителями польского языка. Благодаря этому польские земли под властью Пруссии не были онемечены.

В австрийской части Польши польский язык сохраняли не только крестьяне, но и помещики, и в значительной степени шляхта¹³.

Начало массового польско-русского билингвизма хронологически относится к более позднему периоду. Характер русско-польских языковых контактов был иным и в силу того, что территории русского и польского языков непосредственно не сопри-

касались. Со второй половины XVIII в. началось становление украинского и белорусского национальных литературных языков. Украинский и белорусский языки были тем естественным территориальным барьером, который долгое время отделял польские диалекты от влияния русского языка.

После захвата царской Россией центральной Польши польско-русское двуязычие постепенно стало распространяться, охватывая все более широкие слои польского общества — от его верхушки до крестьянских масс включительно (когда крестьяне стали служить в царской армии). Это был гомогенный билингвизм, т. е. сосуществование и взаимодействие родственных языков. При этом типе билингвизма сходные языковые элементы легко усваиваются и проникают в систему контактирующих языков. Русское влияние на польский язык в целях адекватного рассмотрения необходимо, на наш взгляд, отграничить от восточнославянского влияния вообще. Восточнославянское влияние на польский язык — давнее явление; оно осуществлялось главным образом через польские культурные центры, расположенные за пределами польской языковой территории. Такие города, как Вильно и Львов, — центры развития польского литературного языка — испытывали влияние окружающего населения и были проводниками восточнославянского влияния на польский литературный язык. Следы его носил язык многих крупных польских писателей — уроженцев «восточных кресов».

Говоря о билингвизме, следует иметь в виду, что сам по себе он только создает предпосылки для языковой интерференции; угроза языковой ассимиляции возникает и осуществляется при условии денационализаторской языковой политики господствующей нации. В этом случае отчетливо выявляется политический аспект билингвизма¹⁴.

Оценку роли двуязычия дал в свое время Густав Гизевий: «Двуязычие народа (я прошу правильно меня понять: народа как массы, а не отдельных его представителей) само по себе нелепость, оно не может сохраниться на длительный срок. При подобных языковых отношениях политическое влияние склоняло бы колеблющуюся чашу весов в одну сторону и должен был бы наступить полный распад, исчезновение одной народности, растворение ее в другой. Именно к этому хотя нас и привели, к этому стремятся любыми средствами»¹⁵. Такой характер носил билингвизм в прусской части Польши. Именно там существовала самая большая опасность языковой ассимиляции поляков. Польский крестьянин в прусской части Польши, попадая в город, сталкивался с чужим, немецким языком; стремясь приспособиться к языковой среде, он использует немецкую лексику, а потом становится билингом. Немецкая школа ускоряла процесс ассимиляции. Очагами ассимиляции были немецкие города в Силезии и Поморье. Если польские крестьяне в Силезии сохраняли свой язык, то городское население польский язык утрачивало. Так, в Бытоме в 1828—1861 гг. польское население уменьшилось

с 92 до 68%, в Гливице за тот же период — с 85 до 76%. В сельскохозяйственных районах Силезии за это время произошли минимальные изменения национального состава населения¹⁶.

Функционирование польского языка в условиях разделов (а в конечном счете и его становление как единого языка польской нации) в значительной мере зависело от денационализаторской языковой политики государств-завоевателей, которая принимала различные формы и получала разный размах в отдельные исторические периоды. Чаще всего она проявлялась в намеренном ограничении сфер использования польского языка, частичном или полном запрете его в области просвещения, а также в официальных учреждениях, канцеляриях, суде и, наконец, в сфере религии. Большой ущерб развитию национального литературного языка поляков принесло сокращение числа публикаций на польском языке, запрещение издавать произведения лучших польских писателей и поэтов.

На территории австрийской части Польши преподавание в начальной и средней школах велось в 1805—1870 гг. на немецком языке. Во Львовском университете с 1817 г. латынь была заменена немецким. В 1853 г. австрийские власти дали распоряжение читать по-немецки лекции и в Краковском университете. Ректор университета И. Дитль, борющийся с германизацией, был отстранен. Делопроизводство велось по-немецки. Использование немецкого языка в официальных учреждениях вело к тому, что шляхта, стремившаяся сделать карьеру, старалась говорить по-немецки. С 1852 г. началось постепенное введение немецкого языка в судопроизводстве. Эти мероприятия осуществить было довольно сложно, так как часто немецкого языка не знали сами судьи, не говоря уже о населении. Во время допросов возникали недоразумения из-за незнания языка¹⁷. В провинциальном сейме могли выступать только депутаты, знающие немецкий язык. В 1820 г. сейм принял петицию, где содержалась просьба «не требовать от кандидатов на места в сословном отделе знания немецкого языка (...). Члены сословного отдела в своих заседаниях должны употреблять собственный язык, на котором каждый может легче выразить свое мнение. Большинство же помещиков не владеет немецким языком»¹⁸.

Австрийские власти были непреклонны, лишь в 1848 г. ими сделаны небольшие уступки в пользу польского языка. И все же германизаторская языковая политика не привела к желаемым результатам: население не приняло немецкий язык в качестве основного средства общения. После того как Галиция в конце 60-х годов получила автономию, там были расширены права польского языка, который стал использоваться в учреждениях, суде, школе.

Наиболее благоприятные условия для развития просвещения на польском языке сложились первоначально на территориях Речи Посполитой, перешедших под власть России. Куратором Виленского учебного округа был А. Чарторьский. Восстановлен-

ный в 1803 г. университет в Вильно стал серьезным центром науки и просвещения. Ту же роль играл лицей в Кременце под руководством Т. Чацкого. И здесь преподавание велось на польском языке. После создания Королевства Польского в Варшаве в 1816 г. был открыт университет; одним из его основателей был Ст. К. Потоцкий, успешно отстаивавший право на родной язык, которое считал «основным правом народа».

Языком суда и администрации Королевства Польского был польский язык. Переписка с русским царем велась по-французски. Законы оглашались на двух языках, русском и польском.

Значение Варшавы и Королевства Польского для развития польского просвещения и языка до 1830 г. было велико. После восстания положение в корне изменилось. Были закрыты университеты в Варшаве и Вильно, прекратил свою деятельность Кременецкий лицей. Открытая в 1862 г. в Варшаве Главная школа была в 1869 г. преобразована в русский университет. Царизм начал проводить политику руссификации средней школы. В 1864—1867 гг. царские власти постепенно устраняли польский язык из употребления в государственных канцеляриях. Однако эти предписания далеко не всегда выполнялись, чиновники продолжали пользоваться польским языком.

Наиболее острые формы борьба с польским языком принимала в Пруссии, где власти стремились не только ограничить его использование, но искоренить его, уничтожить местные диалекты.

Великая Польша еще до утраты независимости испытывала на себе влияние национального возрождения, была охвачена деятельностью Эдукационной комиссии (1773—1793). Благодаря этому к моменту прусской оккупации польский язык в школе имел достаточно прочные позиции. Германизация школы началась после утраты Польшей государственности и постепенно нарастала, но польский язык некоторое время оставался языком преподавания в начальной школе. При назначении на должность чиновников и учителей отдавалось предпочтение кандидатам, знающим польский язык при условии их абсолютной лояльности¹⁹. Начальные школы с немецким языком усиленно насаждались. Если принять во внимание, что в 60-е годы в Великой Польше 80% молодежи было охвачено начальным обучением²⁰ и школа была немецкой, ущерб, нанесенный национальному языку поляков, станет вполне очевидным.

Территория Поморья и Восточной Пруссии не была охвачена школами Эдукационной комиссии, хотя в Восточной Пруссии отдельные польские школы существовали. В начале XIX в. немецкие школы были уже не только в городах с немецким населением, но и в сельских местностях с польским населением. Германизаторская миссия возлагалась прежде всего на немецких учителей начальной школы; делались попытки запретить учащимся говорить по-польски в стенах школы. За успехи в обуче-

нии польских детей немецкому языку учителя получали денежные премии²¹.

Политика германизаторов вызывала протест населения Восточной Пруссии. Жители г. Острода писали властям: «С ликвидацией польской школы и костела может наступить ликвидация польского языка, а мы выражаем твердую волю учить наших детей на польском языке» (1816)²². Магистрат г. Элка выступал против германизации местной школы (1830): «Мы понимаем, что все граждане должны знать язык официальных учреждений, но напоминаем, что родная речь — святое дело, и ни один циркуляр не может искоренить ее. Более того, выполнение такого циркуляра может вызвать сопротивление и недовольство»²³. Так, несмотря на неблагоприятные условия, делались попытки спасти дело просвещения от германизации. Пастор Г. Гизевий собрал и опубликовал распоряжения прусских государственных и церковных властей, синодальные протоколы и статьи из прессы, свидетельствующие о намерениях и целях германизаторов. Его книга, вышедшая в 1845 г., содержала огромный достоверный материал, обвиняющий прусские власти. Деятельность Гизевия продолжил К. Косицкий, который опубликовал документы в защиту польского языка за 1839—1859 гг. Заметной фигурой своего времени был защитник польской национальности, гданьский преподаватель и пастор Мронговий, публиковавший, в частности, популярные книги для местного населения на польском языке. Его деятельность и борьба за права польского языка получили признание А. Мицкевича, обратившегося к нему с письмом со словами благодарности и добрыми пожеланиями²⁴.

Убедившись в невозможности уничтожить польский язык в Восточной Пруссии, прусские власти пришли к мысли использовать его в своих целях. Во второй половине XIX в. издавались журналы на польском языке, отражавшие идеологию завоевателей: «Прусски пшияцель люду» (1863—1874), «Правдивы евангелик польски»; последний издавался по-польски, но был направлен против польского народа. Силезская пресса писала, что «от каждого номера этого журнала веет ненавистью к польскому народу»²⁵.

Языковая ситуация в Силезии в принципе была сходной с тем положением, которое существовало в Восточной Пруссии и Поморье. Ситуацию в Силезии в начале XIX в. кратко охарактеризовал С. Роспонд: «С одной стороны, прусские юнкера, прусская бюрократия, привилегированные немецкие колонисты, церковь, школа, суд, официальные учреждения, запрещающие употреблять польский язык, а с другой стороны, только... упрямый силезский люд. И, однако, результат наступления германизаторов по всем этим направлениям не соответствовал количеству затраченных сил и средств»²⁶.

Патриархом национального возрождения в Силезии был Ю. Лёмпа, учитель, публицист и общественный деятель, издававший на польском языке журналы и учебники. «Мы, польские

крестьяне из Верхней Силезии, — писал Ю. Лёмпа, — издавна живем на этой земле, считаем, что она досталась нам в наследство и поэтому требуем, чтобы наша народность была признана, чтобы наш народ имел права, равные с немецким, чтобы в начальной школе учили только по-польски»²⁷. Другим видным деятелем национального возрождения в Силезии был Ю. Шафранек. В 1848 г. он обратился в берлинский парламент с требованием дать права польскому языку в школе, церкви, администрации; в 1849 г. произнес в парламенте речь в защиту польского языка, где утверждал, что родная речь — ключ к нравственному и политическому воспитанию народа. Значительный вклад в борьбу за права польского языка внес филолог и историк Е. С. Бандтке, который на основе личных наблюдений составил описание польских говоров Силезии. Его труд был первым научным описанием этих говоров²⁸ и подтвердил их принадлежность к польскому языку.

Деятели национального возрождения видели свою задачу не только в защите местных народных говоров, но и в том, чтобы «импортировать» в Силезию польский литературный язык, укрепить связи с системой национального языка. Издатели стремились исправлять польский язык согласно его литературным нормам. Своего рода школой литературного польского языка являлось Литературно-славянское общество во Вроцлаве, членами которого были многие культурные деятели, писатели и поэты — уроженцы Силезии. Большую роль в Силезии для распространения литературного языка сыграл культ А. Мицкевича. Последователями и подражателями Мицкевича были силезские поэты К. Дамрот и Н. Бончек.

Мы остановились на германизаторской политике прусских властей, чтобы показать, что эта политика вызывала сопротивление польского народа, крестьян и интеллигенции, которые действительно боролись за права польского языка, хотя и по-разному понимали цели этой борьбы. Деятели национального возрождения в Силезии и Поморье сознавали важность связи региональных разновидностей польского языка с польским литературным языком, стремились ускорить процесс формирования единого национального литературного языка. Ни в одной другой польской области не было столь жесткой языковой политики властей и столь долгой и упорной борьбы с денационализацией. Не случайно именно в прусской Польше развернули свою деятельность замечательные поборники прав польского языка — Лёмпа, Гизевий, Мронговий, Бандтке.

¹ *Lepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu: 1764—1870. Warszawa, 1967. *Wiatr J.* Naród i państwo: Socjologiczne problemy kwestii narodowej. Warszawa, 1969; *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwór-

cze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu. Warszawa, 1975; *Zarnowski J.* Ojczyznę, był język i mowa. Warszawa, 1978.

² *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa, 1974; *Urbań-*

- czyk St. Szkice z dziejów języka polskiego. Warszawa, 1968; *Lehr-Splawinski T.* Język polski. Warszawa, 1951; книга вышла на русском языке: *Лер-Сплавинский Т.* Польский язык. М., 1954.
- ³ *Жирмунский В. М.* Проблема социальной дифференциации языков.— В кн.: Язык и общество. М., 1968; *Гухман М. М.* Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков.— Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1960, т. 10; *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975; *Дешерев Ю. Д.* Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966; *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. М., 1977.
- ⁴ См.: *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика, с. 139; ср.: БСЭ. Изд. 3-е. М., 1974, т. 17, с. 374 (статья «Национальный язык», написанная М. М. Гухман).
- ⁵ *Филин Ф. П.* Об истоках русского литературного языка.— Вопросы языкознания, 1974, № 3, с. 8.
- ⁶ *Urbanczyk St.* Periodyzacja dziejów polskiego języka literackiego.— *Polskie Studia Sławistyczne*, Warszawa, 1963, Ser. II, s. 235.
- ⁷ *Ludzie Oświecenia*. Warszawa, 1958, t. I, s. 7.
- ⁸ Ср.: *Лер-Сплавинский Т.* Польский язык, с. 236.
- ⁹ Там же, с. 226.
- ¹⁰ *Hrabec S.* Różnice językowe między rękopisami a drukami mickiewiczowskimi.— In: *O języku A. Mickiewicza*. Wrocław, 1959, s. 11.
- ¹¹ *Karaś M.* O rzekomej roli pisarzy w kształtowaniu języka literackiego.— *Język Polski* LVI, 1976, № 1, s. 23.
- ¹² *Nitsch K.* O wzajemnym stosunku gwar ludowych i języka literackiego.— In: *Wybór pism polonistycznych*. Wrocław, 1954, t. I, s. 216.
- ¹³ Французский дипломат Луи Биньон писал в 1813 г.: «Проезжая часть Галиции, принадлежащую Австрии, я везде встречал говорящих на польском языке, везде замечал польские черты и обычаи. Пока этот народ будет сохранять свой язык, еще может быть отменен приговор, обрекающий его на смерть».
- Польша в 1811 и 1813 roku, wspomnienia dyplomaty Luis Bignon. Wilno, 1913, t. II. Цит. по: *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego, s. 585.
- ¹⁴ Отмечая связь двуязычия с языковой политикой реакционных эксплуататорских государств, Ф. П. Филин писал: «В качестве второго языка выдвигается язык господствующей нации, который обычно насильственно навязывается побежденным нациям и народностям с таким расчетом, чтобы загнать другие языки в подполье и в конечном счете вытеснить их вовсе из жизни» (*Филин Ф. П.* История общества и развитие двуязычия.— Изв. Отделения литературы и языка АН СССР, 1970, № 3, с. 198).
- ¹⁵ *Gizewius G.* Kilka tez o germanizmie na Mazurach.— *Lyker Unterhaltungsblatt*, 1847, s. 24—27. Цит. по: *Mazury i Warmia 1800—1870: Wybór źródeł*. Wrocław, 1959, s. 629.
- ¹⁶ *Historia Polski*. Warszawa, 1958, t. II, cz. II, s. 326.
- ¹⁷ *Klemensiewicz L.* Historia..., s. 592.
- ¹⁸ Цит. по: Национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи: Конец XVIII—70-е гг. XIX в. М., 1975, т. 2, с. 366 (ротапринтное издание).
- ¹⁹ *Wielkopolska (1815—1830): Wybór źródeł*. Wstęp, s. XV.
- ²⁰ *Łepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu, s. 262.
- ²¹ *Gizewius G.* Die polnische Sprachfrage in Preussen. Leipzig, 1845, S. 192—196; польский перевод опубликован в кн.: *Mazury i Warmia*, s. 584—590.
- ²² *Mazury i Warmia*, s. 595—596.
- ²³ *Ibid.*, s. 596.
- ²⁴ *Klemensiewicz L.* Historia..., s. 590.
- ²⁵ *Gwiazdka Cieszyńska*, 1860, 24.III; цит. по кн.: *Mazury i Warmia*, s. 701.
- ²⁶ *Rospond S.* Dzieje polszczyzny śląskiej, Katowice, 1959, s. 333—334.
- ²⁷ *Dziennik Górnośląski*, 1848, 23.IX; цит. по кн.: *Klemensiewicz Z.* Historia..., s. 723.
- ²⁸ *Bandkie J. S.* Wiadomości o języku polskim w Szląsku i o polskich Szlązakach.— *Mrówka Poznańska*, 1821, N 3—4. Переиздание: *Wrocław*, 1945.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЧЕШСКОЙ НАЦИИ В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Г. П. Нецименко, А. Г. Широкова

Формирование национального литературного языка, являющегося высшей формой существования языка нации, было одной из центральных проблем эпохи чешского национального возрождения (последняя треть XVIII — середина XIX в.).

Для понимания специфических особенностей этого процесса следует иметь в виду особую ситуацию чешского народа, исторические условия его развития: централизованное многонациональное государство, абсолютистский режим которого затруднял и осложнял этот процесс.

Возрождение чешского языка, связанное с общим возрождением чешской культуры, было обусловлено обострением классовых и национальных противоречий в Чехии в конце XVIII — начале XIX в. Постепенная ликвидация феодальных отношений как следствие наступления капитализма, многочисленные крестьянские восстания, расшатывающие феодальные устои государства, отмена в 1781 г. крепостного права, возникновение мануфактур, приток сельского населения в город, увеличение числа рабочих, появление многочисленной говорящей по-чешски мелкой буржуазии, вступившей в борьбу с крупной немецкой буржуазией, — все это определяло специфику национально-освободительного движения чешского народа и своеобразие путей формирования чешской нации.

Характерной чертой чешского национального возрождения является также и то, что оно началось прежде всего с борьбы за национальный язык, за употребление его во всех областях общественно-политической и культурной жизни. Усилия передовой части буржуазной чешской интеллигенции, возглавлявшей национальное движение, были направлены прежде всего на возрождение национальной культуры и литературного чешского языка, что получило отражение в ряде лингвистических, литературоведческих и исторических работ того времени.

Закономерным является вопрос, почему определяющим фактором идеологии национально-освободительного движения чешского народа был вопрос о языковой общности и об общности национальной культуры, почему центральной проблемой чешского национального возрождения было возрождение литературного чешского языка. Ответ следует искать в исторических судьбах чешского народа как носителя чешского языка и в специфике языковой ситуации Чехии в XVII и XVIII вв., характеризовавшейся следующими особенностями:

1. Сужение социального состава носителей чешского языка.

2. Ограничение функций чешского языка (литературно-письменного и разговорного); конкуренция чешского и немецкого языков.

3. Отсутствие стабильной нормы литературного чешского языка.

4. Значительная дробность и дифференцированность диалектов на территории распространения чешского языка.

5. Билингвизм городского населения.

Указанные обстоятельства явились следствием насильственной германизации славянского населения в Австрийской империи, результатом стремления австрийского абсолютизма к полной и окончательной ликвидации политической самостоятельности, национальной и культурной самобытности народов, входивших в состав габсбургской монархии. Вследствие этого формирующаяся чешская нация не находила поддержки в самом государстве; она должна была вести национально-освободительную борьбу в рамках централизованного и многонационального государства.

Процесс формирования наций охватывает, как правило, все классы и все слои общества. Однако формирующаяся чешская нация не могла опереться на чешское дворянство и верхушку буржуазии, к тому времени почти полностью онемеченных и утративших связь с чешским народом: они были далеки от него как по языку, так и по своим интересам и характеру космополитической культуры. Цели национально-освободительной борьбы чешского народа не были связаны с интересами этой верхушки. Указанные обстоятельства, с одной стороны, значительно тормозили процесс формирования чешской нации, а с другой — придавали чешскому национальному движению демократический характер.

Сужение социального состава носителей чешского языка явилось следствием длительного онемечивания чешского народа, резкого наступления на чешскую культуру, ограничения возможностей изучения чешского языка. Школы, в которых обучение проходило на чешском языке, закрывались, а чешская литература беспощадно уничтожалась¹.

В конце XVIII в. чешский язык использовался в качестве разговорного лишь «низшими» слоями общества: сельским населением, мелкими ремесленниками, городской беднотой, частью интеллигенции (в основном выходцами из народа). Он не был разговорным языком онемеченного дворянства и верхушки буржуазии, предпочитавших писать и говорить по-немецки.

Таким образом, можно утверждать, что к началу эпохи национального возрождения чешский язык в основном использовался как средство устного общения простого народа, сохранявшего свои национальные традиции, и лишь в ограниченной степени он был письменным языком.

Сужению социального состава носителей чешского языка сопутствовало и значительное ограничение функций литературного

языка. К концу XVIII в. чешский язык был практически полностью вытеснен из всех сфер государственной, политической и культурной жизни: с 1774 г. он не изучался в школах; обязательным являлся немецкий язык, а в 1781 г. последний был провозглашен в качестве общегосударственного языка Австрийской империи. В этот период чешский язык перестает быть языком науки, которым он был наряду с латынью в добелогорский период.

Из сказанного выше следует, что к началу периода чешского национального возрождения следует говорить не о конкуренции различных форм существования языка нарождающейся чешской нации, а прежде всего — о конкуренции чешского и немецкого языков.

В этот же период наблюдается сужение жанровой структуры литературного творчества на чешском языке, на котором создавались произведения лишь религиозно-наставительного характера (постиллы, проповеди, дидактические сочинения) для широких масс простого народа. Произведения, принадлежащие к так называемым «высоким» жанрам, создавались главным образом на немецком или французском языках.

Таким образом, к последней трети XVIII в. чешский литературный язык не был полифункциональным, он не использовался в наиболее важных коммуникативных сферах, почти полностью узурпированных немецким языком. Результатом постепенного вытеснения чешского языка и сужения его функций явилось отсутствие стабильной нормы литературного чешского языка, ее расшатанность и некодифицированность.

Языковой узус, существовавший в Чехии к началу национального возрождения, хотя и восходил в своей основе к норме литературного чешского языка XVI — начала XVII в., тем не менее отличался от него значительной неустойчивостью. На протяжении XVII—XVIII вв. в литературный язык проникли многочисленные и самые различные диалектные элементы.

Наследием периода феодализма, т. е. периода членения территории распространения чешского языка на феодальные княжества, жившие своей изолированной жизнью, явилась значительная диалектная дифференциация чешского языка. Диалектные различия фиксируются в первых грамматиках эпохи национального возрождения, в частности Ф. И. Томсы, Ф. М. Пелцла, Я. Неедлого и др.²; диалектизмами изобилует и литературный язык XVII—XVIII вв.

Языковую ситуацию в городах характеризовал билингвизм. Приток сельского населения в города, вызванный развитием капитализма, повлек за собой насыщение речи городского населения множеством элементов, отражавших различные территориальные и социальные диалекты. Городское просторечие изобиловало большим числом германизмов, а также заимствованиями из других языков. В этой связи уместно напомнить слова Й. Юнгмана о том, что нельзя писать так, как говорят, «иначе такие чудовища, как *míti recht, jíti furt, býti auf, jíti aus* и т. п.,

к сожалению, ежедневно слышимые, мы без колебания должны употреблять»³.

Засоренность лексики чешского языка XVII—XVIII вв. германизмами вызывала опасения патриотически настроенных чехов за судьбу чешского языка и обуславливала активные действия пуристов, словотворческие попытки которых были весьма неудачны. Так, например, известный пурист В. Роса в стремлении заменить иностранную терминологию чешской изобретал такие слова, которые поражали своей искусственностью. В грамматике и стилистике *Češofečnost seu grammatica linguae Bohemicae* (1672 г.) он заменяет, например, слово *alegorie* словами *přejinovatelka*, *jinovka*, *jinotajitelka*, слово *ironie* словами *usmívateľka*, *usmívka*, *usmívalka* и т. д.⁴ С подобными же попытками мы встречаемся в словаре Вусина (1700 г.) и у Фрозина (1704 г.). Словарь вводит, в частности, слова *knihovtipník* вместо *student* (студент), *měsícopis* вместо *kalendář* (календарь) и даже *vonocit* вместо *nos* (нос), так как последнее напоминало ему немецкое *Nase* и латинское *nasus*⁵. Можно привести и другие примеры неологизмов, противоречащих деривационным тенденциям чешского языка. Сравните, например, употребление вместо *kuchyně* (кухня)—*čudnice*, вместо *salát* (салат)—*zelenochrupka*, вместо *tabák* (табак)—*chřiporach*, вместо *talíř* (тарелка)—*vokolník* и т. д.

Как плохие грамматисты «прославились» Я. В. Поль, М. Шимек и К.-И. Там⁶. Они слабо знали нормы литературного чешского языка, их работы изобиловали диалектными вкраплениями, а также необоснованными неологизмами, не прижившимися в языке. Сравните употребление ими таких слов, как: *slovarna* вместо *slovník* (словарь), *příšera* вместо *dobrodružství* (авантюра, приключение), *ředlice* вместо *planeta* (планета), *vzkostnice* вместо *palác* (дворец), *větrlí* вместо *rověťří* (воздух) и др.

Языковая ситуация второй половины XVIII в. казалась некоторым современникам столь безнадежной, что даже такой активный деятель чешского национального возрождения, как Ф. М. Пелцл, писал: «Когда-нибудь чешские земли окажутся в таком положении, что от славянского языка останутся лишь названия городов, деревень и рек»⁷.

Таким образом, ввиду отсутствия стабильности звуковой системы, грамматического строя и лексического состава чешский язык второй половины XVIII в. не мог удовлетворить коммуникативным потребностям современного общества. Вместе с тем он не мог быть использован и в качестве основы для создания высокой языковой культуры образующейся чешской нации.

В силу резких диалектных различий, жестокого национального, политического и социального гнета ни один из диалектов не мог сыграть роли объединяющего, лечь в основу возрождаемого литературного чешского языка. Поэтому специфической особенностью формирования литературного языка чешской нации является также и то, что в отличие от других славянских

языков национальный литературный чешский язык возник не на базе существующего языкового узуса или диалекта. В его основу положен высокообразный, нормализованный литературный чешский язык предшествующей эпохи, т. е. XVI — начала XVII в., поступательное развитие которого было насильственно ограничено после поражения чехов на Белой горе. О возрождении литературного чешского языка применительно к этому периоду можно говорить лишь с известной долей условности. Невзирая на значительную дань исторической преемственности, новый литературный чешский язык уже с самого начала не был простым воспроизведением литературного языка прошлого: он включал в себя качественно новые языковые явления, обусловленные как динамикой развития языка, так и социально-экономическими изменениями общества.

Сказанное выше позволяет понять, почему борьба за стабилизацию и дальнейшее совершенствование литературного чешского языка стала одной из первоочередных задач формирующейся чешской нации, национально-освободительного движения в Чехии в конце XVIII в.

Характерной чертой национально-освободительного движения в Чехии и Словакии в конце XVIII — начале XIX в. было участие в нем широких народных масс в лице многочисленных рядовых мелких «будителей»: писателей, журналистов, юристов, учителей, священников, крестьян, сельских и городских интеллигентов, которые помогали народу избавиться от феодального гнета и стремились к его просвещению, пробуждению, активизации. Патриоты-будители отчетливо осознавали, что консолидация народа, его гармоничное и полнокровное развитие возможны лишь на основе родного языка и что, следовательно, становление литературного языка представляет собой дело исключительной важности, в успехе которого заинтересованы все члены общества формирующейся нации. С самого начала патриоты видели в языке главнейший признак национальной общности, стремились к тому, чтобы общенародный чешский язык имел стабильную грамматическую структуру, чтобы он использовался во всех коммуникативных сферах общественной жизни.

Языковая программа, реализации которой посвятили свою жизнь видные деятели чешского национального возрождения, основывалась на тщательном анализе языковой ситуации. Она не носила характера одноразовой акции, а, напротив, предполагала поэтапное осуществление комплекса мероприятий.

В зависимости от характера поставленных задач (в свою очередь обусловливаемых спецификой социально-экономической ситуации) в чешском национальном возрождении могут быть выделены два этапа: первый — начальный этап, центральной фигурой которого является патриарх славистики Йозеф Добровский, второй, условно называемый юнгмановским, связан с деятельностью Йозефа Юнгмана и его соратников. Правоммерно говорить и о выделении третьего этапа, позднего возрождения, завершаю-

щего стабилизацию и демократизацию литературного чешского языка, олицетворяющего собой практическую реализацию языковой программы национального возрождения в культурном творчестве чешского народа. Предметом рассмотрения настоящей работы будут служить два первых этапа чешского национального возрождения, заложившие основу нового литературного языка чешской нации.

Задачи, стоявшие перед первым поколением будителей, были весьма многообразны: сохранить этническую целостность чешского народа, спасти его язык и культуру от насильственной германизации, возродить литературный чешский язык, создать прочную, единую языковую норму, стабильную грамматическую основу, расширить социальный состав носителей литературного чешского языка, сделать его достоянием широких слоев общества. Важнейшей задачей этого поколения деятелей чешского национального возрождения было формирование национального самосознания и установление культурных связей между всеми славянскими народами.

Большое внимание уделялось пробуждению интереса образующейся чешской нации к истории языка и народа, его традициям, памятникам письменности, культурному и литературному наследию XVI в., считавшегося классическим периодом в истории развития чешского литературного языка. В этой связи уместно напомнить о таких важных акциях, как издание памятников, предпринятое В. Дурихом, Ф. Прохазкой, Ф. М. Пелцлом, М. Крамериусом. Знаменательным событием явилось учреждение кафедры чешского языка в Пражском университете в 1792 г. (ранее подобная кафедра была учреждена в Вене). В конце XVIII в. появляются произведения поэтических жанров на чешском языке — мы имеем в виду поэтическую школу А. Пухмайера, признававшего авторитет языковой эстетики и правила просодии И. Добровского. С 1785 г. разрешается использование чешского языка на театральной сцене, появляются драматургические произведения как переводные, так и несколько позже оригинальные. Важную роль сыграло и учреждение в 1784 г. Чешского научного общества, ставившего своей целью изучение истории и естественных богатств страны.

Для формирования литературного чешского языка серьезное значение имело и развитие чешской журналистики и публицистики. Особого упоминания заслуживает деятельность М. Крамериуса, издателя и редактора регулярной газеты на чешском языке. Заметим, что газеты и журналы эпохи национального возрождения на всех ее этапах не только ставили перед собой просветительские задачи, расширяя кругозор своих читателей и воспитывая их в патриотическом духе, но и зачастую они служили средством проведения языковой политики, повышения языковой культуры читателей.

Следует подчеркнуть, что стабилизации языковой нормы в немалой степени препятствовало отсутствие целенаправленной,

централизованной языковой политики, учитывающей внутренние закономерности развития литературного чешского языка.

С продуманной, четко сформулированной программой языкового возрождения выступил Йозеф Добровский, деятельность которого в первый период чешского возрождения была особенно плодотворной и значительной. В созданных им трудах, особенно в первой научной грамматике чешского языка «Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache» (1-е издание — 1808 г., 2-е — 1819 г.), Добровский изложил и фактически реализовал свою программу возрождения чешского языка.

Языковая кодификация И. Добровского базируется на научном познании внутренних закономерностей развития чешского литературного языка, его грамматической структуры, тенденций словообразования. И. Добровский писал: «Тот, кто хочет создавать новые слова, должен прежде всего изучить законы деривации. Лишь только совершенный знаток языка может отважиться на создание нового слова, причем только в тех случаях, когда есть неотложная необходимость в этом»⁸.

Языковая кодификация, предложенная И. Добровским, является следствием трезвой оценки языковой ситуации Чехии конца XVIII в. В частности, он понимал невозможность использования существующей в то время народной и разговорной чешской речи в качестве основы для создания литературного языка чешской нации. Поэтому не случайно, что для Добровского олицетворением и классическим примером образцового литературного языка были лучшие произведения XVI в. — Кралицкая библия и произведения Д.-А. Велеславина. Они характеризовались стабильностью грамматической структуры, богатством выразительных средств, их язык был стилистически дифференцирован и разнообразен в жанровом отношении. Такой язык можно было противопоставить господствующему в то время немецкому языку. Именно поэтому язык XVI в. и был положен в основу языка художественной литературы, науки, в основу единого литературного языка формирующейся нации. Указанные объективные причины обусловили стремление чешских будителей опереться на культурные достижения своих предков, использовать высокую книжную культуру добелогорского периода, ибо с этим периодом связано представление о расцвете чешского языка и литературы, о национальной самобытности и независимости чешского народа.

Боязнь расшатать норму образцового литературного языка XVI в. не позволила И. Добровскому опереться на живой разговорный язык своего времени.

Следует отметить, что, предлагая свою кодификацию, И. Добровский шел на некоторую намеренную архаизацию нормы литературного чешского языка. Так, он вводит старое различие деепричастий по числам и родам, отсутствовавшее в языке Кралицкой библии и в произведениях Я. А. Коменского, устраниет

множество диалектизмов и новообразований, проникших в язык в XVII и XVIII вв.

Частичная архаизация литературного языка в первый период национального возрождения была возможна и потому, что литературный чешский язык в это время был почти исключительно книжным и отношение к нему со стороны теоретиков было научно-объективным, умозрительным; язык воспринимался ими как законченная система, реставрируемая на основе изучения текстов памятников прошлого. Разговорной формы литературного чешского языка в конце XVIII и в начале XIX в. еще не было. Практически отсутствовала интеллигенция, свободно владеющая литературным чешским языком.

Сказанное отнюдь не снижает значимости кодификации Й. Добровского для дальнейшей судьбы чешского литературного языка, не ставит под сомнение обоснованности принятого им решения. Считая язык живым и чувствительным организмом, не переносящим никакого произвольного вмешательства, глубоко понимая закономерности развития языка, Добровский подчеркивал необходимость принимать во внимание несколько основных факторов, без которых невозможно постичь внутренние закономерности развития языка и дать их научное описание: 1. Уважение к языковой традиции. 2. Стабильность грамматической системы языка. 3. Народный язык как источник познания языка. 4. Знание других славянских языков.

Оценивая вклад Йозефа Добровского в изучение чешского языка, можно с полным основанием утверждать, что он не только продолжил грамматические традиции предшествующего периода (достаточно сказать, что за период с XVI в. по 1804 г. было создано не менее 18 грамматик чешского языка), но и открыл новую эпоху в познании закономерностей чешского литературного языка, создав первую научную грамматику чешского языка, в которой описал основные закономерности грамматической системы и осветил законы чешского словообразования.

Грамматика Й. Добровского отличается от всех предшествующих грамматик, в частности от грамматик начального периода эпохи национального возрождения, созданных Ф.-И. Томсой, Ф.-М. Пелцлем, Я.-В. Неудлым, ясностью, систематичностью, великолепным знанием и строгим отбором фактов, умением собранные факты обобщить, установить правила и закономерности их функционирования, которые помогли бы читателю разобраться в сложной грамматической системе чешского языка. Созданная Й. Добровским кодификация чешского литературного языка оказала огромное влияние на современников, она была принята и ревностно охранялась на протяжении всего XIX в. и, наконец, послужила основой кодификации современного литературного чешского языка, предложенной Я. Гебауером в конце XIX в.

Большое значение придавал Й. Добровский изучению тенденций и закономерностей развития родственных славянских языков, среди которых на первое место он ставил знание старославян-

ского и русского языков. Именно И. Добровскому, а позднее П.-И. Шафарiku принадлежат значительные успехи в области славистики.

Важной и существенной стороной чешского национального возрождения было стремление «будителей» к изучению славянских языков, к установлению контактов со всеми славянскими народами. Идея славянского родства, славянской общности и взаимности пронизывает многие работы того периода. Особое значение для пробуждения славянского самосознания чехов имели чешско-русские культурные связи. Для И. Добровского и других деятелей чешского национального возрождения русский язык был языком великого народа, носителя славных культурных и исторических традиций, народа, который уже тогда был для всех славян опорой, народом-освободителем.

В 1792 г. И. Добровский предпринял путешествие в Россию, явившееся серьезным рубежом не только в его жизни. Оно имело важное значение также и для истории культурных и политических устремлений чешского народа. Это путешествие имело огромное значение и для формирования отношения Добровского и других деятелей чешского возрождения к России и русскому народу. Вера Добровского в великую миссию славян в результате этой поездки усилилась. Он установил и поддерживал с русскими учеными живые контакты.

Симпатии к русскому народу и к русскому языку И. Добровский стремился воспитать у чешского читателя своими славистическими работами и, в частности подробным анализом словаря Петербургской Академии наук. Добровский создал русско-чешский словарь, ему принадлежит также практический учебник русского языка (1799 г.), вышедший под названием «Новое пособие, как лучше понимать русский язык»⁹. Систематическую грамматику русского языка в духе принципов Добровского написал А. Пухмайер: в 1820 г. вышел в свет его учебник русского языка с предисловием И. Добровского¹⁰. Данный учебник использовался в качестве пособия по изучению русского языка в высших учебных заведениях на протяжении многих лет.

Большое влияние на современников оказали издаваемые И. Добровским журналы «Славин» и «Славянка», пропагандировавшие идею славянской общности. Примечательно, что журнал «Славин» был задуман как послание ко всем славянским народам, исходящее из Чехии. Важную роль сыграл организованный И. Добровским в 1812 г. славистический семинар, посвященный прежде всего изучению русского языка. В числе слушателей этого семинара были Ф. Клицпера, В. Ганка, Ф. Л. Челаковский и др. В 1820 г. И. Добровский был избран членом Российской Академии наук.

Как мы могли видеть, научная деятельность Добровского в области славистики была тесно связана с актуальными нуждами чешской действительности того времени.

Деятельность первого поколения будителей, а также работы

И. Добровского в области богемистики и славистики открыли дорогу к практическим целям второго, юнгмановского, поколения чешских будителей. Задачи первого поколения деятелей чешского национального возрождения, заключавшиеся в возрождении литературного чешского языка, в укреплении языковой основы чешской литературы, в формировании чувства литературной традиции, национального самосознания, в установлении связи между славянскими народами, были выполнены.

Социально-политические и экономические сдвиги, произошедшие в жизни Чехии в первой половине XIX в. и, в частности, укрепление капиталистического способа производства, успехи, достигнутые национально-освободительным движением, повлекли за собой важные изменения в языковой ситуации того времени. В их числе следует назвать:

1. *Возрастание численности* носителей чешского языка. Немалую роль в этом процессе сыграла самоотверженная деятельность будителей, организовававших бесплатные курсы и семинары чешского языка, всемерно способствовавших проникновению чешского языка в сферу образования — в школы, гимназии, университеты. Таким образом, все более широкие слои населения начали приобщаться к изучению чешского языка.

2. *Изменение качественного состава* активных носителей чешского языка: помимо сельского населения, являвшегося хранителем языковой традиции в стране, чешский язык становится средством повседневного общения формирующегося городского пролетариата, ремесленников, мелких торговцев, состав которых пополнялся в результате притока в город крестьян. Важной приметой этого времени является формирование национальной, демократической, прогрессивно мыслящей интеллигенции (в основном крестьянского происхождения), активно владеющей чешским языком.

3. *Расширение функций* чешского языка. Он не только выступает как средство общественной коммуникации, но и используется также в качестве языка художественной литературы и науки. В этой связи следует упомянуть о восстановлении национальной драматургии, появлении произведений так называемых высоких жанров (поэм, од, трагедий и пр.); чешский язык проникает на театральные подмостки, на чешском языке развивается публицистика, а позднее и научная проза.

Изменение языковой ситуации на втором этапе чешского национального возрождения поставило новое поколение будителей перед необходимостью решения жизненно важной проблемы: превращения литературного чешского языка в полифункциональный, нормированный язык, используемый чешской нацией во всех коммуникативных сферах.

Для того чтобы расширить сферу применения чешского литературного языка, превратить его в средство создания полнокровной национальной культуры, было недостаточно стабилизировать его грамматическую структуру. Необходимо было также приве-

сти в соответствие словарный состав языка с потребностями современного общества. Именно поэтому второе поколение будителей выдвигает программу не только стабилизации, но и значительного пополнения лексики чешского литературного языка.

Заслуга создания языковой программы, отражающей насущные нужды нового периода формирования чешской нации, по праву принадлежит Йозефу Юнгману, разработавшему четкую концепцию национального литературного языка. Именно Юнгман был идейным вождем и вдохновителем нового поколения борцов за становление национального литературного языка и культуры. Достоинством языковой программы Юнгмана, представляющей собой творческое продолжение концепции Й. Добровского, является конкретность и соответствие актуальным потребностям общества.

Основными критериями совершенства словарного состава литературного языка Юнгман считал лексическую достаточность и функциональную дифференцированность его стилистических средств. Рассматривая через эту призму словарный состав литературного чешского языка того времени, Юнгман пришел к выводу о наличии диспропорций между духовными потребностями общества и состоянием словарного состава. Особенно остро ощущалась нехватка научной терминологии, необходимой как для номенклатурных обозначений, так и для научно-популярного повествования. Развитию поэтического творчества на чешском языке мешало отсутствие развитой синонимии. Заметим, что в силу действовавших канонов того времени, а также в духе концепции функциональных стилей языка, разработанной Юнгманом, лексические средства различных функциональных стилей должны были быть строго дифференцированы.

Сказанное выше во многом было обусловлено деструктивными последствиями двухвекового насильственного ограничения сферы функционирования чешского литературного языка.

Проблема совершенствования лексики литературного чешского языка, пополнения ее эквивалентами, соответствующими понятиям, рожденным интеллектуальным прогрессом человечества, таким образом, становилась центральной, первоочередной задачей в деятельности борцов за становление национального литературного языка. Позитивное решение этой задачи было не под силу энтузиасту-одиночке. Именно поэтому в своей первооснове языковая программа, предложенная Юнгманом, не была плодом единоличного творчества кабинетного ученого. Она создавалась в тесном сотрудничестве с его единомышленниками и соратниками — А. Марекком, П.-Й. Шафариком, Ф. Челаковским, Ф. Палацким, братьями Пресл, В. Седлачком, А. Юнгманом и др. — и предполагала объединение коллективных усилий армии рядовых будителей.

Выработка конкретной программы обогащения словарного состава литературного чешского языка явилась делом всей жизни Юнгмана. Изучая его произведения, мы можем наблюдать,

как постепенно выкристаллизовывалась его концепция, принимая все более рельефные очертания. Так, уже в первом издании «Словесности» (1820 г.) Юнгман излагает правила отбора лексического инвентаря, проявляя при этом строго дифференцированный подход к лексике, учитывающий сферу и степень употребления, а также источник ее происхождения (диалектные слова, заимствования и пр.). Во втором издании (1845 г.) указываются следующие источники обогащения словарного состава литературного чешского языка: 1. Памятники старой чешской литературы. 2. Народный язык, т. е. диалекты. 3. Сочинения современных писателей. 4. Родственные славянские языки. 5. Создание новых слов путем словосложения или же, что предпочтительнее, при помощи словообразования (суффиксов и префиксов). 6. Дословный перевод с древних языков, или калькирование, если это не противоречит духу чешского языка.

Данная программа представляет собой единый гармоничный комплекс, отдельные звенья которого взаимно дополняют друг друга. Как мы видим, решающее значение Юнгман придает активизации возможностей самого чешского языка, его внутренних резервов.

Центральное место в программе лексического обогащения занимают памятники старой чешской литературы. Сказанное не удивительно: в своих сочинениях Юнгман неоднократно подчеркивал необходимость сохранения преемственности по отношению к языку старшей поры, считая его образцом, нормой языковой правильности. Он писал: «Вряд ли среди чехов найдется хотя бы один человек, который старую литературу нашу не считал бы главной школой письменного языка... письменный язык чешский, такой, каким мы его видим в библейских и других хороших сочинениях... является для нас образцом хорошего способа письма...»¹¹. Немалое значение Юнгман придавал «оживлению» забытых старых слов, включая некоторые из них в состав поэтических синонимов: *haluz k větev; tkviti, touha, tužba, tvar, tvárnost* и пр.¹²

Вместе с тем Юнгман и его соратники прекрасно понимали, что обращение к книжному языку старшей поры, как это в свое время сделал Добровский при стабилизации грамматического строя языка, могло быть лишь частичным решением проблемы стабилизации и обогащения словарного состава. Язык эпохи Велеславина, как бы богат и красочен он ни был, не мог соответствовать потребностям современного общества, поэтому буквальное воспроизведение словарного состава чешского литературного языка того периода не могло восполнить существующий лексический дефицит.

Юнгман отчетливо осознавал такие недостатки велеславинской эпохи, как узость круга носителей литературного языка (это был книжный язык образованной части общества), его функциональную ограниченность. В связи с этим, акцентируя необходимость изучения языкового узуса предшествующих эпох, Юнг-

ман не исключает его дополнения исследованием узуса современного.

Важным источником лексического обогащения Юнгман считал народную речь, или же диалекты. Руководствуясь постулатом, что книжный язык является наиболее репрезентативным компонентом национального языка (последний, по его справедливому мнению, объединяет народную, нелитературную речь и речь письменную, книжную), Юнгман неустанно акцентировал требование единства литературного языка, обязательности его употребления всеми членами национальной общности. Поэтому, рекомендуя употреблять лексику народной речи, Юнгман призывал к ее разумному включению в литературный язык, налагая особый запрет на слова, имеющие локально ограниченную сферу употребления. Осторожную позицию занимал он и по отношению к вкраплению элементов разговорной речи, выступая против тех носителей языка, которые «считают законом речь, которую они слышат вокруг и которой они до сих пор научились»¹³.

Особые опасения у Юнгмана вызывали проявления языкового сепаратизма, нарушавшие единство языковой нормы. Следует подчеркнуть, что опасения Юнгмана не были преувеличенными: массовый приток в города сельского населения, пользующегося в своей речевой практике территориальными диалектами, расшатывал стабилизирующийся языковой узус. Так, некоторые деятели эпохи национального возрождения, например Ф.-Д. Трнка и В.-П. Жак, намеренно стремились приблизить литературный язык к моравскому и словацкому наречиям. По этому поводу Юнгман писал: «...Если так пойдет дело и дальше, то вскоре у нас будут книжки на пражском, домажлицком, крконошском, оломоуцком, турчанском и, кто знает, на каком еще поднаречии; в каждом понемногу, в целом же ничего... Писать так, как где-то говорят, означало бы разбивать национальный язык на бесчисленные диалекты»¹⁴.

Источником консолидации национального литературного языка, по мнению Юнгмана, является язык столицы или другого главного города, «из которого, как из сердца, приличный способ нравственности и речи в тело остальной родины входит»¹⁵.

Третье место в программе Юнгмана занимает изучение языкового узуса, представленного в сочинениях современных писателей. Принимая во внимание неоднородность уровня языковой культуры отдельных авторов, Юнгман призывал к критической оценке языка литературных произведений, иначе «читатель все ошибки и прегрешения новых писателей за благоуханные цветы и драгоценные камни примет»¹⁶. Юнгман настойчиво проводил мысль о неприемлемости необоснованных индивидуальных нововведений, об опасности языкового реформизма. «Дома разговаривай, как умеешь, однако письменного языка, являющегося правом и собственностью всего народа, бойся дотрагиваться», — писал он¹⁷. Эти тревоги Юнгмана не были безосновательными. Отсутствие стабильной литературной нормы облегчало возмож-

ность произвольного вмешательства в речевую практику. Красноречивым является следующее высказывание П.-И. Шафарика в письме к Я. Коллару в 1826 г.: «Теперь или никогда! Сейчас время реформы... все находится в движении, еще нет ничего устоявшегося. Когда же наступит время, и язык, и стиль стабилизируются... тогда будет конец всем нашим требованиям»¹⁸.

На начальном этапе своей деятельности сторонником языковых реформ был и Ф. Палацкий (особенно в области лексики). Впоследствии, однако, его позиция претерпела существенные изменения, поэтому неслучайно, что в историю чешского языка Ф. Палацкий вошел как блестящий знаток и поборник добелогорского чешского языка, придирчивый редактор, самым педантичным образом соблюдавший норму книжного языка.

В числе источников обогащения лексики Юнгман называет и родственные славянские языки. Рекомендую для употребления заимствования, Юнгман призывает сохранять дух чешского языка. Действительно, наблюдения над языковой практикой этого периода убеждают нас в том, что в большинстве случаев лексика, заимствованная из славянских языков, органически вливается в словарный состав чешского языка, углубляя и развивая те тенденции, которые реально существовали в лексике и словообразовании литературного чешского языка.

Юнгман был страстным поборником идеи славянской взаимности. Он настойчиво проводил мысль о необходимости сближения всех славянских народов. Особые симпатии Юнгман питал к русскому народу. По его мнению, именно русский язык мог явиться объединяющей языковой платформой для всех славянских народов. «Недалеко время, когда Европа будет учить русский язык так, как теперь учит английский»¹⁹, — писал Юнгман. Огромную роль в укреплении русско-чешских культурных связей сыграли личные контакты русских ученых и деятелей чешского возрождения (напомним в этой связи посещения Чехии такими представителями русской науки, как П. Кеппен, П. Прейс, М. Погдин, О. Бодянский, И. Срезневский и др.).

Заимствование лексики из родственных славянских языков облегчало решение ряда сложных проблем, стоявших перед деятелями эпохи национального возрождения. Так, включение некоторых русизмов в качестве поэтических синонимов способствовало конституированию поэтического стиля в чешском литературном языке; ср. синонимичные пары: *jaго* — *vesna*, *podzim* — *jeseň*, *děvče* — *děva*, *krk* — *šije*²⁰. Поэтизмами являются и *bledý*, *dolina*, *chlum*.

Заимствования из польского, русского южнославянских языков являются важным компонентом чешской научной терминологии, формирующейся в эпоху национального возрождения. Так, в эту пору было заимствовано около 800 научных терминов, половина из которых сохранилась и поныне.

Следует подчеркнуть, что Юнгман рекомендует обратиться к заимствованию из славянских языков лишь в том случае, если

оказались исчерпанными внутренние резервы самого чешского языка: «...Просмотрите, продумайте, изучите все богатства вашей речи, все то, что сохранилось в милом, чистом цветении в книгах и в народе. Берегите все это, как золото, сделайте это единой сокровищницей народной. Если же вам чего-нибудь будет недоставать, без сомнения возьмите у своих братьев-славян»²¹.

Наконец, последний пункт программы лексического обогащения предусматривает использование средств словообразования (и в качестве исключения — калькирования). Подобная последовательность пунктов неслучайна. Она отнюдь не свидетельствует о недооценке возможностей деривации, напротив, Юнгман прекрасно сознавал, сколь мощным средством является словообразование и сколь большой вред может принести его неумелое использование, противоречащее внутренним законам развития чешского языка. Памятуя деятельность пуристов, занимавшихся произвольным словотворчеством, Юнгман рекомендовал прибегать к средствам словообразования лишь тогда, когда это диктуется общественной потребностью и когда использование других источников оказывается невозможным.

В своей словотворческой деятельности Юнгман во многом опирался на концепцию Добровского. Так же, как и последний, Юнгман предписывал строгое соблюдение правила аналогии, т. е. следования традиционным словообразовательным моделям.

Создание новообразований прежде всего стимулировалось потребностями общества в научной терминологии, доступной в языковом отношении самым широким слоям народа. 20-е годы XIX в. являются началом периода становления чешской национальной науки. В 1816 г. Юнгман и его друзья предприняли попытку издания Малой чешской энциклопедии, в 1820 г. начал выходить первый научный журнал «Крок», затем «Журнал чешского музея». В 1820 г. Юнгман опубликовал «Словесность», включающую литературоведческую терминологию и терминологию по эстетике (в создании последней принимал участие и Ф. Палацкий), в том же году вышла «Логика» А. Марека, в 1819 г. — «Чешская флора» братьев Пресл и т. д. Активное участие в создании ботанической и зоологической терминологии принимал Я.-С. Пресл, философской — А. Марек, лингвистической — И. Юнгман, А. Марек, П.-И. Шафарик, математической — Я.-В. Седлачек, медицинской — А. Юнгман, И. Юнгман, Я.-С. Пресл, минералогической и химической — Я.-С. Пресл.

Характеризуя деятельность будителей второго этапа национального возрождения, следует отметить, что все они не только пропагандировали свои убеждения, но и всемерно содействовали их реализации. Так, в частности, предлагаемые неологизмы немедленно апробировались на практике. Примечательно, что даже в своей личной переписке Юнгман целенаправленно употреблял новые слова, наглядно демонстрируя диапазон их использования.

Следует оговорить, что проводимая Юнгманом языковая политика не всегда получала полную поддержку у современников.

Разногласия касались главным образом ключевых, жизненно важных вопросов. Так, например, дискуссионной была проблема, каким должен быть новый литературный язык: должен ли он лишь ограничиться состоянием, в котором находился чешский язык добелогорского периода, или он должен включать элементы неустойчивого послебелогорского узуса, например, германизмы, диалектизмы и пр. Заметим, что споры велись, как правило, вокруг кодификации лексики. Кодификация грамматической структуры Й. Добровского была воспринята современниками практически безоговорочно. О наличии противоборствующих течений говорится, в частности, в статье Юнгмана «O různěpí...». В ней упоминаются такие течения, как старомильцы, идеализирующие добелогорский период и считающие чешский язык эпохи Велеславина непревзойденным образцом; поборники германизации чешского языка; сторонники подмены единого литературного языка территориальными диалектами.

Вызывала споры и проблема сферы применения чешского литературного языка. Так, в частности, наталкивалось на сопротивление стремление Юнгмана создать художественную литературу высоких жанров, а также научную прозу на чешском языке. Определенные слои интеллигенции пессимистично относились к возможности и целесообразности восстановления традиции культурного творчества на чешском языке. Они полагали, что ущерб, нанесенный двухвековым перерывом в использовании чешского языка в культуре и науке, практически непоправим (тем более на фоне успехов, достигнутых за это время культурой и наукой других европейских народов), поэтому, по их мнению, широкое использование чешского языка как языка литературы и науки привело бы лишь к культурной изоляции чешского народа, к нарушению его культурных связей с другими народами Европы. Напомним, что сам Добровский сомневался в возможности полного восстановления функций литературного чешского языка, а тем более в приобретении им функций новых.

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию и, в частности, прерывность традиции создания литературных произведений на чешском языке, Юнгман не считал возможным сразу выдвинуть требование создания оригинальных сочинений на чешском языке, поэтому он предложил компромиссное решение: вначале создавать переводы лучших сочинений мировой литературы, художественной и научной, приобщая широкие народные слои к вершинам художественного и научного творчества, а затем приступить к созданию оригинальных произведений на чешском языке. Стремясь развить художественный вкус читателей, Юнгман призывал переводить только лучшие произведения европейской литературы, причем делать это таким образом, чтобы перевод производил впечатление оригинала, написанного по-чешски. Из числа переводов, осуществленных Юнгманом, следует назвать перевод английского духовного эпоса «Утраченный рай» Мильтона, французской повести «Аттала» Шатобриана, «Слова

о полку Игореве» (перевод был опубликован лишь в 1932 г.), сочинений Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина и др.

Целью переводов художественной литературы было не только приблизить к чешскому читателю европейскую классику, но и на деле доказать способность чешского языка создавать адекватные художественные образы. Конфронтация чешского языка с языком-источником стимулировала подбор языковых эквивалентов, поскольку речь шла о языках с богатой культурной традицией, способствовала стилистической дифференциации языковых средств, в частности, образованию поэтической синонимии.

Особенно велики заслуги Юнгмана как основоположника современной научной лексикографии. Созданный им Чешско-немецкий словарь (1834—1839 гг.) явился блестящей иллюстрацией теоретической концепции ученого. Словарь стал ценным практическим руководством; определяя закономерности словообразования и регулируя выбор слов, он положил конец произвольному словотворчеству.

Монументальный труд Юнгмана, награжденный золотой медалью Российской Академии наук, не является адекватным отражением языкового узуса эпохи национального возрождения. Это — тезаурус, фиксирующий лексику чешского литературного языка во всем ее историческом развитии и прежде всего лексику старшей поры. В его основе находятся старые тексты, Кралицкая библия, словари Д.-А. Велеславина и его сочинения, сочинения Я.-А. Коменского, словари В. Росы и др., представлены также материалы современных словарей чешского и других славянских языков И. Добровского, Ф. Томсы, С. Линде, И. Палковича, А. Бернолака и др. Словарь отражает язык произведений современных Юнгману писателей, включены также неологизмы, заимствования из других славянских языков, диалектизмы. Таким образом, воспроизведены все пункты рассмотренной нами выше программы. Включение богатой синонимии, столь характерное для этого словаря, преследовало цель показать диапазон лексических возможностей чешского литературного языка, а также облегчить отбор лексики для дифференцированных сфер языковой коммуникации. Чешско-немецкий словарь продемонстрировал лексические богатства чешского литературного языка, подтвердил возможность его использования во всех коммуникативных сферах. Выход словаря принес Юнгману и его соратникам, принявшим участие в его подготовке, признание во всем славянском мире.

Заслуги Йозефа Юнгмана и его поколения в деле стабилизации и обогащения лексики чешского литературного языка, его превращения в полифункциональный единый язык чешской нации были по достоинству оценены последующими поколениями.

Процесс стабилизации чешского литературного языка в основном был завершён к 40-м годам XIX в. К этому времени благодаря усилиям таких корифеев чешской культуры, как И. Добровский и И. Юнгман, была осуществлена кодификация

грамматической структуры и лексики, проведена реформа правописания, т. е. образована прочная основа нового литературного чешского языка, созданы предпосылки для значительного расширения сферы его функционирования. Чешский литературный язык постепенно превращается в средство общения, взаимопонимания, культурного творчества всех членов нации.

Новому поколению будителей, принявшему эстафету из рук деятелей юнгмановской генерации, предстояло завершить стабилизацию литературного чешского языка, распространив ее, в частности, на синтаксис, осуществить демократизацию языка.

Окончательному становлению норм литературного чешского языка, его демократизации во многом способствовал бурный расцвет литературного творчества, а также публицистики, связанный с такими именами, как К.-Г. Маха, Й.-К. Тыл, К. Гавличек-Боровский, К. Сабина, Б. Немцова, Я. Неруда. Благодаря их деятельности чешский литературный язык становится достоянием широких слоев населения.

В связи с проникновением литературного чешского языка в различные сферы общественной жизни, в связи с его демократизацией рождается разговорная форма литературного чешского языка (*hovorová čeština*) как результат взаимодействия литературно-книжного языка с живой разговорной речью.

¹ Так, например, иезуит А. Кониаши получил печальную известность тем, что сжег 60 тыс. книг, среди которых половину составляли чешские книги, в том числе многие издания Кралицкой библии.

² *Tomsa F. J.* Böhmisches Sprachlehre. Prag, 1782; *Pelcl F. M.* Grundsätze der böhmischen Grammatik. Prag, 1795; *Nejedlý J.* Praktische böhmische Grammatik für Deutsche. Prag, 1809.

³ *Jungmann J.* Časopis českého musea, 1843, r. XVII, sv. 2, s. 408.

⁴ *Havránek B.* Vývoj spisovného jazyka českého.— In: Československá vlastivěda, ř. II. Jazyk. Praha, 1936, s. 65—68.

⁵ *Vondrák V.* Vývoj současného spisovného jazyka. Brno, 1926.

⁶ *Pohl J. V.* Die böhmische Sprachkunst. Prag, 1756; *Simek M.* Handbuch für einen Lehrer der böhmischen Literatur. Prag, 1785; *Tham K. I.* Kurzgefasste böhmische Sprachlehre. Prag, 1785.

⁷ *Vlček J.* Dějiny české literatury. Praha, 1960, s. 11.

⁸ *Dobrovský J.* Bildsamkeit der slavischen Sprache. Prag, 1799, s. 9.

⁹ *Dobrovský J.* Neues Hilfsmittel die russische Sprache leichter zu verste-

hen, vorzüglich für Böhmen, zum Teilauch für Deutsche. Prag, 1799.

¹⁰ *Puchmajer A.* Lehrgebäude der russischen Sprache. Prag, 1820.

¹¹ *Jungmann J.* O různěni českého písemního jazyka.— In: Voj o obrození národa. Praha, 1948, s. 167, 168.

¹² Ср.: *Havránek B.* Jungmannův význam pro nový rozvoj slovní zásoby spisovné češtiny.— In: Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Universita Karlova, 1974; *Kamiš A.* Slovní zásoba v Jungmannově slovníku.— In: Acta Universitatis Carolinae Philologica 3—4, 1974.— Slavica Pragensia XVII, Praha, 1974.

¹³ *Jungmann J.* Napomínatel — ср. *Jedlička A.* Spisovný jazyk, jeho teorie a praxe v pojetí Josefa Jungmanna.— In: Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Universita Karlova, s. 154.

¹⁴ *Jungmann J.* O různěni..., s. 166—167.

¹⁵ *Ibid.*, s. 66.

¹⁶ *Jungmann J.* Slovesnost. Praha, 1846, s. 26.

¹⁷ *Ibid.*, s. 24.

¹⁸ *Jungmann J.* Časopis českého musea, 1874, N 48, s. 81.— ср. *Bělič J.* Sedm

kapitol o češtině. Praha, 1955, s. 28.

¹⁹ Jungmann J. Časopis českého musea, 58, 1884, s. 286.

²⁰ Liličová G. Ruské lexikální prvky v českém básnickém jazyce počátku

XIX st.— In: Slovanské spisovné jazyky v době obrození, s. 182.

²¹ Jungmann J. Slovo k statečnému a blahovzdělanému Bohemariusovi.—

In: Boj o obrození národa, s. 55.

ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СФЕРЕ БОРЬБЫ ЗА КОНСОЛИДАЦИЮ СЛОВАЦКОЙ НАЦИИ

(середина XIX в.)

А. Н. Смирнов

В 40-х годах XIX в. на завершающем этапе словацкого национального возрождения вопрос о литературном языке словаков оставался острым и актуальным. В это время словацкое национально-освободительное движение достигло значительного размаха. Усилилась его антифеодалная направленность, шире стала социальная база. Постепенно нарастала и классовая дифференциация в самом движении словаков за свои социальные и национальные права¹. Это движение уже не могло, как раньше, ограничиваться по преимуществу культурно-языковыми целями², оно приобрело все более отчетливый национально-политический характер. И тем не менее решение языкового вопроса стало «основным условием достижения национального единства и формирования общей идейно-политической платформы и программы»³ патриотических сил словаков. Дело в том, что к этому времени еще не удалось преодолеть разделение словацкого национального движения на два течения: католическое и протестантское, которые сложились в конце XVIII в. Эти течения различались не только по религиозному признаку, но и по своим национально-идеологическим концепциям: католики отстаивали идею национально-этнической самобытности словаков и самостоятельности их языка, протестанты выступали за национально-культурное единство чехов и словаков, развивая концепцию единого чехословацкого племени и соответственно общего литературного языка (чешского). После языковой реформы А. Бернолака, осуществленной в 1787 г., наступил период сосуществования и конкуренции двух литературно-письменных языков: традиционного чешского литературного языка, которым продолжали пользоваться словацкие протестанты, и словацкого литературного языка, кодифицированного Бернолаком на основе западнословацкого культурного интердиалекта («бернолаковщина»), который получил признание и распространение в среде словацких католиков. Такое раздвоение в литературно-письменной сфере затрудняло контакты и сотрудничество между

католическим и протестантским течениями словацкого национального движения. Между тем сама жизнь диктовала необходимость объединения национально-патриотических сил словаков ввиду усиливающихся мадьяризаторских тенденций венгерских властей. Не случайно представители обоих течений еще в 20—30-х годах стремились найти пути преодоления раскола национального движения, ликвидации его конфессиональной, идеологической и языковой разобщенности. Я. Коллар и П.-И. Шафарик пытались создать и ввести в употребление особый «чешско-словацкий» литературный стиль. По сути дела это была довольно искусственная литературно-письменная формация, полученная в результате целенаправленной модификации чешского литературного языка в сторону его сближения с народно-разговорным словацким языком (за счет внесения в литературный язык характерных элементов «благозвучной» народной речи словаков). Ее создатели надеялись, что таким путем можно будет, с одной стороны, уберечь литературно-языковое единство словаков с чехами и, с другой — преодолеть литературно-письменное двуязычие в среде самих словаков. В условиях быстро развивающихся чешского и словацкого буржуазно-национальных движений попытки такого рода объективно были обречены на провал. Однако объединительные тенденции в словацком национальном движении не ослабевали. В 1834 г. было создано «Общество любителей словацкого языка и литературы»⁴ — организация надконфессионального характера, которая должна была способствовать развитию литературы и духовной культуры словаков, налаживанию контактов и взаимопонимания между представителями обоих течений словацкого национального движения. В издаваемом обществом альманахе «Zoga» («Заря») материалы печатались и на чешском и на словацком («бернолаковском») литературных языках. В какой-то мере это помогало сближению и сотрудничеству словацкой патриотической интеллигенции протестантского и католического лагеря. И все же такая форма сотрудничества могла быть лишь временным решением, вынужденным компромиссом, так как в тот период и та, и другая сторона продолжали отстаивать свою национально-идеологическую концепцию. Можно сказать, что это были важные подготовительные шаги на пути достижения национального единства словаков. Складывание этого единства происходило с большими трудностями в условиях значительных социально-экономических и политических сдвигов в Словакии первой половины XIX в. Оно сопровождалось выработкой единой концепции национальной идеологии, соответствующей новым задачам словацкого национально-освободительного движения.

В 40-х годах значительно обострились словацко-венгерские национальные противоречия. В это время происходит подъем национально-освободительного движения венгров. Либеральное среднепоместное дворянство, возглавляющее это движение, выступает за проведение буржуазных реформ, направленных на

ликвидацию феодальных порядков, за освобождение от пут австрийского абсолютизма, за политическую и национально-культурную самостоятельность. В связи с этим активизируется борьба венгров за права родного языка, за признание его официальным языком Венгерского королевства, за вытеснение латыни и немецкого языка. В плане идеологическом все большее распространение получает концепция единой венгерской нации, которая в условиях многонационального государства становится опорой мадьяризаторской политики в отношении невенгерских народностей. В соответствии с этой концепцией принимается ряд законов, обеспечивающих привилегии венгерскому языку. Он был объявлен государственным языком, обязательным для всех народов Венгерского королевства. В 1843—1844 г. был утвержден закон, по которому во всех школах королевства (за исключением хорватских земель) венгерский язык стал языком обучения. Венгерское правительство не останавливалось и перед проведением насильственной ассимиляторской политики. Такая политика проводилась, в частности, и в словацких землях. Некоторые деятели (К. Зай и другие) открыто провозглашали программу мадьяризации словацкого населения. Венгерские власти не желали признавать национальную самостоятельность словаков, подозрительно и враждебно относились к их попыткам добиваться права пользоваться родным языком. Они считали нелепым, что в стране, где официальным языком является венгерский, другие национальности настаивают на своем родном языке⁵. Все это ставило перед словаками национальным движением новые задачи. Если раньше словаки (как чехи, венгры и другие угнетенные народы Австрийской империи) должны были оказывать сопротивление прежде всего политике германизации, то теперь основную опасность для них представляли шовинистические притязания венгерских властей.

Словацкая патриотическая интеллигенция, выступая в защиту национальных прав своего народа, использует различные формы и средства легальной борьбы: прошения и петиции в адрес сейма и императора, выступления в печати, издание разного рода трактатов и сочинений, отстаивающих национальное достоинство и права словаков, защищающих их язык и культуру. За четыре года (1840—1843) появилось несколько подобных сочинений, в которых впервые были сформулированы национально-политические требования словаков⁶.

В борьбе за национальное единство словаков огромную роль сыграла языковая реформа, осуществленная в середине XIX в. патриотической интеллигенцией протестантского лагеря, возглавляемой виднейшим деятелем словацкого национально-освободительного движения Людовитом Штуром (1815—1856).

В ближайшем окружении Л. Штура идея использования словацкого языка в литературно-письменной сфере зародилась в конце 1842—начале 1843 г., что было связано с планами издания словацкой газеты. Первоначально предполагалось, что га-

зета будет выходить на чешском литературном языке, принятом в кругу словацких протестантов. Не случайно, добиваясь прав на издание газеты, Штур обращается за помощью к чешским коллегам. Но уже тогда Штур допускал возможность публикации материалов и на «собственном словацком наречии», о чем он писал в мае 1842 г. видному бернолаковцу М. Гамульяку⁷. Почти четыре года пришлось добиваться Штуру и его соратникам разрешения на издание словацкой газеты у австрийских и венгерских властей, преодолевая различные препятствия политического, организационного и финансового характера⁸. Пока велась эта сложная борьба, в окружении Штура продолжал обсуждаться и вопрос о языке газеты. Поскольку она была рассчитана не на узкий круг интеллигенции, а на массового читателя различных социальных слоев, идея о возможности ее издания на словацком языке получала все большее признание. И 14 февраля 1843 г. в узком кругу штуровцев (кроме самого Л. Штура, в совещании по этому вопросу приняли участие Я. Францисцы-Римавский, Я. Калининчак, С. Возар, Я. Ловинский, С. Штур)⁹ было принято решение о том, что газета будет выходить на словацком языке. Правда, замыслы штуровцев шли гораздо дальше. Издание газеты рассматривалось ими как удобный повод для практического осуществления намечаемой языковой реформы, как важный шаг к достижению литературно-языковой самостоятельности словаков.

В июне 1843 г. на совещании в Глобоком Л. Штур, М. М. Годжа, Й. М. Гурбан еще раз обсуждали вопрос о введении нового словацкого литературного языка. Однако окончательное решение по этому вопросу было принято лишь 26—28 августа 1844 г. в г. Липтовски-Микулаш на заседании общества «Татрин», созданного для развертывания широкой культурно-просветительной работы среди народа. На этом заседании Л. Штуру было поручено подготовить грамматику нового литературного языка (работать над ней он начал еще в 1843 г.). Словацкий язык стал рабочим языком общества, на нем проходили обсуждения, велись протоколы и т. п. Примечательно, что еще до официально принятого решения по этому вопросу вышли в свет первые произведения на новом словацком литературном языке. В начале 1844 г. было опубликовано стихотворение Я. Францисцы-Римавского «Svojím vrstovníkom na pamiatku» («Своим сверстникам на память»)*, а в июне того же года вышел второй том научно-литературного альманаха «Nitra» («Нитра»), издававшегося Й. М. Гурбаном (первый том был напечатан на чешском языке). В январе 1845 г. было получено, наконец, разрешение выпускать газету, и с 1 августа 1845 г. начинает выходить первое периодическое издание на словацком языке — «Slovenskje národňje po-

* Еще в марте 1843 г. первое стихотворение на новом словацком литературном языке написал молодой поэт Само Вазар (Vozár S. Výsledky československej konferencie o jeho živote a diele dňa 14. apríla 1969 v Rimavskej Sobotě. Bratislava, 1970, s. 22).

vini) («Словацкая национальная газета») с литературным приложением «Ogol Tatránski» («Орел Татранский»). Это было большое событие в общественной жизни Словакии. В Братиславе и в ряде других городов оно отмечалось как праздник (с песнями, фейерверками, знаменами). В следующем году были опубликованы основные лингвистические труды Штура, в которых дана развернутая аргументация введения нового литературного языка словаков и описаны его нормы и правила¹⁰.

Новый словацкий литературный язык, названный позднее по имени кодификатора «штуровщиной», призван был сыграть огромную роль в борьбе словаков за консолидацию национально-патриотических сил.

По мнению Л. Штура и его соратников, он должен был способствовать укреплению и развитию национального самосознания словаков. Штуровцы хорошо понимали роль родного языка в системе культурных ценностей нации. Они считали язык главным ее признаком, основным показателем национальной самобытности народа. Так, в работе «Жалобы и сетования словаков», вышедшей в 1843 г. в Лейпциге, Штур писал: «Только язык делает нацию нацией, без него она была бы ничем, нация признается нацией лишь при условии, что она имеет собственный язык»¹¹. И позже в одной из своих статей Штур подчеркивал: «Признаком национального целого, признаком нации всегда является ее язык...»¹². В языке штуровцы видели основное проявление духовной силы нации, они постоянно отмечали неразрывную связь родного языка и «народного духа». Л. Штур называл словацкий язык «крыльями словацкого духа»¹³, Й. М. Гурбан считал, что «речь народа есть голос души, воплощенная сущность духа»¹⁴. М. М. Годжа писал: «Разве есть у народа что-нибудь более дорогое, чем речь отцов своих? В ней заключено все богатство его мыслей, все его сердце...»¹⁵. В подобных высказываниях чувствуется влияние идей Гегеля и философско-лингвистических взглядов В. Гумбольдта.

Представления штуровцев о роли языка как основного признака нации были неразрывно связаны с их концепцией словацкой национальной идеологии, важнейшим компонентом которой был тезис о национально-этнической самобытности словаков. По замыслу Штура, новый литературный язык, кодифицированный на основе народно-разговорной словацкой речи, должен был усилить развивавшееся национальное самосознание словаков, помочь народу осознать, что он представляет собой единый национальный коллектив. Штур писал, что благодаря языковой реформе они пробудили самосознание народа и тем самым «наилучшим образом позаботились о его национальном единстве»¹⁶. И действительно, введение нового литературного языка находилось в полном согласии с объективно развивающимся процессом формирования словацкого самосознания, не тождественного, с одной стороны, осознанию принадлежности словаков к единому «славянскому народу», или к «чехословацкому племе-

ни», а с другой — представлениям о их принадлежности к Венгерскому государству, чувствам венгерского патриотизма. Так, М. М. Годжа писал, что словаки могут быть такими же хорошими патриотами Венгрии, как и сами венгры¹⁷. Наряду с этим он указывал на необходимость осознания словаками своей национальной индивидуальности. Отмечая, что в Венгрии не признана самостоятельная словацкая национальность, он подчеркивал: «Признание нашей национальности — в нас самих: ибо осознание самого себя есть азбука национальности»¹⁸.

В среде словацкой протестантской интеллигенции, возглавляемой Штуром, постепенно преодолевается привычное представление об отнесенности словаков к «чехословацкому племени», подвергается творческому пересмотру колларовская концепция славянской взаимности. Модифицируя ее, Штур подчеркивал важную роль отдельных славянских народов («племен»), обладающих своей спецификой, в рамках единого славянского народа. По его мнению, расцвет, развитие отдельных славянских «племен» будет способствовать усилению и процветанию «славянского народа», славянства в целом¹⁹. Исходя из этого, он акцентирует необходимость всестороннего развития самостоятельной национальной жизни словацкого народа, которая, однако, не должна замыкаться в себе и отрываться от остального славянства.

Новый словацкий литературный язык штуровцы рассматривали как мощный объединяющий фактор, как важное и необходимое средство преодоления конфессиональной, идеологической и языковой разобщенности словацких патриотических сил. Они исходили из того, что этот язык станет общенациональным литературным языком словаков. По мнению Штура, такой единый литературный язык — необходимый элемент единства нации. Поэтому раскол словацкого движения на два лагеря по литературно-языковому признаку он расценивал как «большое несчастье»²⁰, как такое зло, которое имело и имеет для словаков «самые плохие последствия»²¹. Для преодоления этого раскола, как считал Штур, лучше всего подходит то, «что всем ближе всего, что самое доступное», т. е. родной язык, звуки которого «объединяют наши чувства, наши мысли в одно чувство, в одну мысль»²². Рассматривая новый словацкий литературный язык как важнейшее средство сплочения нации, штуровцы постоянно подчеркивали его неразрывную связь с живой народно-разговорной речью словаков. Как указывал сам Штур, кодифицированный им язык был «буквально из жизни в литературу введен»²³. В связи с этим штуровцы стремились показать, что словацкая народно-разговорная речь обладает такими качествами и совершенствами, так хорошо отражает и выявляет духовную жизнь словаков, их национальное своеобразие, что она вполне достойна быть возведенной в ранг литературного языка. Родной язык штуровцы считали общим народным достоянием и призывали всех, кто выступает за права словаков, за развитие

их национальной культуры, кто готов трудиться на благо народа, поддержать их языковую реформу. В письме своему другу, известному русскому слависту И. И. Срезневскому Штур писал о том, что они ввели в литературу словацкий язык, «желая объединить все сословия, дворянское, буржуазное и люд, желая объединить религиозные партии, протестантскую чешскую и католическую бернолаковскую»²⁴. Идея объединения словаков посредством родного языка получила в те годы и поэтическое воплощение. М. Догнани, один из ближайших соратников Штура, писал, обращаясь к своему народу:

Spoj sa v národnej reči tvojej zvukoch,
Priviň ju k srdcu ako poklad drahí...²⁵

Языковая реформа Штура явилась важным вкладом в дело консолидации словацкой нации именно в силу...ее демократической направленности, ее ориентации на широкие слои словацкого народа.

Штуровцы придавали очень большое значение духовным факторам в жизни и эволюции общества. Более того, для них была типична известная переоценка роли факторов надстроечного характера²⁶. Правда, сам Штур понимал значимость экономической базы в истории человеческого общества, но все же и он считал, что «дух есть сущность (substantia) всего»²⁷. В забитости, пассивности, неграмотности народных масс штуровцы усматривали причину многих социальных бед, неразвитости общественной и культурной жизни словаков. Они полагали, что путем просвещения можно будет помочь своему народу «улучшить его духовное и материальное состояние»²⁸. По их мнению, новый литературный язык, основанный на родной речи, должен был стать эффективным средством просвещения и воспитания народа. При помощи такого языка можно было содействовать духовному пробуждению широких слоев словацкого народа, можно было привлечь их к борьбе за прогрессивные социальные преобразования и национально-политические требования. В своей будительской деятельности (в том числе и в литературно-языковой сфере) штуровцы исходили из гуманистических представлений, из осознания своего долга как «духовных вождей народа». Большую роль при этом играла их любовь к своему народу*, вера в его силы и возможности. Штур писал, что словацкий народ обладает прекрасными способностями, которые, «если они будут развиваться естественным путем, принесут чудесные плоды»²⁹. Стремление преодолеть пропасть между прогрессивной патриотической интеллигенцией и простым народом, стремление сблизиться с народом, просветить его, помочь ему осознать себя, свое человеческое достоинство и права было одним из важнейших импульсов и мотивов, побуждавших штуров-

* Так, один из штуровцев подчеркивал, что «истинная любовь к народу нашему дала нам в руки словацкое перо» (*Lichard D. Otvorení list.— OT, roč. III, 1848, s. 710*).

цев к решению вопроса о словацком литературном языке. Демократическая направленность языковой реформы была обусловлена также тем, что Штур и его сторонники уже осознали необходимость значительного расширения социальной базы словацкого национально-освободительного движения, важную роль широких слоев народа в решении национально-возрожденческих задач. Ориентация на демократические силы общества имела очень большое значение — только это могло обеспечить дальнейший размах национального движения словаков (заметим, что так называемые высшие слои словацкого общества: аристократия, крупные землевладельцы и т. п. еще раньше были ассимилированы, процесс мадьяризации затронул также часть словацкой интеллигенции, высшего духовенства и состоятельных горожан). Под словом «народ» штуровцы понимали довольно широкие слои общества: и мелкобуржуазную прослойку (купцы, мельники, арендаторы, трактирщики, ремесленники и т. п.), и бесправное барщинное крестьянство³⁰. Именно народ в таком широком понимании они считали ядром и основой нации*. На наш взгляд, особенно существенно то, что они подчеркивали при этом роль и значимость «низких» слоев общества, простого народа. Многие из штуровцев хорошо понимали, что сила словацкого национально-освободительного движения основывается прежде всего «на низших классах народа», как писал С. Халупка А. Врховскому³¹. Сам Штур подчеркивал, что «простой народ» (obecný ľud) является существенной (essentialis, wesentlich) составной частью нашей нации³². Такое понимание нации, ориентация на народ, на широкие слои общества отчетливо проявились в штуровской концепции словацкого литературного языка. Штуровская языковая реформа означала весьма решительный шаг на пути демократизации литературного языка словаков. Новый литературный язык был кодифицирован на основе среднесловацкого культурного интердиалекта, неразрывно связанного с живой народно-разговорной словацкой речью, с местными словацкими говорами, с языком устного народного творчества словаков. Это неизбежно вело к приближению литературных норм к нормам народно-разговорной речи, что сделало штуровщину более понятной и доступной для простых людей, для широких слоев словацкого населения. Демократическая направленность языковой реформы Штура создала объективные предпосылки для активного привлечения простого народа к борьбе за общенациональные требования. Это, в свою очередь, должно было содействовать сплочению национально-патриотических сил, складыванию национального единства словаков.

Однако на пути практического применения штуровщины встретилось немало трудностей. Языковая реформа Штура была встречена современниками далеко не однозначно. По поводу

* Е. Варошова замечает даже, что у Штура понятие «нация» почти синонимично понятию «народ» (*Városová E. Slovenské obrodenecké myslenie, s. 99*).

нового словацкого литературного языка разгорелись жаркие споры. Штуровцам пришлось вести длительную и напряженную борьбу, доказывая необходимость и правильность предпринятого ими шага, разъясняя смысл языковой реформы, ее значение для развития словацкого общества. В краткой статье нет возможности показать все сложные перипетии этой борьбы*. Мы отметим лишь некоторые, на наш взгляд, существенные моменты в полемике о новом словацком литературном языке и постараемся раскрыть основную принципиальную линию, которую отстаивали штуровцы в спорах по этому вопросу.

Даже в лагере словацких протестантов реформа Штура не получила общей поддержки. Против введения нового словацкого литературного языка высказалась часть высшего духовенства, считая, что он явится препятствием в развитии славянской литературной взаимности. Следует отметить, что для многих словацких протестантов было непросто принять новый литературный язык и по причинам эмоционально-психологического характера. Ведь они учились на чешском языке, были воспитаны под огромным влиянием чешской культуры и литературы, их связывали с чехами и религиозные узы. И если ближайшее окружение Штура и протестантская молодежь довольно быстро смогли преодолеть эти трудности, то многие деятели старшего поколения долго колебались или вообще остались верны своей прежней позиции. Более того, некоторые из них активно выступили против штуровского начинания (Я. Коллар, П.-Й. Шафарик и другие). По инициативе Коллара в 1846 г. в Праге была издана книга «Голоса о необходимости единства литературного языка для чехов, моравян и словаков»³³. Это сборник статей и высказываний ряда чешских и словацких авторов (в том числе и умерших), доказывавших преимущества общего литературного языка (чешского), его глубокие традиции и большую роль в развитии чешской и словацкой культуры. Только часть материалов сборника была написана непосредственно по поводу языковой реформы Штура (статьи Коллара, Шафарика, небольшое дополнение к ранее публиковавшейся статье Палацкого, ряд писем и т. п.)³⁴. В них содержалась критика реформы, осуждалась попытка ввести в жизнь новый литературный язык словаков. Особенно резкой была статья Коллара. В полемическом запале он допустил грубые выпады в адрес Штура и его соратников, пренебрежительно отзывался о качествах штуровщины. В сдержанном тоне была написана статья Шафарика. Он привел ряд исторических, этнографических и филологических доводов в пользу единого литературного языка чехов и словаков и выразил опасение, что предпринятая словацкими патриотами реформа пагубно скажется на развитии чешско-словацких куль-

* По этому вопросу существует довольно богатая (как старая, так и новая) литература. См., например: *Кондрашов Н. А.* Борьба за победу словацкого литературного языка.— Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 228, Русский язык, вып. 15. М., 1969, с. 318—328.

турных связей. Вместе с тем Шафарик отметил и ряд объективных факторов, все больше затруднявших использование в Словакии традиционного чешского литературного языка («библичтина»).

После выхода в свет упомянутой книги на страницах «Словацкой национальной газеты», «Орла Татранского», журнала «Словацкое обозрение», редактируемого Й.-М. Гурбаном, а также в других изданиях развернулась дискуссия по вопросу о новом словацком литературном языке, которая продолжалась почти полгода. В ней приняли участие представители разных социальных слоев и групп словацкого общества: общественные деятели, литераторы, учителя, духовенство, горожане и другие. Подавляющее большинство авторов выступило в поддержку шуруповского начинания. В защиту нового словацкого литературного языка были опубликованы и специальные сочинения³⁵.

Штуровцы в целом довольно успешно отстаивали свою линию в решении задач национального словацкого движения. Как сам Л. Штур, так и Й.-М. Гурбан, М.-М. Годжа, А. Сладкович и другие стремились не только оправдать и обосновать языковую реформу, но и способствовать пробуждению и усилению национального самосознания словаков, привлечению на свою сторону представителей разных слоев словацкого общества. Они не забывали о том, что литературный язык — не цель, а важнейшее средство решения общенациональных задач. Ради упрочения национальной сплоченности словаков они в дискуссиях о литературном языке осуществляли продуманную гибкую тактику. Примечательна, например, позиция Штура по отношению к старым прославленным деятелям словацкого национального движения, которые не хотели отказаться от привычного для них чешского языка. Он писал: «Мы не требуем того, чтобы они полностью склонились на сторону нашей молодой жизни... однако мы требуем, чтобы они не мешали нам в нашем начинании»³⁶. В то же время шуруповцы резко обрушивались на тех словаков, которые предавали интересы своего народа, выступая в роли проводников денационализаторской политики правящих кругов Венгрии.

Большие усилия прилагали шуруповцы для привлечения на свою сторону словацких католиков (бернолаковцев). Хотя бернолаковцы выступали за словацкий литературный язык, все же и в их рядах не было единогласия в отношении шуруповской реформы. Правда, некоторые из них (Э. Герометта, Ю. Голчек, Ю. Плошиц и другие) довольно быстро поняли основной смысл шуруповского начинания и выступили в его поддержку³⁷. Значительная часть католической интеллигенции настаивала, однако, на применении бернолаковщины (М. Гамульяк, М. Решетка и другие). Наконец, многие бернолаковцы, одобряя в принципе переход словацких протестантов на новый словацкий литературный язык, требовали изменения норм правописания в сторону его сближения с бернолаковщиной. В полемике с бернола-

ковцами шурупцы стремились подчеркнуть общность принципиального подхода к решению вопроса о литературном языке (т. е. то, что он должен быть словацким). В связи с этим они ссылались на традицию использования католиками словацкого языка в литературной сфере. Штур, в частности, отмечал, что к идее поднять словацкий язык в ранг литературного «нам прорубали и пробивали дорогу замечательный наш Бернолак и его последователи»³⁸.

В спорах о литературном языке словаков были затронуты также вопросы словацко-венгерских и словацко-чешских отношений. Это было неизбежно, поскольку словацкое национальное движение развивалось в сложном взаимодействии с венгерским и чешским национальными движениями того времени. Отстаивая идею национальной самобытности словаков, их право на свой собственный литературный язык, шурупцы столкнулись с непониманием со стороны лидеров венгерского национально-освободительного движения. В языковой реформе Штура венгерские власти усматривали проявление панславистских тенденций, подрыв венгерской государственности и идеологии единой венгерской нации. Отвергая обвинения в государственной измене, в панславизме и т. п., шурупцы отмечали, что формирование национального самосознания словаков, развитие их родного языка и культуры не подрывает их патриотических чувств как граждан Венгерского государства. Они подчеркивали, что словаки являются одним из главных народов Венгерского королевства, что они хотят «оставаться верными сыновьями родины, но как словаки»³⁹. На начальной фазе революции в Венгрии вожди словацкого национального движения еще исходили из возможности реализации национальных требований словаков путем договора с венграми «на базе и в рамках общей венгерской родины»⁴⁰.

Реформа Штура вызвала отрицательную реакцию и со стороны ряда деятелей чешского национального движения. В чешских журналах и газетах появились статьи, направленные против признания самостоятельности словацкого литературного языка, обвиняющие шурупцев в раскольнической деятельности, в том, что они наносят удар по чешско-словацкому литературному и культурному единству. В остро полемической форме против Штура выступил, например, известный чешский публицист Карел Гавличек-Боровский. Не одобрял шуруповское начинание и Ф. Палацкий. Он, правда, не сомневался в добрых намерениях шурупцев, считал, что «они хотели воскресить стихию и жизнь славянскую»⁴¹, чтобы словаки могли противостоять мадьяризации. Вместе с тем Палацкий был убежден, что избранный ими путь ошибочен, что он «ведет их и их последователей прямо в пропасть и к гибели»⁴². Следует, однако, отметить, что и среди чехов были такие деятели, которые одобряли шуруповское нововведение (Я. Кадави, Й.-В. Фрич и другие). Так, Й.-В. Фрич писал в своих «Мемуарах», что «это была не попытка раскола, а

стремление объединить словаков в один лагерь и пробудить народ»⁴³.

Отстаивая в полемике с чехами право словаков на национальную и литературно-языковую самостоятельность, шуруповцы постоянно подчеркивали необходимость сохранения культурных, духовных чешско-словацких связей, с уважением отзывались о чешском народе, о чешской литературе, отмечали важную роль чешского языка в развитии словацкой культурной жизни⁴⁴. Как бы предвидя возможные упреки в расколе, обвинения в разрыве с чехами, Штур еще в своей книге «Словацкое наречие или необходимость писать на этом наречии» говорил: «...сохрани нас бог от разрыва. Кто теперь от братьев своих отрывается, того постигнет тяжелейшая ответственность перед нашим народом»⁴⁵. Шуруповцы выступали за развитие культурного сотрудничества между словаками и чехами, они указывали, что чешская литература и впредь будет близка и дорога словакам*. Эта линия на сохранение культурных связей, на развитие сотрудничества с братским чешским народом звучала лейтмотивом в полемике шуруповцев с чешской стороной.

Публичная дискуссия, связанная с языковой реформой Штура, привлекла внимание широкой общественности Словакии к проблеме национального литературного языка, способствовала разработке и уточнению программных положений концепции национальной словацкой идеологии и сыграла важную роль в сплочении национально-патриотических сил словаков.

Рассматривая литературный словацкий язык как символ национального единства и как важнейшее средство объединения словаков, шуруповцы не только защищали его от нападков, не только доказывали важность и необходимость его принятия, но и на практике стремились к тому, чтобы кодифицированный ими литературный язык превратился в действенное полноценное средство общения и развития национальной культуры.

Для того чтобы стать общенациональным литературным языком, шуруповщина должна была утвердиться в общественной и культурной жизни Словакии, вытеснить другие языки из этой сферы, выдержать конкуренцию с чешским литературным языком («библичтиний» и ее модификациями), с бернолаковщиной, а также с венгерским языком. Необходимо было добиваться также единства и стабильности литературных норм самой шуруповщины.

Шуруповцы настойчиво боролись за расширение сфер применения нового словацкого литературного языка. Прежде всего они добивались того, чтобы словацкий язык использовался в школах и при богослужении, поскольку функционирование в этих сферах венгерского языка особенно сильно затрагивало

* М.-М. Годжа писал: «Все сокровища чешской литературы были, есть и всегда будут самым близким достоянием словака наряду с его словацким языком» (*Hodža M. M. Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo, s. 92*).

национально-патриотические чувства словаков. При этом допускалось, что в протестантских церквях и школах по-прежнему мог применяться чешский язык. Значительные усилия прилагались также для введения словацкого языка в административно-правовую сферу (суд, делопроизводство и т. д.). В поддержку этих требований в разных городах Словакии (Липтов, Нитра, Брезно, Липтовски-Микулаш и других) проводились массовые выступления, собрания (особенно в революционном 1848 году).

Большое значение имело применение штуровщины в литературе, в журналистике. Новый литературный язык, основанный на родной речи словаков, стал подлинным стимулятором творчества словацких писателей. Уже первые годы его функционирования ознаменовались крупными достижениями словацкой романтической поэзии и прозы (в частности, были опубликованы произведения А. Сладковича, Я. Краля, С. Халупки, Я. Калининчака, самого Л. Штура и т. д.). Важный вклад в развитие словацкого публицистического стиля внес Й.-М. Гурбан. Успехи словацкой литературы усиливали общенациональную значимость нового литературного языка, поднимали его престиж в глазах словацкой общественности*.

В процессе объединения словаков на основе единого национального литературного языка большую роль играли различные организационные формы сплочения национально-патриотических сил. Особенно велики в этом плане заслуги общества «Татрин». Кроме него активно функционировали организации словацкого студенчества, читательские кружки, а также различные комиссии, в которых штуровцы и бернолаковцы пытались совместными усилиями решать вопросы, связанные с литературным языком. В августе 1847 г. в Чахтицах на заседании общества «Татрин» была достигнута договоренность между словацкими протестантами и католиками о необходимости введения единых норм литературного языка (к штуровской кодификации по предложению М.-М. Годжи и М. Гатталы были приняты некоторые поправки и дополнения, главным образом в правописании). Это был важный практический шаг на пути создания общенационального литературного языка. Однако реализовать принятое решение и воплотить его в кодификаторских трудах удалось уже после революции 1848—1849 гг. В октябре 1851 г. в Братиславе на совещании представителей протестантского и католического течений были официально утверждены единые литературные нормы словацкого языка. В 1852 г. вышла в свет «Krátka mluvnica slovenská» М. Гатталы, которая узаконила эти нормы. Она ознаменовала важную победу объединительных тенденций в словацком национальном движении середины XIX в.

* В рецензии на лирическую поэму А. Сладковича «Марина» давалась высокая оценка языка произведения и с гордостью отмечалось, что поэт показал, до какого совершенства может подняться словацкий язык (ОТ, 1847, s. 452).

- 1 Ср.: Slovensko: Dejiny. Bratislava, 1971, s. 477.
- 2 О борьбе за словацкий литературный язык на начальном этапе национально-возрожденческого процесса см.: *Смирнов Л. Н.* Вопрос о словацком литературном языке на разных этапах национального возрождения.— В кн.: *Формирование национальных культур.* М., 1977. См. также: *Смирнов Л. Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780—1848).— В кн.: *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков.* М., 1978.
- 3 Slovensko: Dejiny, s. 477.
- 4 *Vyvíjalová M.* Spolok milovníkov reči a literatúry slovenskej.— *Biografické štúdie.* I. Martin, 1970, s. 53—58.
- 5 Ср.: *Арато Э.* Венгерское общественное мнение и национальный вопрос в 40-х гг. прошлого века.— *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 39. Budapest, 1960, p. 15.
- 6 *Tibenský J.* Chvály a obrany slovenského národa: Pamäti a dokumenty. Bratislava, 1965, s. 256.
- 7 *Listy Ľudovíta Štúra.* I. Bratislava, 1954, s. 305.
- 8 См. об этом: *Vyvíjalová M.* Slovenskaje národně novini: Boje o ich povolenie (Štúdia a dokumenty). Martin, 1972.
- 9 *Listy Ľudovíta Štúra.* II. Bratislava, 1956, s. 353.
- 10 *Štúr Ľ.* Nárečja slovenskua alebo potreba písanĳa v tomto nárečí. V Prešporĳu, 1846; *Idem.* Nauka reči slovenskej. V Prešporĳu, 1846.
- 11 Цит. по кн.: *Štúr Ľ.* Žaloby a roposy Slovákov/Z nemeckého vydania preložil K. Goláň. Turč. sv. Martin, 1976, s. 14.
- 12 Цит. по переизданию Slovenskaje národně novini (далее — SNN). Bratislava, 1956, s. 177.
- 13 *Štúr Ľ.* Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. Turč. sv. Martin, 1943, s. 70.
- 14 *Hurban J. M.* Slovensko a jeho život literárny. Bratislava, 1972, s. 35.
- 15 *Hodža M. M.* Větin o slovenčině. V Levoči, 1848, s. 45.
- 16 *Štúr L.* Ústrojnosť a organism reči Slovenskej.— *Orol Tatranski* (далее — OT), roč. II, 1846, s. 307.
- 17 *Hodža M. M.* Dobruo slovo Slovákov, súcim na slovo. V Levoči, 1847, s. 45.
- 18 *Hodža M. M.* Op. cit.; s. 46.
- 19 См. об этом: *Матула В.* Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии.— В кн.: *Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах.* М., 1970, с. 102—105. *Смирнов Л. Н.* Формирование словацкого литературного языка...
- 20 SNN, 1846, s. 226.
- 21 SNN, 1846, s. 178.
- 22 OT, roč. II, 1846, s. 275.
- 23 *Štúr Ľ.* Nárečie slovenské..., s. 112.
- 24 *Listy Ľudovíta Štúra,* II, s. 237.
- 25 *Dohnáňi M.* K rodu muojmu.— OT, roč. I, 1846, s. 169.
- 26 *Várossová E.* Slovenské obrodenecké myslenie. Bratislava, 1963, s. 47, 96.
- 27 *Štúr Ľ.* Nárečie slovenské..., s. 28.
- 28 *Rimavský J. F.* K rodákom.— OT, roč. I, 1845, s. 87.
- 29 *Štúr L.* Hlas oprot'i Hlasom.— OT, roč. II, 1846, s. 282.
- 30 *Hučko J.* Michal Miloslav Hodža. Bratislava, 1970, s. 45, 83.
- 31 *Litteraria: Štúdie a dokumenty.* II. Bratislava, 1959, s. 104.
- 32 *Štúr Ľ.* Ľud náš obecný.— In: *Štúr Ľ.* Dielo v piatich zväzkoch. Zv. I. Bratislava, 1954, s. 49.
- 33 *Hlasové a potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čechy, Morawany a Slováky.* W Praze, 1846.
- 34 Подробнее о содержании сб. см.: *Кондрашов Н. А.* Указ. соч., с. 319—322.
- 35 *Hodža M. M.* Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. V Levoči, 1847.
- 36 *Štúr Ľ.* Dielo..., zv. I, s. 180.
- 37 Ю. Плошин, например, не возражал против языка «Словацкой национальной газеты» и называл ее «дорогим национальным сокровищем» (SNN, 1846, s. 134).
- 38 *Štúr Ľ.* Hlas k rodákom.— OT, 1845, s. 50.
- 39 SNN, 1848, s. 1126.
- 40 *Kočí J., Matula V.* K některým otázkám českého a slovenského národního hnutí v buržoazní revoluci 1848—1849.— In: *Revoluce 1848—1849 ve střední Evropě.* Praha, 1974, s. 84.
- 41 *Hlasové a potřebě jednoty spisowného jazyka...*, s. 31.

⁴² Ibid., с. 31.

⁴³ Frič J. Paměti, II. Praha, 1960.

⁴⁴ Проблеме чешско-словацких отношений в рассматриваемый период посвящена интересная и содержательная статья А. Мраза (*Mráz A. Z ohlasov na československé vzťahy*

v Stúrových Slovenských národných novinách a Orle tatránskom.— In: Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica, roč. XIII, 1961, s. 3—43).

⁴⁵ Stúr Ľ. Nárečie slovenské..., s. 123.

ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ НАЦИИ (о роли архаического письменного языка)

К. И. Логачев

В греческом обществе нового времени вопрос об исторических судьбах греков и связанная с этим вопросом проблема новогреческого литературного языка были поставлены очень рано, в период, когда обществоведение как науки в Греции еще не существовало¹. В первой половине XIX в. для греческих историков одним из важнейших стал вопрос о характере греческой нации и особенностях ее формирования. Помимо известной традиционности для греков интереса к проблемам собственных этнических особенностей, причиной обостренного внимания в XIX веке к вопросам формирования греческой нации было то, что вскоре после образования независимого греческого государства был опубликован труд немецкого ученого Я. Ф. Фаллмерайера, в котором доказывалось, что греки нового времени не имеют прямой этнической связи с древними греками². Многие греческие исторические сочинения XIX в., в том числе и важнейшее из них — шеститомная «История греческой нации» К. Папаригопулоса, отражали резкую негативную реакцию греческой интеллигенции на концепцию Я. Ф. Фаллмерайера. Что же касается греческих языковедов XIX в., то в их деятельности важнейшее место заняла проблематика литературной нормы.

Интерес к проблемам формирования греческой нации и новогреческого литературного языка сохранялся среди греческих обществоведов и в XX в., особенно оживляясь в годы, на которые приходились знаменательные исторические юбилеи. Так, в 1971 г., когда Греция отмечала 150-летие начала вооруженной борьбы за освобождение от османского господства, появился ряд интересных работ греческих авторов по различным аспектам становления греческой нации и образования новогреческого государства, в том числе и по проблеме национального литературного языка.

В специальной работе, посвященной греческому языковому вопросу в период антиосманской освободительной борьбы, сде-

ланный в начале XIX в. выбор архаического письменного языка в качестве официального языка новогреческого государства и формирующейся греческой нации и принятие правящей верхушкой абсолютно нереальной для тех условий программы превращения этого языка в общенациональный язык оцениваются как трагическая ошибка, которая привела к отрыву итогов освободительного движения от его корней, затормозила демократическое развитие нового государства и культурное развитие греков³.

Кажется, однако, что в обществоведении говорить об ошибочном выборе можно лишь в том случае, если объективно налицо имеются не только реальная альтернатива сделанному выбору, но и реальная социальная поддержка этой альтернативы. Поэтому при изучении проблемы национального литературного языка в Греции XIX в. главный вопрос, на который необходимо получить ясный ответ, будет заключаться в следующем: существовала ли при образовании новогреческого государства реальная и обеспеченная серьезной социальной и идеологической поддержкой альтернатива выбору архаического письменного языка в качестве языка репрезентативного (и тем самым, благодаря той роли, которую играло новогреческое государство при формировании греческой нации — в качестве национального литературного языка всех греков).

Если обратиться к периоду греческой истории, непосредственно предшествовавшему образованию новогреческого государства, а именно к периоду, условно называемому периодом национального возрождения (когда еще в политических рамках Османской империи началось формирование греческой нации), то нужно отметить, что у греков в этот период существовал целый ряд письменных языков, уже сложившихся и имевших каждый ту или иную традицию употребления. Здесь были и языки на древней основе, и языки на народной основе, и языки смешанные. При этом языки на народной основе типологически резко отличались от архаических языков. Первые представляли новосинтетический, вторые — старосинтетический тип.

У народов, которые наследуют определенную традицию донациональной письменной культуры, в эпоху формирования нации вопрос о национальном языке не может решаться безотносительно к факту существования одного письменного языка (или даже нескольких письменных языков) у общности, непосредственно предшествующей нации. В частности, вопрос об официальном языке новогреческого государства являлся по существу вопросом о выборе того или иного из уже существующих и в той или иной мере развитых письменных языков.

Уместно в этой связи указать, что возможность выбора из нескольких уже существующих письменных языков одного в качестве основы для национального литературного языка существовала и у других формирующихся наций Центральной и Юго-

Восточной Европы. Греция, таким образом, решала задачу, в известном смысле типичную для всех народов этого ареала.

Совершенно очевидно, что в условиях начала XIX в. выбор из нескольких письменных языков одного в качестве официального (долженствовавшего, как тогда полагали, стать впоследствии и общенациональным) определяли господствующие слои новогреческого государства.

В создании новогреческого государства и формировании его идеологии приняли участие представители разных слоев господствующей верхушки складывающейся греческой нации, причем идейное формирование большинства из них происходило, с точки зрения первоначальных греческих государственных границ, за рубежом. К господствующей верхушке новогреческого государства следует отнести — помимо короля Оттона и некоторых из прибывших с ним в Грецию иностранцев-фанариотов — бывших глав греческого сельского самоуправления, далее представителей нового, капиталистического уклада в греческой экономике, крупных землевладельцев, греческое православное духовенство, действовавшее на территории Османской империи, и, наконец, различные группы интеллигенции. Нужно отметить, что греческое образование в Османской империи (которое рассматривалось как первый шаг к освобождению греков от османов и которое не могло не оказать влияния на формирование греческого национального самосознания и греческой национальной идеологии) направлялось и интеллигентной диаспоры, и фанариотской интеллигенцией, и православным духовенством.

Те элементы, которые составляли господствующую верхушку новогреческого государства, различались между собой экономическим положением, идеологическими взглядами, политической ориентацией и т. д. Однако уже до образования новогреческого государства взгляды всех этих элементов по языковому вопросу были в основном весьма близки — все они в основном выступали за ту или иную разновидность архаического письменного языка. После образования новогреческого государства с их позицией совпали также взгляды Оттона и окружавших его иностранцев. Таким образом, господствующая верхушка новогреческого государства в начале XIX в. в подавляющем большинстве была сторонницей того, чтобы использовать в качестве государственного языка архаический письменный язык⁴. Фанариоты, считая себя в этническом отношении потомками древних греков, а в политическом, ставя себя в преемственную связь с господствующей верхушкой Византии, претендовали на роль новой греческой аристократии и, естественно, считали возможным употреблять в качестве официального лишь архаический письменный язык. Нарождающаяся национальная буржуазия старалась не уронить достоинства перед «аристократами» и тоже выступала за употребление архаического письменного языка. Симпатии большей части интеллигентов греческой диаспоры к такому письменному языку стимулировались,

помимо всего прочего, принятием ими идей европейского Просвещения и классицизма. Наконец, представители духовенства считали необходимой верность архаическому письменному языку и в силу церковной языковой традиции, и в целях противодействия иноверческой церковной пропаганде (показательными для отношения церкви к языку народного просвещения, а значит, и к официальному языку, долженствующему, как думали, стать общенациональным, являются энциклики константинопольского патриарха Григория V по вопросам школьного образования⁵). На то, как подавляющее большинство представителей господствующей верхушки новогреческого государства считали необходимым решать проблему языковой репрезентации, оказывало влияние и распространенное среди филологов XVIII—начала XIX в. мнение об испорченности народного греческого языка нового времени⁶.

При решении вопроса об официальном языке греческого общества конца XVIII — начала XIX в. архаическая тенденция не была, разумеется, единственной. Известно, что в это время (до образования новогреческого государства) в господствующих слоях нарождающейся греческой нации шла активная языковая борьба. Но тех, кто выступал против архаического письменного языка, было немного. Нельзя к тому же не учитывать, что эта борьба захватила в целом довольно узкий круг лиц. Неучаствовавшие в ней широкие народные массы хотя и не владели архаическим письменным языком, тем не менее считали его существование совершенно естественным, ибо это был язык богослужений (непонятность языка богослужений компенсировалась для них проповедью на более понятном языке. Такое, легализованное церковью «двуязычие» не могло послужить в конце XVIII — начале XIX в. почвой для массовых «языковых протестов»). Таким образом, соотношение сил к началу XIX в. было не в пользу письменных языков на народной основе, а значит, в это время не существовало достаточно сильной идеологической поддержки альтернативе выбора в новогреческом государстве архаического письменного языка в качестве языка официального. Правящие круги, определявшие языковую политику государства, без труда могли подавить антиархаические языковые тенденции. В итоге языковая ситуация в новогреческом государстве в течение почти всего XIX в. характеризовалась следующим противоречием: хотя народный язык имел широкую социальную базу, отсутствовавшую у архаического письменного языка, именно последний встречал наиболее сильную идеологическую поддержку.

Выбор архаического письменного языка в качестве официального языка новогреческого государства был сделан еще до образования последнего. Именно архаический письменный язык был официальным языком тех органов управления, которые возникали в ходе антиосманской освободительной борьбы⁷. Как на одну из немаловажных причин такого выбора, связанных уже

непосредственно с этой борьбой, следует указать на осмысление греческого восстания против османов многими современниками — и самими греками, и западноевропейцами — не как этапа формирования качественно нового национально-государственного образования (чем греческое восстание в действительности и являлось), а как возрождения Древней Греции.

Архаический письменный язык, выбранный в начальный период формирования греческой нации в качестве государственно-го языка, долго оставался таковым и в процессе дальнейшего ее становления. Лишь к концу XIX в. начало разрешаться противоречие между широкой социальной базой народного языка (отсутствовавшей у архаического письменного языка) и сильной идеологической поддержкой архаического письменного языка (отсутствовавшей у языка народного).

С момента создания новогреческого государства греческому языку (как совокупности всех греческих языковых идиом) было создано исключительно привилегированное положение. Хотя на территории нового государства жили не только греки, вся внутренняя языковая политика исключала постановку вопроса о языковых правах национальных меньшинств, будучи направленной на их полную языковую ассимиляцию. Такого понятия, как «школа для национального меньшинства», в Греции не существовало. В языковом единстве населения новогреческого государства (причем в единстве, основой которого должен был стать официальный архаический язык) видели залог государственно-национальной целостности.

Если подходить к греческому языку нового времени как к явлению дифференцированному, то основное содержание языковой политики в Греции XIX в. сведется к стремлению превратить архаический письменный язык в язык общенациональный. Теоретической базой для этого была идеология «возрождения Древней Греции и Византии», принятая в XIX в. в новогреческом государстве в качестве официальной идеологии. В ней нашли свое отражение некоторые реальные элементы, например мировая культурно-историческая роль древнегреческого и византийского элементов, но в целом эта идеология осмысляла процессы XIX в. неверно, ибо речь могла идти в то время только о формировании качественно нового этносоциального образования — буржуазной нации.

Руководствуясь такой идеологией, господствующая верхушка новогреческого государства считала, что воспитание народных масс должно быть «грекохристианским». Осуществлять такое воспитание должно было, в частности, Общество друзей народа — просветительная организация, созданная в 1865 г. Частью этой программы была программа языкового воспитания подрастающего поколения. Отчетливо осознававшийся в XIX в. громадный разрыв между архаическим письменным языком и живым языком (местными диалектами, на которых говорили народные массы, и наддиалектными образованиями)⁸ предлага-

лось устранять путем повсеместного внедрения первого за счет искоренения второго, путем «возвышения» речи народа до языкового идеала. Поэтому главным предметом в греческой школе XIX в., основой всего тогдашнего школьного курса стал, согласно официальным установкам министерства церковных дел и народного образования, древнегреческий язык⁹.

При всем этом в Греции, однако, не могли не считаться с практической невозможностью разом изменить языковые навыки подавляющего большинства населения нового государства — греков, неграмотных вообще или владевших лишь неарханческими письменными языками. Поэтому в XIX в. наряду с образцовым архаическим письменным языком широко использовались письменные языки смешанного типа. В этих последних под внешней видимостью близости к архаическому письменному языку, создававшейся благодаря тому, что практически для всех новогреческих письменных языков XIX в. употреблялись одни и те же традиционные графика и орфография, всегда скрывались структурно очень важные явления, типичные для совершенно иного, чем древнегреческий, языкового строя — строя живого новогреческого языка.

Именно к допущению использования подобных письменных языков смешанного типа следует возводить начало стихийного отрицания проводившейся в XIX в. господствующей верхушкой новогреческого государства языковой политики, имевшей своей конечной целью изменение самых существенных черт языка всего грекоязычного населения. Допущение использования письменных языков переходного характера по сути дела готовило почву для следующего этапа — формирования общенационального литературного языка на базе существенных черт живого языка.

Но хотя, как показала история Греции XX в., будущее принадлежало именно новогреческому литературному языку на народной основе, этот факт до конца XIX в. ясно не осознавался и греческие письменные языки смешанного типа рассматривались не как явления, отрицающие принятую официально языковую программу, а как ступень на пути к полной архаизации всех языковых норм. «Язык древних греков и наш, греков нового времени, будет одним и тем же» — вот что считалось конечной целью языкового развития греков¹⁰.

Говоря о том, как осуществлялась определяемая идеологией греческого национального возрождения языковая политика в XIX в., необходимо прежде всего сказать о лексических элементах, появление или изменение которых обычно связывают с изменениями в социальной реальности, идеологии и т. п. В условиях формирующегося капиталистического общества, когда более бурно, чем раньше, развиваются экономика, техника и наука, когда расширяются межнациональные контакты и когда вследствие всего этого расширяется круг понятий у все больших масс людей, значительное лексическое обогащение национального ли-

тературного языка является неизбежным. В Греции XIX в. исходя из принятых тогда идеологических установок, определявших национальную языковую политику, лексическое обогащение официального языка осуществлялось исключительно путем использования древнегреческого материала (если не считать словообразовательных моделей, которые хотя и заполнялись древнегреческим материалом, но были заимствованы из западноевропейских языков). С этим процессом лексического обогащения официального языка была взаимосвязана «чистка» греческого языка нового времени (новогреческий языковой пуризм). Но если для южных славян и албанцев в XIX в. был характерен пуризм антитурецкий, то для Греции этого времени он заключался в стремлении очистить язык от считавшегося тогда «вульгарным» собственно новогреческого материала, включая сюда и все иноязычные заимствования. Идя по такому пути, предполагалось сделать новогреческий язык идентичным древнегреческому и тем самым выполнить главную задачу, поставленную национальной языковой программой. Поскольку в живом новогреческом языке XVIII—XIX вв. было много заимствований из других балканских языков (славянских, албанского), пуризм, направленный на исключение из него всего, что появилось в греческом языке в следующие за древним этапы его развития, оказывался в известной мере пуризмом антибалканским. Вольно или невольно это переплеталось с представлениями греческих идеологов XIX в. о культурном превосходстве греков над теми народами, из языков которых в живую греческую речь проникали различные заимствования. Важно в этой связи также отметить, что намеченная господствующей верхушкой новогреческого государства языковая программа затрудняла языковую интерференцию греческой нации с другими балканскими нациями и задерживала формирование языкового союза на уровне балканской группы литературных языков.

Одним из интересных отражений в греческой языковой практике XIX в. принятых в это время идеологических установок являлась кампания по изменению греческих собственных имен. Кампания эта имела целью внедрить среди подданных новогреческого государства имена, употреблявшиеся в классической Греции. При этом создавалась парадоксальная ситуация: православные по вероисповеданию греки, которые официально принимали классические греческие имена, не имели святого своего имени в церковном календаре. Другим интересным отражением в греческой языковой практике XIX в. этих установок являлось официальное изменение очень многих географических названий, имевших славянское, романское, турецкое или иное негреческое происхождение, на названия, дававшиеся, как полагали, соответствующим географическим объектам древними греками¹¹.

Греческие идеологи XIX в. смотрели на архаический письменный язык, который они хотели видеть впоследствии общенациональным, и как на язык, долженствующий в будущем стать

одним из факторов, связанных с внешнеполитической деятельностью новогреческого государства. Речь должна идти, во-первых, о связи программы превращения архаического письменного языка в общегреческий национальный язык с так называемой «Великой идеей», а во-вторых, о стремлении внедрить архаический письменный язык в качестве «культурного» языка в образуемых на Балканах новых государствах.

Идеи греческого национального возрождения в известной мере были использованы как обоснование политики, которую новогреческое государство проводило на Балканах в XIX в. В 1844 г. И. Колетис провозгласил «Великую идею» — программу территориального расширения Греции за те границы, которые были ей отведены по соглашению европейских держав и Турции в конце 20-х годов XIX в. Руководствуясь «Великой идеей», греческие правители претендовали на ряд территорий, после 1830 г. оставшихся в составе Османской империи¹². Эти претензии частью касались территорий, большинство населения которых было грекоязычным. Однако в ряде случаев они распространялись на территории, где большинство населения не было грекоязычным, или на территории, где был широко распространен билингвизм и языковая принадлежность населения являлась поэтому проблематичной. В последних двух случаях делались ссылки на принадлежность этих территорий в прошлом Византии или на церковную юрисдикцию их в Османской империи. Негреческая же языковая принадлежность той или иной части населения этих территорий объяснялась при этом как результат насильственной деэллинизации¹³. Кстати, до сих пор в зарубежных работах по новой истории Греции можно найти точку зрения, согласно которой язык не является критерием национальности¹⁴.

Совершенно очевидно, что, говоря о «Великой идее», необходимо иметь в виду ее двойственный характер. С одной стороны, она служила идеологическим обоснованием борьбы за освобождение всех греков от османского ига. Но, с другой стороны, она использовалась как обоснование продолжения традиций греческого гегемонизма на Балканах, господствовавшего там в византийскую эпоху. Греческий элемент сохранил в известной степени свои позиции и при османах, ибо последние ввели для «райи» систему миллетов, согласно которой константинопольский патриарх (чаще всего грек) был долгое время не только религиозным, но и в какой-то мере гражданским главой всего православного населения Балкан вне зависимости от национальных различий между балканскими православными. Кроме того, турки поставили одну из групп греческого населения (речь идет о фанариотах) в особо привилегированное положение, поручив представителям этой группы управление Дунайскими княжествами, доверив им важные посты в своем государственном аппарате и т. д.¹⁵

Верхушка новогреческого государства считала греческий язык единственно допустимым в будущем для всего населения тех территорий, которые должны были стать частью Греции, какой она представлялась согласно «Великой идее». Взгляд на подавляющее большинство иноязычного населения этих территорий как якобы на греков, хотя и утративших в силу исторических обстоятельств свой родной язык, но сохранивших, тем не менее, сознание своей принадлежности к греческой нации, явился теоретической базой языковой политики новогреческого государства на присоединяемых к Греции в XIX—XX вв. территориях¹⁶.

Так языковая архаическая программа оказалась тесно переплетенной с проблемой чисто политической, представлявшей собой одну из основных для новогреческого государства XIX — начала XX в.

Парадоксально, однако, что принятие «Великой идеи» и архаической языковой программы не помешало новогреческому государству слова своего национального гимна написать на неархаическом языке. Автор «Гимна Свободе» Д. Соломол находился под влиянием как неархаических языковых традиций греков Семиостровья (Ионических островов), продолжающих неархаические языковые традиции Крита, так и итальянской литературы первой половины XIX в., языковая форма которой также является неархаической.

Письменный язык, выбранный в Греции в качестве официального, рассматривался в XIX в. греческими буржуазными идеологами не только как будущий единственный язык населения всех территорий, которые, согласно «Великой идее», должны были войти в состав греческого государства. Как уже было сказано, этому языку отводилась также роль ведущего «культурного» языка для соседних балканских наций¹⁷. Для такой программы могли быть найдены определенные исторические основания: уже в византийскую эпоху греческий язык был межбалканским «культурным» языком, оставаясь таким и во время османского ига, свидетельством чего является использование греческого языка в качестве единственного письменного многими представителями интеллигенции негреческих балканских народов в период, предшествовавший началу формирования балканских наций¹⁸. Но главное, что необходимо иметь в виду, говоря о такой программе, — это ее связь с политической активностью греческих правящих кругов на Балканах, стремившихся не только территориально расширить новогреческое государство, но и сделать его — при всей его экономической слабости — политическим гегемоном на полуострове вместо разваливавшейся Османской империи.

Официально принятая в Греции в начале XIX в. языковая программа была в конце века подвергнута критике — умеренной традиционалистами (например, Г. Хадзидакисом), крайне резкой — модернистами (например, Я. Психарисом). Причиной

негативного отношения к этой программе со стороны большей части греческой интеллигенции конца XIX в. явилось прежде всего то, что весь предшествующий период языкового развития Греции показал неосуществимость целей архаистов. В Греции школа в силу своих недостатков не смогла не только радикально изменить языковые навыки подрастающего поколения, но и сколько-нибудь существенно расширить сферу применения официального языка. Диглоссия в Греции осталась непреодоленной и предпосылок для преодоления ее в желаемом архаистами направлении создано не было, ибо широкой социальной базы архаическому языку так и не удалось обеспечить, в то время как народный язык, имевший такую базу и ранее, стал получать все более сильную идеологическую поддержку, которая стимулировалась распространявшимися модернизаторскими идеологическими тенденциями.

Поворот к языковому реализму в Греции начался в конце XIX в. с того, что письменные языки смешанного типа, ранее считавшиеся временными, были сделаны основными новогреческими письменными языками. Это означало окончательный отказ от программы полной языковой архаизации греков.

Но идеи, обусловившие принятие в первой половине XIX в. архаической языковой программы, сохранялись в Греции и в XX в., хотя и в существенно модифицированном виде. Поэтому следующий этап греческой национальной языковой истории, для которого характерно сосуществование письменных языков смешанного типа с письменными языками на народной основе, завершился лишь на наших глазах. Почти сто лет в Греции, несмотря на интенсивное движение за превращение письменного языка на народной основе в общенациональный литературный язык и за отказ от использования в качестве официального языка того или иного из письменных языков смешанного типа, последние пользовались очень сильной поддержкой. За такие языки выступало большинство греческих правительств, с 1911 г. им была обеспечена конституционная защита. И только в 1975—1977 гг. правительством была проведена радикальная языковая реформа, сделавшая один из письменных языков на народной основе («димотики» М. Триандафилидиса) единственным языком школы и официальных документов.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что выбор правящими кругами новогреческого государства в начале XIX в. архаического письменного языка в качестве официального и принятая тогда же новогреческим государством программа превращения этого языка в язык общенациональный, были не случайностью и не ошибкой, а обуславливались комплексом идеологических и политических концепций, игравших очень важную роль при формировании греческой нации. С определенными изменениями в этом комплексе, вызвавшими ослабление идеологической поддержки архаического письменного языка, связан бесповоротный переход Греции в конце XIX в. на принципиаль-

но иной, хотя и осложненный наследием предыдущего этапа греческой языковой истории, путь формирования национально-литературного языка.

- ¹ Δημαρᾶς Κ. Θ. Ἱστορία τῆς νεοελληνικῆς λογοτεχνίας. 5η ἐκδ., Ἰκάροζ. 1972, μέρος 2.
- ² Fallmerayer J. Ph. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Bd I—II. Stuttgart, 1830—1836.
- ³ Σιμόπουλος Κ. Ἡ γλῶσσα καὶ τὸ Εἰκόσινα. Ἀθήνα, 1971, σ. 7, 9.
- ⁴ Sergeant L. New Greece. Cassell Peter and Galpin, p. 67—68.
- ⁵ Παπαρηγάπουλος Κ. Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους. 2α ἐκδ., τ. 5, Ἀθήναι, 1887, σ. 503.
- ⁶ Aelf E. P. Dissertatio academica sistens graecorum veterum in hodiernis vestigia. Lunda, 1787, p. 45; Laong P. M. Dissertatio academica de lingua graeca hodierna. Lunda, 1787, p. 7; Hase. Sur l'origine de la langue grecque vulgaire, et sur les avantages que l'on peut retirer de son étude. Paris, 1816, p. 8.
- ⁷ Σιμόπουλος Κ. Ἡ γλῶσσα..., σ. 9.
- ⁸ Βυζάντιος Δ. Κ. Βαβυλονία ἢ κατὰ τόπους διαφθορά τῆς ἑλληνικῆς γλῶσσης. Ναύπλιον, 1836.
- ⁹ Ἐκκλησιαστικά καὶ ἐκπαιδευτικά (ἐκδοθέντα ὑπὸ Π. Ἰ. Κλάδου). Ἀθήναι, 1860, σ. 472.
- ¹⁰ Τριανταφυλλίδης Μ. Ἀ. Νεοελληνικὴ γραμματική. Τ. Ι. Ἀθήνα, 1938, σ. 479.
- ¹¹ Τριανταφυλλίδης Μ. Ἀ. Νεοελληνικὴ γραμματική. Τ. Ι, σ. 49—51. 110—112, 563—579.
- ¹² Smith M. Ll. Ionian Vision. Allen Lane, 1973, p. 1.
- ¹³ Kostanick H. L. The Geopolitics of the Balkans. The Balkans in Transition (Edited by Ch. and B. Jelavich). University of California Press, 1963, p. 13—14, 15—16, 44—45, 46—47; Παπακωνσταντίνου Θ. Φ. Πολιτικὴ ἀγωγή. Ἀθήναι, 1970, σ. 476—494.
- ¹⁴ Arnakis G. G. The Role of Religion in the Development of Balkan Nationalism. The Balkans in Transition, p. 117—120.
- ¹⁵ Sergeant L. New Greece, p. 231.
- ¹⁶ Κοκκῶνης Ν. Ἰ. Ἱστορία τῶν βουλγάρων. Ἀθήναι, 1887, σσ. ζ'-η'; Μαρκεζίνης Σ. Β. Πολιτικὴ ἱστορία τῆς νεωτέρας Ἑλλάδος. Τ. 3. Ἀθήναι, 1966, σ. 12—13.
- ¹⁷ Κοκκῶνης Ν. Ἰ. Ἱστορία..., σ. γ'-δ', ιγ'.
- ¹⁸ Arnakis G. G. The Role..., p. 136—138.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПЕРИОД СКЛАДЫВАНИЯ НАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

А. С. Мыльников

Вопрос о сущности, роли и этапах эволюции национального (как и вообще этнического) самосознания до сих пор остается дискуссионным. Не затрагивая в рамках данной статьи общетеоретические аспекты проблемы, будем придерживаться того, что коллективное и индивидуальное национальное самосознание представляет собой социально-культурный и социально-психологический феномен, в основе которого лежит сознание принадлежности к определенной нации¹.

Складывание наций в Центральной* и Юго-Восточной Европе было длительным, хронологически и стадияльно неравномерным и не лишенным противоречий процессом, на который воздействовали как базисные, так и надстроечные факторы. Этот процесс образовывал некую целостность, позволяющую ставить вопрос о наличии в происходившем здесь этнокультурном развитии не только особенного, но и общего. Вместе с тем внутрирегиональные модификации порождали то особенное, вне которого едва ли можно понять общее, присущее историческому процессу становления наций и национального самосознания. Между тем и другим складывалась диалектическая взаимосвязь, вне понимания и учета которой попытки обобщений могут либо захлебнуться в гипертрофии местной специфики, либо оказаться мертворожденной схемой.

Как самостоятельный феномен, национальное самосознание у народов данного региона до сих пор комплексно и в целом еще не изучено — решение этой задачи потребует координации усилий историков, историков культуры, этнографов и специалистов смежных областей знания. Не пытаюсь охватить всю проблематику, сосредоточимся прежде всего на рассмотрении таких фун-

* В статье рассмотрены некоторые проблемы Центральной Европы в целом, а не только ее восточной части.— *Ред.*

даментальных вопросов, как критерии периодизации становления национального самосознания, основные этапы его развития в процессе преобразования феодальных народностей Центральной и Юго-Восточной Европы в нации и социальная гетерогенность национального самосознания в этот период.

Критерии периодизации. В исторической перспективе формирование национального самосознания как органической части процесса складывания наций и национальных культур у народов Центральной и Юго-Восточной Европы представляется в виде относительно четко очерченной эпохи, захватывающей (с учетом местных колебаний) большую часть XVIII и XIX вв.² Однако уже это свидетельствует об асинхронности вызревания национального самосознания у отдельных народов, а в пределах их — у отдельных классов и социальных групп общества. Иными словами, формирование национального самосознания явилось многоэтапным по времени протекания и гетерогенным в этносоциальном отношении процессом, который следует рассматривать в динамике. А это в свою очередь влечет за собой необходимость выработки периодизации и ее основных критериев.

Важно подчеркнуть, что между национальным самосознанием и национальной культурой существует теснейшая взаимозависимость. Рассматривая культуру в качестве своеобразного организатора национального самосознания, мы обращали в свое время внимание на важность анализа ее морфологии, структуры³. В этом смысле в культуре народов, особенно проживавших, как это имело место в исследуемом ареале, в условиях многонациональных государств, отчетливо выделяются первичные и вторичные компоненты. К первым относятся этнический (национальный) и социальный, а ко вторым — территориально-политический (или государственно-правовой), конфессиональный и региональный. Совокупный анализ этих компонентов позволяет понять общее и особенное в процессах формирования наций и национального самосознания в Центральной и Юго-Восточной Европе изучаемого периода.

Культуры славянских народов эпохи формирования наций прошли два основных этапа своего развития⁴, причем на первом, приблизительно до конца XVIII — начала XIX в., преобладало воздействие идей Просвещения, а на втором, до 70-х годов XIX в., происходило утверждение национальных концепций, отражавших воздействие в сфере культуры того комплекса идей, которые В. И. Ленин назвал «национальной идеологией»⁵.

Каждый из указанных компонентов играл не однозначную роль и мог по-разному оказывать воздействие на формирование национального самосознания. Если первичные компоненты по необходимости определяли основу морфологии, скелет или, так сказать, макроструктуру любой национальной культуры, то среди компонентов вторичных в зависимости от конкретных условий развития порой могли выделяться и иметь преобладающее воздействие разные факторы, влиявшие на ее микроструктуру.

Такова, например, роль конфессионального фактора — католичества и протестантства у западных славян (ярким примером в этом отношении является борьба за создание словацкого литературного языка от А. Бернолака до Л. Штура), православия, католичества и мусульманства у балканских народов (например, в Боснии)⁶. В известной мере это можно сказать и о значимости для развития национального самосознания культурного регионализма и проистекавших отсюда локальных особенностей культуры — одним из свидетельств сказанному может служить проблема так называемого «моравского сознания» в XVIII — первой половине XIX в.⁷ Но, пожалуй, наиболее универсальным в период складывания наций в рассматриваемом регионе оказывался территориально-политический или государственно-правовой фактор, либо ускорявший, либо, что более типично, тормозивший и деформировавший этническую консолидацию и в силу этого сталкивавшийся с национально-освободительным движением. Поэтому целесообразно вкратце остановиться на данном явлении, характеризовавшем реальное положение разных народов интересующего нас региона.

Влияние государственно-правового фактора на развитие национальных культур и национального самосознания уже отмечалось. «Вряд ли можно, — подчеркивали, например, Л. А. Обушенкова и В. И. Фрейдзон, — переоценить значение факта возникновения Сербского княжества для развития сербского национального самосознания»⁸. И это справедливо. В указанном смысле все народы Центральной и Юго-Восточной Европы эпохи формирования наций могут быть разделены на две основные группы: обладавшие государственной независимостью и, следовательно, находившиеся на положении господствующих наций (немцы, немецкоязычные австрийцы, турки) и лишенные государственной независимости и подвергавшиеся национальному угнетению (поляки, лужицкие сербы, чехи, словаки, венгры, румыны, албанцы, греки и др.)⁹. В то же время в положении народов этой второй группы существовали различия, на которые воздействовали политическая конъюнктура и внутренние и внешние обстоятельства, не позволяющие рассматривать их как что-то однородное. Во-первых, отдельные народы сохранили или хотя бы временно приобрели права внутренней автономии. Таковы Венгрия и Хорватия в составе Австрийской монархии, Сербия, Молдова и Валахия как вассальные княжества Османской империи после Адрианопольского мира 1829 г. С известными оговорками к этой категории может быть отнесено Королевство Польское между 1815 и 1831 гг., а также Краковская республика. Во-вторых, некоторые народы, лишенные независимости, сохранили территориальную целостность и номинально традиционные государственно-правовые институты, например сословные сеймы в землях чешской короны. Наконец, ряд народов региона оказались лишенными не только какой-либо, хотя бы номинальной, автономии, но и единства этнической территории, и произ-

вольно разделенными между различными империями: часть южных славян и валахи (румыны) в Австрийской и Османской империях, лужицкие сербы в Пруссии и Саксонии. Такова общая картина, которую не меняли такие примеры, как существование на Балканах независимой Черногории или провозглашение независимости Греции после 1830 г.

И если признать, что культура выступала в качестве своеобразного организатора национального самосознания, то отмеченные особенности ее морфологии, взятые в развитии, имеют существенное значение для выработки принципов периодизации становления национального самосознания¹⁰. Здесь нужно, во-первых, установить важнейшие этапы развития национального самосознания и, во-вторых, выяснить, как в тот или иной период отдельные компоненты социальной структуры общества осознавали себя, в каком отношении находились те или иные классы и группы к выработке национального самосознания. Задачи эти крайне сложны, ибо во внимание приходится принимать не только временные, но и стадиальные аспекты процесса.

Сказанное побуждает искать наиболее общий критерий, который позволил бы органически сочетать объективные и субъективные факторы исторического развития и в то же время объективировал базисные, социальные моменты как определяющие в конечном счете весь процесс развития национального самосознания в связи с происходившим в эпоху формирования наций переворотом в социальной психологии. Таким наиболее общим критерием, на наш взгляд, выступает фактор, который условно можно назвать языком культуры.

В этом смысле язык культуры можно определить как специфическую семиотическую систему, объективирующую духовную жизнь общества посредством речевых, письменных и визуальных знаков¹¹. К ним в первую очередь относится естественный язык, который В. И. Ленин определял как «важнейшее средство человеческого общения»¹², а также выразительные средства художественной культуры, обычаи, бытовые традиции, нормы поведения, словом, — все, что в совокупности отражает духовную жизнь этноса — в данном случае в эпоху формирования наций и национальных культур.

Начальным этапом развития национального самосознания можно, по-видимому, считать период перехода от феодальной народности к нации. Но хронологическая конкретизация его наталкивается на трудности, связанные, в частности, с недостаточной четкостью определения категории «народность»¹³. Это затрудняет оценку источников, в которых так или иначе фиксируется переходное состояние между народностью и нацией. В результате оно оказывается менее осязаемым в сравнении с крайними — начальными и конечными — гранями этносоциального процесса. Наверное, именно поэтому в конкретно-историческом исследовании лучше всего сосредоточить внимание в первую очередь на сопоставлении именно этих граней с тем, чтобы просле-

дить реальный переход от одного уровня этнического развития — народности — к следующему уровню — нации¹⁴.

Связывая первый из них с эпохой развитого феодализма, а второй — с эпохой утверждения буржуазных отношений, можно выделить ряд ориентиров. В. И. Ленин, неоднократно обращавшийся к причинам возникновения национально-освободительных движений в эпоху краха феодализма и абсолютизма и сложения буржуазно-демократического общества и государства, подчеркивал, что «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹⁵. Иными словами, здесь существует определенная взаимосвязь между социальными, культурными и этническими процессами, действующими наряду с прочим и на генезис национального самосознания. Эти факторы должны рассматриваться как определенная система, т. е. в совокупности, под углом зрения комплексного развития того, что мы предлагаем называть языком культуры.

От народности к нации. Одним из наиболее чутких к общественным переменам компонентов языка культуры можно считать речь, т. е. естественный разговорный и письменный язык, — это, по уже упомянутому определению В. И. Ленина, «важнейшее средство человеческого общения».

Известно, что этнический характер культуры и языковые средства ее выражения далеко не всегда совпадают друг с другом. В период феодализма, например, когда нация как этносоциальная общность еще отсутствует, а сам термин «нация» (nation) воспринимается чаще всего в сословном, государственно-правовом смысле слова, подавляющая часть научной, а до определенного времени и художественной литературы, делопроизводственной и иной официальной документации создавалась на так называемых «универсальных», в том числе «мертвых», языках. В интересующем нас ареале это были латинский, греческий и церковнославянский языки, которые могли выступать в разных странах и как языки общения образованных слоев общества, как языки преподавания, межгосударственного общения и т. п. Это, естественно, не было специфической особенностью данного ареала — достаточно вспомнить роль в соответствующие эпохи латинского языка в Западной Европе, арабского и персидского языков на Ближнем Востоке, в Передней и Средней Азии, китайского языка в Юго-Восточной Азии и т. д.

Отход от такой практики в значительной мере был связан с начавшимся разложением феодализма, развитием буржуазных отношений и конституированием наций. Но сам по себе этот процесс был крайне противоречивым и отличался неравномерностью проявления в различных сферах культурной деятельности. Так, у ряда народов рассматриваемого ареала (например, у чехов) письменность на национальном языке возникает до-

вольно рано и борется с письменностью на латинском и других распространенных в официальной практике языков. Эта борьба двух тенденций прослеживается и в репертуаре раннего книгопечатания. Впрочем, подобные примеры лишь подчеркивали общее правило. Но на какое-то время официальным языком у народов, лишенных государственной независимости, мог стать не язык данного этноса, а язык господствующей нации или язык наций, относительно более развитых и игравших ведущую роль в экономических связях и международном общении.

В Центральной и Юго-Восточной Европе отмеченные процессы в основном фиксируются во второй половине XVIII — первой половине XIX в., хотя у некоторых народов начинаются и несколько раньше. Так, в Германии переход в университетском преподавании с латинского на немецкий язык относился к рубежу XVII—XVIII вв. и связан с именем лейпцигского профессора Х. Томазиуса¹⁶. Этот переход во многом был подготовлен предшествующими усилиями выдающихся деятелей немецкой культуры. Среди них следует упомянуть Г. Лейбница и Г. Гриммельсхаузена, чей роман «Симплициссимус» (1696) занимает видное место в немецкой литературе нового времени, отчасти предвосхищая некоторые идеи «Робинзона» Д. Дефо. Но и столетием позже И. Гердер и Г. Лессинг еще боролись за утверждение и развитие немецкого литературного языка. «Так познавайте же ваш язык, критики искусства, — писал И. Гердер в 1767 г., — старайтесь сделать его пригодным для поэзии, для философии и для прозы. Таким образом вы расчистите почву, на которой будет воздвигнуто здание. И более того: писателя вы снабдите орудиями труда, поэту скуете громовые стрелы, оратору начистите до блеска доспехи, а мыслителю наточите меч... Дух языка — это, следовательно, также и дух литературы всякого народа»¹⁷.

У большей же части народов региона этот процесс, как указывалось, начинается во второй половине XVIII в. В Венгрии вытеснение латинского, а отчасти немецкого и французского языков венгерским в литературе и преподавании происходит с 60—80-х годов XVIII в.¹⁸ Впрочем, насколько это было сложно, видно хотя бы потому, что и в 1804 г. замечательный венгерский просветитель Д. Бешшени в обращении к читателям одного из своих трудов должен был написать: «Тебе известны английские, французские, немецкие мыслители, высоко поднявшиеся над людским морем. Наряду с их трудами я кладу перед тобой эти небольшие рассуждения на родном языке. Поразмысли над ними и сделай выводы... И пусть не смущает тебя, что написано это по-венгерски, не думай, что на нашем родном языке читать стоит лишь то, что переведено с греческого, французского, немецкого, с латыни и, наконец, с английского»¹⁹. В Польше поддержку национальному языку оказывала созданная в 1773 г. Эдукационная комиссия. Здесь также делались попытки отхода от универсальных языков в педагогической деятельности.

В 1780-х годах, например, краковский профессор Ян Снядецкий перешел в чтении лекций от латинского языка к польскому²⁰.

В Чешских землях, если отвлечься от отдельных исключений, распространение национального языка сначала в художественной, а затем и в научной литературе началось в 1780-е годы и в основном завершилось в первой половине XIX в.²¹ Впрочем, некоторое оживление интереса к латинскому языку, обнаруживающееся на примере научной литературы (например, применение его в национально-патриотических выступлениях М. А. Фойгта, в научной деятельности Г. Добнера), порой вызывалось своеобразной реакцией на засилье языка господствующей нации — немецкого в Чешских землях, венгерского — в Хорватии²². В сербской литературе XVIII в., помимо народного языка, употреблялись так называемые русскославянский и славяносербский, с которыми столкнулся при проведении языковой реформы в первых десятилетиях XIX в. Вук Караджич²³. В Болгарии в качестве литературного языка в XVIII в. употреблялся греческий, и Паисий Хилендарский всячески осуждал соотечественников, которые «учатся читать и думать по-гречески»²⁴. Сходную картину мы видим и в Молдове и Валахии XVIII — начала XIX в., где тоже часто применялся греческий язык. На нем, например, написал «Историю Валахии» М. Кантакузино. Один из ведущих просветителей С. Мику-Клайн в начале XIX в. с горечью писал: «Некоторые даже стыдятся говорить по-румынски и предпочитают разговаривать и писать по-гречески, по-венгерски или на каком-нибудь другом языке и ленятся улучшать и обогащать родной язык»²⁵.

Что означают приведенные факты с точки зрения истории становления у народов Центральной и Юго-Восточной Европы национального самосознания? По-видимому, стремление привести в соответствие национальное содержание культуры и языковые средства ее выражения. А это значит, что в предшествующий период у каждого из народов ареала уже возникли необходимые для того предпосылки, т. е. что национальное самосознание зародилось ранее. Когда именно — вопрос уже эвристического порядка.

Механизм и хронологические рамки этого процесса можно, например, проследить на чешском материале. Здесь ранние выступления против феодально-клерикальной идеологии привели к возникновению в середине 1740-х годов первого не только в Чешских землях, но и в пределах Австрийской монархии просветительского научного объединения Общество неизвестных литераторов, а в 1760-х годах обусловили зарождение чешского национально-просветительского направления, среди представителей которого находились историки и литераторы Г. Добнер, М. А. Фойгт, Ф. М. Пелцл и другие просветители. Их труды, проникнутые новыми идеями, содержащими синтез идеологии Просвещения и переосмысленной под ее воздействием национально-патриотической традиции, создавались на латинском и

немецком языке. Да это и понятно, если учесть, что национальной (чешской) языковой формой ранние чешские просветители еще не владели. Объяснялось это и индивидуальным воспитанием их, и той средой, к которой они обращали свои труды, и, наконец, общим состоянием чешского языка, который еще предстояло реформировать с учетом новых задач духовного развития. Решение этих задач выпало на долю просветителей 1780-х годов и особенно их непосредственных продолжателей во главе с И. Юнгманом в первые десятилетия XIX в. Но и незадолго до революции 1848 г. замечательный чешский поэт — сатирик и публицист Карел Гавличек-Боровский писал невесте письма по-немецки, опасаясь «раздражать» ее чешским языком. Таким образом, от начала национально-патриотической деятельности первых чешских просветителей, писавших по-латыни и по-немецки, до деятелей чешской культуры, свободно излагавших свои мысли на родном языке, прошло несколько десятилетий. В какой мере эта дистанция носила характер модели для других национальных культур ареала — вопрос иной. Однако чешский пример едва ли составлял исключение.

За сказанным нельзя не заметить определенной закономерности, смысл которой заключался в том, что национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы начало формироваться в обстановке временного сохранения инонациональной языковой формы его выражения. Осознание современниками этого противоречия и последовавшее приведение к равновесию содержания национальной культуры и языковых средств ее отражения означали, что соответствующее национальное самосознание в основном сложилось. В какой мере указанный вывод подтверждается эволюцией других компонентов языка культуры?

Обратимся в этой связи к развитию художественной культуры, которая является своеобразным зеркалом художественного сознания и духовной жизни эпохи. Из многообразного круга вопросов остановимся на стилевых особенностях искусства, поскольку стиль есть не только «совокупность тех или иных формальных признаков, не только идеология, определяющая эти формальные признаки, но это и положение, которое стиль занимает в истории и в истории искусства»²⁶. Иными словами, мы рассматриваем стиль как органическое сочетание определенного идейно-эстетического содержания и адекватных ему форм внешнего выражения. Стиль в этом смысле обладает интегрирующей функцией, на что неоднократно обращалось внимание в советской искусствоведческой литературе. «Если стиль не сумма формальных приемов, — подчеркивала, например, Т. Н. Ливанова, — а нечто, отражающее дух эпохи, то он должен иметь что-то общее для всех искусств»²⁷.

Если отвлечься пока от местных отличий временного и стадийного характера, то в самых общих чертах у всех или у большей части народов Центральной и Юго-Восточной Европы

в период, совпадающий с процессами формирования наций и национального самосознания, художественная культура в стилевом смысле развивалась от барокко через просветительский классицизм и преромантизм к национальному романтизму и реализму. При этом место и значение этих стилей в соответствующий период их наивысшего распространения были различны.

Примерно до середины XVIII в. барокко там, где оно сохранилось, являлось пусть не единственным, но во всяком случае господствующим стилем, порой обозначаемым (и не без оснований) как «стиль эпохи»²⁸. Наиболее характерными в этом отношении были польская, чешская, словацкая и венгерская культуры. Так, в Чешских землях барокко во второй половине XVII в. вступило в период максимального расцвета, который продолжался до 30—40-х годов XVIII в., затем постепенно оно пошло на убыль. Поэтика барокко нашла яркое отражение в живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, даже в сфере научной деятельности. Стилистикой барокко и всем характером религиозно-эмоционального восприятия мира были пронизаны национально-патриотические трактаты, созданные в первой половине XVIII в. авторами из чешской мещанской среды, от А. Фрозина до В. Витека. В разной степени барочный декор окружал человека тех десятилетий в повседневной жизни, оказывая существенное воздействие на возникновение эстетических и поведенческих представлений — стереотипов²⁹. Интересны в этом отношении наблюдения над развитием польской барочной литературы и живописи³⁰.

Переход к классицизму сочетался с некоторым «дроблением» стиля с точки зрения его воздействия на духовную жизнь. Хотя его влияние, например в немецкой и польской культурах XVIII в., а затем в чешской и словацкой культурах конца XVIII — начала XIX в., и было значительным, он в меньшей мере обладал теми чертами универсализма, которыми отмечено барокко периода его расцвета и адаптации в культурах народов Центральной и отчасти Юго-Восточной Европы. В ряде случаев происходило смешение старых и новых стилевых течений. В Чешских землях, например, стадия позднего барокко в художественной культуре оканчивается приблизительно в 1770-х годах, совпадая в известной мере с динамикой этого процесса и в Польше. В первых десятилетиях XVIII в. в чешской культуре начинает ощущаться воздействие рококо (особенно в скульптуре, станковой живописи, орнаментике, в интерьере, мебели, костюмах), а с середины того же столетия — классицизма, захватившего в первую очередь живопись и скульптуру. Постепенно воздействие эстетики классицизма проникает и в остальные сферы художественной культуры — архитектуру, литературу, книжную графику, прикладное искусство и т. д. Тем не менее барокко продолжало сохранять свое влияние и на несколько десятилетий оставалось притягательным для части горожан, особенно в провинции, а в сельской местности удержалось до первых десятилетий XIX в. Это смеше-

ние стилевых черт классицизма и позднего барокко, характерное не только для чешской культуры, причудливо сочеталось с преромантическими веяниями и впоследствии соприкоснулось с рождавшимся национальным романтизмом, хотя эстетическая и социальная ориентированность этих стилей не была тождественной.

Романтизм в славянских культурах первой половины XIX в., а также в культурах других народов региона явился новым шагом на пути их идейно-эстетического развития. В польской литературе, например, рубежом считается 1822 г., когда в свет вышел первый сборник стихов А. Мицкевича, в предисловии к которому автор обосновывал закономерность романтизма как выразителя национальных начал польской поэзии³¹. В чешской литературе роль реформатора лирической поэзии на основах романтизма сыграл в 1830-х годах К.-Г. Маха, чья поэма «Май» ознаменовала по сути дела рождение новой национальной поэзии, стоявшей на уровне литературно-эстетических рубежей мировой культуры. В те же годы романтизм проникает и в такие области художественной культуры, как изобразительное искусство и музыка.

Не считая возможным подробно касаться этих проблем, получивших достаточно широкую разработку³², отметим ряд аспектов, существенных с историко-культурной точки зрения.

Во-первых, романтизм оказал гораздо большее — и по времени, и с точки зрения географии своего распространения — воздействие на культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы, чем это ранее признавалось. Хотя основным фронтом проявления романтизма стала художественная литература, в частности поэзия, его влияние заметно также в области театра, изобразительного и декоративного искусства. Бунт романтиков против условностей поэтики классицизма перерастал и зачастую сливался с более широким протестом против отживших форм не только культуры, но и общественно-политической жизни. Не случайно в творчестве А. Мицкевича и Ф. Шопена романтическое начало воплощало прогрессивно понятые идеи народности и было созвучно чувствам и делам передовых и революционных кругов польского общества. Столь же закономерно и то, что в чешской, словацкой и венгерской культурах на позиции романтизма переходили ведущие деятели «предмартовского» периода (т. е. периода, предшествовавшего революции 1848 г.), в том числе радикальные демократы. Иными словами, прогрессивное начало в романтизме большинства культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, определявшееся объективными задачами борьбы за социальное и национальное освобождение, во многом преобладало над консервативными и реакционными интерпретациями, характерными, например, для концепций романтизма в ряде западноевропейских культур.

Во-вторых, влияние романтизма сказывалось не только в художественной культуре, но и в науке. Романтическое направление с 1820-х годов получает распространение в немецкой, поль-

ской, чешской, словацкой, венгерской науке, в историографии ряда балканских народов, особенно у сербов и румын. Выдающимся представителем исторического романтизма, сочетавшим научность с революционностью, был польский историк и общественный деятель И. Лелевель. Вместе с тем одной из черт исторического романтизма оказалось некритическое отношение к истории своих народов, стремление к конструированию абстрактной «души нации» — в русле этих настроений следует рассматривать и появление в первой половине XIX в. таких фальсификатов, как Зеленогорская и Краловдорская «рукописи».

В-третьих, романтизм, оказавший столь значительное воздействие на художественные культуры ареала, не являлся всеобъемлющим «стилем эпохи». Характерным было его сосуществование с реализмом, все более укреплявшим свои позиции в различных сферах художественной и отчасти научной практики. Показателен в этом отношении пример изобразительного искусства. Так, в создание реалистической школы польского портрета внесли вклад не только художник-реалист А. Бродовский, но даже сторонники академических композиций — Статтлер, Лессер и др. В художественной литературе реалистический метод находил также все более определенное выражение. Крупнейшими мастерами этого направления в первой половине XIX в. были Г. Бюхнер в немецкой, К. Гавличек-Боровский и Б. Немцова — в чешской, Я. Арань и Я. Эрдени — в венгерской литературе. В польской и балканских культурах идеи реализма начинают крепнуть позднее, к концу рассматриваемого периода, а 60—70-х годов XIX в. Таково, например, творчество Х. Ботева, Л. Каравелова, С. Марковича и М. Глишича у болгар и сербов, Й.-Л. Караджале — у румын. Однако между романтизмом и реализмом не во всех случаях удается провести резкую грань. Существование романтического и реалистического начал можно проследить не только в художественных культурах народов ареала в целом, но и в деятельности отдельных ее представителей, таких, как И.-К. Тыл — в чешской, А. Мицкевич — в польской, Г. Гейне — в немецкой литературах. При этом переосмысливалось и наследие классицизма, что в совокупности создавало своеобразный стилевой сплав, вне которого невозможно до конца понять особенности культурного развития указанного периода.

Показателен пример ряда балканских культур, исходные рубежи которых были во многом иными, чем у народов Центральной Европы. «Ускоренный процесс развития восточнославянских, а затем и югославянских народов (здесь следовало бы упомянуть и румын. — А. М.) приводил, в частности, к такому специфическому явлению, когда в историографии вместо более или менее последовательной смены социально-философских идей, литературных форм, представлений и методов, определявшихся в конечном итоге сменой крупных движений общественной мысли и развитием культуры, происходило их смешение и столкновение»³³. С еще большей определенностью исследователь истории

болгарской литературы эпохи национального возрождения отмечает: «Проявления Просвещения в болгарской литературе с трудом поддаются точному определению, потому что явления, связываемые, как правило, с Просвещением, проявились в Болгарии менее выражено в сравнении с Западом, и их часто смешивают со знаками, характерными для других направлений общественной мысли, равно как и с другими литературными течениями, преобладающими в странах с развитым Просвещением во время его подъема»³⁴.

Возникает вопрос: находилась ли эта стилевая эволюция в каком-то внутренне детерминированном соотношении с развитием не только национальных культур народов ареала, но и с вызреванием здесь национального самосознания? Вопрос представляется достаточно сложным и требующим специального изучения. Но его надо поставить, в частности, и потому, что эта стилевая эволюция почти полностью соответствует двум отмеченным выше этапам формирования национальных культур у народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Мы исходим из того, что любой художественный стиль есть, помимо всего прочего, еще и определенная знаковая система. Высокая знаковость литературы барокко уже отмечалась рядом исследователей³⁵. Она не составляла особенности только данного стиля. Показательно, что Г. Лессинг, подвергая критике готшедовский классицизм, ориентировавшийся на образцы французского классицизма XVII в., и разрабатывая эстетику немецкого Просвещения, ввел понятие знаковости при рассмотрении черт сходства и различия между поэзией и изобразительным искусством. В трактате «Лаокоон» (1766) Лессинг неоднократно возвращался к роли знаков в искусстве. Он считал, что знаками живописи являются краски и линии, а знаками поэзии — слова, причем в живописи знаки располагаются в пространстве, а в поэзии — следуют друг за другом во времени³⁶. Об этом он размышлял неоднократно. В набросках к «Лаокоону» и его продолжению он писал не только о знаках поэзии и живописи, но и о приложимости их к анализу других видов искусства, например хореографии: «Применимость произвольных знаков в хореографическом искусстве. Доказательство, что именно благодаря этому хореографическое искусство древних столь глубоко превосходило новейшее»³⁷. Более того, судя по предварительным наброскам Г. Лессинга, он стремился к интеграции выдвинутых им представлений о знаковости отдельных видов искусства в нечто целое. «От различия тех знаков, — писал он, — которыми пользуются изящные искусства, зависят возможность и степень трудности соединения нескольких искусств для того, чтобы они могли оказывать общее воздействие»³⁸. Конечно, Лессинг принадлежал к числу наиболее значительных и принципиальных деятелей эпохи Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе. Однако борьба против изживших себя стилей и для большинства представителей культур народов региона была

вполне осознанной задачей независимо от той или иной терминологии, которой эти стили обозначались в то время. Здесь следует всегда различать объективное течение историко-культурного процесса с характерными для него чертами преемственности и возможными в периоды ускоренного развития случаями наслоения стилей, в принципе отличных друг от друга, и субъективное восприятие этого современниками. Показательно, например, почти полное хронологическое совпадение этапов эволюции идей Просвещения в Чешских землях с постепенной эволюцией от барокко к классицизму, хотя первые просветители (например, Г. Добнер) в стилевом плане во многом еще находились под воздействием поэтики барокко (о возможности выполнения последних некоторых функций Ренессанса на примерах русской культуры писали Д. А. Лихачев и А. А. Морозов)³⁹.

Здесь уместно высказать предположение о причине того «раздробления стилей», которое мы отмечали выше. Универсализм барокко, не исключавший его местных вариантов, соответствовал коммуникационному универсализму эпохи позднего феодализма и социально-экономических структур Центральной и Юго-Восточной Европы XVII и большей части XVIII в., когда формирование наций еще только начиналось. В зародыше находилось и национальное самосознание, хотя само соотношение его — ввиду трудностей практического различения на этой стадии разных типов этнического сознания — с процессами национальной консолидации не следует трактовать упрощенно. В этих условиях формы барокко могли на какое-то время наполняться новым, национальным содержанием. Но и рост национального самосознания не являлся чисто количественным накоплением свойственных для него признаков в духе вульгарного эволюционизма. Были возможны приливы и отливы, рывки вперед и временные задержки развития. В частности, первые ростки классицизма, возникающие в культурах ряда народов Центральной и Юго-Восточной Европы под воздействием в первую очередь французской культуры, носили, как правило, подражательный характер. В этом отношении высказывания Г. Лессинга против взглядов К. Готшеда очень типичны: в той или иной мере нечто похожее имело место и у других народов региона. Но и сам по себе классицизм, хотя и в меньшей степени по сравнению с барокко, нес на себе черты универсализма, которые преодолевались не одним поколением деятелей культуры. И не случайно, что в первую очередь романтизм с характерным для него культом прошлого и представлением о «национальной душе» получил столь значительное распространение в культурах всех народов ареала и сыграл в целом прогрессивную роль в углублении идей национального самосознания.

Но процессы складывания наций из не всегда четко очерченных, особенно в Юго-Восточной Европе, феодальных народностей влекли за собой и этнокультурную дифференциацию, составной частью которой было превращение самосознания народности в

самосознание национальное. Это, видимо, и являлось исходной предпосылкой возникновения национальных художественных школ, которым в конкретных условиях развития большинства народов Центральной и Юго-Восточной Европы, страдавших от национального угнетения, в максимальной степени соответствовали идейно-эстетические принципы романтизма. По замечанию И. Реваи, например, «ответом Венгрии на французскую революцию было обновление языка и литературы; венгерские писатели в области языка, литературной формы, поэтических чувств пытались создать то, что французский народ создал в действительности, — новый буржуазный мир»⁴⁰.

Оценивая отмеченные факты в комплексе с закономерностями языкового развития, нельзя не заметить совпадения в главном — в стремлении найти оптимальную национальную форму выражения национальной культуры и самосознания. В этом направлении шла также эволюция бытовой культуры, в частности жилища и одежды. Развитие костюма вообще представляет не только художественный или этнографический, но и собственно историко-культурный интерес. Вопросы эти волновали наблюдателей той эпохи и получили отражение не только в повседневной жизни, но и в публицистике. Так, Д. Бешшенеи в 1777 г. замечал: «Раньше мы носили котелки на голове, теперь — парики; вместо булавы у нас теперь тросточки с набалдашниками из рыбьей чешуи. Наши женщины вместо коротких юбок носят платья со шлейфами из тафты, а подушки кладутся теперь не под головы, а на головы. Раньше носили сапожки, теперь — атласные башмачки»⁴¹. Напомним лишь, что эти строки писались тогда, когда на смену барокко в Центральной Европе шел классицизм и внутренняя зависимость между художественным стилем и одеждой стала очевидной. Примерно так же обстояло дело и у других народов ареала. В болгарской этнографии, например, предпринимаются попытки построения периодизации народного костюма в связи с важнейшими этапами истории страны. Подчеркивая, что в эпоху национального возрождения развитие шло от локального разнообразия к более широкой этнотерриториальной интеграции, болгарская исследовательница М. Велева отмечает: «Начало второго периода в развитии болгарского народного костюма требуется отнести ко времени подготовки возрождения*, славнейшей эпохи в истории болгарского народа. Качественно новые костюмы возникали тогда на почве этнического и культурного сплочения единой народности»⁴².

Вообще разные компоненты языка культуры нужно рассматривать в комплексе. Мы уже отмечали, что народы Центральной и Юго-Восточной Европы в начальный период формирования наций и национального самосознания занимали во многом различные исходные рубежи. Если, например, у народов Польши, Чехословакии или Венгрии, не говоря уже о немецкой культуре,

* Имеется в виду национальное возрождение.— *Ред.*

были периоды, связанные с воздействием идей Ренессанса, а затем поэтики барокко, то на Балканах, за малыми исключениями (например, Дубровника и Далмации), рождавшиеся национальные культуры непосредственно соседствовали с наследием средневековой культуры. Балканские деятели науки и искусства, выступавшие в новое время, отталкивались именно от этого наследия, что внешне выражалось в использовании ими на первых порах таких форм средневековой культурной деятельности, как летописания в исторической науке, агиография в литературе, иконописи в изобразительном искусстве. Мы не встречаемся с подобным положением в Центральной Европе. Лишь в польском «сарматском» портрете с чертами парсуности можно найти некоторый отдаленный аналог тому, что являлось правилом на Балканах вплоть до начала XIX в. П. Диневков справедливо отмечал тесную связь патриотического трактата Паисия Хилендарского «История славяноболгарская» с древнеболгарскими культурными традициями, такими, как сокрытие и уничтожение имени автора, элементы летописности⁴³, к которым можно было бы добавить призыв Паисия к читателям «переписывать историю сию», чтобы она не была потеряна и забыта⁴⁴. А ведь замечательный труд идеолога болгарского национального возрождения был завершён в 1762 г., т. е. год спустя после выхода в свет критического комментария к «Чешской хронике» В. Гаека, которым Г. Добнер нанес первый чувствительный удар по феодально-клерикальной идеологии в чешской культуре! И подвигом болгарского народа, свидетельством огромного творческого потенциала его ученых, писателей и мастеров искусства явилось то, что всего за одно столетие, к 70-м годам XIX в., их трудами была создана национальная культура нового времени⁴⁵.

Темпы создания этой новой культуры у разных народов ареала, следовательно, были различны. Но сущность процесса заключалась, помимо собственно художественно-эстетических аспектов, еще и в ином видении мира, коренным образом отличным от представлений эпохи феодализма. Оно заключалось в новом осмыслении места и роли человеческой личности — не как звена в сословной иерархии средневековья, а как члена определенного национального коллектива, в нахождении адекватных форм выражения национальной специфики культурной деятельности. А это в свою очередь влекло за собой социально-психологическое переосмысление таких традиционных и ранее словесно трактованных понятий, как «народ» и «нация», за счет причисления к ним основной массы населения, говорившей на данном языке и придерживавшейся данных культурно-бытовых традиций. Это переосмысление было теснейшим образом сопряжено с развитием национального самосознания, что с особой силой было, например, подчеркнуто в 1790 г. Г. Коллонтаем в его знаменитом «Последнем предостережении Польше». «Нет ничего более ужасного, — писал он, — чем состояние нации, обнаруживающей, что она гибнет и теряет свое имя. Целостная нация, подпадающая

под ярмо деспота, сохраняет надежду, что когда-нибудь ей удастся освободиться благодаря стечению обстоятельств и своему собственному просвещению. Но каким способом разделенная нация, нация, утратившая самое свое существование, сможет снова получить свободу? Утратив свою целостность, она утрачивает свои силы и становится совершенно равнодушной к своему первоначальному отечеству, она утрачивает радостное чувство общего блага, становится совершенно другим народом, принимает другие обычаи»⁴⁶.

Социальная стратификация. Характерными особенностями эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе являлась борьба деятелей культуры в защиту национальных прав своих народов, за развитие национальных языков, литератур и художественной культуры в целом, пропаганда патриотизма, развитие межнациональных культурных контактов, в особенности между народами, обладавшими языковым и культурным родством. Среди задач, которыми руководствовались деятели культуры этих народов, вопросы национального самозащиты, а следовательно, и национального самосознания занимали одно из важнейших мест. Нас занимает вопрос, каков был этнокультурный контекст таких выступлений и как он соотносился с социальными основами освободительных движений.

Вопросы эти в известной мере имеют ключевое значение. На современном уровне научной осведомленности кажется уже недостаточным сосредоточение внимания только на оценке вклада в формирование национального самосознания деятелей национальных культур Центральной и Юго-Восточной Европы. Более того, преимущественное освещение этой стороны вопроса вне учета общих этносоциальных процессов смещает историческую перспективу и создает одностороннее представление о смысле тех самоотверженных и поистине героических усилий, которые были осуществлены несколькими поколениями деятелей национальных культур этих народов. Вопрос сводится к тому, был ли это лишь процесс внесения национального самосознания в народные массы или последние также вложили в него определенный вклад. Ответ важен еще и потому, что заставляет разобраться в классовой, социальной основе формирования национального самосознания как составного звена процесса консолидации наций.

Трудами советских и зарубежных исследователей-марксистов установлено, что деятельность идеологов национально-освободительного движения в Центральной и Юго-Восточной Европе, имея общедемократическое содержание и значение, вместе с тем обладала и вполне определенной классовой обусловленностью. Более того, у различных народов ареала она отнюдь не была однозначной.

В одних случаях там, где, как, например, в Польше, Венгрии, отчасти в Хорватии и Румынии, развитие наций происходило в условиях наличия «своего» феодального господствующего класса и сохранения в каких-то пределах государственной автономии,

воздействие на формирование идей национального самосознания, во всяком случае на отдельных его этапах оказывало двоянство. Наоборот, там, где «своего» господствующего класса не было или он оказывался почти полностью денационализированным и далеким от культурных задач развития, а государственные институты по существу отсутствовали, ведущей силой движения становилась интеллигенция, по своему происхождению, положению или образу мышления связанная в первую очередь с мелкобуржуазными слоями города и деревни или — что было реже — с развивавшейся национальной буржуазией. Именно так обстояло дело у большей части народов ареала. По мере развития освободительных движений и расширения их массовой базы происходили сложные процессы политической дифференциации и возникновения демократических, радикальных и революционно-демократических направлений. Естественно, что эта социальная и политическая гетерогенность не могла не накладывать отпечатка на содержание, формы и направленность бытовавших здесь идей национального самосознания.

Иначе говоря, вопрос о «внесении» национальными идеологами этих идей требует корректировки. Сама по себе деятельность была предопределена не только общими условиями, которые привели в действие механизм формирования наций, но и закономерностями этнокультурного развития — как в городе, так и в деревне. Между тем эти факторы в масштабах ареала изучены недостаточно.

Национальное развитие городов Центральной и Юго-Восточной Европы в рассматриваемый период отличалось крайней сложностью и многоплановостью, связанной с существовавшими здесь социально-экономическими, политическими и культурными структурами. Господствующее положение, которое в большинстве случаев занимали представители инонациональной среды, не могло не отражаться на характере этнических процессов. Тем не менее представления о том, что в силу этого города по большей части не сыграли значительной роли в консолидации наций, нельзя считать безоговорочно верными. Здесь, впрочем, необходимо детальное исследование фактического материала. Во всяком случае, изучение этнокультурной ситуации в чешском городе кануна и первых десятилетий национального возрождения подтверждает сказанное ⁴⁷.

Произведенный нами анализ источников показал, что и в первой половине XVIII в., несмотря на утрату Чешскими землями независимости, экономический и политический упадок части городов и германизацию их жизни, среди горожан число лиц, употреблявших чешский язык, было достаточным, например, для того, чтобы на этом языке издавались газеты и книги. Как видно из состава подписчиков, основными потребителями их были средние горожане и духовенство ⁴⁸. Следует поэтому отказаться от упрощенных представлений о динамике и темпах процесса онемечивания, который носил не прямолинейный, а скорее вол-

нообразный характер. И языковая ситуация в начале и середине XVIII в. оказывалась в ряде случаев иной, во многом отличной от того, что можно наблюдать к концу столетия, когда все большее общественное воздействие получали выступления ранних просветителей и деятелей зарождавшегося национального движения в защиту родного языка и литературы. Такой идейно-культурный феномен составлял важную особенность духовной жизни чешского города к началу эпохи национального возрождения.

Примечательно, что чехословацкий историк М. Куделка, анализируя полемику консерваторов — «чехистов» против Г. Добнера, не без удивления отмечал, что роль национального самосознания в городской среде 1760-х годов была несравненно выше, чем до сих пор считалось⁴⁹. Это верно, но никак не неожиданно. В этническом отношении чешский город не был однородным, и собственно немецкоязычный элемент никогда не занимал в нем монопольного положения. Как большая часть плебейства, так и часть мелкого и среднего мещанства были чехами. Их тяжелое положение, необходимость повседневной борьбы за источники существования с более экономически и политически сильными инонациональными кругами городского населения объективно поддерживали чешское самосознание в период трансформации феодальной народности в нацию, создавали ту этническую среду, в которой стало возможно появление первого поколения деятелей чешской национальной культуры. По мере дальнейшего подъема экономического значения города в эпоху национального возрождения указанные факторы в еще большей степени содействовали ускорению процесса этнического оформления чешского города и укреплению в нем кругов, для которых сохранение и обогащение национального самосознания становилось поистине вопросом жизни и смерти. Поэтому в первой половине XIX в. города в Чешских землях все более приобретали национально-чешский характер и становились центрами национальной жизни прилегающей территории.

Город был тысячами нитей связан с деревней, и потому вопрос о наличии и характере этнического самосознания у крестьянства — основной массы народов ареала — приобретает особо важный характер. Изучение таких источников, как фольклор, деревенские хроники и народные книги, создававшиеся авторами, близкими стоявшими к крестьянским массам, позволяет заключить, что в них делались попытки осмыслить положение народа и подвергнуть критике основные институты феодального общества, прежде всего барщину. Конечно, этот протест был во многом стихийен. Но постепенно в массах крестьянства зрели семена недовольства существующим строем, оживала смутная надежда на то, что рано или поздно угнетению придет конец, а в ходе классовой борьбы росло и оттачивалось социальное самосознание.

При рассмотрении вопроса о том, в каком соотношении с ним находилось самосознание национальное, следует учитывать определенные различия между городом и деревней. В отличие от города в фокусе народного мышления в деревне стояли не национально-патриотические, а социальные и религиозно-политические требования, что соответствовало положению крестьянства как класса-сословия позднефеодального общества. Характерно, что на протяжении большей части XVIII в. и даже позднее в сознании масс чешского крестьянства дух национального соперничества или антагонизма по отношению к жившим рядом с ними крестьянам немецкого происхождения не занимал сколько-нибудь существенного места⁵⁰. Можно ли в таком случае ставить вопрос о наличии у крестьян национального самосознания? И не было ли оно чем-то искусственным, позднее «внесенным» идеологами национального движения?

Исследователи, прямо или косвенно склонявшиеся к этому, смешивали, по-видимому, два хотя и связанные между собой, но далеко не тождественные вопроса — фактическое ощущение крестьянством принадлежности к чешскому этносу и формы внешнего проявления этого в народной среде.

Почти повсеместно у народов ареала именно крестьянство сохраняло верность родному языку и традиционным обычаям, которые объективно выражали известную этнокультурную оппозицию «мы — они». Уже это свидетельствовало о несомненной, хотя в большинстве случаев и стихийно выраженной, приверженности крестьянства к этнической традиции. Так, во многих произведениях чешского фольклора того времени говорится не просто о крестьянах, а о крестьянах-чехах, которые противопоставлялись соседним народам. Отсюда можно заключить, что крестьянство или, во всяком случае, определенные его слои осознавали себя этнически именно чехами. Поэтому многие деятели культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы обращали принципиальное внимание на крестьянство как на своеобразный резервуар народности. В 1778 г. Д. Бешшени в статье «За расцвет венгерского языка» писал: «Пока крестьяне будут говорить по-венгерски, господам тоже нельзя его забывать. Но если уж мы вынуждены сохранить свой язык, очистим и обработаем его по крайней мере. Каждая нация лучше всего узнается по ее языку»⁵¹. А годом позднее он подчеркивал: «Я не могу без возмущения слушать, как светские дамы с ненавистью и издевками судачат о судьбе крестьян, что те, мол, ходят в холсте и лаптях и не поливают себя благовониями. Эти почтенные дамы, раболепствующие перед границей, — выродки, заслуживающие презрения, и ничто их так не украсит, ничто так не облагородит, как сострадание к ни в чем не повинным беднякам»⁵². Слова венгерского просветителя — одно из наиболее ранних свидетельств такого рода. Но и в начале XIX в. Й. Юнгман, ведя борьбу за развитие национальной культуры и протестуя против именованья чешского языка «мужицьим», призывал: «Разговаривайте по-

чешски, и сейчас же явится общество, в котором станут говорить на чешском языке»⁵³. Впрочем, само именование родного языка — и в Венгрии, и в Чехии — «мужичьим» отражало не только этнические деформации в образованных кругах общества, но и реальное положение дела: сохранение родного языка прежде всего в народных, крестьянских, массах.

Другое дело — внешние формы проявления идей национального самосознания в народной среде. Трудности, с которыми до сих пор сталкивались исследователи, во многом объясняются стремлением исходить из некоего универсального критерия, равно приложимого якобы как к городской, так и к сельской среде, и забвением специфики идейно-культурного развития деревни по сравнению с городом и крестьянства по сравнению с мещанством.

В отличие от воззрений патриотических слоев городского населения и в ряде случаев дворянства, обращавшихся прежде всего к культурно-политической проблематике, существо народного, крестьянского, мировоззрения составляли социальные или религиозно-политические моменты. Здесь и лежал ключ к пониманию вопроса, ибо эти требования крестьянства были менее всего безнациональны. О переплетении социального и национального в крестьянской среде свидетельствовали не только памятники фольклора, но и живая социальная практика, в том числе лозунги многих народных движений. В умах крестьянства, таким образом, национальная проблематика не игнорировалась, но воспринималась как подчиненная более важным, насущным требованиям социально-политического характера. Отсюда правильнее ставить вопрос не о том, было или не было крестьянству присуще национальное самосознание, а о специфических формах его бытования и внешнего проявления. При этом не имела значения, так сказать, знаковая форма выражения. В ряде случаев она могла носить и носила конфессиональную или региональную окраску; например, польский крестьянин на вопрос «Кто вы?» отвечал: «Католик», сербский крестьянин называл себя православным, а чех из Моравии осознавал себя прежде всего как «мораванин», «ганак» и т. п.

За этими конфессиональными или локальными этнонимами нетрудно различить то противопоставление «мы — они», которое служит одним из важнейших признаков процессов этнической дифференциации. В них, конечно, присутствуют этнопсихологические компоненты самосознания феодальной народности, что свидетельствовало о неравномерности вызревания национального самосознания в отдельных социальных слоях по мере становления буржуазных отношений.

Сказанное свидетельствует о вполне определенной социальной стратификации национального самосознания. Любой этнический коллектив в Центральной и Юго-Восточной Европе не был социально-гомогенным. И, осознавая себя определенным этническим целым, по-разному выявлял это, в зависимости от

классовой принадлежности носителей национального самосознания. Данное обстоятельство отнюдь не было тайной для современников. В годы, предшествовавшие второму разделу Польши, Ф. Езерский, в частности, писал: «Простой народ создает богатства и силу государства, и он определяет характер нации. Шляхта во всей Европе и у всех наций имеет одинаковый характер и составляет как бы один род людей, ибо шляхтичи всех наций говорят на одном языке... Простой же народ создает лицо нации, сохраняет чистоту родного языка, соблюдает традиции и придерживается национального образа жизни. Крестьянин не следует моде ни в одежде, ни в мебели, ни в языке»⁵⁴.

Социальная привязанность этнического самосознания оказывала, по-видимому, влияние и на темпы его вызревания, и на его различные «уровни», и прежде всего — на характер и время перерастания самосознания феодальной народности в национальное. Эти аспекты заслуживали бы фронтального исследования в масштабе всего ареала. По материалам истории отдельных народов, например чехов, поляков или сербов, можно предположить, что темпы отмеченных процессов зависели от общего социально-экономического и политико-культурного развития, а также от степени массовости национально-освободительных движений. «Поэтому не может быть речи о синхронности процессов развития национального самосознания во всех славянских землях» и, добавим, у остальных народов региона. «Возникнув, национальное самосознание становилось большой силой... Оно могло отставать от национального бытия или несколько опережать его. Поэтому оно было в состоянии влиять на жизнь нации, тормозить или стимулировать освободительную борьбу»⁵⁵.

И именно здесь, между этническими процессами, происходившими в глубинах формировавшихся наций, и между выступлениями ведущих представителей культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, проходила магистральная обратная связь. Внешне это, в частности, проявлялось в усиленном внимании и просветителей XVIII в., и особенно идеологов национального движения XIX в. к народному творчеству, вниманию, носившем характер историко-культурной закономерности. На деятелей многих культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы большое влияние, как известно, оказал немецкий просветитель-гуманист И.-Г. Гердер, призывавший к собиранию и изучению фольклора. Интенсивное собирание памятников народного творчества сопровождало развитие всех национальных культур ареала и оказывало благотворное воздействие на выработку их художественного сознания. В польской культуре, например, обогащение стихосложения и введение в него фольклорных элементов было осуществлено И. Красицким и затем продолжено несколькими поколениями польских филологов. Чешское стихосложение на новых основах стало формироваться несколько позднее, с 80—90-х годов XVIII в., и было связано с именем А. Пухмайера и его окружения, одним из молодых членов

которого был Й. Юнгман, позднее сделавший освоение народного творчества знаменем прогрессивного чешского романтизма. В сербской культуре эту миссию выполнил прежде всего Вук Караджич.

Но они не просто «вносили» идеи национального самосознания в якобы инертные массы. Заслуга деятелей культуры заключалась в ином — в обобщении, критической переработке духовного потенциала своих народов, в придании идеям национального самосознания определенной политической окраски, соответствовавшей настроениям и интересам тех слоев, которые стояли во главе идейного развития народов. От идей национального самосознания как этнического фактора делался шаг к идеям национальным как фактору идейно-политическому. И собирание фольклора, обычно сопровождавшееся не только обработкой, но своего рода социальным редактированием, подтверждало сказанное. Деятели культур народов ареала не изобретали и не вносили идеи национального самосознания «вообще». Они выполняли миссию идеологов, имевших конкретные классовые корни и исторические задачи. Поэтому их деятельность не исчерпывала содержания этнокультурных процессов, тем более не порождала их, а в определенных культурно-политических формах объективировала ход национальной консолидации, делала его более классово четким и субъективно осознанным, вносила в него идейные элементы, бывшие выражением социального содержания процесса складывания наций и национальных культур. Это соответствует характеристике В. И. Лениным эпохи краха феодализма и сложения буржуазного общества, для которой «типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности»⁵⁶.

Рассматривая общий ход формирования национального самосознания в Центральной и Юго-Восточной Европе, можно заключить, что оно находило более или менее синхронное проявление во всех ведущих компонентах языка культуры и развивалось по пути преодоления регионализма в направлении этнической интеграции в пределах основной территории соответствующего народа. Существенную этнообразующую роль играли государственно-правовые факторы.

С этой точки зрения в истории национального самосознания могут быть выделены два основных этапа: начальный, когда наметилось его вызревание и в ходе преобразования феодальных народностей в нации возникло противоречие между национальным содержанием и средствами его выражения, и следующий этап, когда это противоречие постепенно разрешалось, содействуя обогащению и прогрессу национальной культуры в целом. При этом развитие национального самосознания, будучи составной частью конституирования нации, являлось следствием не простого «внесения» его идеологами национально-культурных и

освободительных движений в народные массы, а действия описанного выше механизма «обратной связи», в основе которого лежали факторы этнокультурного и этносоциального характера, вместе взятые.

Такова принципиальная схема процесса. В реальной действительности вызревание национального самосознания у разных народов ареала не было синхронным, а у отдельных народов вышло далеко за хронологические рамки изучаемой эпохи. Но в целом в зависимости от исходного уровня процесса и общих социально-экономических и политических условий представляется возможным выделить два региона — центральноевропейский и балканский, различия между которыми были наиболее ощутимы на начальных стадиях генезиса национального самосознания, но постепенно нивелировались по мере того, как процесс складывания наций в каждом из регионов в основном завершался. Изучение национального самосознания в эпоху, когда нации в основном сформировались, составляет особую и важную в научно-теоретическом и практическом отношениях задачу, выходящую за пределы рассмотренной темы.

¹ Ср.: Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— Сов. этнография, 1974, № 2, с. 79.

² Польский историк Ю. Хлебовчик национально-образовательные процессы в Центральной Европе связывает с эпохой формирования и развития капитализма от второй половины XVIII в. до первой мировой войны: *Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu*. Warszawa — Kraków, 1975, с. 6.

³ Мильников А. С. Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального возрождения.— Сов. славяноведение, 1974, № 4, с. 83; Он же. Роль культуры в становлении национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального возрождения.— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

⁴ Злыднев В. И., Мильников А. С. Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов XVIII в.— 70-х гг. XIX в.— В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—

XIX вв.: Международная научная конференция ЮНЕСКО. Тезисы докладов и сообщений. М., 1974, с. 6.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

⁶ Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII — 70-е гг. XIX в.).— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 128—129.

⁷ Мильников А. С. «Чешское» и «моравское» общественное сознание в XVIII в.: К вопросу о вызревании национального самосознания и роли исторической альтернативы в процессе формирования нации.— В кн.: Культура и общество в эпоху становления нации. М., 1974, с. 41—54.

⁸ Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И. О влиянии..., с. 148.

⁹ Следует обратить внимание, что встречающееся в славистической литературе мнение об отсутствии в этом случае государственности не точно, поскольку существование государственной организации у того или иного народа не предполагает

- автоматически его государственной независимости. Так, с юридической точки зрения образование Австрийской монархии отчасти происходило путем установления личной унии, что отразилось в титуле Габсбургов — король венгерский и чешский, эрцгерцог австрийский и т. д.
- ¹⁰ Мы будем в основном касаться развития национального самосознания у угнетенных народов региона, поскольку процессы консолидации немецкой, австрийской и турецкой наций имели особенности, выходявшие далеко за интересующие нас хронологические и территориальные рамки. Некоторое исключение составляла этническая история немцев, на определенных этапах (в XVIII и начале XIX в.) обладавшая известной типологической общностью с остальными народами региона главным образом благодаря тому, что одна из важнейших задач складывания немецкой нации — преодоление экономического и культурно-политического регионализма — в рассматриваемый период еще не была решена.
- ¹¹ Ср.: *Сапаров М.* Функциональный анализ искусства. — Искусство, 1968, № 6; *Лелеков Л.* Искусство Древней Руси в его связях с Востоком: К постановке вопроса. — В кн.: Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975, с. 59.
- ¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.
- ¹³ См., например: *Козлов В. И.* Народность. — Советская историческая энциклопедия, т. 9, стлб. 967—968; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 21, 23 и след.
- ¹⁴ Примечательно, например, сопоставить названия и содержание исторических трудов Б. Бальбина — выразителя культурных устремлений чешской феодальной народности «эпохи тьмы» — и Ф. Палацкого, одного из представителей чешского национально-буржуазного движения XIX в. Б. Бальбин в «Краткой истории Чехии», изданной на латинском языке в 1677 г., повествовал о политической и культурной истории собственно Чехии (т. е. без Моравии и Силезии), а Ф. Палацкий в многотомной истории, изданной на чешском языке, сосредоточил внимание именно на истории чешского народа как этнического целого, что подчеркнул самым названием труда: «История чешской нации в Чехии и Моравии».
- ¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.
- ¹⁶ *Рейман П.* Основные течения в немецкой литературе: 1750—1848 гг./Пер. с нем. М., 1959, с. 42.
- ¹⁷ *Гердер И. Г.* Избр. соч./Сост. В. М. Жирмунский. М.; Л., 1959, с. 117.
- ¹⁸ *Arató E.* Charakteristické črty maďarskej «národnej» ideológiei v 18 st.— *Historický časopis*, 1971, s. 559—573.
- ¹⁹ Избранные произведения венгерских мыслителей: Конец XVIII — середина XIX в./Сост. М. А. Хевеши. М., 1965, с. 20.
- ²⁰ История Польши. М., 1954, т. I, с. 357.
- ²¹ *Vondrák V.* Vývoj současného spisovného českého jazyka. Brno, 1926.
- ²² История Венгрии. М., 1972, т. 2, с. 86.
- ²³ *Младеновић А.* Типови књижевног језика код срба у другој половини XVIII и почетком XIX в.— В кн.: Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973, с. 39—52.
- ²⁴ *Арнаутов М.* Паисий Хилендарски: Личност. Дело. Эпоха. Изд. 2-е, София, 1972, с. 101.
- ²⁵ Перодовые румынские мыслители XVIII—XIX вв.: Сборник избранных текстов. М., 1961, с. 90.
- ²⁶ *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 177.
- ²⁷ *Ливанова Т. Н.* На пути от Возрождения к Просвещению XVIII века.— В кн.: От эпохи Возрождения к XX веку: Проблемы зарубежного искусства. М., 1963, с. 135.
- ²⁸ *Hernas Cz.* Barok. Warszawa, 1973; *Sokotowska J.* Spory o barok w poszukiwaniu modelu epoki. Warszawa, 1971; *Angyal A.* Die slawische Barockwelt. Leipzig, 1961.
- ²⁹ *Neumann J.* Český barok. Vyd. 2. Praha, 1974.
- ³⁰ См.: *Софронова Л. А.* Об анализе литературного произведения эпохи барокко.— Сов. славяноведение, 1975, № 5, с. 36—46; *Тананаева*

- Л. И. Некоторые черты развития старопольского портрета XVII—XVIII веков.— Сов. славяноведение, 1974, № 3, с. 41—53.
- ³¹ История польской литературы. М., 1968, т. I, с. 193.
- ³² Эта проблематика получила отражение в материалах, изданных к VII Международному съезду славистов в Варшаве в 1973 г. См.: Славянские литературы: Доклады советской делегации. М., 1973; Европейский романтизм/Под ред. И. Неупокоевой, И. Шетера, М., 1973; Юсуфов Р. Ф. Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры. М., 1970.
- ³³ Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский: Вопросы литературно-исторической типологии. М., 1963, с. 138.
- ³⁴ Бехиньева В. Некоторые проблемы новогреческого и сербского посредничества в связи с заимствованием идеи западноевропейского Просвещения болгарской литературой.— В кн.: Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1971, t. 7, p. 155.
- ³⁵ Софронова Л. А. Некоторые проблемы поэтики польского барокко.— Сов. славяноведение, 1974, № 1, с. 79; Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени.— В кн.: XVIII век. Т. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974, с. 226.
- ³⁶ Лессинг Г. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии/Общ. ред., вступит. статья и примеч. Г. М. Фридендера. М., 1957, с. 187.
- ³⁷ Там же, с. 410.
- ³⁸ Там же, с. 428.
- ³⁹ См. подробнее: Mylnikov A. S. Il barocco in Russia ed alcuni problemi del suo studio.— In: Barocco europeo, barocco italiano, barocco salentino. Lecce, 1970, p. 127—139.
- ⁴⁰ Цит. по: Шахова К. Венгерская литература 20—40-х гг. XIX в.: Некоторые идейно-художественные проблемы. Киев, 1973, с. 5.
- ⁴¹ Избранные произведения венгерских мыслителей..., с. 52.
- ⁴² Велева М. За периодизацията в развитието на българските народни носии.— Изв. на етнографския ин-т и музей, 1974, кн. 15, с. 41.
- ⁴³ Диневков П. Паисий Хилендарски и Доситей Обрадович. Една историческа аналогия.— В кн.: В чест на акад. Д. Косев: Изследования по случай 70 години от рождението му. София, 1974, с. 59.
- ⁴⁴ Арнаутгов М. Паисий Хилендарски: Личност..., с. 100.
- ⁴⁵ Львова Е. П. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального возрождения. М., 1975, с. 5.
- ⁴⁶ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956, т. I, с. 333. Ср. наблюдения над отношением польских романтиков к культуре предшествующего периода в связи с обоснованием идеи народности в литературе: Курай Н. Просвещение в оценке польских романтиков.— Studia slavica, 1972, 4, с. 263, 266—267.
- ⁴⁷ Мильников А. С. К вопросу о положении и культурно-политической роли чешского города побелгородского времени.— Сов. славяноведение, 1970, № 4, с. 71—79.
- ⁴⁸ Hanzal J. Vzdělanost a lidová osvěta v počátcích národního obrození.— Sborník historický, Praha, 1971, t. 18, s. 55.
- ⁴⁹ Kudělka M. Spor Gelasia Dobnera o Hájkovu kroniku. Praha, 1964, s. 15.
- ⁵⁰ Koží J. Selské bouře a české národní obrození.— In: Československé přednášky pro V mezinárodní sjezd slavistů v Sofii. Praha, 1963, s. 341.
- ⁵¹ Избранные произведения венгерских мыслителей..., с. 41.
- ⁵² Там же, с. 53.
- ⁵³ Jungmann J. Boj o obrození národa. Praha, 1948, s. 57.
- ⁵⁴ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, с. 489.
- ⁵⁵ Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И. О влиянии..., с. 127.
- ⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ НАЦИЙ *

Э. Нидерхаузер

Эпоха становления наций — сложный комплекс различных социально-экономических, политических и культурных процессов, объективных и субъективных обстоятельств. Когда речь идет о культуре, субъективная сторона выдвигается на первый план. Но говоря об этом, мы всегда помним об объективной стороне дела, а именно о том, что становление наций сопровождало процесс перехода от феодализма к капитализму. В сознании же современников этот процесс проявлялся в национальной форме, все вопросы вращались вокруг проблем национальной свободы и национального развития, т. е. весь процесс рассматривался сквозь призму национальности.

В то время в сознании национальных деятелей сущность проблемы заключалась в том, что нация, когда-то славная, теперь «спит», она поработана «коварными соседями» и т. д. Следовательно, ее надо пробудить, надо распространить и укоренить национальное самосознание во всех членах национального коллектива. В такой сознательной деятельности культурному фактору принадлежала крупная роль. Во-первых, надо было познать самого себя, познать силу и возможности, преимущества и пороки нации. Во-вторых, если те немногие, кто взялся за труд «пробудить нацию», это уже познали, они должны распространить национальное самосознание на всю нацию, пробудить каждого. Следующим шагом после осознания этих задач является мобилизация уже сознательных членов нации на участие в освободительном движении. В качестве подчиненных сформулированной таким образом основной национальной задаче требований ставятся проблемы социального и экономического развития. Так как сердцевина социальной проблемы — вопрос о крестьянстве, самой многочисленной части народа, — связана с задачей его «интеграции в нацию», т. е. в представлениях деятелей национального движения, — «сплочения» разных классов нации, то в области культуры это ведет, опять-таки вполне сознательно, к вопросу об интеграции народной культуры в культуру общенациональную. Как уже было сказано, мы ограничиваемся сферой сознания современников, преднамеренно не вдаваясь в проблему соотношения этого сознания с объективной действительностью.

Каким же образом способствуют отдельные области культуры выполнению обозначенных выше задач?

Что касается национального самопознания, следует обратить внимание на роль так называемых национальных наук и учреж-

* Автор затрагивает проблемы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. — *Ред.*

дений, поставленных на службу этих наук. Первая из этих наук — языковедение, отразившее усилия отдельных языковедов и литераторов по созданию национального литературного языка. Известно, что это происходило или путем обновления уже имевшегося и принятого языка письменности, его приспособления к условиям нового времени, или путем выдвижения одного из диалектов языка на уровень общенационального литературного. Различные общества, ученые собрания, матицы, созданные почти во всех славянских странах по примеру Сербской матицы, а с течением времени и Академии наук имели первоочередной целью именно культивирование языка, культуру речи. Эта деятельность достигла своей цели. Без выработки общенационального коммуникативного средства становление наций было бы невозможно. Издание грамматических пособий, толковых словарей, начало сравнительного изучения языков, создание славяноведения как научной дисциплины — все это было связано с вопросом литературного языка и послужило связующим звеном формирующейся нации.

Другой важной отраслью национальных наук следует назвать историческую науку. У одних народов ареала она находилась уже вполне на уровне тогдашней европейской науки (припомним имена Ф. Палацкого или И. Лелевеля), у других преобладали в первоначальной, напоминающей в известной мере средневековые хроники формы (Паисий Хилендарский у болгар или Йован Раич у сербов). Историография имела две важные темы. С одной стороны, она занималась происхождением данного народа и стремилась в большинстве случаев доказать его автохтонность на территории, на которой он жил, а подчас — на территории, которая объявлялась принадлежащей нации (и которая обычно была большей, чем современная этническая территория). Если же, как у венгров, нельзя было доказать автохтонность, а исторические источники однозначно говорили о противном, то можно было сослаться на «право завоевания», законное, по мнению ранних источников, так как шла речь об «отвоевании родины», оставленной гуннами, потомками которых считались венгры. С другой стороны, историческая наука фиксировала внимание на том периоде истории народа, когда он играл более значительную роль в истории Европы и когда его территория была наибольшей. Так, Палацкий ссылался на эпоху гусизма, Лелевель — на «демократию» XVI в., Паисий — на первое и второе болгарские царства. Историческая наука ставила перед собой задачу национального самопознания (Палацкий писал о том, что история даст народу зеркало, чтобы увидеть себя) и одновременно должна была способствовать распространению национального самосознания.

Такие же задачи стояли перед искусством и музыкой. Однако их возможности были гораздо более ограничены. О одной стороне, существовали известные нормы, мода европейского искусства. С другой стороны, архитектура и скульптура, например, тре-

бовали сравнительно крупных затрат. Поэтому классицизм в архитектуре стал отражением национального самосознания и чувства национальной гордости только у некоторых народов, главным образом у русского и венгерского, где дворянство, а в России и само государство могли финансировать общественные монументальные постройки. Можно напомнить о зданиях такого рода в Москве, Петербурге и других городах России, или Национального музея в Будапеште, или о зданиях во многих комитатах тогдашнего Венгерского королевства. Однако сфера воздействия такого рода памятников искусства на сознание людей была ограниченной.

Живопись находилась в несколько более благоприятном положении, в частности потому, что необходимые технические средства ее были более доступны. Художников было немало, их зависимость от богатых меценатов меньшей. Портреты деятелей культуры, позже — деятелей общественно-политической жизни прямо связывали живопись с общественной жизнью. Пейзажи способствовали углублению чувства патриотизма, делая более знакомым образ родины. В жанровых картинах уже слышался голос социальной критики (напомню полотно Федотова). Но национальное прошлое, столь сильно воздействовавшее на выбор объектов научного изучения и звучащее в других отраслях культуры, в живописи отразилось относительно слабо.

Ограниченным был также круг воздействия музыки. Европейские нормы еще сильнее связывали композиторов, чем художников. Национальный момент здесь проявлялся по двум линиям. Во-первых, европейские художественные формы наполнялись мелодиями и ритмами народной песни или теми элементами музыки, которые считались народными (музыка «вербунка» в Венгрии, например). «Руслан и Людмила» Глинки, «Князь Игорь» Бородин так же, как оперы Сметаны, Монюшко или Эркеля, сочетали итальянские нормы с элементами народной (или числившейся народной) музыки. Во-вторых, национальный момент проявлялся в сюжете, особенно в том жанре, который легче всего подавался сюжетной трактовке, — в опере. Здесь национальная тематика звучала очень сильно. Примечательно, что во время мартовской революции 1848 г. в Пеште распевали отрывки из оперы «Ласло Хуньяди» Эркеля.

Все же музыка достигала сравнительно ограниченного числа слушателей. Наиболее широким кругом воздействия обладали художественная литература и связанный с ней театр. Эти виды искусства отразили все злободневные вопросы национальных движений. Поэтому литература и театр играли первенствующую роль в становлении национального самосознания. Впрочем, вначале и воздействие литературы было ограниченным, вследствие незначительной общественной заинтересованности в ней. Национальная печать и книгоиздательство едва зарождались. В 1786 г. словацкие «Прешпорские новины» имели всего 36 подписчиков. Но и позднее словенский поэт Франц Прешерн, издавший в

1847 г. сборник стихотворений в 1200 экземплярах, до 1849 г. сумел продать всего 33 экземпляра. Однако с течением времени положение улучшалось.

Литература на национальном языке должна была прежде всего отвоевать читателей у других иностранных литератур, считавшихся более престижными, — немецкой, французской, на Балканах — греческой. С этой целью зачинатели новых литератур народов ареала Центральной и Юго-Восточной Европы поставили своей задачей прежде всего создание широкого круга читателей. В частности, они обратили внимание на переводы иностранных сочинений (назовем, например, Й. Юнгмана у чехов или Й. Вуича у сербов), которые можно было приспособить к местной среде. Герои переводных романов и трагедий получали отечественные имена, сюжеты произведений тоже «национализировались». Одновременно возникала и оригинальная литература, имевшая целью все то же завоевание читателей. «Бедную Лизу» Н. М. Карамзина в России или «Этельку» Андраша Дугонича у венгров можно считать принадлежащими к этому роду литературы. Большую роль играли в это время организаторы литературной жизни — Ференц Казинци у венгров, Йоан Элиаде-Рэдулеску у румын и т. д.

По мере дальнейшего расширения круга читателей литература сумела приступить к давно уже осознанной более важной задаче — национальному пробуждению. «Пробуди свою национальную душу!» — взывал венгр Даниэль Бержени, и почти те же слова, во всяком случае то же содержание, можно встретить у хорвата Петра Прерадовича, у серба Бранко Радичевича или у болгарина Добри Чинтулова. Вторая задача — прославление национального прошлого, противопоставление минувшей славы печальному настоящему. Словацкий поэт Ян Холлый воспевал в своих эпических произведениях Великую Моравию, Михай Вёрёшмарти повествовал о завоевании венграми Паннонии, Петар Петрович-Негош говорил о борьбе против турок («Горный венец»), латышский поэт Андрей Пумпур — о языческих временах («Лачплесис»). Перечень подобных примеров можно было бы продолжить. Литература отзывалась на все события национально-освободительной борьбы: Неофит Рильский в стихах выражал надежду на русскую помощь Болгарии, Шандор Петёфи воспевал события революции 1848—1849 гг. и т. д.

В литературе впервые появилась критика социальных отношений, вначале умеренная. Она звучала в сатирах и комедиях, направленных, например, против низкопоклонства перед Западом или против отсталого образа жизни дворянства (комедия «Сарматизм» поляка Францишка Заблоцкого или позднее комедии Александра Фредро). Но затем распространились такие острые сатирические антифеодальные произведения, как «Мертвые души» Н. В. Гоголя или «Деревенский нотариус» Йожефа Этвёша.

Наряду с литературой большую роль играл театр, сюжеты

постановок которого были аналогичны уже перечисленным сюжетам художественной литературы. Но благодаря массовости театра — при помощи странствующих театральных трупп (в Польше и Венгрии) — эти идеи доходили до более широкого круга людей, особенно горожан.

В литературе также легче было сочетать европейскую моду с народным началом. Собирались и издавались сборники народной поэзии — от сборника Кирши Данилова до антологии народных албанских песен Спирос Дине «Морские волны» (1908). Они издавались, распространялись, вызвали подражание, оказывали воздействие на творчество таких гениев, как А. С. Пушкин, А. Мицкевич или Ш. Петёфи. Сочетание народного и национального, столь удачно и успешно достигнутое именно в литературе, оказалось в конечном итоге отражением гораздо более важного процесса становления нации.

Различные области культуры, хотя и в неравной мере, способствовали формированию нации прежде всего путем распространения национального самосознания во все более широких кругах населения. В основе национальных процессов находились социально-экономические факторы, но если говорить об идеологическом плане, то политическая борьба за национальную независимость и буржуазные преобразования, особенно революционная борьба, оказывали на процесс формирования нации более глубокое влияние, чем культура. Однако, по нашему мнению, следует должным образом оценить и вклад культуры в этот процесс, вклад особенно важный именно в самом его начале.

ФОЛЬКЛОР И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

И. М. Шептунов

В подходе к оценке роли и значения фольклора для развития национальной культуры, для формирования нации, для возникновения и вызревания национального самосознания необходимо различать, как минимум, два аспекта: а) живое участие фольклора во всех его разновидностях в сложном процессе предвозрожденческой эпохи, а затем уже самого национального возрождения, т. е. бытование фольклора как неотъемлемой части, как важной стороны жизни народных масс в период до становления, а затем становления и развития нации, и б) вторичное значение фольклора для формирования национальной культуры, фольклора, уже ставшего объектом собирательства, записи и издания. Этот второй аспект отличается от первого тем, что если ранее фольклор был действенным фактором зарождения, развития, поддержания определенных устремлений патриотического, анти-

феодалного характера, устремлений, использовавшихся бессознательно, повседневно, спонтанно, то позже, в пору формирования национальной культуры и утверждения национального самосознания, фольклор становится уже в какой-то мере предметом изучения, определенного отбора, использования; из него отсеивалось то, что не соответствовало, по представлениям и убеждениям деятелей национального возрождения, укреплению утверждавшейся нации. Эти деятели стремились взять фольклор на вооружение, так как они если и не понимали до конца, то чувствовали в нем действенное этнообъединяющее явление повседневного бытия, игравшее важную роль в оформлении и стабилизации в предшествующие эпохи народного самосознания, в противостоянии своего этноса ассимиляции со стороны инациональных поработителей — Османской империи, Австрии и др.

Наличие различных форм народного самосознания, существовавших до возникновения и оформления национального самосознания, — факт неоспоримо установленный¹.

Вызревающее в период перехода от феодализма к капитализму национальное самосознание представляло собой новое этнопсихологическое образование, качественно отличное от существовавших ранее типов народного самосознания и в то же время генетически с ними связанное. Оно продолжало имевшийся уже ряд на новом уровне. И в этом продолжении и развитии большое место занимала народная культура, в которой и были закреплены предыдущие формы самосознания различных типов этнических общностей прошлого. Народную культуру мы понимаем как особую систему, представляющую собой устойчивую совокупность обычаев, верований, миропонимания, моральных, правовых, этических и эстетических норм, сложившихся в ходе исторического развития человеческих общностей от первобытнообщинного уровня до формирования нации и национальной культуры. Эта устойчивая совокупность закреплена в практической жизни народа и характеризуется традиционностью. Фольклор, как и народное или крестьянское искусство, как народная медицина и другие проявления духовной жизни народа, органически связаны с указанными выше составляющими народной культуры, а также с материальной, вещественной и бытовой стороной народной культуры. Они отражают исторический опыт народа, полученный в результате проб и ошибок и закреплённый в слове, в мелодии, в вещественном памятнике народного искусства и быта. Связь, существующая в народной культуре между ее двумя сторонами — духовной и материально-бытовой, вещественной, — органическая, взаимопроникающая, гармоническая. Народная песня, народная музыка, народное в основе прикладное искусство являются неизменными и постоянными спутниками и трудовых процессов, и обрядов, и досуга, они непременно присутствуют и участвуют в повседневной народной жизни — вышивки, орнамент, резьба, искусно сработанная утварь, предметы домашнего, бытового обихода. И это не просто синкретизм,

нерасчлененность искусства и культуры ранней поры, а гармоническое взаимопроникновение двух сторон народной культуры как единого целого, отчего каждая из сторон обогащается и совершенствуется. Это внутреннее наполнение предметов и вещей народного быта искусством и этнической самобытностью придавало им необыкновенный артистизм, тонкость восприятия, неповторимость своеобразия, строгую простоту в сочетании с выверенной веками целесообразностью, которые так восхищают нас и ныне и в народной архитектуре, и в народной вышивке или поделке, и в народной песне.

Фольклор является частью народной духовной культуры. «Духовная культура народа, — справедливо отмечает В. В. Пименов, — наиболее чуткая ко всем социальным, классовым движениям, наиболее прямо их отражающая, не меняется под их воздействием целиком, без остатка... а развивается всегда с ними, сохраняя в своем составе — в силу действия закона традиции — многое из того, что создано и накоплено в прошлом»². При этом необходимо иметь в виду, что прежде всего фольклор — эпос, предания, легенды, исторические песни — был в предвозрожденческую эпоху и в ходе самого национального возрождения источником осведомленности широких народных масс об историческом прошлом каждого народа, об общности исторических судеб всех, кто считал себя представителем данного этноса. Это прошлое — более или менее достоверное, закрепленное в чувственных, художественных образах, обладающее эмоциональным воздействием, — в определенную, исторически обусловленную эпоху способствовало как появлению самых зачаточных элементов, так и развитию этнического — в данном случае национального — самосознания.

Фольклор, таким образом, был питательной средой для возникновения национального самосознания, которое зарождалось, формируясь и развиваясь, всегда и везде своими корнями уходило в традиции, в прошлое. Как известно, фольклор глубоко традиционен. Благодаря этому соотношению, этой взаимосвязи — национального самосознания и фольклора — последний приобретал в пору развитого национального самосознания уже общенациональное звучание, становился феноменом новой этнической общности — нации.

Таким образом, войдя в национальный культурный фонд, фольклор в силу действия закона традиции продолжает сохраняться и бытовать в своих привычных формах, продолжает нести в себе и коллективный опыт своих создателей, и информацию о прошлом данной этнической общности, о прошлом, которое особым путем, свойственным народному поэтическому творчеству, препарировано в чувственно-образном виде. В своем прошлом люди всегда искали и ищут нужные им образы и примеры, стремились и стремятся найти ответы на волнующие их вопросы. «Опыт истории — верный ориентир, которым зачастую пользуются даже бессознательно»³.

Поэтому-то фольклор во всем своем видовом и жанровом многообразии был для эпохи, предшествовавшей национальному возрождению (конец XVI — первая половина XVIII в.), первейшим источником, в котором каждый ищущий находил ответ на жгучие вопросы современности, вопросы, порожденные разнохарактерным инонациональным гнетом и феодальной системой правления и эксплуатации.

Время, предшествовавшее национальному возрождению, характеризовалось резким ухудшением жизни народных масс в Центральной и Юго-Восточной Европе в целом как в результате «второго издания крепостного права», в Центральной Европе, так и в связи с жесточайшей эксплуатацией — экономической, политической и духовной — поработанных народов в пределах Османской империи (здесь это время было названо «черным рабством»). Народные массы повсеместно поднимают восстания: 1573 г. — крестьянское восстание в Загорье (Северная Хорватия), 1594 г. — начало ряда выступлений сербов против османского господства; 1595—1596 гг. — восстание крестьян в обширной области между Софией и Нишем; 1597 г. — восстание против османского ига в Герцеговине; 1598 г. — первое Тырновское восстание; 1618—1648 гг. — ряд антигабсбургских выступлений в Чехии в годы тридцатилетней войны; 1630 г. — выступление польских крестьян (в Новотаргском старостве); 1651 г. — крестьянское восстание в Польше; 1679—1680 гг. крестьянские выступления в Чехии; 1686 г. — Второе Тырновское восстание; 1692—1693 гг. — восстание «ходов» в Чехии; 1717—1718 гг. — крестьянские волнения там же; 1737 г. — повстанческие движения в ряде районов Западной Болгарии и т. д. Это был период появления и развития на всем его протяжении, а в некоторых областях — даже и в XIX в. народных движений хайдуков и ускоков (в болгарских, сербских и хорватских землях), клефтов и паликаров (в греческих районах) и т. д. В XVII и XVIII вв. в западнославянских областях народный протест принимает форму «разбойничества». Эта борьба находила непреходящий отклик в фольклоре — в хайдуцкой, ускокской, клефтской и збойничьей песнях, и в народных устных преданиях, и в исторических песнях, и в рассказках бывалых людей. Тогда же продолжал бытовать, активно функционировать в селах и в городах эпос старшей поры — юнацкие и войничьи песни. И все это оказывало постоянное воздействие на умы и сердца людей.

В результате создавалась почва для возникновения новых мыслей, новых идей об изменении существующего порядка вещей, о воссоздании былой государственности, об улучшении народной доли.

В период заметных признаков пробуждения народных масс (конец XVI в.) было положено начало известной, особенно среди болгар, легенде о «Дядо Иване» — о русском народе. «Дядо Иван» был символом надежды болгарского народа на освобождение от османского ига. В XVI—XVIII вв. простые люди верили,

что свобода придет в Болгарию благодаря помощи русского брата.

В истории довозрожденческой эпохи известны интереснейшие факты, предвосхищающие грядущее национальное возрождение. Мы имеем в виду, например, деятельность Б. Бальбина и его кружка в Чехии (Прага) в 60—80-е годы XVII в., отстаивавших развитие народного языка, литературы, ратовавших за изучение исторического прошлого своего народа, призывавших к уважению его культурных традиций и стремившихся возжечь пламень любви к родине⁴. Тракат Б. Бальбина «Защита славянского, в частности чешского, языка» (на латыни) так и не был опубликован при его жизни. Любопытно также отметить, например, что в 1690—1757 гг. в Рильском монастыре трудился Иосиф Брадаты — дамаскинар, составитель сборников поучений. В дошедших до нас работах Брадаты обнаруживаются такие черты его творчества, как живое отношение к окружающей жизни, глубокое знание нужд, чаяний и надежд простого человека. Брадаты демонстрирует в своих поучениях и «словах» (число их достигает почти 150) беспокойство и глубокую заинтересованность в судьбе народа, в его духовном прозрении. Он говорит о том, что церкви должны «иметь книги поучительные на простом языке и люди простые, бескнижные их понимать смогут». Брадаты не только поучает, но активно воздействует на читателя и слушателя, протестует против рабства. Но он еще не знает, как сделать жизнь свободной, кроме пути, указываемого христианской верой.

Но герои хайдуцких и збойницких песен не только видели новый путь — они им шли, этим путем борьбы и непокорности, являя и в песне, и в жизни яркий пример для подражания. И не могли остаться равнодушными слушатели таких строф хайдуцкой песни;

Манол взмахнул своей саблей —

И триста турок упало.

Покуда он повернулся,

Не стало в Котеле турок,

Да нет их там и поныне⁵.

Хайдуцкая песня, как и клефтская и збойницкая, почти всегда имеет в своей основе достоверного героя, исторический факт, то или иное действительное событие, и от десятилетия к десятилетию в них все ярче проявляется идея освобождения родины от национального гнета. При этом в песне уже четко обозначена национальная принадлежность героя:

Дончо — юнак-воевода,
Его родила болгарка,
Болгарским молоком вспоила
И сыну так говорила:
«Дончо болгарского роду,
Опяшься острой саблей,
Вскинь на плечо ружье
Да иди ты в лес зеленый,

Собери парней-юнаков —
Ударь по туркам проклятым!
Да возьмем свою землю,
Да вернем из рабства детей,
Да избавим жен от неволи,
Да помянем отцов,
Да за матерей своих отомстим!»⁶

Как отмечал П. Г. Богатырев, лирическая словацкая збойничья песня «Гей, горы, долины!» для многих поколений словаков явилась своего рода гимном борьбы за национальные и социальные права словацкого народа:

Гей, горы, долины —	неправда с панами,
то ельник, то хвойник;	а правда — за нами.
отец мой был честным,	Разбойною правдой
а сын стал разбойник.	на кривду ответим;
Разбойником стал я	а если не сгинет,
с неправды великой,	то пулей отметим ⁷ .

Хотя письменность на территории Центральной и Юго-Восточной Европы была у всех народов этого ареала, она все же не являлась, за отдельными исключениями, достоянием широких масс, прежде всего крестьянства. В основном она была привилегией имущих классов и сословий феодального общества. В эпоху до национального возрождения массы находились по существу почти в положении бесписьменных народов. Делопроизводство велось на чуждых им языках, например на немецком или турецком. Поэтому лишь фольклор, устная традиция были для них средством аккумуляции, закрепления и передачи и культурных, и идеологических ценностей прошлого, на основе этой традиции росло патриотическое чувство масс, возбуждалось уже новое самосознание — национальное.

В статье «Народ вчера, сегодня и завтра» Христо Ботев, великий болгарский поэт и революционер третьей четверти XIX в., писал: «Но и при этих страданиях, при этом страшном насилии, от которого расплавился бы и камень, болгарин заперся от турка вместе с семьей у себя в доме, и, как и теперь, пел и слушал вместо византийской литургии свою элегическую юнацкую песню, вместо стрелы и сабли брал соху и серп, ходил на беседы и посиделки, сходы и собрания прихожан. А когда варвар осквернял его очаг, который, как и теперь, был окружен снохами и дочерьми, сыновьями и внуками, — он оставлял соху и серп, посох и кавал, брал отцовскую саблю в руки, братово ружье и с «дружиной верной, сговорной» уходил на Стара-Планину — мстить туркам и чорбаджиям за обиды, отбирать у них награбленное добро и защищать свое село и бедняков. Таким был болгарский народ, таким он остался и до настоящего времени» ⁸. Эти строки, увидевшие свет более 100 лет назад, подтверждают значение устного поэтического народного творчества для развития патриотизма как одной из предпосылок становления национального самосознания.

В переходную эпоху от феодализма к капитализму, когда национальные движения все более набирали силу и когда формировалось национальное самосознание, на его вызревание в Центральной и Юго-Восточной Европе влияли различные объективные и субъективные факторы. В их числе необходимо учитывать и фольклор как вид традиционной формы общественного сознания.

ния, обладавшего немалой силой эмоционального воздействия и служившего мобилизации и консолидации широких народных масс в национально-освободительном движении.

Мы далеки от того, чтобы считать, что в пределах Центральной и Юго-Восточной Европы, ареала сложного и с точки зрения социально-экономических структур, и различий в уровнях политического и культурного развития, и в этническом отношении, возможно однолинейное рассмотрение всех вопросов, возникающих при изучении проблемы «Фольклор и национальное самосознание». Какие-то стороны различных процессов здесь проходят синхронно, другие имеют тенденции в одной части ареала проходить быстро, в другой — замедленно и т. д. Мы не стремились дать какую-либо жесткую схему решения проблемы, тем более что некоторые явления не только не могут быть нами фиксированы, но пока и реконструированы.

В заключение напомним слова Н. В. Гоголя о народных украинских песнях: «Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции; в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне, история народа разоблачится перед ним в ясном величии»⁹.

¹ См.: Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— Сов. этнография, 1972, № 3; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; Смирнов Ю. И. О народном самосознании (по фольклорным материалам).— В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, и др.

² Пименов В. В. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры.— Сов. этнография, 1967, № 2, с. 8.

³ Гульга А. В. Эстетика истории. М., 1974, с. 25.

⁴ См.: Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. М., 1963;

Мыльников А. С. Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период национального возрождения.— Сов. славяноведение, 1974, № 4, с. 81.

⁵ Эпос славянских народов. Хрестоматия/Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1959, с. 256. Речь идет о г. Котеле.

⁶ За правда и за свобода. София, 1972, с. 95—96.

⁷ Эпос славянских народов..., с. 364.

⁸ Ботев Хр. Съчинения. София, 1950, т. I, с. 21.

⁹ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1950, т. VI, с. 68.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

(Проблемы синтеза национальных традиций
и общеевропейских веяний)

А. В. Луатов

Резкое размежевание сторонников реформ и традиционалистов — двух основных противоборствующих сил (с самого начала внутренне неоднородных и уже в силу этого подверженных флюктуации¹) — постепенно, с конца 70-х — начала 80-х годов XVIII в., обретает новое качество, знаменующее начало следующего этапа в истории национального просвещения. Открывается период, на протяжении которого явно просматривается общая для обеих группировок, но, естественно, специфически реализуемая в границах каждой из них тенденция к интеграции различных идейных концепций и философско-эстетических тенденций в культуре, вновь возникших либо продолжавших функционировать в предшествующей, начальной фазе эпохи Просвещения². Этот процесс был следствием общих устремлений к национальному единству перед угрозой потери национальной независимости, т. е. обусловлен факторами сугубо политическими, это было и результатом переосмысления пройденного, суммированием опыта после драматических уроков первой фазы острого идейного и общекультурного размежевания, достигшего апогея в вооруженном движении Барской конфедерации (1768—1772) и последующем первом разделе страны (1772) тремя соседними державами. Наконец, это стремление к интеграции (особенно интеграции национальных традиций и новых европейских веяний в идеологии, культуре и искусстве) рассматривалось как необходимейшая предпосылка духовного преобразования общества для спасения родины и выхода из политического и экономического кризиса.

Развитие такого рода тенденции, ее растущий общественный резонанс были связаны и с распространением нового типа образования. В результате школьных реформ С. Конарского (с 40-х годов XVIII в.) и деятельности Эдукационной комиссии (с 1773 г.) — первого в Европе министерства образования — на общественно-политической арене появляются поколения по-новому (в сопоставлении с так называемыми саксонскими временами) мыслящих людей, распространяется осознанность общего отставания Речи Посполитой от ведущих европейских держав, а вместе с тем растет и стремление к преодолению этого отставания и достижению европейского уровня³. В данной связи было бы по меньшей мере проблематичным сведение основного конфликта к устремленности реформаторов к просветительским нововведениям, с одной стороны, и к абсолютному отрицанию этих нововведений блюстителями старины — с другой. Ситуация складывалась гораздо более сложная. Это становится

ся очевидным, если, во-первых, рассматривать эпоху в диахронном аспекте, т. е. во взаимосвязи с предшествующей историей (а не вычлняя из нее), и, во-вторых, обращать особое внимание на собственно политический аспект (иначе — не сводить всю специфику национальной истории к общеевропейской антиномии просветительства и антипросветительства). Тогда — при таком рассмотрении — окажется, что в сущности основной конфликт эпохи так же стар, как и сама Речь Посполитая, и сводится он к борьбе сторонников республиканского устройства и монархии⁴, с тем, что в каждой эпохе обе тенденции наполнялись соответствующим общественно-политической ситуации современным идейно-философским содержанием. Эпоха Просвещения в этом отношении не являет собой исключения. Так, обращение к новым идейно-философским, государственно-правовым, экономическим и эстетическим доктринам европейского Просвещения⁵ и их использование применительно к национальным условиям было характерно отнюдь не только для королевской партии сторонников реформ. Просто у реформаторов этот процесс проявляется более ясно, просматривается уже на самой поверхности их программы, тогда как у традиционалистов он нередко заслонялся внешней, традиционной оболочкой доктрины, старой политической фразеологией и характером применяемой тактики борьбы. Между тем, начиная⁶ хотя бы с контактов идеологов Барской конфедерации с Руссо⁷ и последующего использования его воззрений традиционалистами в 80—90-е годы, в их отношении к новым направлениям в литературе, искусстве и архитектуре (по крайней мере уже с конца 70-х гг.) явно видна тенденция к активному использованию свершений эпохи европейского Просвещения. Концепции традиционалистов не были чем-то застывшим⁸: достаточно сопоставить их программы периода Четырехлетнего сейма с «саксонскими временами». Если речь идет об экономических преобразованиях и хозяйственной деятельности, то здесь наряду с представителями реформаторов можно привести как яркий пример имя одного из первых польских предпринимателей поистине капиталистического образца — Я. Езерского. Я. Езерский и Щ. Потоцкий наряду с такими видными деятелями лагеря реформаторов, как А. Замошский, П. Бжостовский, И. Хрептович и др., были одними из первых, кто в своих инициативах осуществил ряд реформ, направленных на ослабление феодального гнета (замена барщины оброком, предоставление крепостным личной свободы, введение выборов старосты крестьянами и др.). Среди патриотов и борцов за национальную независимость следует назвать и крупного военного руководителя Барской конфедерации К. Пулаского — впоследствии генерала североамериканской армии, сражавшегося за идеалы демократии и погибшего в этой антиколониальной борьбе. Сторонником Барской конфедерации был и Ю. Выбицкий — впоследствии один из ведущих политических публицистов и писателей

просветительского лагеря, автор первого национального гимна, созданного уже во времена легионов Домбровского.

Использование современных социально-политических доктрин европейского Просвещения (в частности, антимонархических), равно как и художественных явлений (адаптация тех же самых, что и у реформаторов, направлений в литературе⁹, живописи и архитектуре)¹⁰, — не только свидетельство общего развития давней идеи сословной республики шляхты. Здесь вырисовывается процесс, идущий параллельно и в среде реформаторов. Так, например, идеи того же Ж.-Ж. Руссо только несколько позже и в своем уже первоизданном виде (без сословных ограничений) вдохновляли польских якобинцев, выдвинувших и отстаивающих как в политической жизни и в парламентской деятельности (сейм), так и в революционной борьбе (восстание 1794 г.) просветительскую идею республиканского устройства. В сущности это было развитие идей национального парламентаризма, но уже на новом — качественно ином — уровне, качественно новое продолжение и совершенствование в уже иной социально-исторической ситуации национальных традиций, практики и идей республиканского устройства шляхетской Речи Посполитой. Тем самым своеобразное (применительно к своим идейным потребностям) использование новых общеевропейских веяний уже само по себе создавало предпосылки и закладывало основу для взаимодействия традиционалистской и реформаторской тенденций в сфере культуры. Более того, традиционалисты если не первыми¹¹, то по крайней мере одновременно с реформаторами начали такой синтез национального (традиционного) и западноевропейского (нового) в сфере культуры, когда национальное довлело над привносимым извне, конституируя тем самым общий облик явления.

Особое внимание, уделяемое здесь традиционализму, связано с наметившейся еще в XIX в. односторонностью рассмотрения эпохи Просвещения прежде всего (или исключительно) под углом зрения так называемых просветительских программ и действий¹². Такое рассмотрение нарушает подлинные пропорции в сфере культурно-исторических явлений, их соотношение и масштаб, ибо исключает другую — не менее, а нередко и более сильную — тенденцию, нежели реформаторская¹³. Только рассмотрение эпохи в свете двух главных ее составляющих противоборствующих и в то же время диалектически взаимосвязанных сил может способствовать объективному воссозданию подлинной картины этого исторического периода во всей сложности его противоречий, борьбы, исканий и обретений.

Неудачи просветителей в реализации программы реформ в первой фазе эпохи не означали их абсолютного поражения, точно так же как разгром Барской конфедерации при помощи русских войск отнюдь не означал удаления с политической арены традиционалистской оппозиции. И в том, и в другой случае это знаменовало лишь возвращение к нарушенному политическому равновесию.

Неустойчивое равновесие политических сил в Польше было не только отражением объективной социально-политической ситуации, но и запланированным результатом последовательной тактики соседних держав, не желавших усиления Речи Посполитой, а потому поддерживающих то одну, то другую из противоборствующих группировок — в зависимости от нарушения пропорций в их соотношении¹⁴.

При рассмотрении историко-культурного процесса в Польше эпохи Просвещения — смены и развития общих концепций, веяний, мод — следует обратить внимание на то, что отмеченной здесь ранее неоднозначности отношений традиционалистов к новому (европейскому) соответствовала неоднозначность (и неоднородность) отношения реформаторов к традициям. Уже в первой, «боевой» фазе эпохи наряду с максималистскими тенденциями (начисто отвергающими национальное, которое отождествлялось с отсталостью и в новых условиях рассматривалось как ее причина) явно обозначилась и тенденция умеренная, для которой были характерны поиски прогрессивного — созвучного современности — в прошлом Речи Посполитой (преимущественно в эпохе Возрождения) и его актуализированное взаимосочетание с новыми общеевропейскими веяниями. В публицистике эта тенденция явно просматривается на страницах главного органа королевской партии¹⁵ журнала «Монитор», а в художественной литературе — в творчестве крупнейшего писателя эпохи И. Красицкого, обретая наиболее целостное и полное идейно-художественное воплощение в дидактическом романе «Пан Подстольный»¹⁶.

Обращение традиционалистов к европейским доктринам современности, а реформаторов к традициям польского прошлого уже само по себе создавало предпосылки для их сближения. (Естественно, речь идет об объективной направленности развития культурно-художественных явлений, а не об их идейно-политической адекватности.) Однако острота идейно-политического конфликта в первой фазе национального Просвещения предопределила тенденцию к резкому размежеванию и в области культуры. Уроки этой фазы (а в данной связи — общий для враждующих группировок шок, вызванный первым разделом страны) объективно способствовали усилению другой тенденции — нарастанию знаменательного уже для второй фазы эпохи процесса органического синтеза национального и общеевропейского. Процесс этот развивался параллельно в двух политических руслах, объективно способствуя их сближению в общекультурном плане.

В первой фазе Просвещения у королевской партии, преследующей цель преодолеть отставание Польши от ведущих стран Европы на пути реформ «сверху», эта устремленность нередко означала усвоение западных образцов как их перенесение в «готовом» виде на польскую почву, что, естественно, вызывало в лагере традиционалистов бурную реакцию прежде всего куль-

турно-психологического свойства (сказывалась власть традиций и связанного с этим привычного уклада жизни и интеллектуальных стереотипов¹⁷). Эта реакция катализировалась факторами идеологического и политического характера. Во второй фазе механистичность в концепции культуры у реформаторов уступает место тенденции к переосмыслению западных веяний в свете определенных национальных традиций, национальных вкусов, национальных психологических стереотипов, т. е. к органичности сочетания «своего» и «чужого». По-видимому, это было обусловлено: 1) непопулярностью просветительского космополитизма в культуре среди широких слоев шляхты, что в конечном итоге привело к политическому поражению просветителей; 2) формированием патриотизма (в современном объеме этого понятия) — процесса, динамизируемого политической ситуацией Польши, оказавшейся перед лицом угрозы потери национальной независимости; 3) общеевропейскими (постепенно становившимися и общепольскими — вне связи с политическими группировками) тенденциями в литературе, искусстве (классицизм, сентиментализм, рококо, предромантизм), архитектуре (классицизм, рококо, неоготика) и модах.

Явления, относящиеся к первой и третьей группам, довольно хорошо изучены, им посвящено внушительное число научных работ¹⁸. Поэтому здесь целесообразно особое внимание посвятить факторам второй группы.

До сих пор патриотизм проявлялся (и осмыслялся) двояко: либо в категориях вероисповедания, когда религиозное (католицизм) отождествлялось с этническим (polskość), что было обусловлено конкретно-историческими факторами — принадлежностью соседних народов к лютеранству, православию, магометанству. (Такое проявление и осмысление патриотизма выступало при сопоставлении «своего» и «чужого» или в случае внешних конфликтов¹⁹. Либо вне такого сопоставления — как бы «внутри» этого же «своего» и в «своих» внутренних конфликтах. Тогда патриотизм проявлялся в категориях региональных, локальных, узкоместнических как следствие прежней феодальной раздробленности (традиция) и позднейшей децентрализованной по своему характеру административной системы Речи Посполитой (общественно-политическая актуальность), отражая социально-экономические и культурно-психологические связи и связанности вассалов (шляхты) с сюзеренами (магнатами); характерное для феодальных отношений преобладание партикулярных интересов и соображений над общегосударственными. Это проявлялось в воззрениях всех социальных слоев и притом — в границах каждой, «своей» провинции — взаимосвязано, ибо взаимообусловлено: так, интересы крестьян были неотделимы от своих земельных наделов, ограничивались своим селом, для которого единственным сувереном был «свой» шляхтич, а в свою очередь для шляхты и горожан непосредственным сувереном был «свой» магнат — этот некоронованный король провин-

ции (кстати, некоторые по своей площади превосходили многие государства Запада).

Постепенное расшатывание феодальной системы Речи Посполитой во времена Просвещения, развитие тенденций, свойственных капиталистическим отношениям, в сельском хозяйстве и городах отразились на характере изменений в сфере мировосприятия, этики, психологии. В этой связи формирование патриотизма в его новом качестве (когда партикулярное вытеснялось всеобщим в отношении государства с его внешней и внутренней политикой, экономикой, культурой, а в наиболее радикальных программах — также и в отношении всех социальных слоев, составляющих один народ) было своего рода знаменем времени, порождением социально-экономических процессов и сопутствующих им закономерностей формирования нации.

Патриотические тенденции (в современном объеме этого понятия) зарождаются в первой фазе национального просвещения — в период острой схватки реформаторов с традиционалистами. Поляризация политических сил, выдвигающих разные концепции спасения страны и ликвидации общественно-политического и экономического кризиса, перераспределила и своего рода двунаправленность (в идейном отношении), и параллелизм (во временном плане) формирования патриотизма, являющегося отражением общих процессов складывания польской нации. Объективное — исторически обусловленное — сближение этих тенденций, их синтез начинается со второй фазы Просвещения, постепенно обретая зрелость к третьей, заключительной фазе (конец XVIII — 20-е годы XIX в.), когда зарождается романтизм, являющийся как в философско-эстетической, так и в идейно-политической плоскостях наиболее полным отражением осознанности «национального духа».

Своего рода двойственный генезис процесса складывания патриотизма в первой фазе был обусловлен прежде всего политической ситуацией. Связи с Петербургом реформаторов, опиравшихся с самого начала в своей внутренней политике также и на военную помощь России, связи, нередко переходящие в прямое (хотя и вынужденное) подчинение, вызывали резкий протест, обусловленный осознанным со стороны просветителей и продиктованным их политической тактикой нарушением государственного суверенитета. Это, естественно, не могло не вызывать оскорбления чувства национальной гордости. Положение усугублялось и пренебрежением к национальным традициям со стороны определенной части реформаторов. В первой фазе просвещения любое, даже не связанное с максимализмом «посягательство» на традиции (в том числе и явно устаревшие) вызывало бурную реакцию²⁰. Ее характер и острота объясняются не только факторами сугубо психологическими. Здесь — по принципу действия закона обратной связи — проявляется фактор политического свойства: для инициаторов «мониторских кубков» суть любой разумной и в умеренной форме

высказанной реформаторами мысли заслонялась фактом, что она исходит из лагеря, связанного с внешними силами и в ряде случаев не способного (добавим от себя — зачастую вынужденно) к самостоятельным действиям, ибо, опираясь на эти силы, должен был подчиняться им. Такого рода размежевание, усугубляемое мыслями и эмоциями патриотического характера, наблюдалось уже с момента прихода к власти реформаторов, т. е. с самого акта избрания короля, когда началось непосредственное вмешательство соседних держав во внутренние дела ослабленной политическими и экономическими потрясениями Речи Посполитой²¹.

Диалектика зарождения патриотических устремлений неоднозначна и противоречива в отношении взаимообусловленности не только двух главных противоборствующих сил, но и каждой из них в отдельности.

У королевской партии стремление преодолеть политико-экономический кризис на пути просветительских реформ было, с одной стороны, связано с поддержкой Петербурга, а с другой, им же в собственных политических целях — ограничивалось. Таким образом фактически с самого начала эта связь преобразовывалась в подчинение. Такого рода тактика и действия реформистов не могли не вызывать в массах шляхты — единственной политической силы в стране — чувство оскорбления польской государственности, польской культуры, наконец, самого духа польской независимости²². Именно поэтому к движению традиционалистов (особенно в первой фазе Просвещения) примыкали не только блюстители незыблемости старых основ, но и те, кто осознавал необходимость определенных изменений (естественно, в рамках старой республиканской системы), а также и те, кто впоследствии принимал участие в реформировании либо даже стал видным деятелем лагеря реформаторов, например Ю. Выбицкий. Все это дополнительно осложнило и обострило к XVIII в. уже достаточно традиционный для Речи Посполитой конфликт сторонников республиканского устройства и монархии.

Этот же факт способствовал и внутренней консолидации двух враждующих партий, что в конечном счете привело к вооруженному конфликту. Барская конфедерация при всем ретроградстве своей общественно-политической программы была первым ярким проявлением патриотизма в его современном понимании²³. Именно отсюда начинается польская традиция борьбы за национальную (а не только, как это было раньше, государственную) независимость, традиция польских восстаний и идеи привязанности к национальной истории и национальной культуре, рассматриваемым как основные народоопределяющие факторы. С этим связана и популярность мотива Бара (равно как и нередкий в его трактовке антиисторизм²⁴) во времена романтизма.

С точки зрения реальной — жизненной — диалектики просветительского и традиционалистического в национальной действительности, общественно-политической мысли, в польской истории и в самом процессе формирования польского национального самосознания знаменательно, что сам термин «независимость» (как калька с латыни) был создан и введен в публицистику непосредственным предтечей польского Просвещения и патроном национального просветительства С. Конарским, а впервые в официальной литературе появился в документах именно Барской конфедерации.

Итак, оценка этого движения должна быть диалектичной: при всей однозначности его идеологической программы, отражающей вчерашний день истории, следует принимать во внимание ту роль, которую сыграл Бар в формировании нового общенационального самосознания, наложившего характерный отпечаток на процессы, происходящие в общественно-политической жизни Польши, ее культуре и литературе со второй половины XVIII в. В этой связи наряду с концепциями реформаторов следует уделить внимание и роли так называемого сарматизма (как идеологического типа общей доктрины традиционалистов) в формировании новых общенациональных тенденций в польской культуре и литературе.

Процесс интеграции национальных традиций и общеевропейских веяний с самого начала был характерен для лагеря не только реформистов (где он отличался большей широтой и интенсивностью), но и традиционалистов. Тут можно отметить определенный параллелизм, причем параллелизм качественно разноплановый. Если у реформаторов на первом этапе Просвещения в отношении культуры явно преобладал характерный для западного Просвещения (и исторически прогрессивный) космополитизм, а концепция интеграции местных традиций и европейских веяний охватывала прежде всего сферы социально-политические и экономические, то у традиционалистов на первый план выдвигались именно широко трактуемые проблемы культуры как основного народоопределяющего компонента. В этом отношении характерна связь идеологов Бара с Руссо. Его проект польской конституции, написанный для конфедератов, содержит ряд тезисов, смыкающихся с их программой, более того, вводящих ее в современный общеевропейский контекст. Именно этим объясняется особая роль идей Руссо (особенно его проекта польской конституции) на втором этапе Просвещения и связанная с рекомендациями «женевского гражданина» общая эволюция доктрины традиционалистов (а также и части реформаторов) в 80—90-е годы XVIII в.

Антикосмополитизм Руссо и его концепция обращения к народным традициям предфеодалных времен стимулировали в лагере традиционалистов развитие — в соответствии с духом эпохи — таких местных существеннейших компонентов идеологии сарматизма, как культ традиций национальной истории,

культуры, быта, типа общения, т. е. от сферы идеологии и политики до психологии. В качестве примера можно остановиться на следующем фрагменте из проекта польской конституции, написанном «женевским гражданином»: «Необходимо сохранить, возобновить те (стародавние.— А. Л.) обычаи и ввести добронормативные, самим полякам соответствующие; оные обычаи, безразличны ли или отчасти плохи, лишь бы не были плохими по сути своей, а тогда тем они будут полезны, что поляков к родине своей привяжут и вызовут в них отвращение к братанию с чужеземцем. Знаю я, что за счастье они почитают иметь одежду исконную (национальную.— А. Л.). Усердно берегите эту для себя выгоду»²⁵. Здесь уже под пером самого Руссо (который пользовался информацией М. Вельгорского) традиционный сарматизм трансформируется в нечто новое, выступая в ином, модернизированном (в соответствии с национальными потребностями и общеевропейскими тенденциями современности) качестве, смыкаясь таким образом с одним из распространенных веяний эпохи Просвещения — тем самым, к которому восходят предромантизм в беллетристике и декларация национального в интеллектуальной жизни и культурной доктрине. В политическом аспекте эти тенденции проявлялись как патриотизм (в современном объеме этого понятия).

Универсальная — предназначенная для всех народов — идея Руссо о «натуральном человеке», о возвращении к типу отношений «натурального» общества означала в контексте Проекта польской конституции поддержание давних, патриархальных польских традиций, возникших до периода европеизации страны и ее постепенного приобщения к западноевропейской культуре, нивелирующей местные особенности. В контексте актуальной политической ситуации Польши эта концепция легко включалась в доктрину сарматизма, ибо переосмысливалась по аналогии с традиционными и внешне подобными его постулатами. Внешне — ибо здесь они обретали сословную ограниченность и подвергались анахроничной (с точки зрения историзма) реинтерпретации.

Суть в том, что сарматский миф патриархальности отнюдь не был аналогичен славянской патриархальности дохристианского и раннехристианского периодов в истории Польши, равно как и сарматский тип культуры генетически отнюдь не опирался исключительно на местные традиции. Иное дело, что в сознании традиционалистов это выглядело именно так. Поэтому-то модернизируемый сарматизм и оказался в общественно-политической жизни достаточно действенным противовесом, с одной стороны, по отношению к максималистским концепциям реформаторов, пренебрегающих национальными традициями и насаждающих западные моды, а с другой — по отношению к идейно-политическому давлению, которое оказывали на Польшу три соседние державы, в своих интересах распространяющие на международной арене миф о неспособности поляков существовать

как самостоятельный народ, об отсутствии у них соответствующих традиций государственности и самой политической ответственности. Опровергая это как во внутривнутриполитической жизни, так и на международной арене, традиционалисты наряду с аргументами, почерпнутыми из национальной истории, использовали и авторитет Руссо, который в своем Проекте польской конституции подчеркивал: «Делайте прямо противоположное тому, что сделал тот царь, так прославляемый. Пусть ни король, ни сенатор, ни одно лицо чиновное не носит иной одежды, кроме национальной, и пусть ни один поляк, по-французски одетый, не осмеливается при дворе показаться»²⁶.

В этих словах — и обретающее столь специфическое для поляков звучание отрицательное суждение о реформах Петра I, который европеизировал Россию, уничтожая то, что ей до сих пор было органично присуще. Особый аспект — тип его власти, прямо противоположной идеям сословной шляхетской республики, а в то же время в определенной степени привлекательной для сторонников просвещенного абсолютизма.

В словах Руссо антимонархические идеи Барской конфедерации (для которой он писал эти строки) обретали особую остроту и ярко выраженную антиреформаторскую направленность. В цитируемом фрагменте отразились актуализируемые польским читателем новейшие события общественно-политической жизни, как, например, факт коронации Станислава Августа в испанском костюме, распространение реформаторами западных мод и типа общения, поддержка меценатами из лагеря реформаторов новых западноевропейских тенденций в литературе, драматургии, театре, архитектуре, живописи, прикладном искусстве (сам Станислав Август свое королевское меценатство фактически возвел в ранг официальной культурной политики).

Следует отметить, что Руссо писал Проект польской конституции, опираясь на свои идеи «натурального человека», возвращения каждого народа к «натуре», в данном контексте — к давним, патриархальным польским традициям, возникшим до эпохи европеизации страны, ее приобщения к Западу ценой нивелирования национальных особенностей. Поляки же трактовали это как поддержку «добродетельным философом» «сарматских» узкосословных традиций шляхты, ее, ставшей к XVIII в. уже традиционной идеологии сарматизма, которая теперь оказалась под угрозой в результате проникновения западных идей, мод и программного просветительского космополитизма в сфере мировосприятия и культуры. В этой связи идеология сарматизма насыщается патриотическим содержанием, которое противопоставляется идущему от максималистски настроенных реформаторов презрению к польским традициям, истории и современности, а в этой связи — и критике (внешней и внутренней) республиканского устройства с монархических позиций. Тем самым полемика традиционалистов и реформаторов о культуре в сущности означала дискуссию о мировосприятии, охватывая все сферы

национальной действительности — от социально-политических проблем до искусства и быта²⁷. Явление трансформации сарматизма в предромантизм (в литературе) и просвещенный (опирающийся на современные доктрины и отражающий общественно-актуальные тенденции) патриотизм (в культуре) — основная тенденция, отражающая и в идеологии сил, не связанных непосредственно с просветительством, процесс формирования нации на польских землях. Этот процесс проявляется в идейных спорах реформаторских и традиционалистских партий, а внутри них — отдельных группировок (представляющих различные, умеренные либо радикальные, варианты той же доктрины), он отзывается в политической публицистике и художественной литературе как соответственно документальное и беллетристическое отображение разных концепций национального самосознания и этапов их развития.

В ходе эпохальной дискуссии и сопутствующей ей политической борьбы, а также общих для всех враждующих группировок потрясений (Барская конфедерация и последующий первый раздел страны) формируются и видоизменяются воззрения на характер и облик культуры.

Для концепций традиционалистов характерно постепенное насыщение сарматских социально-государственных и культурно-исторических представлений патриотическими идеями, опирающимися как на широко трактуемые традиции прошлого, так и на современные европейские доктрины. Это было идейно-психологическим отражением социально-исторического процесса формирования нации, процесса, динамизируемого на польских землях не только и не столько — в сравнении с ведущими странами Запада и Россией — социально-экономическими, сколько непосредственно политическими факторами, связанными с борьбой за сохранение национальной государственности. Ведь в сущности именно к этому сводились программы реформаторов и концепции традиционалистов — и те и другие предлагали разные пути спасения родины. Реформаторы, изверившись в возможностях шляхетской демократии, обращались к концепции просвещенного абсолютизма (Монтескье, Вольтер, опыт английской монархии, России, Пруссии и Австрии XVIII в.), а их противники, продолжая верить в неисчерпаемые возможности ставшего для Польши уже традиционным сословно-республиканского устройства, апеллировали не только к национальной традиции (консервативной в новых исторических условиях), но и к просветительским авторитетам, прежде всего к Руссо, к которому, кстати сказать, обращалась и радикальная часть лагеря реформаторов²⁸.

Общие закономерности исторического процесса, равно как и общая — в конечном счете — устремленность (спасение польского государства) и общие драматичные уроки первого периода эпохи национального просвещения, обусловили кристаллизацию встречного (по отношению к идейно-культурным концеп-

циям традиционалистов) течения в лагере реформаторов. Предпосылки для этого в лице умеренной официальной культурной политики Станислава Августа имелись еще в первом периоде. Однако реализация этой культурной политики отнюдь не была однородной, что особенно ярко проявилось в деятельности театра, в драматургии, литературе и публицистике. Критика слепого подражания западным (прежде всего французским) модам и «новомодного» образа жизни, резкие нападки на деизм (не говоря уже о материализме) — все это характерно как для традиционалистов, так и реформаторов из королевской партии («Монитор», театр и драматургия, сатирическое творчество крупнейших писателей, зачинателей просветительской литературы)²⁹. Вместе с тем однозначная критика традиционных стереотипов польской культуры в комедиях Ю. Белявского и Ф. Богомольца, с которых началась деятельность первой общедоступной национальной сцены (1765), вызвала бурю протестов, способствуя, может быть, не столько дискредитации старого, сколько культурно-политическому краху нового в общественной жизни³⁰. В результате театр должен был умерить свой первоначальный пыл развенчивания старого. Это одно из ярких проявлений того, как идейно-философское размежевание с особой остротой и последовательностью проявлялось именно в сфере культуры, тогда как в политической жизни давали о себе знать скорее соображения, продиктованные тактикой партийной борьбы (достаточно вспомнить резкие изменения во взаимоотношениях традиционалистов с Петербургом или реформаторов с Пруссией).

Суровые уроки политики и связанные с ними общенациональные потрясения (о чем говорилось выше), сама логика исторического развития польского общества способствовала нарастанию тенденции к интеграции реформаторских и традиционалистских концепций культуры после размежевания в первом периоде. Основой этой интеграции стала национальная традиция. Концепция просветительского космополитизма, столь сильная в первом периоде, оказалась несостоятельной не только политически и культурно-психологически, но и в силу общен исторических факторов: европейский процесс формирования буржуазных наций обусловил обращение к «своему», «оригинальному», «местному», «испокон веков присущему», что проявилось как в философско-общественной мысли, так и в эстетике, литературе и искусстве. Именно в этот период и в этой связи пробуждается интерес к фольклору, обрядам, народному быту, народным умельцам. Здесь ищут первоосновы национального, которое подверглось нивелированию в общеевропейском типе культуры просвещенных сфер. Не случайно, что именно тогда зарождается и фольклористика как наука³¹.

В общественно-философской мысли Европы одним из первых провозвестников этой тенденции был Руссо. Именно его международный авторитет и его советы полякам использовали уже в первом периоде эпохи национального Просвещения идеологи

антиреформаторской Барской конфедерации, ставя во главу угла своей общекультурной доктрины проблему традиций. Новые веяния и связанные с ними моды усиливаются во втором периоде, охватывая все политические группировки. В это время реформаторы уже не являли собой единства как в аспекте политическом, так и идейно-культурном. В 80-е годы поборники преобразований разделяются на две партии — королевскую и сторонников А. К. Чарторыского, резиденция которого в Пулавах становится конкурентным по отношению к Королевскому Замку центром политики, культуры и искусства. В течение этого же десятилетия постепенно формируется и все больше и больше дает о себе знать и интеллигентская среда, прежде всего Варшавы, где художественно-культурные тенденции, интегрируемые Королевским Замком и Пулавами, насыщаются более радикальными или революционными идеями западного (главным образом французского) Просвещения; в силу определенной созвучности политической ситуации живой отклик обретают здесь и веяния, связанные с борьбой североамериканских штатов за независимость³².

Во всех этих реформаторских центрах культуры усиливается удельный вес элементов национального, что раньше, на первом этапе Просвещения, являлось отличительной чертой традиционалистских группировок и связанных с ними общекультурных концепций. Такого рода изменения в программах и тактике сторонников реформ были следствием отрицательного опыта 60—70-х годов XVIII в.: максималистские лозунги и максималистская практика оказались обреченными на провал именно в силу своего максимализма, а тем самым и оторванности от реальной ситуации, как социально-политической, так и сугубо психологической. Помимо этого внутреннего фактора (политический расчет, привлечение на свою сторону широких шляхетских слоев, приверженных традиции), особую роль сыграл и фактор внешний: знаменательное для предромантизма общеевропейское увлечение национальными традициями и национальной историей — тенденция, которая противостояла просветительскому космополитизму и одновременно уравновешивала его в общей системе мировосприятия эпохи.

В формировании нового (свойственного уже фазам зрелости данного исторического периода) национально-просветительского варианта польской культуры, а тем самым и в процессе сближения двух главных противостоящих доктрин особую роль сыграли Пулавы. Речь идет о сближении, которое объективно вело к общекультурному синтезу на национальной основе.

Характерное для Пулав обращение к национальным традициям в культуре, литературе и искусстве, создание первого в Польше музея национальных древностей, культ национальной одежды, сменившей здесь «новомодные» фраки, — все это, внешне сближаясь с традиционным сарматизмом, в то же время не было адекватным ему внутренне, ибо сама эта концепция на-

ционального не означала изоляции от интернационального (современного, европейского). Более того, она была связана с этим европейским уже в своем генезисе как польский вариант общего процесса, знаменующего комплекс явлений, квалифицируемых как предромантизм. Так появляется своего рода «просвещенный сарматизм» или «сарматизированное Просвещение».

Такого рода сближение (или в определенных случаях даже совмещение) традиционного и реформаторского охватывает не только сферы культуры, но и экономики³³, общественно-правовой мысли³⁴ и политики³⁵.

Инициатива Пулав обретает отзвук в коррективах общекультурной концепции королевской партии. В этом отношении знаменательны открытие (1786) Рыцарского зала в Королевском Замке³⁶, установление памятника Яну III Собескому (1788), творчество связанных с меценатством Станислава Августа писателей и публицистов.

Связь с традицией, изначально характерная для умеренного крыла реформаторов и связанной с ними общественно-политической публицистики и художественной литературы, явно просматривается и во всей деятельности Эдукационной комиссии.

Все это не могло не сказаться на духовной жизни начиная с 80-х годов, когда молодое поколение, прошедшее просветительские школы, начинает принимать участие в общественно-политической деятельности.

О распространении и роли новой просветительской концепции культуры свидетельствует переломный в политической жизни страны период Большого сейма (1788—1792), когда значительная часть шляхты и горожан, поддерживающих реформы, демонстративно стала носить национальную одежду. Подобным же образом поступили и многие из сенаторов и депутатов, приехавших в «модную» столицу на заседания сейма во фраках. Здесь в ноябре 1788 г. депутаты горячо обсуждали проект о введении новых, сшитых в национальном духе мундиров для армии³⁷.

Это внешнее отражение радикальных перемен в просветительских воззрениях на роль традиции особенно резко бросается в глаза при сопоставлении с ситуацией, характерной для первого периода. Здесь, помимо конкретных фактов событийного характера, а также материалов публицистики и литературы, великолепной и по-своему колоритной иллюстрацией может служить театр — наиболее массовый, а первоначально и ведущий в распространении новых идей вид искусства.

Если раньше отрицательные герои — все эти пресловутые «Старушкевичи» — были обряжены в национальные одежды и декларировали свою приверженность традиции, тогда как герои положительные одевались «по-заграничному» и отстаивали новые идеи, то теперь все стало наоборот: реформаторские идеи гласят герои в национальных одеждах, они же декларируют свою приверженность исконным польским традициям, в то время

как носителями всего отрицательного выступают те, кто наряжен во фрак. Классическими образцами этого нового политического театра просвещения являются знаменитая комедия Ю. У. Немцевича «Возвращение депутата» (1791), а также богатейшая сатирическая литература и общественно-политическая публицистика конца 80—90-х годов. Своего рода панорамным, глубоким и всесторонним отражением такого рода просветительской концепции культуры (также и в плане хронологическом) стал роман И. Красицкого «Пан Подстолий» (1778—1792)³⁸.

Особая проблема — роль армии в общественно-исторической действительности Польши времен Просвещения³⁹. Можно отметить, что основной конфликт эпохи просматривается и в этой сфере. Так же как и в других государственных институтах, он проявлялся дифференцированно — в зависимости от принадлежности каждого конкретного индивидуума к той или иной социальной среде, степени и характера образования и рода деятельности (службы), а в конечном счете — от принадлежности к традиционалистам или реформаторам, так как и здесь основной водораздел проходил между милицией (войска на службе отдельных магнатов) и государственной армией. Однако линию и значение этого разграничения не следует абсолютизировать, ибо, во-первых, часть магнатов (а следовательно, и подчиненные им отряды милиции) поддерживала лагерь реформаторов; государственная армия в Польше — в отличие от других стран — подчинялась, за исключением гвардии, не монарху, а гетманам, причем значительная часть армии, шляхетская по своему социальному составу кавалерия, находилась под влиянием традиционалистов; и, во-вторых, воззрения отдельных офицеров, равно как и развитие военного искусства с учетом новейшего европейского опыта, не были столь однозначно этим водоразделом предопределены. В качестве примера можно опять-таки привести Барскую конфедерацию: 1) в ее рядах сражался будущий герой борьбы североамериканских штатов за независимость К. Пулаский и будущий видный политический деятель и писатель национального Просвещения Ю. Выбицкий; 2) конфедерация выдвинула ряд талантливых военачальников и выработала методы ведения войны, которые были использованы сторонниками преобразований в период вооруженной борьбы (1792) за дело просветительской Конституции 3 Мая и во время восстания Костюшко (1794). В XIX в. именно к этому опыту будут обращаться и деятели польских национальных восстаний⁴⁰.

В свою очередь реформированная сторонниками просветительских преобразований государственная армия не была чем-то однородным в плане социальном и культурно-политическом. Часть этой армии, и притом значительная, являла собой своеобразное продолжение организации и традиций шляхетского ополчения, восходящего еще ко времени средневековья. Речь идет о национальной кавалерии, служба в которой являлась прерогативой рыцарского сословия. Именно здесь впервые ввели на-

циональные мундиры и блюли сарматскую моду (бритые головы с оселедцом и усы). Лагерь традиционалистов имел в кавалерии свою опору и защиту, препятствуя численному росту «плебейской» армии (где преобладающим было влияние реформаторов) и способствуя непропорциональному в соотношении с другими родами войск расширению именно этой части вооруженных сил, что предопределило недостатки общей их структуры⁴¹.

В данной связи особо следует подчеркнуть, что именно в эпоху Просвещения польская регулярная армия (которая ранее в основном состояла из иностранных наемников) начинает играть политическую роль и сама становится объектом политической борьбы. С этим связана и ее реорганизация при Станиславе-Августе. Именно теперь регулярная армия обретает национальный по своему этническому составу характер (до этого, начиная со времен средневековья, национальным было только шляхетское ополчение, созываемое лишь в случае необходимости). Следует отметить, что роль армии в формировании патриотизма и сам ее патриотизм были связаны не только с фактом защиты родной земли, но и с национальным составом солдатской массы и офицерского корпуса (постановлением сейма 1786 г. запрещалось принимать на офицерскую должность иностранцев⁴²). О том значении (не только военном, но и социально-политическом, общекультурном), которое придавал армии лагерь реформаторов, свидетельствует созданный Станиславом-Августом уже в начале правления Кадетский корпус (1765) — первое военное учебное заведение в истории страны. Его организация и просветительская программа, включающая широкий круг гуманитарных наук, способствовали воспитанию не только специалистов, но и по-новому мыслящих людей, которые впоследствии дополнили ряды сторонников преобразований. Из этого военного заведения, которым руководил А.-К. Чарторыйский (сыгравший крупную роль и в создании его учебной программы), вышли такие видные деятели эпохи, как генерал североамериканской армии и руководитель национального восстания Т. Костюшко, политик, писатель, публицист, адъютант Костюшко Ю.-У. Немцевич, поэт, революционер, генерал Я. Ясиньский, генерал, участник войны (1792) в защиту просветительской конституции, участник восстания Костюшко, военачальник легионов Домбровского, руководитель политической миссии в Париже в период восстания 1830—1831 гг. К. Князевич.

Особый раздел истории этой эпохи — общественно-политическая роль армии времен легионов Я. Х. Домбровского (1797—1803) и Княжества Варшавского (1807—1815).

Поражение восстания Костюшко (1794) и ликвидация польской государственности (1795) вызвали национальный шок, который, однако, уже вскоре сменился уверенностью в возрождении независимости. Сторонники просветительских преобразований связывали свои надежды с революционной Францией, противостоящей трем монархиям, стершим Польшу с политической

карты Европы. Связанная с восстанием Костюшко политическая эмиграция во Франции создает по инициативе Я. Х. Домбровского и по договоренности с Наполеоном польскую армию, которая, продолжив общественно-политические идеи и военное искусство национального просвещения, проникается идеалами французской революции. Легионы — это своего рода реализованные в миниатюре (если речь идет о масштабах) идеи «свободы, равенства, братства». Здесь бывшие крепостные и представители третьего сословия обрели равные гражданские права (включая возможности военной карьеры) со шляхтичами, здесь издавался первый печатный орган для солдат «Декада», здесь офицеры учили солдат грамоте и распространяли среди них идеи Великой французской революции, разъясняли им их интернациональный долг во взаимосвязи с обязанностями патриота⁴³. Именно это предопределило как характер отношений и распределение обязанностей в армии, так и новую по своему качеству дисциплину. Традиции легионов в значительной степени стали достоянием армии Княжества Варшавского. В это время благодаря введению всеобщей воинской обязанности армия играет в жизни страны роль интегрирующего социально-политического фактора, становится своего рода школой демократии для представителей всех слоев польского общества, что войдет не только в легенду, но и в живую традицию национальных восстаний XIX в. и борьбы поляков за национальную независимость в первую и вторую мировые войны⁴⁴.

Сама возможность такой социально-политической и общекультурной интеграции связана не только с опытом легионов Домбровского, где она впервые осуществлялась на практике и притом в «чистом виде», что было обусловлено воззрениями членов офицерского корпуса и географической оторванностью армии от Польши и от реальных социально-политических сил внутри страны, противостоящих проповедуемым идеям, наконец, организационной и морально-политической общностью легионов с армией революционной Франции.

Армия — это лишь один из социальных институтов, в численном отношении незначительная, хотя и широко — в социальном аспекте — представленная часть общества. В данном случае благодаря конкретной исторической ситуации и типу организации армия опередила другие общественные институты в реализации передовых идей своего времени. Определяющим же фактором, включающим в себя возможность этого ограниченного в масштабах всего общества, но удачного эксперимента, явился объективный процесс общекультурной эволюции польского общества, движимый центростремительными силами, порожденными патриотическими устремлениями разных политических партий и общественных слоев, что в сущности было отражением — в социальной сфере — первого этапа формирования польской нации.

Дальнейшие судьбы этого эксперимента, равно как и специфика социально-политических процессов, охватывающих все польское общество, были predeterminedены историческими событиями, связанными с крушением империи Наполеона и новой политической ситуацией Европы после Венского конгресса.

Итак, процесс кристаллизации новой общенациональной концепции культуры, начиная со второго периода Просвещения, динамизировался благодаря наличию встречных течений: обращение традиционалистов к европейским доктринам современности, а реформаторов — к традициям польского прошлого уже само по себе создавало предпосылки для их сближения. Особая роль при этом принадлежала изменяющейся политической ситуации. Крушение национальной независимости (1795) и последующие события польской и общеевропейской истории трех первых десятилетий XIX в. как заключительной фазы Просвещения predeterminedелили характер кристаллизации, темпы развития, судьбы и общекультурное значение идей и концепций, возникших во второй половине XVIII в.

В связи с вышеизложенным думается, что для характеристики основного конфликта эпохи недостаточно привлечения категорий *просветительство* — *антипросветительство*, ибо обозначаемые ими явления в некоторых областях государственно-правовой мысли, экономики, культуры, литературы, искусства и архитектуры взаимонакладывались. Поэтому для более полного воссоздания облика эпохи необходимо введение понятий из области политики и в их свете — анализ явлений культуры. Тогда станет понятной не только граница, разделяющая польское общество, станут более ясно вырисовываться не только разрывающие его центробежные тенденции, но и более отчетливо выявятся те центростремительные силы, преобладание которых обусловило существование поляков как народа, общества и государства, чье «вчера», по словам Норвида, — «это сегодня, только несколько дальше». Без этого «вчера» национальной истории и связанного с нею комплекса традиций — от политического мышления до психологии и быта — невозможно понять сущности и самой логики устремлений как реформаторов, так и традиционалистов — того, что их разделяло, и того, что их связывало.

¹ Флюктуация эта распространялась также и вовне — на сферу соотношения и связанного с ним взаимозменения двух противоборствующих сил.

² Эти явления рассматривались в работе: *Липатов А. В.* Европейское Просвещение и концепции национальной культуры в Польше XVIII в.: (К постановке проблемы). — В кн.: *Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1977.

Данная работа является продолжением предыдущей как в проблемно-тематическом, так и в историко-хронологическом отношении. Концепция периодизации эпохи основана на положениях, отраженных в статье: *Липатов А. В.* Периодизация литературы польского Просвещения. — *Сов. славяноведение*, 1972, № 6. Ср. также: *Липатов А. В.* Проблемы периодизации литературы польского просвещения. — *Сов. славяноведение*, 1971,

- № 3; *Lipatov A. W.* Kalendarze literatury.— *Teksty*, Warszawa, 1973, N 3.
- ³ В этом отношении еще в предпросветительские времена интерес польков вызывал не только Запад, но и опыт России времен Петра I.
- ⁴ В этом отношении характерны и сами названия двух главных противоборствующих политических группировок в Польше эпохи Просвещения: республиканская партия и королевская партия.
- ⁵ В отношении политики и политических программ разных группировок эпохи Просвещения (в период до потери национальной независимости) особый интерес представляют следующие работы: *Konopczyński W.* *Polscy pisarze polityczni XVIII w.* Warszawa, 1966; *Idem.* *Konfederacja Barska.* Warszawa, 1936—1938, t. 1—2; *Piłat R.* *O literaturze politycznej Sejmu Czteroletniego (1788—1792).* Kraków, 1872; *Kalinka W.* *Sejm Czteroletni.* Wyd. 4. Kraków, 1895—1896, t. 1—3; *Smoleński W.* *Ostatni rok Sejmu Wielkiego.* Wyd. 2. Kraków, 1897; *Leśnodorski B.* *Dzielo Sejmu Czteroletniego (1788—1792).* Wrocław, 1951; *Materiały do dziejów Sejmu Czteroletniego.* T. 1—6. Wrocław, 1955—1969.
- ⁶ Начало этой тенденции можно проследить и в характере переплетения нового со старым в трудах Залуских или Гарчинского, в контактах традиционалистов с просвещенным Петербургом и Западом как до, так и после прихода к власти реформаторов. Это распространяется и на сферу эстетики, собственно художественных явлений. Характерный пример: концепцию классицизма, которая благодаря культурной политике Станислава Августа была возведена в ранг официальной доктрины, впервые на польской почве реализовал В. Жевуский, чей театр и драматургия, идейно чуждые Просвещению, тем не менее получили высокую оценку польских просветителей, идущих — в художественном отношении — по его стопам.
- ⁷ *Szykowski M.* *Myśl Japa Jakóba Rousseau w Polsce XVIII w.* Kraków, 1913; *Липатов А. В.* Идея Ж.-Ж. Руссо в Польше XVIII в. и Нибуанская утопия И. Красицкого.— В кн.: *Польское освободительное движение XIX—XX вв. и проблемы истории культуры.* М., 1966; *Michalski J.* *Rousseau i sarmacki republikanizm.* Warszawa, 1977.
- ⁸ Естественно, речь идет об идеологах, политических группировках в целом и представляемых ими основных тенденциях, а не о таких отклонениях, как, например, настроения наиболее темных кругов провинциальной, преимущественно мелкой, шляхты, к стати, умело используемой этими идеологами, оперирующими идеей преемственности национально-исторической традиции, столь близкой, более того — священной для заскоружлых умов наиболее отсталых слоев «рыцарского сословия». При этом следует, однако, учитывать различие между политико-пропагандистской демагогией идеологов (которые, обращаясь за поддержкой к наиболее темным кругам шляхты, как бы сознательно снисходили, опускались до их уровня в целях достижения понимания, а следовательно, поддержки) и их программой и практикой на политической арене высшего уровня. Иначе — нельзя отождествлять пропагандистские приемы панибратства и политической демагогии защиты старины с самой партийной программой и ее сущностью точно так же, как культурный стереотип наиболее отсталых кругов шляхты (используемой традиционалистами в своих целях) — с интеллектуальным уровнем образованных (и высокообразованных) партийных деятелей и лидеров, создающих партийные программы и предопределяющих дифференцированный характер и тактику партийной борьбы в условиях шляхетской демократии — от провинциальных сеймиков до общегосударственного Сейма.
- ⁹ Для художественного развития литературы, идейно связанной с традиционалистами, показательно сопоставление литературы Барской конфедерации, типичной для сарматского барокко, с литературой 80—90-х годов XVIII в., которая в художественном отношении смыкается с просветительской.
- ¹⁰ Классицизм, рококо, неоготика, английский и французский типы пар-

ков — все это распространяется независимо от политической ориентации как среди реформаторов, так и среди традиционалистов.

¹¹ Выявление хронологии этих явлений — предмет особого исследования, связанного как с разработками сугубо фактографического характера, так и с их аналитическим переосмыслением.

¹² «Так называемых», ибо просветительское и традиционное не выступало в своем «чистом» виде, — особенно в период зрелого Просвещения. Можно говорить о преобладании просветительского или традиционного в программах враждующих политических группировок; сведение же основного конфликта к противостоянию просветительского и традиционного как своего рода «чистых» моделей было бы — в свете конкретных исторических фактов — явным упрощением подлинной картины сложного и противоречивого переплетения различных тенденций как внутри программ отдельных партий, так и в сфере их внешнего противостояния и взаимодействия.

Новое, возникшее в эпоху Просвещения, использовалось и традиционалистами, точно так же и реформаторы отнюдь не отказывались от ряда исторически обусловленных и связанных с социально-политическим развитием польского общества основ традиционализма, например религии как важнейшей составной части не только общего мировосприятия, но и одного из главных народоопределяющих факторов. Это объективно сближало традиционалистов и реформаторов в главном — в отношении неразрывности польской общности, выступая тем самым в качестве одной из центростремительных сил, способствующих формированию общенациональной культуры в условиях внутривнутриполитического раскола. Особо следует учесть, что с 80-х годов — в период зрелого Просвещения — удельный вес традиций в культурных программах реформаторов начинает стремительно возрастать, охватывая все сферы — от идеологии до быта.

¹³ В методологическом отношении это пример того, как введение но-

вой категории (в данном случае Просвещения), с одной стороны, способствует объективному упорядочению исторических фактов и их переосмыслению, а с другой — нарушает объективность исторического освещения прошлого из-за субъективной односторонности в исследовательском использовании этой категории, когда лишь в ее аспекте рассматриваются внутренне сложные факты и конфликты, чья сущность и характер сцепления невозможно понять, не учитывая наличие других, противостоящих Просвещению тенденций, вступающих с ним в диалектическое взаимодействие, но относящихся к категории иного рода. В результате получается не реконструкция исторического прошлого во всей сложности его противоречия и взаимосвязей, а абстрагированная от этого «чистая» модель, упрощающая и картину прошлого, и сами задания, стоящие перед его исследователем.

¹⁴ Амплитуда изменений в направленности такого рода протектората была связана с ростом сил в каждой из партий и обусловлена изменениями в сфере их потенциальных возможностей, что грозило победой одной из них. Такая победа означала для Австрии, Пруссии и России опасность усиления Польши, а также связанный с этим ее выход из орбиты политических влияний и непосредственных воздействий извне.

¹⁵ Такая тенденция в значительной степени была продиктована соображениями политической тактики. Поборник европейской культуры и тонкий ценитель современного искусства король Станислав-Август с самого начала принимал во внимание привязанность шляхты к традиционному стереотипу культуры. Еще в 1765 г. в письме к мадам Жоффрен он высказал мнение, что радикальное «исправление общества» может привести к резкому обострению ситуации, а посему, «чтобы их вылечить, нужно поступать с особой мягкостью» (*Klimowicz M. Początki teatru stanisławowskiego (1765—1766)*. Warszawa, 1965, s. 10).

¹⁶ В этом отношении знаменательна оценка романа Станиславом-

- Августом. См.: Korespondencja Ignacego Krasickiego. Warszawa, 1958, t. II, s. 230; *Лунатов А. В.* Возникновение польского просветительского романа. Проблемы национального и общеевропейского. М., 1974, гл. III. Воззрениям Красицкого и его творческим связям с философскими веяниями XVIII в. посвящено ценное исследование Р. Волошиньского: *Woloszyński R.* Ignacy Krasicki: Utopia i rzeczywistość. Warszawa, 1970.
- ¹⁷ Во многом аналогичная реакция на нововведения наблюдалась в России периода петровских реформ.
- ¹⁸ Из новейших исследований см.: *Libera Z.* Problemy polskiego Oświecenia: Kultura i styl. Warszawa, 1969; *Idem.* Życie literackie w Warszawie w czasach Stanisława Augusta. Warszawa, 1971; *Jaroszewski T. S.* Architektura doby Oświecenia w Polsce. Warszawa, 1971; *Polska w epoce Oświecenia: Państwo. Społeczeństwo. Kultura* (здесь и библиография). Warszawa, 1971; *Historia sztuki polskiej w zarysie.* Wyd. 2. Kraków, 1965, t. 3; *Kostkiewiczowa T.* Klasycyzm, sentymentalizm, rokoko: Szkice o prądach literackich polskiego Oświecenia. Warszawa, 1975; *Klimowicz M.* Oświecenie. Warszawa, 1972, 1976; *Wierzbicka-Michalska K.* Teatr w Polsce XVIII wieku. Warszawa, 1977; *Тананаева Л. И.* Польское изобразительное искусство эпохи Просвещения. М., 1968; *Лунатов А. В.* Литературные направления эпохи польского просвещения и проблема художественного метода.— *Сов. славяноведение*, 1968, № 4; *Он же.* Проблемы классицизма.— *Сов. славяноведение*, 1969, № 3; У истоков польского предромантизма (национальное и общеевропейское).— В кн.: *Славянские литературы: VII Международный съезд славистов.* М., 1973; Предромантизм на Западе и в Польше XVIII века (Опыт дефиниции и сопоставления).— В кн.: *Польский романтизм и восточнославянские литературы.* М., 1973; *Лунатов А. В.* Возникновение польского просветительского романа: Проблемы национального и общеевропейского. М., 1974.
- ¹⁹ В этом отношении особый интерес представляет коллективный труд: *Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej.* Warszawa, 1973.
- ²⁰ Курьезный, но весьма знаменательный пример, показывающий реакцию традиционалистов даже на умеренную критику со стороны реформаторов: стоило «Монитору» выступить против безудержного пьянства как традиционного типа общения и времяпрепровождения, как в редакцию стали поступать письма о том, что некоторые шляхтичи поклялись «назло пить еще больше, а стеклодувам наказали делать еще более вместительные кубки», окрещенные «мониторскими»: *Monitor*, 1773, N 29; *Orłowski W.* Satyra na łamach «Monitora» Bohomolcowego.— *Biblioteka Warszawska*, 1912, t. 2, s. 109.
- ²¹ Если тогда в силу политических соображений под давлением извне был смещен с трона один из видных представителей раннепросветительских веяний, Станислав Лещинский, то теперь опять-таки в силу соображений сугубо политического характера на этот же престол при сильнейшем нажиме извне был возведен сторонник просветительских идей Станислав Понятовский.
- ²² Этот важнейший компонент государственной идеологии выступает в Польше по крайней мере со времен позднего средневековья или раннего Возрождения, когда в основном были изжиты идейно-психологические последствия феодальной раздробленности.
- ²³ В этом отношении особый интерес представляют новейшие исследования, собранные в сб.: *Przemiany tradycji barskiej.* Kraków, 1972. Основные тезисы вошедших сюда исследований изложены мною в реферативном журнале «Общественные науки за рубежом» (1974, сер. 7, № 4, с. 123—125); см. также: *Michalski J.* Schyłek konfederacji barskiej. Wrocław, 1970.
- ²⁴ Этот антиисторизм — идеализация идеи конфедерации и образов ее участников — был связан с актуализацией темы в условиях наци-

- онального угнетения, когда на литературу была возложена миссия сохранения и распространения национальной идеи в обществе, лишенном собственной государственности и подвергаемом опасности ассимиляции в границах трех разделивших Польшу государств (О мотиве Бара в польской литературе и фольклоре XVIII—XIX вв. см. исследование М. Климовича, М. Янион и М. Жмигродзкой, З. Стефановской, Х. Капелью в вышеназванном сборнике).
- ²³ Uwagi nad rządem polskim oraz nad odmianą czyli reformą onego projektowaną przez J. Jakuba Russo... Warszawa, 1789, s. 23.
- ²⁶ Uwagi nad rządem..., s. 23.
- ²⁷ Помимо указанных здесь ранее исследований этой проблематики, см. также: *Smoleński W. Przewrót umysłowy w Polsce wieku XVIII*. Wyd. III. Warszawa, 1949, IV — 1979; *Rostworowski E. Republikanizm polski i anglosaski w XVIII w.* — *Miesięcznik Literacki*, 1976, N 8; *Grabski A. F. Myśl historyczna polskiego Oświecenia*. Warszawa, 1976.
- Об отражениях и интерпретациях этой полемики в историографии см.: *Serejski M. H. Europa a rozbiory Polski*. Warszawa, 1970; *Idem. Naród a państwo w polskiej myśli historycznej*. Warszawa, 1973. Отражению идей Просвещения в польской культуре посвятил свою статью Б. Лесьнодорский (Некоторые идейные мотивы в культуре польского Просвещения). — Вопросы истории, 1977, № 12).
- ²⁸ В случае этих последних речь идет о социально-политических воззрениях Руссо, которые обрели реальное звучание в период Великой французской революции. Своего рода салонно-аристократический вариант идей «женевского гражданина» и «мода на Руссо» были характерными чертами высокообразованной элиты лагеря реформаторов в Польше (как, впрочем, и в других странах Европы).
- ²⁹ Вместе с тем следует отметить, что характер (и подтекст) этой внешне односторонней критики, исходящей из противостоящих группировок, не был идентичным. Реформаторы критиковали внеш-

- нее, наносное, пришедшее вместе с новыми веяниями, но лишенное их внутреннего содержания; традиционалисты же, критикуя «просвещенную» моду как знамение новых воззрений, дискредитировали тем самым идейно-культурную программу своих политических противников. Особо следует принять во внимание и то, что реформаторы, обращаясь к шляхте — единственной политической силе в системе сословной республики, — должны были считаться с преобладающими настроениями: именно тактическими соображениями была продиктована однозначность в отношении к новым модам (отнюдь не во всем совпадающая с образом жизни самих представителей нового) и к деизму (который в частной жизни реформаторской элиты был явлением довольно распространенным).
- ³⁰ В этом отношении особый интерес представляют донесения саксонского шпиона Иоганна Хайне, общающего о реакции шляхты на первые просветительские комедии и вызванный этим вывод, к которому пришли «наиболее рассудительные» из сторонников нового: «слишком рано ставить такие вещи» (*Teatr Narodowy 1765—1766: Raporty szpiega Jana Heinego*. Przełożył M. Klimowicz. Warszawa, 1962, s. 15).
- ³¹ *Coccirara G. Storia del folklore in Europa*. Torino, 1952; *Ludowość u Mickiewicza/Praca zbiorowa pod red. J. Krzyżanowskiego i R. Wojciechowskiego*. Warszawa, 1958; *Hernac Cz. W kalinowym lesie*. Warszawa, 1965, t. 1.
- ³² *Leśnodorski B. Polscy jakobini*. Warszawa, 1960.
- ³³ Реформы в поместьях некоторых магнатов и предпринимательская деятельность (о чем уже говорилось ранее).
- ³⁴ Характерный в этом отношении пример — просветительская концепция республики бывшего идеолога Барской конфедерации М. Вельгорского (ср.: *Grabski A. F. Oświecenie i historia*. — *Miesięcznik Literacki*, 1976, N 9, s. 104). Республиканские идеи времен Просвещения и использование опыта североамериканской революции характерны и для концепций будущего

вождя антиреформаторской Тарговицкой конфедерации Ш. Потоцкого, который одно время даже хотел продать свои поместья и эмигрировать в Соединенные Штаты, в государственном устройстве которых он узрел наиболее полную реализацию идей свободы (ср.: *Rostworowski E. Op. cit., s. 100*).

³⁵ С этой точки зрения ярким иллюстративным материалом является деятельность Чарторыхских, связанная с консолидацией сил, противостоящих королевской партии в 80-е годы. Знаменательны также характер планируемого здесь в 1788 г. антикорольовского переворота (проект создания Патриотического конгресса и милиции по образцу североамериканской революции), а также имена его руководителей, среди которых наряду с А. К. Чарторыхским фигурируют будущие деятели Тарговицкой конфедерации Ш. Потоцкий, С. Жевуский и, вероятно, К. Радзивилл (ср.: *Rostworowski E. Op. cit., s. 100*).

³⁶ Инициатива, аналогичная созданию Адамом Казимежом и Изабелой Чарторыхскими музея национальной древности в Пулавах.

³⁷ В 1789 г. такие мундиры были введены даже для той части регулярной армии, которая состояла из иностранных наемников. Это было внешне отражение более глубоких устремлений лагеря реформаторов в области социально-экономической: тенденция к ассимиляции иностранных специалистов на польской службе и представителей третьего сословия (основная часть горожан в Польше этого времени — банкиров, промышленников, купцов, ремесленников, инженеров, лекарей — состояла из немцев, евреев, армян и представителей других национальностей). Главной и наиболее притягательной мерой было осуществляемое реформаторами массовое возведение в дворянство представителей третьего сословия, а во времена Большого сейма всех офицеров.

Можно сказать, что такого рода стремление к ассимиляции представителей других этнических групп на территории определенной страны уже само по себе является

детельством наличия местного — национального — самосознания, а также одновременно и его проявлением в сфере общественно-политической.

³⁸ См.: *Lunatow A. B. Возникновение польского просветительского романа: Проблемы национального и общеевропейского. М., 1974.*

³⁹ Из новых работ, посвященных армии, ее роли в общественно-политической жизни страны, польскому военному искусству, см.: *Zarys dziejów wojskowosci polskiej do 1864 g. Warszawa, 1966, t. II; Seseja naukowa poświęcona wojnie wyzwoleńczej narodu polskiego 1939—1945: Materiały. Warszawa, 1961; Rostworowski E. Sprawa akcji wojska na tle sytuacji politycznej przed Sejmem Czteroletnim. Warszawa, 1957; *Pachoński. J. Legiony polskie: Prawda i legenda 1794—1807. Warszawa, 1969; Leśnodorski B. Dzieło Sejmu Czteroletniego. Wrocław, 1951; Herbst S. Powstanie kościuszkowskie a przełom sztuki wojennej u schyłku XVIII w. Warszawa, 1958.**

⁴⁰ Знаменательным для подтверждения жизненности Барской конфедерации в формировании польского национального самосознания и патриотизма в разных социально-политических программах вплоть до наших дней является тот факт, что созданные польскими коммунистами в 1942 г. отряды Гвардии Людовой носили наряду с именами героев восстания Костюшко — крестьянина Бартоша Гловацкого и сапожника Яна Килиньского — также и имя шляхтича, партизана Барской конфедерации К. Пулаского.

⁴¹ В то время как в передовых европейских армиях кавалерия составляла, как правило, менее 30%, в польской ее численность повысилась до 50%.

⁴² В прусской армии этого периода около 60% всего состава приходилось на иностранцев, в русской они составляли значительный процент офицерского корпуса.

⁴³ Именно к этим временам восходит знаменитый лозунг польских национальных восстаний XIX в. «За вашу и нашу свободу» — лозунг, отражающий программу не только национального, но и социального

освобождения, и обращенный не только к своему народу, но и к угнетенным народам стран, поработивших Польшу.

⁴⁴ В этом отношении знаменательно, что созданная в СССР в 1943 г. 1-я

дивизия польской пехоты была названа именем Костюшко, а боевые соединения созданной в 1944 г. Армии Людовой также носили имена Т. Костюшко и Я. Х. Домбровского.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ НАЦИИ В ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Н. П. Митина, О. П. Морозова

Польская общественная мысль и политическая публицистика начинают употреблять и разрабатывать понятие нации (польск. *naród*) в смысле, аналогичном или приближенном к тому, в котором оно использовалось европейской мыслью в целом начиная с последних десятилетий XVIII в.— времени борьбы за государственные реформы и сохранение национальной независимости. Можно говорить в связи с этим о специфичности тех условий, в которых данное понятие применяется к польской этнической общности. В отличие от более интенсивно развивавшихся западноевропейских стран оно получает права гражданства не после буржуазной революции, завершившей формирование нации, не в момент ее подготовки и проведения, не в условиях развития нации в рамках сильного государства (как это было во Франции и Англии), а на относительно ранней фазе кризиса феодализма и формирования капиталистического уклада. В Польше это понятие начинает употребляться, когда сам процесс складывания нации находится на раннем этапе, когда важнейшие элементы, на которых базируется этническая общность, либо имеются в зачаточном виде (экономическая общность), либо распространяются только на верхи общества и сравнительно малую часть его низов (национальное самосознание), либо как раз в этот момент подрываются и утрачиваются (государственно-политическая общность).

Рассуждения польских мыслителей о нации были, таким образом, не фиксацией, узаконением достигнутого, а, как правило, программой на будущее, выражением социально-политических стремлений. Теоретическая мысль развивалась почти синхронно с теми странами, где буржуазная нация победоносно утвердила свое существование и суверенные права. Отсюда — широкое использование идей передовой Европы и попытки приспособить их, по-своему интерпретировать в польских условиях; отсюда — теснейшая переплетенность трактовки понятия нации с решением трудных, потребовавших, как показала история, много времени, труда и крови социальных проблем, необходимость

учитывать конкретную политическую ситуацию и в связи с ней наполнять историческое понятие определенным социально-политическим содержанием.

Новое понятие нации, выдвинутое в переходную эпоху, противостояло идеологическим понятиям, связанным с феодализмом и освящавшим его: концепции идентичности шляхты и народа, шляхты и нации. Согласно этой концепции, понятие национальной общности сужалось до привилегированного сословия, руководящего общественной жизнью, определяющего судьбы национальной общности, якобы единственно способного к патриотическим чувствам и действиям¹. Как несвоевременная и губительная для страны, эта концепция была сразу же отвергнута идеологами реформ. Но не следует преуменьшать ее жизненности, способности модифицироваться в новых условиях и воздействовать на идеологические построения нового исторического периода. Влияние и реликты этой концепции могли проявляться по-разному: от программ национальной капитуляции (если невозможно государственное существование на старых принципах, то ценой лояльного сотрудничества с захватчиком должно выжить единственно ценное с точки зрения старой национальной традиции сословие) до программ патриотического солидаризма, допускавших участие масс в общем деле лишь под руководством шляхты (например, заявление Мауриция Мохнацкого в эмиграции о том, что «шляхетский элемент» — это «живительный воздух нашего края», или известная формула Зигмунта Красиньского «с польской шляхтой польский люд»). Во всяком случае, идеологи нового видели в данной концепции вполне реальную опасность, отражение печальной тогдашней действительности, идеологический концентрат тех исторических причин, которые поставили польский народ в трагическое положение. Гуго Коллонтай в «Политическом праве польской нации» (1790) говорит о губительных последствиях того, что польская нация не искала гарантии свободы и независимости в правах человека, а «шляхетские привилегии и почести были слишком чахлыми, чтобы спасти всеобщее достояние и свободы»². Францишек Салезий Езерский с гневной иронией ополчился в «Катехизисе о тайнах польского государственного строя» (1790) на польский феодальный принцип: «В польской нации тот, кто не является шляхтичем, не может быть человеком»³. Три десятилетиями позже Станислав Сташиц, публикуя «Человеческий род» (1820), считает необходимым обратиться к защитникам старого принципа: «Вы называете ваши сверхправа правами нации. Нация! Но сосчитайте, сколько вас, и вы узнаете, кто составляет нацию»⁴. Здесь же он дает этому принципу подробную характеристику, считая его уничтожающим «правильные понятия о народе, об общественном деле»: «Слово «нация» применялось только к привилегированным сословиям, только они занимались общественным делом, извлекая из него для себя известные выгоды. Другие же люди, пленники и невольники, только в том случае считались

«нацией», только тогда привлекались к общественному делу, когда необходима была их поддержка, когда от них требовались жертвы, когда они посвящали ему свои силы, платили подати, отбывали различные повинности и жертвовали своей жизнью»⁵. Период господства данного принципа Сташиц считает искажением естественного развития польского народа: настоящая его история — только история эпохи Пястов; история Ягеллонов — это история лишь части народа; последующая эпоха, до 3 мая 1791 г., — «несчастное время», когда «были прерваны всякие общественные связи между нацией и правительством», «когда погиб дух нации, испортился истинный характер старых поляков»⁶.

Сторонники преобразования социального и политического строя Польши опираются на новое расширительное понятие нации, предусматривающее включение в эту общность всех сословий, в том числе и народные массы. Различия начинаются с того момента, когда определяется функция сословий и социальных групп в жизни нации, когда устанавливаются ее основа, источник ее силы, гарантия ее жизненности. Все это определяется политическими программами. Условием существования нации уже в эпоху Просвещения выступает признание равенства граждан — равенства в смысле принадлежности к нации, выполнения обязанностей перед нею, пользования защитой со стороны законов. «Во всеобщем счастье и свободе для всех, — пишет Коллонтай, — я вижу истинную силу нации, ее величие, ее могущество [...] *Всякий человек, родившийся в Польше, живущий там или прибывший туда, свободен и уверен в неприкосновенности своей личности и своего состояния*»⁷. Согласно Езерскому, «законы и их соблюдение необходимы нации для сохранения ее естества, подобно тому, как необходимы для существования человеческой жизни биение сердца и кровообращение»⁸. «Если нация, — пишет Езерский, — не имеет общих законов для всех живущих на ее землях [...] такая нация не может иметь прочного существования»⁹.

В наличии законодательства во всей его полноте Коллонтай видел гарантию свободы нации, а эту свободу считал тем элементом, по которому нация узнается и при котором вообще можно говорить о ее прочном существовании: «Будучи свободным народом, со всех сторон окруженным рабами, мы обладаем уже в силу этого признаком, по которому нас можно безошибочно узнавать во всем мире»¹⁰. Существование свободной французской нации он считает гарантированным лишь с момента ликвидации дворянских привилегий. Буржуазная сущность такой интерпретации нации очевидна и в исторически-временной определенности (подлинная, «гарантированная» нация начинается с утверждения буржуазного правопорядка), и в конкретной социально-политической расшифровке. У Коллонтая, по крайней мере в проектах, предлагаемых для немедленной реализации, нация предстает как система сословий, нечто вроде организма,

части которого исполняют определенные функции, упорядоченность, которая должна сменить прежнее анархическое всевластие верхов.

Важнейшую роль сыграло то обстоятельство, что программа, буржуазная по конечной своей направленности, должна была реализоваться в Польше блоком патриотической шляхты и мещанства. Не могло быть речи об отождествлении нации с третьим сословием и о претензиях буржуазии представлять народные массы в едином третьем сословии¹¹. У Коллонтая мы встречаем характерное расчленение нации на три составные части (причем мещанство отделяется от крестьянства): «наследственные землевладельцы, или шляхта, составляют первое сословие; владельцы городского имущества, или мещане, — второе сословие; люди, не имеющие наследственной собственности, — третье сословие»¹². Только двум первым сословиям он предлагает дать политические права (на третье распространяется лишь гарантия природных и общественных прав). Сташиц, отведав шляхте роль «посредника между тронем и народом», считает возможным добиться того, что «не будет в Польше трех врагов, но одна лишь Нация»¹³.

Суверенитет нации, таким образом, представлялся идеологам нового времени как суверенитет шляхты и мещанства. Сташиц в «Предостережениях Польше» утверждал: «Первый основной закон — это участие всей нации в составлении договора, т. е. законов»¹⁴. Но поскольку многочисленность нации заставляет прибегнуть к выборам депутатов, Сташиц предлагает сделать выборщиками и составителями инструкций только тех граждан, которые платят 30 злотых ежегодного налога. В конце брошюры он призывает: «Делайте из шляхетской и городской молодежи одну нацию»¹⁵. Гражданин, член нации, определяется в просветительских программах прежде всего как собственник. Именно в увеличении числа собственников Сташиц видит источник силы нации.

Таков был исходный пункт польской прогрессивной мысли в вопросе о нации. Развитие ее в демократическом духе шло, во-первых, через отсечение от нации, во всяком случае от ее здоровых сил, антинациональных феодальных верхов¹⁶. Обличение реакционной магнатории как группы, поставившей себя за пределами нации, характерно для публицистики уже конца XVIII в. Езерский говорит о практической бесполезности для нации шляхты в целом: «На шляхетское сословие в политическом плане смотреть следует как на род камней в царстве природы; камни слишком мертвы, холодны, тверды и бесполезны, но они дороги, называются драгоценными и служат украшением человеческой природы»¹⁷. (Вопрос о шляхте оживет в демократической публицистике XIX в., а особенно — после поражения восстания 1830 г.) Другой стороной вопроса было определение той роли, которую играет в нации основная масса населения — крестьянство, приобщенность последнего к национальному действию. По-

началу дело сводилось к призыву восстановить по отношению к крестьянству гражданскую справедливость, дать ему личную свободу, этого, полагали, было достаточно, чтобы крестьянин проникся патриотизмом и стал членом нации. Коллонтай писал: «Отдадим крестьянину то, что мы у него святотатственно отняли, в чем мы попрали божеское и человеческое право, т. е. отдадим ему свободу распоряжаться своей личностью, своими руками, и тогда трудолюбивый народ, народ, питающий нас и возделывающий наши поля, с удвоенной охотой, искренне прилепившись к земле, неслыханно обогатит все общество, увеличит наши достатки, будет любить Отчизну, признавать ее воистину своей, ту отчизну, в которой сейчас он не отличается по своему положению от скота»¹⁸.

Правда, политический расчет, конкретное соотношение сил заставляли оговариваться: «Свобода простому народу — это не что иное, как права человека. То, что человек снова обретает свои права, не значит, что он сможет быть непослушным, сделаться законодателем, уничтожать почести и привилегии, закрепленные потомством добродетельных людей». И следовал вывод: «Если мы хотим привязать к себе наш простой народ, отдадим его под опеку правительства»¹⁹.

Одновременно с этим высказывались мысли об огромном значении крестьянства в жизни нации. Сташиц утверждал: «Если земледelec раб,— всю страну ожидает порабощение». Описывая яркими красками бедственное положение тех, кто составляет «пять шестых польской нации», он называл крестьянство основой Речи Посполитой, возмущался тем, что оно лишено законной защиты и справедливости, называл другие «сословия» (духовенство, шляхту, адвокатов, докторов, комедиантов, мелких торговцев и т. д.) гораздо менее полезными обществу. «Тому сословию,— писал Сташиц,— которое всему обществу доставляет продовольствие, дает людей и платит налоги, должно отдаваться предпочтение перед другими сословиями»²⁰. В подобном духе рассуждал и Езерский: «Представление о земле как о всеобщей матери в природе соответствует представлению о гражданском значении простого народа»²¹. Он шел, пожалуй, даже несколько дальше признания необходимости гражданского равенства, говорил о недостаточности «права общего» (т. е. имеющего малое значение в сопоставлении с правами привилегированных лиц), утверждал, что само существование нации еще не делает простолюдина «истинным гражданином польской земли», подчеркивал, что «самую надежную прочность существованию каждой нации придает однородное довольствование в образе жизни»²². Именно Езерским было сформулировано радикальное определение той роли, которую играет в жизни нации «простонародье» (*pospólstwo*): «Простой же народ определяет своеобразие нации, сохраняет родной язык, оберегает обычаи и придерживается устойчивого образа жизни. Поселянин не выдумал моды ни в одежде, ни в мебели, ни в повседневной речи»²³.

Отождествление понятий «нация» (pańód) и «простой народ» (lud) явилось важнейшим пунктом идеологической программы «польских якобинцев» 1794 г. При этом оно не было чисто теоретическим построением или благим пожеланием: оно отражало настроение городского простонародья в момент подъема его политической активности. Б. Лесьнодорский в «Польских якобинцах» приводит высказывания мемуаристов, настроенных против демократии и с неприязнью, но единодушно свидетельствующих, что «варшавское простонародье» в дни национального восстания под руководством Тадеуша Костюшко сплошь и рядом именovalo себя «нацией»²⁴. Приобщение масс к освободительному движению было связано, таким образом, с прогрессивной трактовкой понятия нации, которую подхватили затем демократы XIX в.

Передовые мыслители Просвещения признали значение крестьянства как части нации, отметив несколько его аспектов: дифференцирующий (определенность языково-этнического облика), стабилизирующий (устойчивость обычаев), материальный (людские ресурсы, национальное богатство)²⁵.

Возможность различного социального наполнения понятия нации, связь его с социально-политическими задачами обусловили тот факт, что само определение понятия нации строилось на признаках достаточно разнообразных. Обратимся к наиболее развернутому и известному определению нации, которое дал Езерский: «Нация — это совокупность людей, имеющих один язык, единые нравы и обычаи и охватываемых единым и общим для всех граждан законодательством». Характерно наличие элемента, трактуемого как очевидный всеми определениями нации («один язык»), ее культурно-психологической трактовки («единые нравы и обычаи») и элемента государственно-правового (единое законодательство)²⁶. Последний важен для Езерского как показатель уровня политического развития национальной общности. Но это отнюдь не означает принятия точки зрения, что нация существует лишь постольку, поскольку объединена в одном государстве. Езерский сразу же оговаривается, что «нация и ее правительство — это различные вещи», и ссылается на пример пребывающих в раздробленности немецкой и итальянской наций. Езерский, сформулировавший свое определение после первого раздела Польши, не мог, разумеется, признать отлученными от нации своих соотечественников, попавших под иноземное владычество. Важность государственного единства отнюдь не недооценивалась: нация может не располагать им в настоящий момент, но она обладает правом на его достижение, восстановление, важны наличие исторической традиции, воля нации к осуществлению своего права. Политиков конца XVIII в. весьма тревожило разрушение польской государственности, оно представлялось угрозой для нации. Особенно их беспокоило национальное раздробление, порабощение народа несколькими державами.

«Целостная нация,— писал Коллонтай,— подпадающая под ярмо деспота, питает надежду, что когда-нибудь сумеет воспрянуть, используя стечение обстоятельств и собственную просвещенность. Но каким образом поделенная нация, теряющая свое существование, сможет снова обрести свободу? Утратив целостность, она теряет силы и становится совершенно равнодушной к своему исконному отечеству, лишается радостей общего блага, становится совсем иным народом, усваивает иные обычаи»²⁷. Обращаясь к соотечественникам, он писал: «Ваши соседи вырвали из недр Польши так много граждан вольной земли, что отныне начинает становиться сомнительным, являетесь ли вы еще поляками»²⁸. От этатистского элемента в трактовке нации (толкуемого в историко-традиционном плане) идеологи польского патриотического движения не отказывались потому, что феодальная Речь Посполитая была государством многонациональным, что языково-этнический принцип при определении населения, составляющего польскую нацию, расходился с принципом историко-государственным. Важность первого принципа подчеркивалась тогда, когда критиковалось феодальное прошлое, осуждался отрыв господствующих классов от народа. Коллонтай, говоря о значении языка в деле просвещения нации и создания общей для всех системы воспитания, замечал: «Родной язык, будучи самым подходящим орудием для достижения столь важной цели, не мог привести к желаемым результатам, ибо не употреблялся при дворе, был изгнан из судебных и всех других учреждений, а в школах преподавание его было совершенно запущено»²⁹. Языково-этнический принцип был применен в отношении земель, утерянных на Западе. В «Размышлениях над положением Варшавского княжества» (1809) Коллонтай призывал при реформах общественного устройства обращать внимание на язык и нравы народов, напоминал, что «управляющий и управляемый должны понимать друг друга и разговаривать на одном языке», что «интересы новой политики» требуют, чтобы нации «оставались целостными, как их отделила друг от друга сама природа». «Все земли, лежащие на правом берегу Одры,— писал он,— являются славянскими: жители Силезии, начиная от истоков Одры и до границ Бранденбурга, говорят по-польски [...] Померания населена славянским народом, который также говорит по-польски на кашубском диалекте»³⁰. В применении к Востоку этот принцип подсказывал иные выводы — приходилось либо распространять его (открыто или молчаливо) лишь на шляхетское или мещанское население, либо жертвовать им в пользу принципа историко-государственного. Коллонтай в «Последнем предостережении Польше» (1790) употребляет термин «польско-литовская» нация. Автор «Человеческого рода» говорит о «братских народах», признавая вместе с тем, что они в последние века Речи Посполитой «постоянно отказывались от союза с поляками», что «вследствие учиненного над ними насилия и презрения к ним поляков они принуждены

были перейти в лагерь врагов Польши, сблизиться с народами, имевшими иное происхождение и иной язык»³¹. В дальнейшем польская демократическая мысль начинает яснее осознавать суть данного противоречия — по мере того как принимаются во внимание исторические факты, наличие освободительного антифеодалного движения угнетавшихся Речью Посполитой славянских народов. Тадеуш Кремповецкий в статье «Национальность» (1834) говорит о слиянии поляков с соседями на востоке лишь как о нереализованной возможности. Он ссылается на пример Франции, где, по его подсчету, восемь народностей слились в единую нацию. Применительно же к давней Польше автор говорит о существовании двух народов — польского и русского люда, которые, «пока их не отделили религия и литература», по его мнению, «были в теснейшем родстве», а поскольку «первоначальный лехитский язык был почти такой же, как русский», Кремповецкий считает, что «легко было бы создать одну великую национальность», но не произошло этого по вине шляхты³².

В польских условиях не могло быть речи о проблеме экономического единства нации, но примечательно, что все-таки выдвигалась мысль о необходимости достижения определенного уровня в развитии экономики, законодательного упорядочения экономических отношений. Коллонтай говорит о том, что ради нераздельности нации, ее счастья и свободы ей нужно дать экономические статуты. Позднее Ян-Людовик Жуковский в брошюре «О барщине» (1830) в отмене барщины и, как следствие, в развитии производительных сил страны видит необходимое условие возникновения истинной национальной общности, гарантию движения вперед и расцвета умственных сил народа, создания «подлинной культуры нации, которая складывается из собственных, а не из перенятых элементов», речительство мощи и «вечного существования нации»³³.

После утраты государственной независимости в определении нации польскими мыслителями чувствуется влияние новых условий и существенное изменение акцентов. С гораздо большей силой подчеркивается историческая обусловленность существования и облика наций. «Общество — нация, — пишет современный исследователь, — не только пространственная связь между людьми, как в просветительских концепциях, ограничивающихся в ее определении данными из области законодательства и географии. Это также и связь между людьми во времени...»³⁴. Само обращение к истории, указание на неразрывность прошлого и настоящего еще не предreshало вопроса о политической направленности новых концепций. Традицию, своеобразие пройденного нацией пути можно было толковать по-разному. Для консервативного мыслителя понимание нации как своеобразного, неповторимого явления было привлекательно в плане отрицания просветительской универсальности материального и духовного прогресса (основанной на единстве человеческой природы, повторяемости социальных явлений). Оно позволяло считать случай-

ным, «одноразовым» опыт других наций и необязательной перспективу стоявших на повестке дня буржуазных революций.

Напротив, в исторической концепции одного из деятелей демократии Иоахима Лелевеля (предметом истории он объявлял не избранные народы или классы, а «весь возрожденный род человеческий») заметно стремление к диалектической трактовке соотношения между нацией и человечеством: «Каждая нация, каждое государство имеет единую и ту же самую правомочность (prawność), т. е. свободную, ничем не стесненную самостоятельность. Но в ходе дел человеческих время творит и присваивает народам разные пристрастия, предубеждения, склонности, национальные различия, разность стремлений, требований, разные права и обязанности, переплетение интересов и представлений, так что эта правомочность выступает в общественных отношениях через бесчисленные оттенки, разнообразные, подчас даже уродливые проявления»³⁵.

Нации Лелевель отводил особо важное место в своих исторических построениях, выделяя ее из всей системы общественных связей, и вместе с тем рассматривал ее в разносторонней исторической обусловленности. «Нация,— пишет о Лелевеле современный исследователь,— была для него творением не природы, но истории; только знание истории позволяет познать ее индивидуальность. Хотя в ходе развития изменяются ее внутренняя структура, социальная дифференциация, для нее характерны преемственность и постоянство»³⁶.

Своеобразие исторической судьбы польской нации Лелевель усматривает в специфическом отношении к началам по сути своей общечеловеческим — свобода, равенство, народовластие, а специфичность видит в том, что эти начала для польской нации исконны, восходят к дофеодальным, «славянским» и «общинным», временам, когда «народ» и «простой народ» («pańób», «lud») совпадали, когда была заложена та суть национального бытия, без которой оно попросту окажется невозможным. Определив «наследие, оставленное давнею Речью Посполитой сиротелым детям своим», как «идею распространения республиканских принципов в равной степени на всю нацию, все состояния», дав идеалу национально-историческое обоснование, Лелевель сразу же подчеркивает: «Это согласуется со стремлениями и прогрессом человечества»³⁷.

Важной особенностью новых концепций нации было выдвижение на первый план культурно-психологического фактора³⁸. Значение его в известной степени отмечалось, впрочем, еще просветителями. Г. Коллонтай говорил, например, о необходимости считаться с национальными обычаями и нравами, определить моральные законы нации. Небезразличной проблема «устойчивого образа жизни» была и для Ф. С. Езерского. Надо полагать, что влияние просветительской традиции сказывалось на выступлениях тех публицистов 10—20-х годов, которые ставили культурно-психологический облик нации в прямую зависимость от

эпохи³⁹. В качестве примера можно привести статьи из журнала «Декада польска» (1821), где национальность рассматривалась как «особые черты, отличающие одну нацию от другой», черты, которые «имеют двойкий характер: происходят или из образа мыслей и чувств, т. е. национального характера, или из внешних проявлений, т. е. языка и обычаев»⁴⁰. Сам же национальный характер объяснялся зависимым от условий развития — формы правления, учреждений, законов, формирующих национальный характер, определяющих его сущность.

Одновременно предпринимались попытки найти нечто основополагающее в этом характере, такую его основу, которая была бы прочной и проходила сквозь столетия. Казимеж Бродзинский, целью которого являлась не просто выработка литературной программы, но и попытка уловить сущность польского своеобразия, «неизменным фактором» последнего признавал «определенные черты национального характера, сложившиеся под воздействием земледельческой культуры и запечатленные в литературе»⁴¹. В условиях, когда была потеряна государственная самостоятельность, перенесение определяющего жизнь (или смерть) нации начала в сферу духовную⁴² давало возможность считать существование польской нации реальным фактом вопреки грубому насилию разделов и намечать на этой основе какие-то новые национальные перспективы⁴³. Сыграло свою роль и влияние немецкой идеалистической философии, которое побуждало мыслителей романтической эпохи обратиться к понятиям типа «национальный дух», «национальная идея» и т. д., чтобы при их помощи определить и обосновать сущность нации и ее миссию, чтобы увидеть в них силу, которая овладевает людьми и, следовательно, движет историей («История — это результат воли человека, проявление его духа», — писал Мохнацкий)⁴⁴. Именно обьявление истории зависимой от человека, а следовательно, открытие возможности действовать было тем соблазном, который привлекал представителей поколения, грезившего о национальной революции⁴⁵, в историко-философских построениях объективного идеализма.

Национальной фразеологией опять-таки не предreshалось общественное значение той или иной концепции. «Дух» или «идея» могли быть в сущности обозначением развивающегося национального самосознания (и в этом случае позволяли видеть конкретную историческую обусловленность последнего, сохраняя связь с идеями просветителей). Они могли пониматься и как нечто иррациональное, извечно данное свыше, в сути своей неизменное (и тогда возникала опасность смыкания с консерватизмом или уступок последнему)⁴⁶. Возможно было и сочетание разнородных интерпретаций⁴⁷.

Наиболее основательными и интересными из теоретических соображений такого плана современные историки признают, как правило, концепции Мохнацкого, которые содержат «наиболее четкое в период до 1830 г. изложение романтической идеи

«нации» как общности, исторически данной и во всех своих жизненных проявлениях отличной от других национальных индивидуумов»⁴⁸. Определение Мохнацким нации можно рассматривать как наиболее резкое и демонстративное выдвигание на первый план культурно-психологического фактора⁴⁹. Мохнацкий, поскольку история для него не что иное, как свидетельство осознания и понимания себя народами «в своем естестве», исходит в своих построениях из того, что «как мысль одного человека заключает в себе, так сказать, его сущность, так мысли всех одновременно, собранные воедино, представляют сущность нации». На этом и базируется его определение: «Нация — это не просто совокупность людей, которые заселяют какое-либо пространство, определяемое теми или иными границами. Сущность нации — это скорее совокупность всех ее представлений, всех понятий и чувств, соответствующих религии, политическим учреждениям, законодательству, нравам и тесно связанных даже с географическим положением, климатом и другими условиями эмпирического бытия»⁵⁰. Вслед за этим идет рассуждение о значении литературы, понимаемой как явление, практически идентичное национальному самосознанию, как «система тех действий и движений мысли, которые имеют самую тесную и непосредственную связь с цивилизацией и духом нации», как область, где нация осознает себя во все исторические эпохи.

Такое понимание соотношения между литературой и нацией было вызвано не тем фактом, что Мохнацкий был литературным критиком. Наоборот, его интерес к литературе был обусловлен таким пониманием нации, при котором жизнь в сфере мысли считалась единственно значимой и более «высокой», нежели реальная действительность, и согласно которому гибель нации возможна не в результате падения государственности⁵¹, а лишь вследствие утраты самосознания. Национальное сознание выступало в этой концепции в качестве промежуточного звена между самопознанием личности и общечеловеческим сознанием, поскольку последнее рассматривалось как явление, существующее в опоре на сумму национальных сознаний. Взаимодействие между этими последними способствовало выявлению их индивидуальных черт, представлявших собой общечеловеческую ценность, а также взаимному их обогащению. Утрата национального самосознания должна была в свете этого выглядеть как выпадение из поступательного движения человечества, уход нации в небытие⁵². Создатели духовных ценностей были теми, кто давал жизнь нации, ибо только их сознание могло реализовать бытие всех людей, принадлежащих к нации, включая ушедшие поколения. Само же созидание духовных ценностей понималось весьма широко: говорилось, например, о сотворчестве читателей в отечественной литературе.

«Нация;— писал Мохнацкий,— подобна растению, которое [...] на родной почве расцветает из семени, а затем, по благо-

словению свыше, вырастает в высокое тенистое дерево. Сломит ли его когда-либо буря, если ствол его мощен и надежен? Если корни его из земли извлекают соки? Историческая жизнь всякого народа — это, по нашему мнению, не что иное, как непрерывный процесс *осознания* себя от начала, от колыбели, и во все последующие времена. Ствол, корень этого дерева есть историческое прошлое. Его образы рисует нам литература. Это понимание, ощущение самого себя во всей протяженности исторического бытия; так что с каждым ударом пульса, чуть ли не в каждом дыхании этой жизни проступает из глубокого забвения минувшее, утраченное естество».

Все это позволяло Мохнацкому прийти к выводу, что польский народ уже завоевал гарантию дальнейшей жизни и завоевал прежде всего благодаря своей истории и литературе.

Романтический подход к проблеме нации, конечно, предполагал значительное разнообразие идеологических построений, которое отражало наблюдавшееся в польском обществе столкновение различных интересов и идейных ориентаций. Консервативная мысль разных оттенков видела сплывающую нацию культурно-психологический фактор прежде всего в католицизме, «сарматизме», патриархальности, а сопрягая его с социально-правовой стороной дела, имела в виду старые порожденные феодализмом институты, рассматривая их как выражение национальной сущности. Против таких концепций в разное время и с разной степенью остроты выступали прогрессивные мыслители, которые, стремясь преодолеть односторонность просветительских представлений об общественном развитии, не отказывались и от завещанной предшественниками антифеодальной традиции. Лелевель выдвигает в противовес «религиозному рвенению, утверждающему, будто Польше свойственна какая-то исключительная католическая форма жизни», тезис о том, что как раз «христианская цивилизация содействовала утрате простым народом свободы», исказила естественное развитие польской национальности, вступив в противоречие с «духом славянства»⁵³. В таком же примерно плане строятся рассуждения прославленного знатока славянских древностей Зориана Доленги-Ходаковского: «От раннего окропления нас водой начали размываться черты, нас обозначающие, ослабевал на многих наших землях дух независимости, и, формируясь по чужеземному образцу, мы стали в конце концов чужды себе самим»⁵⁴. Позже, в 30-е годы, Кремповецкий развивает мысль об «антинациональности» господствующих классов, о том, что «ядом» для Польши была «шляхта, помещики, олигархия, эгоисты, неважно как назвать,— все это синонимы». Он пишет: «Эти люди по-своему понимают национальность. Согласно их мнению, национальность составляют религия, учреждения, законы, обычаи и нравы [...] По мнению этих господ, религия, которая приказывает бить челом власти, не разбирая того, какова эта власть [...] — это и есть национальность [...] Право владеть людьми как соб-

ственностью — это национальность. Именно такая национальность и погубила Польшу. Это является отрицанием национальности»⁵⁵.

Поскольку суть национального характера выводилась из истории, национальное прошлое не могло интерпретироваться иначе, нежели под влиянием представлений мыслителей о национальном принципе, «национальном духе» и т. д. На интерпретациях этих сказывалась не только и не столько консервативная приверженность к прошлому, сколько устремленность к будущему, требующему разгадки, желание показать, что трагические испытания приведут Польшу не к гибели, а к возрождению. События 1830—1831 гг. наложили особый отпечаток на понимание прошлого. Во время восстания публицист газеты «Нова Польска» пишет, что «теперь только Польша может обеспечить торжество свободы и цивилизации», что «к этому она призвана своей историей, характером народа и положением страны»⁵⁶. Мессианистские представления о польской нации дают себя знать уже в дни восстания. Разгром восстания, — пишет современный автор, — вызвал «необходимость психологически преодолеть поражение... подменить его торжеством в сфере идей»⁵⁷. Неудивительно поэтому стремление искать в национальной истории прежде всего светлые моменты. Лелевель, видевший, как было сказано, национальный принцип в республиканизме, отнюдь не считает шляхетское «народоправство» чуждым польской традиции, но отмечает его ограниченность, не скрывает тяжелого положения народных масс.

Широкий простор для идеализации прошлого (включая период «шляхетских свобод» и его трагический финал) открывали мессианистские построения, где национальный характер, понимаемый, разумеется, как приверженность к свободе, объяснялся историей, а сама история — своеобразно толкуемой христианской религиозностью. Провиденциализм исторических концепций неизбежно сказывался и на определении нации. У Бродзиньского, понимавшего нацию как «врожденную идею, которую ее члены, спаянные воедино, стремятся осуществить», с одной стороны, характер нации определяет ее судьба, а с другой — индивидуальность нации — результат божьего промысла. Апология религии («верою расцвел народ наш, верою и для веры жил, он ею и воскреснет») была увязана с неприятием революции («единственная нация в Европе, которая без кровопролития и насильственного разрушения старого порядка использовала каждую возможность, чтобы постепенно, органически прийти к вольностям, которых не знали иные нации»)⁵⁸.

Были вместе с тем и попытки, не отказываясь от мессианизма, сохранить верность современным идеям. В интерпретации Адама Мицкевича поляк — это «естественный демократ и республиканец», причем подобные определения еще не достаточно выражают глубину польского вольнолюбия («поляк, принимающий имя демократа и республиканца, кажется нам похожим

на епископа, которому захотелось именоваться диаконом») ⁵⁹. Такая трактовка сочетается со стремлением выйти за пределы тех идеологических представлений, которыми определялось буржуазное понимание нации, путем отрицания национального эгоизма, выдвижения лозунгов демократического интернационализма, столь характерных, например, для вышедших в 1832 г. «Книг польского пилигримства» («если ваше учение о свободе и ваша жертва ради нее не будут совершеннее учения и жертвы французов, немцев и англичан, то воистину скажу вам, не войдете в Отчизну вашу») ⁶⁰. Знаменательно, что в этот период наблюдается характерное для тогдашней польской мысли смещение акцентов: с определения социальной сущности нации и применения принципа равенства внутри нее — на принцип отношений между нациями, внедрения в эти отношения идей равенства, справедливости, мира. Сущность «польского духа» и предназначение польской нации в представлении дороживших демократической традицией идеологов польского мессианизма состояли именно в утверждении через свое страдание этого нового принципа. Происходит любопытная перестановка: ранее говорилось, что погибнет польская нация, если не усвоит принципов, осуществленных передовыми нациями Европы, теперь — что судьбы Европы зависят от судьбы Польши, что европейские нации погибнут, если Польша останется поработенной, если они не последуют за Польшей в борьбе за торжество «польского» принципа братства наций.

Перенесение акцента на культурно-психологическую сторону национальной общности было связано на первых порах с ослаблением внимания к вопросу о составе нации, столь важному для публицистов XVIII в. Оно предполагало, разумеется, принадлежность к нации всей массы населения. Но выяснению подлежала роль большинства нации. При чисто этнографической его трактовке роль эта мыслилась как достаточно значительная в сфере культуры, быта, языка, но пассивная в прочих отношениях. Идеологи национальной революции, вступая в область политической практики, должны были прийти к более широкому толкованию этой роли. Публицист «Новой Польски» в 1831 г. рассматривал крестьян наряду с горожанами как основную массу нации и ее войска, требуя заинтересовать их делом свободы, созвать национальное собрание хотя бы с «косвенным участием» крестьян, «собрание, которое представляло всю нацию и простой народ, составляющий большую часть нации» ⁶¹.

О «временах Костюшко», когда «меньшинство было в Польше нацией, а большинство ничем», вспоминал Мохнацкий и горько упрекал национального героя за то, что «не захотел большинство преобразовать в нацию, ибо оглядывался на меньшинство». Он напомнил, что «только восстание масс может спасти страну, что солдат непобедим, если со всех сторон его окружают массы, если делают это по собственной воле и с таким

оружием в руках, которое во все времена изобретала и создавала при необходимости крестьянская сметка». Он призывал «наделить правами человека, гражданскими правами огромное большинство польского люда»⁶². В трудах Лелевеля крестьянство (вместе с мещанами, духовенством, шляхетской беднотой) рассматривается уже в качестве носителя самого лучшего в национальной политической традиции, ядра нации, залога ее будущего освобождения⁶³. Отвергая взгляды тех, для кого народ хотя и был силой, необходимой для существования государства, но тем не менее составлял чернь, правда, работающую, но лишённую цивилизации и пассивную, он говорил, что народ представляет собой «жизненную силу, от которой во все времена зависят судьбы нации и государства». Лелевель напоминал, что история знает не только случаи, когда народ «отдается на волю судьбы», терпит «страдания и горести», но и его периоды «самостоятельной деятельности», причем знаменательно, что такую деятельность он считал характерной для «более молодых стран, в которых состояние общества менее искусственно»⁶⁴. Становление «народа» в «нацию», наделение его правами, когда-то принадлежавшими только шляхте, утверждение уже не шляхетского, а простонародного республиканского народоуправления Лелевель выдвигал как цели и условия, обязательные для дела возрождения, для жизни нации, для ее полной самореализации.

Демократические авторы, касаясь вопроса о национальном характере и подчеркивая особую восприимчивость поляков к демократической идее, ссылаются именно на народные массы. В «Манифесте Польского демократического общества» (1836) вопрос ставится так: «Угнетенное население не сходно у нас с угнетенным населением Западной Европы: его не заразили испорченность и эгоизм привилегированных классов»⁶⁵. Большинство нации противопоставлялось меньшинству, что отражало еще один важный аспект проблемы нации — отношения между составляющими ее группами людей⁶⁶. Консервативные мыслители и те, кто ограничивал выдвигаемые цели только национальной революцией, хотели видеть эти отношения непременно гармоническими (считая их условием сохранения нации). Сутью бытия нации оказывалось именно приведение в гармонию стремлений и действий отдельных классов, смягчение во имя высшего единства социальных конфликтов. «Крестьянин и шляхтич, — писал Мохнацкий после восстания 1830—1831 гг., — это два главных элемента Польши. Оба составляют единое целое». «Разорвать это целое», противопоставить одну его часть другой, «так, чтобы они боролись друг с другом», — это, по его мнению, услуга врагу⁶⁷.

Представления о нации у демократов носили, напротив, динамический характер: не отрицается общее⁶⁸, но подчеркивается противоположность образа жизни и стремлений, ведущая к борьбе. Революционная демократия ставит эту противополож-

ность во главу угла: «Наше отечество, т. е. польский трудовой народ, всегда было отделено от отечества шляхты», — заявляет в обращении 1835 г. к польской эмиграции Громада «Грудзендз»⁶⁹. Став на позиции утопического социализма, поставив знак равенства между национальной и крестьянской революцией, революционные демократы проявляют уже критическое отношение к чисто буржуазной трактовке нации. «Не в городском сословии, — провозглашает в 30-е годы Т. Кремповецкий, — заключается сила нации. Напротив, беда той стране, где оно получит преобладание. Оно нечто вроде амфибии. Для него централизующее начало — это банк, отечество сводится к дому, слава — к денежной шкатулке»⁷⁰. Ему представляется гибельным классический вариант буржуазной нации (делается ссылка на Францию), чреватый — если не будут усилены республиканские элементы и внесены изменения в характер собственности — либо возрождением деспотизма, либо внешним порабощением.

Такого рода высказываниями открывается новый по своему существу этап разработки передовой польской мыслью понятия нации. Он выходит за хронологические рамки настоящего очерка. Отметив его существенные стороны, мы хотели лишь подчеркнуть и сделать наглядней его связь с теми исканиями передовой польской мысли в вопросе о нации, которые наметились на ранних этапах перехода от феодализма к капитализму и национально-освободительной борьбы.

¹ Характеристику шляхетского национально-сословного сознания см.: *Łepkowski T. Polska — narodziny nowoczesnego narodu: 1764—1870.* Warszawa, 1967, s. 216—222.

² *Kotłataj H. Listy Anonima i Prawo polityczne narodu polskiego.* Warszawa, 1954, i. 2, s. 203.

³ *Jeziński F. Wybór pism.* Warszawa, 1952, s. 68.

⁴ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956, т. I, с. 266—267 (далее — ИППМ, т. I).

⁵ Там же, с. 281—282.

⁶ Там же, с. 287.

⁷ *Kotłataj H. Listy Anonima...*, s. 200.

⁸ *Jeziński F. Wybór pism*, s. 154.

⁹ *Ibid.*, s. 219. Современный историк отмечает: для сторонников прогрессивных реформ было характерно понимание того, что «к связям, определяемым общностью языка, нравов и, разумеется, территории, присоединяется играющая весьма важную роль общность новых или проектируемых установлений и

эмоциональная в них заинтересованность» (*Leśnodorski B. Polscy jakobini.* Warszawa, 1960, s. 216—217).

¹⁰ *Kuźnica Kołtatajowska. Wybór źródeł.* Wrocław, 1949, s. 162.

¹¹ Б. Лесьнодорский, характеризуя уровень классового сознания польской буржуазии конца XVIII в., приводит в качестве примера высказывания мемуариста-горожанина, допускающего участие народных низов лишь в борьбе с внешним (но не внутренним) врагом, одобряющего расправу с участниками городских восстаний, не желающего развития событий по французскому образцу, ибо страна, «не имеющая трех сословий, не может быть чисто демократической» (*Leśnodorski B. Polscy jakobini*, s. 218).

¹² *Kotłataj H. Listy Anonima...*, s. 98. Тезис о нации-организме в несколько иной функции (иногда с полемической направленностью против встречающегося в эпоху Просвещения

- щения взгляда на человеческое общество как на общество, складывающееся из отдельных людей («атомов») мы встречаем у мыслителей последующей эпохи. Перечисляются и функции частей организма. Юзеф Каласантий Шанявский говорит, например (по аналогии с органами чувств и разумом у отдельного человека) о классе, «расширяющем основы физической силы и устойчивости нации» (т. е. о крестьянстве), образованном классе, умственно и морально совершенствующем нацию, и о промышленно-торговом классе» (*Zieliński A. Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815—1831. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 25—26*). В новых условиях, в эпоху национально-освободительного движения, тезис этот мог выступать уже не для обоснования реформ, а для утверждения социального солидаризма, заглушевьяния общественных противоречий (*Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja. Warszawa, 1962, s. 131*).
- ¹³ *Staszic S. Przestrogi dla Polski. Kraków, 1926, s. 230.*
- ¹⁴ *Ibid., s. 201.*
- ¹⁵ *Ibid., s. 248.*
- ¹⁶ Сразу же были осуждены, например, попытки сторонников предательской Тарговицкой конфедерации выступать от имени народа и причислять себя к нему (*Leśnodorski B. Polscy jakobini, s. 218*).
- ¹⁷ *Jezierski F. Wybór pism, s. 227.*
- ¹⁸ *Kottłataj H. Wybór pism politycznych. Wrocław, 1951, s. 49.*
- ¹⁹ Куźница Коґłатајовска, s. 113.
- ²⁰ *Staszic S. Przestrogi dla Polski, s. 111.*
- ²¹ *Jezierski F. Wybór pism, s. 228.*
- ²² *Ibid., s. 218, 219.*
- ²³ *Ibid., s. 244.* «Когда ксѣндз Францишек Салезий Езерский говорил, что третье сословие должно, как в революционной Франции, стать нацией, когда под прикрытием религиозно-евангельских идейных и словесных ассоциаций он добивался, чтобы униженные были возвышены, а вознесшиеся унижены, он думал о современной нации без гегемонии шляхты и магнатов и о новом — на французский лад — национальном единстве» (*Łepkow-*
- ski T. Polska — narodziny nowoczesnego narodu, s. 447*).
- ²⁴ *Leśnodorski B. Polscy jakobini, s. 218—219.*
- ²⁵ Как непосредственного продолжателя этой традиции, давшего ей своими исследованиями научное обоснование и предвосхитившего вместе с тем ряд выводов Иоахима Лелевеля, характеризуют современные авторы историка и экономиста, исследователя славянских древностей Вавжинца Суrowецкого.
- ²⁶ *Jezierski F. Wybór pism, s. 217.*
- ²⁷ Куźница Коґłатајовска, s. 109.
- ²⁸ *Ibid., s. 112.*
- ²⁹ *Kottłataj H. Stan oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III (1750—1764). Warszawa — Kraków, 1905, s. 21—22.*
- ³⁰ *Kottłataj H. Wybór pism politycznych, s. 310—311.*
- ³¹ ИПППМ, т. I, с. 287.
- ³² *Filozofia i myśl społeczna w latach 1831—1864. Warszawa, 1977, s. 802—803.*
- ³³ *Przemiany społeczne i gospodarcze w Królestwie Polskim (1815—1830): Wybór tekstów źródłowych. Warszawa, 1951, s. 245.* Барщина, по мнению Жуковского, решительно ослабляет нацию в силу того обстоятельства, что многомиллионное крестьянство, по сути дела, «мертво» в общественной жизни и «может считаться несуществующим» с этой точки зрения.
- ³⁴ *Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja, s. 131.*
- ³⁵ *Filozofia i myśl społeczna..., s. 792.* Мы цитируем здесь и в других местах работы Лелевеля, опубликованные в эмиграции (1836 и др.). Польские авторы, которые характеризуют взгляды выдающегося историка в контексте польской мысли первой трети прошлого века, поступают, как правило, аналогичным образом, исходя из того, что эти взгляды сложились еще до восстания 1830—1831 гг.
- ³⁶ *Polska myśl filozoficzna i społeczna. Warszawa, 1973, t. I, s. 70.*
- ³⁷ *Filozofia i myśl społeczna..., s. 798.* По поводу республиканизма, который имеет в виду Лелевель, в современном исследовании говорится: «Этот республиканизм не следует понимать в смысле некой государ-

- ственно-правовой догмы. Республиканская идея заключает в себе прежде всего мысль об активном участии в управлении граждан, проникнутых духом общественности, патриотизма, разделяющих ответственность за судьбы нации, государства» (*Polska myśl filozoficzna i społeczna*, t. 1, s. 60).
- ³⁸ Фактору этому придется самое большое значение и в современных научных работах по проблеме нации: *Zieliński A. Początek wieku. Łódź, 1973, s. 13—14; Idem. Naród i narodowość...*, s. 21.
- ³⁹ Связь ранних работ Лелевеля с прогрессивной традицией Просвещения была предметом внимания исследователей. (См., например: *Roczniki Historyczne, Poznań, 1960, R. XXVI, s. 172—193.*)
- ⁴⁰ *Zieliński A. Naród i narodowość...*, s. 37.
- ⁴¹ *Problemy polskiego romantyzmu. Seria pierwsza. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971, s. 19.*
- ⁴² Уже в первые годы XIX в. философ Юзеф Каласантий Шанявский, пришедший от якобинства к консерватизму, ставит вопрос о двух аспектах бытия нации: физическом и идеальном (*Zieliński A. Naród i narodowość...*, s. 24—26).
- ⁴³ «Только общность духовной традиции,— пишет современный автор,— и ее сознательное продолжение казались идеологам того времени силой, способной собрать то, что разбито, придать большую широту «обмельчавшей» действительности, создать просторную державу духа в границах, положенных над барьерами разделов» (*Problemy polskiego romantyzmu*, s. 18).
- ⁴⁴ *Polska krytyka literacka (1800—1918): Materiały* Warszawa, 1959, t. 1, s. 350. Далее следует добавление: «Систематический порядок истории, ее лад, устремленность, последовательность — это результат воли божьей, проявление власти провидения».
- ⁴⁵ *Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja*, s. 164—182.
- ⁴⁶ *Zieliński A. Naród i narodowość...*, s. 50.
- ⁴⁷ Е. Шацкий как раз в этой связи приводит примеры из сочинений Мохнацкого. См. *Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja*, s. 190—194.
- ⁴⁸ *Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja*, s. 116. Мохнацкий, говорится в этой работе (с. 204), «пошел дальше всех польских шляхетских революционеров в преодолении просветительского мировоззрения и пропаганде романтической идеи нации. Он достоин внимания в связи с крайностью своих решений». Заметим, что в тогдашних условиях без «крайностей» (пусть даже применительно к мировоззрению иррационального плана), без желаний действовать вопреки реальному расчету, печальной действительности не было бы «безумства» зачинателей восстания 1830 г. и радикализма его левых деятелей.
- ⁴⁹ «История его интересовала только такая,— замечает современный автор,— которая позволила бы дойти до непорочной природы человека, в которой он был бы не продуктом, а творцом. Это [...] означало решительный разрыв с просветительской социальной философией, рассматривающей человека с точки зрения того, что делают из него условия жизни» (*Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja*, s. 163). Данное обстоятельство исследователь (с. 204) считает связанным с колебаниями Мохнацкого на сторону консерватизма: «Его пример показывает, что путь радикального разрыва с традицией Просвещения не вел к выработке революционной идеологии». Такие соображения не всех, впрочем, убеждают: некоторые возражали против рассмотрения «мысли Мохнацкого на фоне развития консервативной мысли» (см.: *Problemy polskiego romantyzmu*, s. 27, где сказано: «Динамический трансформизм Мохнацкого, основанный на законе вечного движения в природе, послужил вскоре, уже в дни ноябрьского восстания, формулированию идейных принципов революции, которая становится социальной, не переставая быть национальной»). Безусловно, политическая практика может прояснять смысл идеологических программ. О Мохнацком в 1831 г. сказано у Е. Шацкого (с. 191). Ниже мы приведем некоторые высказывания Мохнацкого этого времени.
- ⁵⁰ *Mochnecki M. Pisma wybrane. Warszawa, 1957, s. 213—214.*
- ⁵¹ О том, насколько бесперспективно

- в польских условиях было отождествление судеб нации и государства, свидетельствуют пессимистические настроения, наблюдаемые у ряда мыслителей после разделов: так, известный просветитель Тадеуш Чацкий писал в 1800 г.: «Польша уже вычеркнута из числа наций. В жилищах королей, в резиденциях правительственной власти паук тклет паутину, а филин, в безопасности сидя на башнях замков, издает предостерегающий крик» (*Problemy polskiego romantyzmu*, s. 10).
- ⁵² Резкое противопоставление нации, которая играет решающую роль в области духа, и государства, в чем ведении находится материальное бытие, мы находим у Бродзиньского (*Zieliński A. Naród i państwo...*, s. 46).
- ⁵³ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956, т. II, с. 162.
- ⁵⁴ *Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja*, s. 144.
- ⁵⁵ *Filozofia i myśl społeczna...*, s. 801.
- ⁵⁶ ИПППМ, т. II, с. 113.
- ⁵⁷ *Problemy polskiego romantyzmu*, s. 30.
- ⁵⁸ *Brodziński K. Wybór pism. Wrocław — Warszawa — Kraków. Ossolineum*, 1966, s. 436, 476, 441.
- ⁵⁹ *Мицкевич А.* Собр. соч. В 5-ти т. М., 1954, т. 5, с. 49.
- ⁶⁰ *Mickiewicz A. Dzieła. Warszawa*, 1955, т. VI, с. 53.
- ⁶¹ ИПППМ, т. II, с. 102.
- ⁶² *Mochnicki M. Pisma wybrane*, s. 256, 260.
- ⁶³ Такой подход был характерен для эпохи, когда на повестке дня стояла аграрная и национально-освободительная революция: «Тогда идея нации тесно смыкается с демократической, прогрессивной мыслью; гарантией национальности и независимости, самым главным ядром нации становится народ, отождествляемый с нацией, народ, рассматриваемый как движущая сила национальной истории» (*Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych. Łódź*, 1952, т. II, s. 79).
- ⁶⁴ *Lelewel J. Wybór pism historycznych. Wrocław*, 1950, s. 125.
- ⁶⁵ *Towarzystwo Demokratyczne Polskie: Dokumenty i pisma. Warszawa*, 1954, s. 95.
- ⁶⁶ Уже Я. Л. Жуковский касался вопроса о том, есть ли в Польше единая нация, можно ли объединить в это понятие крестьянство и шляхту (*Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja*, s. 222—223).
- ⁶⁷ *Polska myśl filozoficzna i społeczna*, т. I, s. 26. Как замечает Е. Шацкий, автор очерка о Мохнацком в этом издании, польский мыслитель «самой мощной стихией польского патриотизма... считал шляхту. Понимал, конечно, что она без народа бессильна, а положение народа требует кардинального улучшения [...] и вместе с тем он отвергал возможность любой революции, которая была бы антишляхетской». В другой работе тот же автор рассматривает Мохнацкого как «писателя, принадлежащего к революционному движению и искавшего для него соответственной социальной философии, писателя, который поддался, однако, влиянию традиции и соблазнам, заключенным в идее нации как надындивидуального и надклассового целого» (*Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja*, s. 204).
- ⁶⁸ Например, в трудах Лелевеля была развита «концепция истории, творимой человеческой общностью, всеми классами, всей нацией, которые, несмотря на внутренние антагонизмы, составляют определенную общность, наделенную своеобразными индивидуальными чертами, характером, «духом»» (*Polska myśl filozoficzna i społeczna*, s. 62).
- ⁶⁹ ИПППМ, т. II, с. 563.
- ⁷⁰ *Filozofia i myśl społeczna...*, s. 805.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕНГЕРСКОЙ НАЦИИ

Э. Арато

С понятиями «нация» и «отечество» мы встречаемся не только в эпоху буржуазного развития; «национальная» фразеология использовалась в период феодализма, однако она существенным образом отличалась от буржуазных концепций. В эпоху феодализма рамки «нации» обычно ограничивались дворянством. Согласно этой дворянской трактовке к «*patio hungarica*» многонациональной страны причислялись и привилегированные классы невенгерских народов. Поскольку начиная с XVI в. страна находилась под османским и габсбургским игом, борьба, начатая в интересах защиты привилегий дворянской «нации», не только означала упрочение власти над многонациональным крепостным крестьянством, но одновременно являлась борьбой за самостоятельность страны.

Наряду с дворянской трактовкой понятия «нации» и распространением господствующим классом идеологии «общего отечества» именно в эпоху антиосманских и антигабсбургских выступлений возникли идеи нации и отечества угнетенного класса, идеи, в центре которых стояло освобождение крестьян от крепостной зависимости. С этой борьбой, со своим участием в ней народ связывал надежды на улучшение своего положения.

Соединение критики феодализма с национальной идеей, нашедшее воплощение в венгерском Просвещении, уже содержало в себе черты, присущие эпохе реформ (30—40-е годы XIX в.). Идеологически оно было в значительной мере подготовлено примером Западной Европы и главным образом Французской буржуазной революцией. В Восточной Европе, где развитие социально-экономических отношений серьезно отставало даже от тех западных стран, в которых не произошла буржуазная революция, Просвещение выполняло свою задачу в специфических условиях. В восточной части Центральной Европы кризис феодализма в XVIII в. не зашел столь далеко как на Западе, но его признаки уже проявились и в Венгрии. Сторонники венгерского Просвещения, конечно, использовали опыт своих французских и немецких предшественников, но следует сказать, что почва для их деятельности была уже подготовлена. Венгерское Просвещение содержало наряду с европейскими идеями и сугубо венгерские, вытекавшие из особенностей развития страны. Это сделало его предтечей буржуазно-национального развития: представители венгерского Просвещения по-новому сформулировали национальную идею. Чужеземное господство, возрастающее давление австрийского абсолютизма, которое еще более усугубляло кризис феодализма,—таковы условия, в которых венгерское Просвещение стало будителем национального само-

сознания. Национальный элемент Просвещения, столь характерный для указанного региона, составлял то новое, что народы региона, среди них и венгерский, внесли в идеологию Просвещения вообще.

В концепции и в деятельности наиболее выдающихся представителей венгерского Просвещения борьба против феодализма и борьба против чужеземного угнетения слились в органическом единстве. Таким образом, изучая этот период, мы становимся свидетелями рождения буржуазно-национальной идеологии. В данной статье мы обратим внимание лишь на некоторые характерные ее черты, относящиеся преимущественно к периоду до 1790 г., не претендуя на полноту изложения проблемы, но подчеркивая с самого начала, что венгерская национальная идея не исчерпывалась только дворянским национализмом.

Принимая периодизацию, предложенную историками литературы, мы рассматриваем 1772 год, год выступления драматурга, писателя, публициста, основоположника венгерского Просвещения Дьёрдя Бешшени, в качестве важного рубежа и в области «национальной идеологии» — отправной точки развития национальной идеи. О том, что новые, буржуазные взгляды не были полностью свободны от влияния дворянской идеологии, свидетельствует, в частности, и сама личность Д. Бешшени. Блестящий офицер дворцовой гвардии в начале своей карьеры, он в конце правления Иосифа II включился в комитатское оппозиционное движение, а после смерти императора стал комитатским судьей (*tablabiró*) в комитате Бихар.

В 1772 г. Бешшени создал трагедию «Агис», затем последовали трагедии «Ласло Хуньяди» (1772) и «Буда» (1773). Сюжет первой трагедии взят из истории Греции. Спартаец Агис борется за общественные реформы, но терпит поражение. И хотя тема касалась греческой истории, в трагедии нашли отражение проблемы Венгрии: внутренняя борьба, характерная для венгерского общества, накапливающиеся в нем противоречия и социальная напряженность. Типичны для Просвещения рассуждения Агиса о крестьянстве: он, правда, говорит о нищете крестьян, но требует не освобождения крестьянства, а лишь изменения отношения к нему со стороны господствующего класса. Это была точка зрения самого Бешшени. Хотя он не выступал за полное освобождение крепостного крестьянства, но сострадание к народу, понимание его тяжелого положения означали критику феодализма и возникновение буржуазных идей. Объективно это являлось первым скромным шагом на пути к освобождению крепостного крестьянства и ликвидации феодализма.

Две другие трагедии Бешшени путем обращения к прошлому способствовали пробуждению национального самосознания. Многие его произведения, как, например, комедия «Философ» или драма «Путешествие Таримена», содержали ряд прогрессивных, буржуазных идей. Хотя их сюжеты не были связаны с

Венгрии, в них присутствовали элементы, почерпнутые из венгерской действительности. В образе героя комедии «Философ» высмеивается невежественный сельской дворянин, для которого безразлично дело возвышения нации. К слову сказать, в этом произведении, написанном год спустя после начала освободительной борьбы в Северной Америке, автор назвал действия англичан против американских колоний несправедливой войной¹.

Буржуазные национальные идеи Бешшени сформулировал в произведениях, опубликованных в 1779 г. в сборнике «Вещи», где он страстно призывал своих сограждан быть верными отечеству при любых обстоятельствах. «Слово патриотизм,— писал он в одном из них,— накладывает на человека такую обязанность, от которой не может его освободить никакое на свете дело, время или любого рода препятствия и случайность». С презрением говорил Бешшени о тех законах, которые регулировали судебные процессы по делам дворянской собственности. Отличие буржуазной национальной идеологии Бешшени от «национализма» дворянской оппозиции видно отчетливо. «Нас должны занимать,— писал он,— вопросы о том, есть ли у отечества пути к развитию большой науки, процветает ли в ней ремесло, имеются ли возможности продавать соседним нациям плоды нашей природы (сверх того, что необходимо стране), используя это для умножения национального богатства? В этом состоит первейшая обязанность, наука о государстве... От того, что некий Пал отберет у Петера имущество, отечество не погибнет и не обеднеет, но оно погибнет, если из страны уйдут деньги»...² Это внимание к экономическим проблемам характеризует Просвещение как провозвестника эпохи реформ. И если вспомнить, какую значительную роль сыграли новаторские стремления Бешшени для развития венгерского языка и венгерской культуры, то перед нами с полной отчетливостью предстанет органическое единство демократических тенденций и национальной идеи в наследии этого зачинателя венгерского Просвещения.

Характерную для эпохи реформ мысль о жертвенном, бескорыстном служении родине выразил близкий к Бешшени по образу мыслей и также симпатизировавший дворянской оппозиции поэт Янош Батшани. Жить и страдать ради отечества, презрев опасность, невзгоды и неволю, быть готовым к любой жертве во имя блага Родины — таков долг истинного патриота в изображении Батшани.

В приветствии Французской революции поэт писал:

Вы, нации и страны,
чье томленье
в мучительной и страшной темноте,
В железном подземелье рабства
не может вечным быть,
О, пробудитесь! И вперед!

Уж кровь крестьян кипит,
Пусть каждый, помня о надеждах,
Свою судьбу в Париже разглядит! ³

Мы выделили лишь некоторые сюжеты из работ выдающихся деятелей венгерского Просвещения. Соединение идей нации и прогресса еще более отчетливо проявилось в деятельности просветителей после 1790 г. Мы не касаемся работ Михая Чокони и Йозефа Кармана, приходящихся на самый конец XVIII и начало XIX в., в которых идея национальной независимости содержала также и острую критику идеологии движения «дворянского сопротивления» 80—90-х годов XVIII в.

О том, что идеи, о которых речь шла выше, были характерны не только для элиты, свидетельствует и другая линия венгерского Просвещения. Одним из убежденных проводников венгерской национальной идеологии и идеи буржуазного преобразования общества являлся Йозеф Печели, один из деятельных организаторов литературы того времени. Интеллигент-протестант, он был подвержен йозефинистским идеям. Высоко оценивая указ о веротерпимости Иосифа II, он в отличие от многих своих друзей не только не проявлял безразличия к национальному делу, но, напротив, являлся активным борцом за него. Большое значение имело то, что Печели был реформистским священником в Комароме — торговом городе близ австрийской границы, где особенно остро ощущалось зависимое положение Венгрии. Все это формировало передовые идейные воззрения Печели, Комаромского научного общества и его органа «Минденеш дьютемень» («Всякая всячина») ⁴.

В концепции Печели подчеркивалось в первую очередь важное значение развития экономики, промышленности и торговли Венгрии и одновременно указывалось на ее зависимое положение и содержалась критика дворянства, его косности, пренебрежения промышленной и торговой деятельности. Эти вопросы наряду с проблемами развития венгерского языка журнал «Минденеш дьютемень» держал постоянно в поле зрения. В стихотворении «Ко всем добрым патриотам» Печели писал о богатстве страны, о благословенной земле «мадьярской Отчизны», щедро наделенной вином, хлебом и всеми благами; и нет на земле другой такой страны, чья почва была бы так плодородна, как почва мадьярской Отчизны ⁵. Идеи, выраженные в стихотворении, несут на себе отпечаток буржуазного национализма. И если принять во внимание, что Печели осознавал зависимое положение, в котором находилась страна, то в данном случае отчетливо выступает экономический компонент национальной идеологии.

Журнал «Всякая всячина» придавал большое значение разъяснению того, что «отвращение от ремесла и торговли ведет к бедности», и убеждал дворян не пренебрегать этими занятиями ⁶. Необходимость ослабления экономической зависимости

Венгрии от Австрии получила еще более последовательное выражение после 1790 г. в произведениях Бешшенеи, Кармана, Чоконаи и Ференца Вершеги.

Из сказанного ясно, что Печели был тесно связан с дворянским движением 80-х годов XVIII в. и, хотя он симпатизировал реформам Иосифа II, в его произведениях получили выражение национальные требования дворянского сопротивления⁷. В одной из аллегорических сказок он в духе противопоставлений среднего дворянства едко высмеивал аристократов, изменивших своей венгерской национальности, языку предков, предавших забвению национальные обычаи и культуру⁸. В то же время произведения Печели показывают тяжелое положение крестьянства, выражают глубокое сочувствие этому классу. Позже на страницах журнала «Минденеш дьютемень» зазвучал призыв к освобождению крестьян от крепостной зависимости. Связывая дело освобождения крестьян с благом отечества, журнал убеждал дворян осуществить его по доброй воле. Обращаясь к дворянству, журнал писал: «Если вы рады счастью и славе страны, если стремитесь к повышению образованности и культуры», если вы сыны своей отчизны и выступаете перед лицом ее граждан и перед своей совестью как люди, обладающие человеческим достоинством, то возвратите им (т. е. крепостным крестьянам.— Э. А.) их человеческие права, сорвите, разбейте возложенные на них оковы, сотрите навсегда, причем не только на словах, но и на деле, само это потрясающее и удручающее сердце, несчастное, рабское и вечное название — «крепостной» и восстановите тем самым как их, так и свои человеческие права»⁹.

Характерная для эпохи реформ концепция «единства интересов» означала совместное выступление против общего внешнего врага всех классов нации, прежде всего крестьянства и дворянства. Но это «единство» могло наступить лишь в результате освобождения дворянами крепостных. Такая внутренняя национальная интеграция имела также целью и ослабление классовой борьбы. Таким образом, Печели и его окружение, журнал «Минденеш дьютемень» выступали пропагандистами идеи создания такой венгерской нации, которая должна была включать в качестве составной части и крестьянство.

Надо сказать, что эта целостная буржуазно-национальная идея не проникла в повседневную политическую жизнь, в которой господствовало дворянское мировоззрение. Эта прогрессивная концепция получила развитие в литературе; однако многие литераторы являлись сторонниками официального дворянского направления (например, Андраш Дугонич, Йожеф Гвадани и Йожеф Райниш). Они в соответствии с принципами средневековья исключали крестьянство из «*natio hungarica*». И если в национальной концепции сторонников прогресса важное место занимали симпатия и уважение к другим народам, прежде всего к революционной Франции, то дворянскую «национальную»

идеологию характеризовали изоляция и отчуждение. Однако эти две концепции все же не были отделены друг от друга стеной: их объединяли борьба против чужеземного господства, осознание важности развития родного языка, т. е. ряд элементов национальной идеологии. Поэтому многие представители венгерской литературы стояли именно на такой национальной платформе: они не выступали за включение крестьянства в состав нации, но и не поддерживали активно дворянское сопротивление (Лёринц Орци, Пал Аньош, Давид Бароти Сабо, Бенедек Вираг).

Национальная идеология, точнее — концепция нации последнего десятилетия XVIII и первых двух десятилетий XIX в., представляла собой весьма пеструю и во многих случаях противоречивую смесь буржуазных и феодальных элементов. Отдельные ученые, политики, публицисты этого времени отмечали наряду со многими субъективными проявлениями нации и некоторые объективные ее критерии. Почти все они рассматривали в качестве важнейшего критерия язык, но по-разному оценивали его значение; некоторые считали язык одним из признаков нации, другие — ее единственным критерием¹⁰. Важно, что в период рождения теоретической литературы, подчеркивавшей первостепенное значение языка, развернулась борьба за распространение венгерского языка и этой борьбе служили и указанные произведения. Нельзя забывать и о том, что проблема языка находилась на переднем плане политической борьбы того времени: на повестке дня стояла задача развития языка, поднятия его на уровень языка литературного и велась борьба между ортологами и неологами. Наконец, необходимо видеть и то, что в водовороте венгерского национального движения многие деятели, главным образом аристократы, поддерживали Вену, и потому не только не заботились о развитии родного языка, но и попросту забывали его. Именно против них был направлен тезис: «пренебрежение языком равнозначно смерти наций». Наряду с этим почти повсеместное распространение получили взгляды, подчеркивавшие значение национальной одежды, обычаев, развития науки, выдвигавшие в качестве самостоятельного признака нации славное национальное прошлое. В ряде случаев при определении критериев нации принимали во внимание также и территорию и, правда в ограниченных рамках, экономику¹¹.

Публицисты того времени рассматривали нацию как вечную категорию: в процессе складывания национальных особенностей, медленного изменения национального духа большая роль отводилась ими феодальным властителям. Лояльность особенно отчетливо проявлялась в безоговорочном прославлении габсбургского господства, в неприятии буржуазной революции, что стало актуальным в свете французских событий¹². Часто встречались идеалистические трактовки национальной души и национального характера, но высказывались и взгляды, согласно

которым в формировании национального характера важную роль играют условия. Были попытки применить в определении понятия нации закон постоянного изменения¹³.

Буржуазное мышление особенно явственно сказалось во взглядах по поводу языковой проблемы. В дискуссиях о языке, как правило, отсутствовали вышеуказанные проявления лояльности политике Вены. На передний план выдвигалась задача обучения народа на родном языке, что означало создание предпосылок для включения «народа» в состав «нации»¹⁴.

Буржуазные взгляды получили выражение в некоторых статьях журнала «Тудоманьош дюйтемень» («Научный сборник»), который, резко выступая против попыток очернения венгерских национальных ценностей, указывал в то же время на причины отсталости страны. В противовес пустому дворянскому «рыцарству» авторы статей обращали внимание общественности на важность национальной культуры¹⁵.

Понятия «отечество», «любовь к родине» наполнялись разнообразным содержанием, и хотя при их определении часто звучали громкие фразы и общие слова, все же и в такого рода заявлениях могут быть выделены прогрессивные и консервативно-феодалные моменты. Любовь к родине в глазах современников выступала как естественное, святое чувство, и в этом несомненно, прослеживается влияние буржуазной идеологии. Она нашла отражение и в подчеркивании гармонии интересов отечества и личности, любви к родине простого трудящегося народа, а также в трактовке патриотизма как бескорыстного служения родине. Сторонники этих взглядов решительно критиковали дворянское мировоззрение, приверженность дворян к старой конституции и отстаивание своих привилегий. В этой связи иногда раздавались голоса о необходимости критики венгерской политики в отношении других народов королевства. Не раз находила выражение прогрессивная мысль о том, что подлинный патриотизм решительно исключает пренебрежительное отношение к другим нациям.

Однако в целом общественная мысль осуждала открытую критику недостатков господствующего класса. Возникла потребность в осознанной защите классовых интересов дворянства при распространении понятия «любовь к родине». Таким образом, на идейные концепции того времени сильный отпечаток накладывала феодальная трактовка понятия родины. Соединение этого понятия с идеей необходимости защиты дворянской конституции, культ национальной одежды, как составная часть патриотизма, все это указывало на то, что дворянское мировоззрение продолжало сохраняться. Любовь к родине переплеталась в своеобразной форме с церковными и религиозными мотивами¹⁶.

Подлинно новая, буржуазная интерпретация понятий «нация» и «родина» распространяется в Венгрии в третьем и четвертом десятилетиях XIX в. и связана с именами Иштвана Се-

чени, Ференца Кельчеи, Миклоша Вешшеленьи, Лайоша Кошута, а также с деятельностью революционных демократов. В их концепциях буржуазные элементы уже преобладают.

Наиболее примечательной особенностью новой трактовки явилось включение масс народа в понятие «нации». Подобную идею мы встречали уже у венгерских якобинцев и многих представителей прогрессивного направления в литературе, в научных исследованиях, затрагивавших вопросы, связанные с понятиями «нация» и «отечество». Однако в XVIII в. она выдвигалась в весьма общей форме и была связана с различными подходами к вопросу об изменении положения крестьянства: от личного освобождения крепостных, проявлений общих симпатий по отношению к народу в духе эпохи Просвещения, а также призывов к обучению лучшим методам ведения хозяйства, характерных для Просвещения — до идей о добровольном выкупе феодальных повинностей.

Общее обоснование буржуазной трактовки понятия нации не изменилось по существу и в 40-х годах XIX в. Однако теперь на первый план выдвигаются более прогрессивные элементы либерального мировоззрения, в частности оформилась концепция обязательного выкупа крепостных, представлявшая собой высший уровень развития либеральных взглядов. На основе этих практических принципов позже, весной 1848 г., в Венгрии произошло освобождение крепостного крестьянства.

Однако анализ либеральных взглядов показывает, что согласование интересов классов, которое базировалось на включении народа в состав нации, было весьма кратковременным и неустойчивым и что, хотя выдающиеся представители обуржуазившегося дворянства и сделали значительные уступки в пользу крестьянства, все же свои классовые интересы они принимали во внимание отнюдь не в меньшей степени. При таком подходе становятся понятными и негативные моменты трактовки ими национального единства и «совпадения интересов», а именно те, которые были направлены на уменьшение напряженности классовой борьбы крестьянства. Точнее говоря, смягчение классовых противоречий являлось одной из важных целей того единого национального фронта, который дворянство стремилось создать под своим руководством.

При исследовании буржуазного понятия нации имеет смысл сопоставить концепцию венгерских якобинцев как наиболее прогрессивную с типичной либеральной концепцией реформ, характерной для 30-х годов XIX в. Если венгерские якобинцы в ряде своих заявлений включали народ в состав нации и исключали из нее магнатов, высшее духовенство и короля¹⁷, то даже в наиболее далеко идущей концепции 30-х годов дворянство «поднимало до себя» трудящиеся массы; в то же время здесь не имело никаких представлений о том, что реакционные круги стоят вне нации. Таким образом, венгерские якобинцы в упомянутых заявлениях, которые, конечно, не могут счи-

таться общепринятыми, порывали с феодальной концепцией «*patio hungarica*», в то время как Сечени и его сторонники не критиковали достаточно последовательно теоретические основы понятия феодальной «нации», что нашло проявление прежде всего в их стремлении «уравнять в правах» народ с дворянством. Это характерное уравнивание, примирение феодальной и буржуазной концепций нации, однако, означало все же отказ от сущности дворянской концепции нации.

Существенным, по своему значению для буржуазной идеологии, элементом идеи включения народа в нацию вообще явилось «включение» в венгерскую нацию невенгерских народов, которое было связано с венгерским национализмом, направленным против национальных движений остальных народов Венгерского королевства.

С идеей равноправия венгерского народа в рамках Австрийской империи тесно смыкалось требование права употребления в противовес латинскому языку родного венгерского языка, который сохранился главным образом благодаря народу. В эпоху реформ по сравнению с предыдущим периодом это означало более ясное понимание того, что повсеместное использование венгерского языка в общественно-политической жизни способствует культурному и политическому развитию масс, говорящих на этом языке, и повышению их общественной роли. Именно поэтому консервативная часть дворянства настаивала на сохранении привилегий латинского языка. Передовое дворянство осознало и то, что латинский язык препятствует также национальному единству. Эти демократические черты наиболее отчетливо наблюдаются во взглядах Сечени и Кёльчеи.

Рассматривая эволюцию трактовки понятий «отечество», «нация», мы считаем, что тесная взаимосвязь между патриотизмом и прогрессом являлась наиболее передовым буржуазным компонентом этой концепции. Активные действия, направленные на преодоление отсталости страны, в которых особое значение придавалось распространению просвещения, критика антипатриотизма аристократии — все это мотивы, постоянно встречающиеся в произведениях Сечени, Кёльчеи, Вешшеленьи. В тесной связи с указанным находится мысль о том, что дворянство живет за счет нации, получает все блага от родины и не желает приносить за это какие-либо жертвы в интересах нации (Сечени, Вешшеленьи). Характерным для венгерских патриотов было смелое выступление с критикой недостатков, присущих их родине. Действенная критика сама по себе являлась чертой нового мировоззрения; в предшествующий период мы встречали мало мыслителей, нашедших в себе силы порвать с феодальным, по своей сути националистическим самообольщением. Такая критика недостатков, пронизанная прогрессивным по содержанию буржуазным национальным мировоззрением, прослеживается в концепции Сечени и Вешшеленьи.

На данном этапе также важную роль играло чувство любви

к родной земле в качестве одного из постоянных компонентов патриотизма. Кроме того, возникли и другие важные критерии, которые свидетельствовали о прогрессе буржуазного мироощущения. Так, Кёльчеи особенно подчеркивал значение традиции в патриотизме и говорил о космополитизме как чувстве, противоречащем патриотизму. У Кёльчеи впервые сливаются воедино народ, патриотизм и национальные традиции. В то же время Вешшеленьи впервые наметил основные пути воспитания чувства патриотизма, в котором важнейшее место отводил сознательности.

Одной из важных черт патриотизма 30-х годов XIX в. являлась усиливавшаяся критика феодальной трактовки любви к родине, в связи с тем, что остатки дворянского национализма все еще сохранялись. Приверженность к старой конституции, не затрагивавшей либерально-дворянскую программу реформ, отражала феодальные интересы, но вместе с тем являлась одним из импульсов национального движения. Таким образом, эта приверженность конституции представляла собой сложное явление, в котором совмещались старые и новые (буржуазные) устремления.

В противовес феодальному национализму, провозглашавшему вечность и незыблемость якобы «выдающихся» венгерских национальных особенностей, Сечени и Вешшеленьи выступили за прогрессивное изменение национальных свойств.

По сравнению с предреволюционными годами в концепциях нации и отчества предреволюционного периода находят отражение и усиливающиеся межнациональные противоречия. Но наряду с далеко идущей национальной нетерпимостью можно сослаться, например, на взгляды Вешшеленьи, выступавшего против венгерского национализма с его пренебрежительным отношением к другим народам, или на уже упомянутое направление, в принципе включавшее в состав нации и невенгерские народы. В то же время наблюдается и дальнейшее углубление концепции «единой политической нации», что свидетельствовало о росте мадьяризаторских тенденций¹³.

Либеральная трактовка понятий «нация» и «отечество» в 40-е годы, включая и годы освободительной борьбы, едва ли обогатилась какими-либо принципиально новыми моментами. Разумеется, буржуазное развитие накладывало определенный отпечаток и на национальную идеологию. В результате этого на первый план был выдвинут экономический критерий понятия нации. В среде обуржуазивавшегося дворянства, пожалуй, наиболее сильно подчеркивал эту характерную черту нации Л. Кошут. «Тот, кто хочет дать толкование слова «нация» в соответствии с сущностью XIX столетия,— писал он в 1843 г.,— неизбежно должен быть убежден в том, что нация, не обладающая самостоятельными рычагами цивилизации, сегодня является только народностью, а не нацией. К числу таких рычагов непременно должны относиться самостоятельная национальная

торговля и промышленность. Без этого в современной Европе может быть колония, может быть народность, но только не нация. А венгры хотят стать нацией, причем нацией в духе требований XIX в.»¹⁹.

В 40-х годах выступили революционные демократы — «плебеи», которые гораздо шире, чем либералы, а именно имели в виду частичный раздел дворянской земельной собственности, уничтожение всякого рода феодальных повинностей без компенсации, освобождение от крепостного состояния всех категорий зависимого крестьянства. Кроме того, они отвергали носившую феодальную окраску теорию о «поднятии» народа до уровня дворянства, хотя и выступали в защиту концепции единства интересов. Но при этом на первый план они ставили интересы народных масс. Наиболее последовательными выразителями таких взглядов являлись Шандор Петёфи и Михай Танчич. В понятие «народ» они вкладывали то же содержание, что и мы сегодня, а именно трудящиеся классы.

«Плебейское» направление с гораздо большей силой, чем либеральное, подчеркивало бесправное положение народа. «Плебеи» более ясно видели пути выхода из этого положения. «Где свобода, там родина», «Отечество лишь там, где право, а прав лишен народ»²⁰ — таковы характерные высказывания революционных демократов. Право и свобода необходимы для того, писал М. Танчич, чтобы «определенная группа людей, говорящих на данном языке, смогла образовать нацию, т. е. компактное буржуазное общество». За год до начала революции и национально-освободительной борьбы 1848—1849 гг. он писал, что в Венгрии нет нации; дворянство неправомерно отождествляет себя с «*natio hungarica*»; этот «слои в восемьсот тысяч человек не может образовать нации, миллионные же массы не являются членами нации, поскольку они неправы. Но родина должна быть не пристанищем «привилегированных», а принадлежать каждому, кто живет в этой стране. Нет нации до тех пор, пока интересы правящих классов не сольются воедино с интересами народа. Мы можем рассчитывать на подлинное развитие только в том случае, писал Танчич, когда крепостной крестьянин не будет находиться в положении бесправного слуги, когда в отечестве будет жить компактная нация. Только тогда отечеству не будет страшна никакая опасность. Идея «единства интересов» нашла свое воплощение у Танчича и в его высказывании о том, что «венгерский земледельческий народ» достоин того, чтобы дворянство «слилось с ним в единое тело». При этом Танчич неоднократно подчеркивал определяющее значение народных интересов, борьба же за благополучие дворянства — это, по его выражению, не патриотизм, а «дворянство».

Подобно наиболее передовым венгерским якобинцам, он интерпретировал и известную концепцию о включении народа

в «траншеи конституции». «Как будто может быть так,— писал он,— что ничтожно малая часть могла бы принять в свои жалкие траншеи многомиллионный народ? Ведь из этих небольших канавок дворянство и разнеженных аристократов может легко выбить любой, у кого есть воля и решимость». С этой мыслью связано противопоставление Танчицем так называемому историческому праву дворянства того исторического факта, что предки современных крестьян пришли на свою родину, в Паннонию, вместе с дворянством, но только тогда «все они были в равной мере свободными людьми». Тогда не было той «собачьей шкуры» (имеется в виду часть одежды.— *Ред.*), которая является «отличием» нынешнего дворянства, «тогда нужны были храбрость и сила, а не дворянский диплом». Танчиц, столь решительно сформулировавший свою позицию по отношению к дворянским концепциям нации, определил и альтернативные пути превращения народа в нацию: «либо правители добровольно отказываются от тех прав и свобод, которые они отобрали у народа, либо народы сами возвратят их себе»²¹.

«Плебеи» признали, что в результате революции 1848 г. «народ стал нацией». Но они не были удовлетворены полностью. Ш. Петёфи в июле 1848 г. писал в стихотворении, обращенном к открывающемуся Государственному собранию, что депутатам предстоит сотворить новую родину, более прекрасную, чем старая, без привилегий и замков для немногих и темных пещер для большинства, родину, в которой солнечный свет и чистый воздух должны быть доступны всем и каждому. Осенью 1848 г. во время начавшейся вооруженной борьбы Петёфи указывал на то, что общие интересы, защита родины требуют от народа величайшей жертвы, и уж одно только это предполагает, что его интересы должны учитываться в первую очередь. «Богатый,— писал Петёфи в одном из своих бессмертных стихотворений,— защищает свое имущество, тогда как бедный по-настоящему любит родину, которая тем не менее является для него только жестокой мачехой»²².

Выше мы указывали на значительные различия между либеральным и «плебейским» толкованием понятия родины. Однако было бы ошибкой забывать и о тех общих чертах, которые связывали их в деле защиты отечества против австрийского абсолютизма; стимулирующая роль славного прошлого, органическая связь патриотизма и прогресса, высмеивание дворянского национализма, действенная критика консервативного мировоззрения²³.

Одним из наиболее значительнейших явлений революции 1848 г. было принятие народа «в траншеи конституции», включая широкие массы невенгерских национальностей. В этом проявился прогрессивный характер венгерской революции. Но руководители венгерского правительства ошибались, полагая, будто предоставление личных свобод одним ударом разрешит национальный вопрос. Они продолжали оставаться на платфор-

ме единой политической нации, и хотя в этой концепции присутствовали уже упомянутые черты, способствовавшие буржуазному преобразованию, эта идеология, отождествлявшая государство и нацию, препятствовала свободному развитию других народов. Так было закреплено трагическое противоречие между венгерской освободительной борьбой и невенгерскими национальностями.

Лишь в самом конце освободительной борьбы (июль 1849 г.) венгерское правительство приняло закон о национальностях, обеспечивавший значительные права невенгерским народам²⁴.

Необходимо упомянуть о том, что и демократы приняли националистическую концепцию единой политической нации; в этом заключалась трагическая непоследовательность их революционного демократизма. И все же в мировоззрении «плебеев» на рубеже 40-х годов родилось новое понятие нации, что получило, в частности, выражение в некоторых прокламациях, написанных в связи с крестьянскими движениями после поражения освободительной борьбы 1848—1849 гг.²⁵

¹ *Waldapfel J.* Magyar irodalom a felvilágosodás korában. Budapest, 1963, 127—145, 149—155 old.

² *Ibid.*, 167—168 old.

³ *Batsányi J.* Összes művei. Budapest, 1960, 7, 25, 84—85 old. Батшани внес вклад и в развитие языка. Достойна упоминания его статья о переводах (*Magyar Museum*, 1788—1789, 1 k, 6—7 old.).

⁴ *Gulyás P.* Péczeli József élete és jellemzése. Budapest, 1902; *Biró F.* Péczeli József. — In: *Irodalomtörténeti Közlemények*. Budapest, 1965; *Mindenes Gyűjtemény: Kókay Gy.* A magyar hírlap és folyóiratirodalom kezdetei (1780—1795). Budapest, 1970, 452—466.

⁵ *Mindenes Gyűjtemény*, 1789 (I) 1.

⁶ *Ibid.*, 1790 (III), 245—260 old.;

⁷ *Ibid.*, 1791 (V), 129—152 old.

⁸ *A magyar koronához.* — *Mindenes Gyűjtemény*, 1790 (III), 279—283 old.

⁸⁻⁹ *Kovács mérnök (Pápa).* A magyar nemzet pallérozásának folytatása. — *Mindenes Gyűjtemény*, 1790 (IV), 7 old.

¹⁰ *Teleki L.* A magyar nyelv előmozdításáról buzgó eszéklései. Pest, 1806; *Kazinczy F.* Tübingiai pályaműve a magyar nyelvről, S. I., 1808.

¹¹ *Svastics I.* A magyarok esmérété. Pest, 1823, 293, 339—340, 408 old.

¹² *Vedres I.* A magyar nemzeti léle-

kröl.— *Tudományos Gyűjtemény*, 1822 (11), 55—75 old.

¹³ *Gömbös A.* A nemzetiségről.— *Tudományos Gyűjtemény*, 1819 (11), 43—64 old.

¹⁴ *Guzmics I.* A nyelvnek harmás befolyása az ember emberesítésébe, nemzetesítésébe és hazafiúsításába.— *Tudományos Gyűjtemény*, 1822 (8), 3—36 old.; *Kanya P.* A magyar nyelv miveltetése miódjarol.— *Tudományos Gyűjtemény*, 1824 (2), 89—95 old.

¹⁵ Статьи о национальной культуре вообще и о венгерской национальной культуре см.: *Tudományos Gyűjtemény*, 1817 (1), 13—42 old.; (2), 3—27 old.

¹⁶ Az igazi hazafi kinek tulajdonságait együgyű beszédbé foglalta egy hazája s nemzete javát óhajtó szív. Pest, 1792; *Magda P.* Magyarországnak és a határörző katonaság vidékének legújabb statistikai és geográfiai leírása. Pest, 1819, 3—4 old.

¹⁷ Катехизис Общества свободы и равенства, написанный И. Мартиновичем (1794), см.: *Benda K.* A magyar jakobinusok iratai. Budapest, 1967, 1 k, 1028—1036 old.

¹⁸ Взгляды И. Сечени по проблеме «нация — отечество» изложены в известных его работах: *Széchenyi I.* Hítel. Pest, 1830; *Idem.* Világ vagyis felvilágosító töredékek

- némi hiba s előítélet eligazítására. Pest, 1831; *Idem*. Stádium. Budapest, 1905; из работ Кельчен сошлемся на следующие: *Kölcsey F.* Mohács, 1826.— *Összes művei*, Budapest, 1960, I k; *Nemzeti hagyományok 1826.*— *Ibid.*; Országgyűlési tevékenységéről, beszédeiből.— *Ibid.*, 2 k. О взглядах молодого Кошута см.: *Barta I.* A fiatal Kossuth és kora: Fejezetek a magyar polgári reformmozgalom kibontakozásának történetéhez. Budapest, 1964, 593—594, 599—603, 605—607 old. (Кézirat a MTA Könyvtárának Kézirat tárában).
- ¹⁹ *Kossuth L.* A műipar akadályai és ellenszerek.— *Pesti Hirlap*, 1843, 293 sz; *Kossuth Lajos* hirlapi cikkei. Budapest, 1906, 2 k, 225, 363—364, 376—377 old.
- ²⁰ *Petőfi S.* A gyűldei ifjákhöz (1845 okt. 16 — nov. 25); A nép nevében (1847 marc); Az országgyűléshez (1848 febr.): Dicsőséges nagyurak (1848 marc, 11).— *Petőfi Összes művei I k.* Budapest, 1951, 356—357.
- ²¹ *Táncsics M.* Sajtószabadságról nézetei egy rabnak. Budapest; *Idem.* Hunnia függetlensége (1846). Budapest, 1873, 23, 58 old.; *Idem.* Nép szavaisten szava 1847.— In: *Táncsics válogatott írásai*. Budapest, 1957.
- ²² *Petőfi S.* Kiskunokhoz Nyilatkozat.— *Összes művei 5 k.* Budapest, 1956; A márciusi ifjak (1848 jún); A nemzetgyűléshez (1848 júl);
- Ismét magyar lett a magyar (1848 júl).— *Összes művei*, 3 k.
- ²³ *Petőfi S.* Hazámban (1842 okt.); Honfidal (1844 jan.— febr.) Védegyleti dal (1844 — okt.— nov.); A hazáról (1845 okt. 16 — nov. 25 között).— *Összes Művei*, I k; *Táncsics M.* Hunnia függetlensége...
- ²⁴ Более подробно освещение этих вопросов см.: A magyar nacionalizmus kettős arcúlatá a feudalizmusból a kapitalizmusba való átmenet és a polgári forradalom időszakában.— In: *A magyar nacionalizmus kialakulása és története*. Budapest, 1964, 134—142 old.
- ²⁵ Важнейшие обобщающие работы: *Balázs E., Makkai L.* (ред.). Magyarország története 1526—1790. Budapest, 1962, 389—442 old.; Magyarország története. Budapest, 1964, I k, 319—339 old.; *Molnár E.* Ideológiai kérdések a feudalizmusban: Vita a magyarországi osztályküllemekről és függetlenségi harcokról. Budapest, 1965, 40—43, 54—59 old.; *Idem.* Nemzet, haza, honvédelem a parasztság és a nemzeti katonaskodó réteg gondolkodásában (XV—XVIII század); A magyar nacionalizmus kialakulása és története. Budapest, 1964, 27—78 old.; *Klaniczay T.* (ред.). A magyar irodalom története: 1600-tól 1772-ig. Budapest, 1964, II k, 326—617 old.; *Klaniczay T.* A nacionalizmus előzményei a magyar irodalomban.— In: *Marxizmus és irodalomtudomány*. Budapest, 1964, 110—130 old.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЕ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

К. Шарова

Процесс формирования каждой нации, зарождения и развития национального самосознания всегда связан с процессом разграничения с другими нациями. С появлением данной нации она входит в сложные отношения с нациями и государствами, соседними и отдаленными, родственными, дружественными или враждебными. Положение народов на Балканах создавало комплекс их взаимоотношений прежде всего с Османской империей

и европейскими державами, заинтересованными в сохранении или дезинтеграции этой империи. На первое место следует выделить систему отношений: нация — государство (турецкое и другие). Второй аспект, который определяется исторической действительностью периода формирования болгарской нации,— это взаимоотношения балканских народов с общественностью и народами других стран, т. е. нация — другие народы. Отметим и третий аспект. В ходе освобождения балканских народов и создания самостоятельных или полунезависимых балканских государств возникали взаимоотношения: государство, объединяющее часть территории данной нации, с одной стороны, а с другой — еще не освобожденные части той же нации и другие нации, этнически родственные или объединенные одной и той же религией.

Вступая на историческую арену, формирующаяся болгарская нация оказалась в сложной обстановке, которая обязывала ее определить свои позиции и к Османской империи и европейским державам, и к народам (родственным и далеким), и к балканским государствам, которые ставили перед собой задачи окончательного освобождения и объединения своих народов и в связи с этим стремились как-либо использовать национальное движение болгар.

Являясь, как и все возникавшие в то время нации, продуктом развития капиталистических отношений, болгарская нация впервые столкнулась с другими нациями на рынках Османской империи и Европы. Солідные позиции, уже давно завоеванные греческими торговцами на этих рынках, мешали молодой болгарской буржуазии развернуться и занять собственное место. В связи с этим первая заявка на существование была связана у болгар с требованиями церковной независимости от греков. Господство Константинопольской патриархии над болгарской церковью и широкое недовольство народа греческим духовенством придали борьбе буржуазии за укрепление своих позиций на имперских и европейских рынках ту массовость и глубину, которой характеризуется движение болгар за независимую национальную церковь.

Кстати, необходимо заметить, что для развития болгарской промышленности конкуренция греков и армян не имела почти никакого значения; ремесленники, а потом организаторы мануфактур и фабрик в Болгарии были болгарами за исключением ремесленников-турок, число которых постепенно уменьшалось (они, впрочем, стояли в стороне от процесса зарождения капиталистической промышленности в Болгарии).

Болгаро-греческие отношения и реакция болгар на господство Константинопольской патриархии могут служить критерием для установления этапов созревания болгарского национального самосознания.

«Историю славяноболгарскую» (1762) и патриотические призывы Паисия Хилендарского можно считать первым круп-

ным призывом к самоутверждению болгарского народа, несомненным признаком появления национального самосознания. Новые исследования по истории болгарского народа в XVIII в. показали, что Паисий не был одиноким провозвестником будущего. Тем самым опровергается тезис, что между его «Историей» и более широким национальным движением находился долгий период «молчания» народа. Новые документы дают основание заключить, что в конце XVIII и в начале XIX в. зарождающаяся болгарская буржуазия выступила как против греческого духовенства в Болгарии, т. е. с религиозно-культурной программой, так и с политическими требованиями. О созревании болгарского национального самосознания свидетельствует деятельность богатого купца г. Врацы Димитраки Хаджитошева и его семьи. У них были торговые связи со всеми краями Османской империи, с Валахией, Молдовой и Сербией. С болгарами Хаджитошевы имели торговые, культурные и политические связи. Эта семья поставила вопрос об отстранении греческих учителей, открыла светскую болгарскую школу во Враце, явилась организатором борьбы против греческого духовенства и сыграла выдающуюся роль во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

Следующий этап можно датировать с момента выдвижения программных требований болгар об устранении греческого духовенства и назначении болгарской иерархии в начале 20-х годов XIX в. Хронологически этот этап кончается первой третью XIX в. Его содержание отличается известной компромиссностью.

Начальная фаза процесса формирования нации и национального самосознания характеризуется еще неизжитыми тенденциями приспособления части болгарских торговцев к греческим и соответственно части болгарской интеллигенции к эллинизму. Вместе с тем разворачивалось широкое движение болгар против греческого влияния в церкви, в школе, и вообще в культурной жизни народа.

Углубление и обострение болгаро-греческого конфликта от начала 1840-х годов до Крымской войны составляет следующий этап в развитии национального самосознания и стремления к признанию формирующейся болгарской нации самостоятельной общностью. Последний этап церковной борьбы и характеризуется вполне определенным выдвижением ее конечной цели — полной независимости болгарской церкви от греческой патриархии, он охватывает время от 1860 г. до султанского фермана 1870 г., признавшего самостоятельность болгарской церкви. В этом документе декларировалась самобытность болгарского народа в Османской империи, что отражало объективный процесс утверждения болгарского национального самосознания как важнейшего признака формирующейся нации.

На всех означенных выше этапах велась и политическая борьба, проявления которой содержат недвусмысленные дока-

зательства развития национального самосознания болгар. Хронологически они также совпадают с этапами формирования самосознания, которые определяются борьбой за церковную независимость.

Характерной чертой формирования болгарской нации является параллельное развитие ее стремлений к духовному утверждению, к созданию национальной культуры и просвещения, и усилий по завоеванию политической независимости. Эти усилия переживают длительную эволюцию. От паисиевского обращения к соотечественникам с напоминанием о славном прошлом болгарского государства до революционных программ 70-х годов XIX в. стремления болгарской нации к политическому освобождению и независимости прошли длинный путь исканий, напрасных надежд и разочарований. Но отношение к Османской империи, определявшее с появления «Истории» Паисия до Апрельского восстания 1876 г. и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. главное направление чаяний и смысл политических действий болгар выявляет одну и ту же тенденцию — отрицание иноземного владычества, стремление к политической самостоятельности. Участие болгар в сербском и греческом восстаниях, в русско-турецких войнах первой трети XIX в., заговоры и попытки восстаний 30-х годов, крестьянские восстания 40-х и 50-х годов, добровольческое движение болгар во время Крымской войны — все эти разрозненные, на первый взгляд, явления нескольких десятилетий XIX в. связаны по сути дела единой целью — борьбой формирующейся нации против османского владычества. Эти движения определялись болгарским национальным сознанием, свидетельствовали о его негативном отношении к Османской империи.

После объявления хати-хумаюна 1856 г. политическая борьба болгар характеризуется революционными событиями начала и второй половины 60-х годов, тогда как с 1869—1870 гг. наступает решительный этап революционного движения, когда организация народных сил для вооруженного восстания принимает все более широкий размах. Идеология революционного течения развивается до утопического социализма Хр. Ботева, ясной политической тактики Л. Каравелова и Болгарского революционного комитета. Революционную тактику, идею необходимости мобилизовать и подготовить народ для восстания осуществляет В. Левский. В революционной идеологии и борьбе 1870-х годов болгары формируют свою программу и тактику уже не на основе сентиментальных мотивов, а с учетом реалистического понимания политики европейских держав, Турции и балканских государств. Революционная идеология 70-х годов и деятельность Болгарского революционного Центрального комитета (БРЦК) в эмиграции и в самой Болгарии является высшим выражением национального самосознания болгар.

Некоторые авторы недостаточно учитывают политические движения болгар, попытки восстания и вооруженной борьбы

первой половины XIX в., что приводит к искусственному разделению болгарского национального возрождения на два этапа — культурное — до Крымской войны и политическое — от 60-х годов и далее. На современном этапе исследований по истории болгарского освободительного движения с этим согласиться нельзя. Верно, однако, что роль культурного возрождения велика как в процессе развития национального самосознания, так и в процессе консолидации нации вообще. Культурные задачи не исключали политического характера движения. Они сосуществовали, но дело в том, что только после Крымской войны политическое освобождение стало единственной национальной задачей.

Конечно, национальное самосознание созревало постепенно, развиваясь и усложняясь. Дифференцировались позиции разных слоев и классов болгарского общества и одновременно дифференцировались политические программы. Но смысл, содержание, цель этих движений одни и те же — формирующаяся болгарская нация осознала свое положение в Османской империи и изъявила желание изменить его, т. е. добиться политического освобождения.

Процесс развития национального самосознания представляет интерес и с другой точки зрения — механика его зарождения и постепенного созревания, пропаганда его в массах вначале немногочисленными интеллигентами и представителями буржуазии, — от эмиграции в Сербии, Румынии и России до находившихся в самой Болгарии. В этом отношении реформы в Турции, несмотря на их ограниченность, сыграли роль ускоряющего фактора. Еще большее значение имела активная пропаганда политических партий и групп, прежде всего посредством периодической печати, издававшейся вне Болгарии, наконец, организаторская и агитационная деятельность БРЦК.

В борьбе за духовно-культурную независимость и в политическом движении болгары сталкивались с восточной политикой европейских держав. Еще в первой половине XIX в. намечаются основные линии взаимоотношений болгар с Россией и западноевропейскими государствами. Русско-турецкие войны, контакты болгар с русскими войсками, появление интереса к болгарскому народу у русской общественности и позже — покровительство и помощь болгарскому образованию десятилетиями создавали у болгар глубокое убеждение в том, что их национальные интересы соприкасаются с русской политикой на Балканах, что стремление России обеспечить здесь свое влияние превращает ее в естественного и мощного союзника болгарского освободительного движения. Это общее убеждение не было однозначным для всех политических группировок, в особенности в 60-х и 70-х годах. Но, несмотря на различия в понимании роли России (воспользоваться ее политикой или подчинить болгарское освободительное движение этой политике), несмотря на разочарования (например, в начале 40-х годов, когда Ни-

колай I отказался поддержать болгарское восстание 1841 г. хотя бы морально), а также на разногласия между болгарами и царским правительством во время церковной борьбы ввиду длительных колебаний русской дипломатии в отношении болгарского церковного вопроса, связанного с нежеланием покончить с идеей единства православия, несмотря на другие случаи несовпадения русской политики с интересами болгарского освободительного движения, болгары осознавали, что ввиду своих внешнеполитических интересов Россия — самый последовательный, самый сильный и самый перспективный союзник болгар.

Отношение западноевропейских государств к болгарскому национальному вопросу характеризовалось противоположными тенденциями. Английская политика равновесия в Европе и ревностная защита Османской империи ставила Великобританию в положение открытого и безусловного врага стремлений болгарского народа к политическому освобождению. Ясное понимание, кто является противником и кто союзником болгарского освобождения, характерно для всех болгарских политических деятелей XIX в. Английскую точку зрения разделяли (в большей или меньшей степени) Франция и Австрия. Конечно, иногда у болгар имели место иллюзии, будто бы Наполеон III, прокламировавший себя защитником «принципа национальностей», применит этот принцип и в болгарском вопросе. Но эти надежды, свойственные прежде всего деятелям Тайного центрального комитета, которые рассчитывали на поддержку Франции, были временными.

В другом направлении развивались отношения болгар с Англией и Францией в области духовной. Движимая антагонизмом к России, Великобритания играла очень активную и в известном отношении положительную роль в болгарском церковно-национальном вопросе. Ее дипломатические представители советовали Порте и министрам султана сделать болгарам уступки за счет патриархии, поддерживали болгарские инициативы в Константинополе. В конечном счете английские советы сыграли значительную роль в решении Порты принять сторону болгар. Мирная по формам борьба за национальную церковь, образование и культуру являлась в концепциях британского Форейн Оффиса средством выбрать из двух зол меньшее. Связи значительной группы константинопольских болгар с британской дипломатией и их усилия получить поддержку Англии являлись свидетельством умения представителей болгарской нации ориентироваться в международной обстановке и пользоваться ею в национальных интересах. Что касается Франции, то она, движимая своими (сходными по существу с английскими) соображениями, облегчала возможность молодым болгарам получить образование во французских учебных заведениях, открывала свои школы в болгарских краях, признавала болгарский язык и болгарское национальное духовенство. Дея-

тельность Франции в поддержку болгарского национального образования была результатом усилий самих болгар и активности польской эмиграции, возглавляемой Адамом Чарторыским.

Существенным моментом в процессе формирования и утверждения национального самосознания болгар являлась их возрастающая активность в отношениях с европейскими и балканскими государствами и их общественностью. Значение этой активности важно как проявление развития самой нации, которая выходит из положения объекта политики держав и начинает сама определять свою судьбу. Необходимо иметь в виду и другую сторону этого явления. Традиции болгарского государства, существовавшего с VII по XIV столетие, были прерваны. Болгария в XIX в. — это не Польша, не Чехия, не Венгрия, чьи национально-освободительные движения опирались на политические традиции XVII—XVIII вв. Болгары давно не имели своей феодальной аристократии, и отношения с окружающим миром взял на себя зарождающийся класс буржуазии — как крупной, так и мелкой. С начала XIX в. до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. болгары не только боролись с греческой буржуазией и духовенством, не только создавали свою национальную культуру, восставали и искали пути политического освобождения. Они вместе с тем неоднократно обращались к правительствам европейских государств с целью заявить о существовании в Османской империи особой болгарской нации, а позже — убедить их, что в восточном вопросе существует и болгарский компонент, который они должны иметь в виду. Наконец, в 1870-х годах болгары заявили, что, несмотря на противодействие западных государств, они стремятся к свободе и желают обеспечить свободное и независимое существование. Первая болгарская делегация, посланная в Россию в конце 1820-х годов, везла предложения болгарской эмиграции в Румынии и крупного чиновника Порты болгарина Богориди о предоставлении болгарам автономии. Во время восточного кризиса 40-х годов Богориди, губернатор о-ва Самоса, вновь выдвигает идею болгарской автономии, аналогичной по характеру автономным правам Самоса. В ходе восстания 1841 г. болгары Нишского пашалыка вручают сотни петиций дипломатам России, Сербии и западных держав, выражая свое нежелание оставаться больше под османской властью. Аналогичные петиции отправили и участники крестьянского восстания 1850 г. в северо-западной Болгарии. В начале 1840-х годов от имени своего народа известный болгарский деятель Александр Экзарх отправил больше десяти меморандумов и обращений правительствам Франции, Англии, России, Австрии, Пруссии, призывая их дать болгарам автономию. В обстановке Крымской войны болгары вновь заявили о своих чаяниях европейским государствам. Во время революционных кризисов на Балканах в начале и второй половине 60-х годов XIX в. имели место новые революционные выступле-

няя болгар. Вместе с тем Г. Раковский непосредственно участвует в дипломатических акциях Сербии 1862—1863 гг., а Тайный комитет отправляет меморандум европейским державам, предлагая дуалистическое решение болгарского вопроса в границах Османской империи. Все эти акции, несомненно, свидетельствовали об утверждении болгарского самосознания, о стремлении формирующейся нации обратить на себя внимание, убедить Европу, что она не может пренебрегать желанием болгар жить и развиваться свободно. Нет возможности детально рассматривать политическое содержание болгарских требований, особенности концепций разных классовых групп в отношениях болгарской нации с европейскими государствами. Отметим только, что революционное течение в болгарском освободительном движении тоже развивало значительную деятельность в сфере отношений европейских государств к болгарам и по вопросу о позициях, которые в интересах народа должны отстаивать болгарские патриоты.

Другой аспект проявления болгарского национального самосознания касается взаимоотношений болгар и балканских государств — Сербии, Греции и Черногории, а также Румынии. Эволюция этих взаимоотношений была длительной и сложной: от непосредственного участия болгар в сербском и греческом восстаниях, где они совместно боролись за освобождение христиан от османского владычества, через восстания 40-х годов, в которых болгары и сербы участвовали вместе, но выдвигали свои обособленные национальные требования, и попытки комбинированных болгаро-сербских и болгаро-румынских революционных акций 60-х годов до ясного понимания БРЦК того, что южнославянское и балканское сотрудничество является условием успеха освободительной и объединительной борьбы всех народов против общего противника. Эволюция межбалканских взаимоотношений сопутствовала процессам зарождения гегемонистских тенденций в политике балканских государств. Это привело к глубокой дифференциации в отношении болгар к правительствам и народам Балканского полуострова, содействовало сплочению революционных сил балканских стран, рождению идеи революционного союза народов и координированию национальных движений южнославянских и балканских народов.

Для развития освободительной борьбы на юго-востоке Европы большую роль сыграло итальянское национальное революционное движение. Но не только это: практические контакты болгарской эмиграции с итальянскими переселенцами в Румынии и связи, установленные болгарскими революционерами с Мадзини, интерес Гарибальди и Мадзини к южнославянским национальным движениям ускоряли процесс созревания политической мысли и революционной тактики болгарского освободительного движения. Национально-освободительные идеи Европы перекликались с национально-освободительными идеями

болгарского народа, углубляли и облегчали эволюцию национального самосознания болгар. Этой эволюции содействовали также, как хорошо известно, взгляды русских революционных демократов.

Особую и весьма значительную роль играла польская эмиграция на Балканах. Она имеет большие заслуги в процессе формирования болгарского национального самосознания, в выработке политической тактики освободительного движения, в области взаимоотношений болгар с европейскими государствами, в обогащении их представлений о политике этих государств и выработке более реальной ориентации в межнациональных и международных отношениях. Важное значение имел богатый опыт польского революционного движения, идеи и программы польских организаций.

Активное отношение болгар к европейским государствам и нациям являлось результатом развития болгарской нации, ее национального сознания, понимания собственных национальных интересов. В то же время взаимоотношения становились фактором углубления национального самосознания и в конечном счете — выработки определенной системы взглядов о положении болгарской нации в Европе, о перспективах ее взаимоотношений с европейскими государствами и народами. Внешняя политика Болгарского княжества после 1878 г. была подготовлена и в основных направлениях очерчена в эпоху болгарского национального возрождения. Тогда же выяснилась и общность интересов болгарской нации с интересами народов, борющихся за свободу и независимость.

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ СЛОВЕНЦЕВ В 1848 — НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XIX В.

И. В. Чуркина

Конец XVIII—XIX в.— время бурного развития и победы капитализма в Европе. Развитие капитализма вызвало к жизни национальные движения угнетенных народов. Национальные движения являлись одной из форм борьбы буржуазии угнетенных наций за самоутверждение. Это полностью относится и к буржуазии славянских народов, находившихся под игом Австрийской и Османской империй.

Борьба небольших славянских народов против угнетателей имела бы мало шансов на успех, если бы они выступали каждый в отдельности. Отсюда — поиски славянской буржуазией союзников, которых она пыталась найти прежде всего в национальных движениях родственных по языку и культуре народов, на-

ходившихся в сходных исторических условиях. Такова была основа идеи славянской взаимности, ставшей орудием борьбы буржуазии формирующихся славянских наций против феодального и национального гнета. Словенская буржуазия, относительно слабая и по преимуществу мелкая, не являлась в этом отношении исключением. Наоборот, она очень активно искала поддержки со стороны других славянских народов.

Ближайших союзников словенская буржуазия искала в полном соответствии со своим пониманием нации и ее отличительных черт. Главным, определяющим признаком любого народа словенские национальные деятели считали язык. Ф. Левстик, которого один из ведущих югославских марксистов Э. Кардель, имея в виду эпоху допролетарского движения, назвал «самой ясной политической головой, высшим достижением словенской демократической мысли»¹, писал в 1864 г.: «Некоторые даже говорят: национальность характеризуется рядом моментов, не только языком. Ответ: но на первом месте стоит все же язык, и пока он не достиг всех прав, которые ему необходимы, национальность находится в постоянной опасности. Именно поэтому мы боремся постоянно за первую, самую необходимую черту национальности, без которой национальности нет»². Ф. Левстик и национальное движение словенцев определял как движение в защиту языка: «Ради языка, чтобы его цивилизовать, и ради народа, чтобы его обучать на его языке»³. Такое понимание роли языка в национальной жизни народа приводило к тому, что ему отводилась исключительная роль в словенских национальных программах.

Языковая близость славянских народов воспринималась многими словенскими национальными деятелями как доказательство их национальной близости, что в свою очередь, по их мнению, предполагало общую судьбу, общие национальные цели, общих друзей и врагов. Эти моменты нашли отражение при формировании словенского национального самосознания: словенцы чувствовали себя не только словенцами, но и югославянами, и славянами. Национальное самосознание в свою очередь предопределило развитие политических идей словенской буржуазии.

Это политическое сознание, нашедшее выражение в программах словенского национального движения, возникло значительно позднее самого национального движения и на его базе. В отличие от национального самосознания, которое в эпоху до выхода на политическую арену рабочего класса характеризовалось в целом близкими чертами для всех классов словенского общества, национально-политические идеи четко определялись классовыми интересами. И все же на ранних этапах своего развития, а именно в период от 1848 до начала 70-х годов XIX в. они имели ряд общих черт, вытекавших непосредственно из политического положения словенцев как народа.

Словенская нация формировалась в условиях чужденационального гнета, продолжавшегося тысячелетие. У словенцев от-

существовала единая административно-политическая территория: их земли разделены между шестью провинциями габсбургской монархии, из которых только в двух они представляли большинство населения, в остальных же находились в меньшинстве. Административная раздробленность, существовавшая многие столетия, явилась главной причиной формирования у словенцев провинциального самосознания. Словенцы, жившие в провинциях Крайна, Штирия, Каринтия и т. д., чувствовали себя крайцами, штирийцами, каринтийцами, но не единым народом.

Результатом немецкого господства, установившегося в словенских землях в период их перехода от первобытнообщинного строя к феодальному, было отсутствие у словенцев собственного класса феодалов, что неблагоприятно отразилось на их политическом и культурном развитии. У словенцев отсутствовала традиция государственности и политической борьбы, которая имела у других, неполноправных народов Австрийской империи, например у венгров, поляков, хорватов. Отсутствие политических традиций очень волновало словенскую интеллигенцию. «Что это за нация,— писал С. Враз, пламенный сторонник слияния словенцев с хорватами, словенскому поэту Ф. Прешерну,— которая при создании своей литературы и в ходе духовной эмансипации не может опереться на какую-либо возвышенную идею? А где мы возьмем эту идею, если и дальше будем трудиться изолированно? Может быть, в героических делах наших предков? Но где наша история говорит о них?»⁴

Словенская культура по той же причине (отсутствие феодального класса) находилась на более низком уровне, чем культуры соседних народов. Хотя в XVI в. благодаря деятельности словенских протестантов у словенцев появились алфавит, грамматика, несколько книг на словенском языке, традиции письменности были слабы.

Все эти особенности политического и культурного положения словенцев оказали значительное влияние на формирование словенского национально-политического сознания.

Словенское политическое сознание впервые заявило о себе открыто в 1848 г. Однако его элементы наблюдаются уже в произведениях словенских просветителей конца XVIII в. Так, А. Линхарт в книге «Опыт истории Крайны и других южнославянских земель Австрии» высказал мысль, что словенцы являются самостоятельным народом, принадлежащим к группе славян, что, поскольку в Австрийской монархии они вместе с другими славянскими народами составляют большинство, то Австрия по праву может считаться такой же славянской державой, как и Россия⁵. В начале XIX в. среди представителей словенской интеллигенции имели хождение и другие идеи, связывавшие политическую судьбу словенцев с Россией. О них, в частности, упоминает В. Б. Броневский, русский морской офицер, совместно с матросами эскадры Сенявина проделавший путь от Триеста до Петербурга в 1810 г. Отметив, что национальной гордости сло-

венцев очень польстило сходство их языка и нравов с русскими, Броневский свидетельствовал: «Для них нет ничего приятнее, как говорить о России, о нашем государстве, правительстве и счастье быть русским. Мечтания их простираются гораздо далее, нежели можно было бы ожидать от их ограниченных познаний в политике... и надобно признаться, что как бы правительство, коему они будут подвластны, не было попечительно, они всегда помышлять будут о России с восхищением»⁶. В 30—40-х годах в словенских землях распространились идеи иллиризма. Сторонники их выступали за культурное и языковое единство словенцев с хорватами и сербами. И хотя вопрос о политическом объединении южных славян еще открыто не ставился, он, несомненно, подразумевался многими из иллиров. Однако все эти национально-политические идеи были расплывчаты, отрывочны и не вылились в сколько-нибудь политическую программу.

Первая словенская политическая программа возникла в 1848 г. Она требовала объединения всех словенских земель, находившихся в шести австрийских провинциях, в единую автономную область с общим представительным собранием, со школами и учреждениями на словенском языке. Эта программа получила название «программы Объединенной Словении». В отличие от ряда программ других славянских народов Австрийской империи она исходила из естественного, а не исторического права, т. е. принимала во внимание не границы исторических провинций, а только границы тогдашнего расселения словенцев. В этом отношении программа Объединенной Словении наиболее полно отвечала стремлениям молодой буржуазии, ибо не несла на себе отпечатка феодальной традиции, присущего программам исторического права. Программа Объединенной Словении была выдвинута в конце марта — начале апреля 1848 г. словенскими либералами — М. Маяром и членами венского общества «Словения». Консервативные круги, например епископ А. Сломшек, отнеслись к этой программе враждебно. Но более умеренный Я. Блейвейс, издатель единственной в то время словенской газеты «Кметийске ин рокоделске новице», открыто не выражал к ней своей неприязни, подчеркивая, что проект Объединенной Словении надо еще обсудить, а затем уже выдвигать в качестве предложения. Вместе с тем среди многих словенцев программа Объединенной Словении получила одобрение. Только в Штирии к началу мая 1848 г. под ней было собрано 11 тыс. подписей⁷. Популярность программы Объединенной Словении, боязнь усиления германизации привели к тому, что после выборов во Франкфуртский парламент она была принята на вооружение и теми умеренными консерваторами, которые группировались вокруг Блейвейса⁸.

В 1848 г. словенцы уделяли известное внимание и союзу с южными славянами габсбургской монархии. В мае 1848 г. 14 каринтийских национальных деятелей послали приветствие сербской скупшине в Сремских Карловцах, пожелав сербским па-

триотам единства и искренней дружбы, обновления их древнего союза с хорватами и словенцами, скрепленного родством по «крови и языку»⁹. Однако политическая программа, выдвинутая словенскими либералами, предусматривала создание не Югославии, а «славянской Австрии» — конституционной монархии, в которую бы входила на автономных началах и объединенная Словения. Наиболее полно эта австрославистская программа была разработана в статьях М. Маяра¹⁰.

В годы реакции, последовавшие за поражением революции, политическая программа словенского национального движения в печати не выдвигалась. Однако начало конституционных реформ в Австрийской империи в 60-х годах вновь вызвало к жизни программу Объединенной Словении. М. Маяр сразу после издания февральского патента 1861 г. опубликовал статью, в которой выступил за Объединенную Словению¹¹. В первой половине 60-х годов эту программу поддержало, однако, всего несколько словенских национальных деятелей. Большинство же их, стремясь найти поддержку в борьбе за свои национальные права у лидеров национальных движений других славянских народов Австрийской империи (прежде всего чехов и хорватов), встало на позиции исторического права и выдвинуло так называемую Мариборскую программу. Последняя предполагала воссоздание Внутренней Австрии — административной единицы, существовавшей в XVI—XVIII вв. и включавшей в свой состав Штирию, Каринтию и Крайну с Горнцей, т. е. провинции, в которых жила основная часть словенцев. Однако Внутренняя Австрия являлась мертворожденным детищем. Она включала бы в свой состав не только словенцев, но и немцев и итальянцев, причем последние составляли бы большинство (57%)¹². В первой половине 60-х годов Мариборскую программу поддерживали не только консерваторы, но и либералы. Когда на совещании польских, чешских и хорватских федералистов в Вене (1866 г.) была принята предложенная Ф. Ригером программа, игнорировавшая национальные интересы словенцев и оставлявшая их в пределах предполагаемой немецкой административной единицы, словенские национальные деятели окончательно отказались от Мариборской программы.

Программа Объединенной Словении к концу 60-х годов XIX в. стала единственной национально-политической программой словенцев. Ее пропагандировали в газетах, с ней выступали в провинциальных собраниях (ландтагах). Лидер левого крыла младословенцев (словенских либералов) Ф. Левстик очень четко выразился о необходимости ее для словенцев. «Мы, словенцы,— писал он в 1868 г.,— или объединимся как нация, или погибнем»¹³. Программа Объединенной Словении стала основным требованием словенских таборов (многолюдных митингов под открытым небом). Таборы собирались сначала по инициативе младословенцев, затем к ним подключились и консерваторы. В них приняли участие десятки тысяч словенских крестьян, сред-

них и мелких городских собственников, рабочих, интеллигенция. Всего состоялось 18 таборов и они продолжались с августа 1868 г. по август 1871 г. Это движение явилось школой политического воспитания широких масс, их приобщения к борьбе за национальные права словенского народа и демократизацию политического строя. В результате таборов национально-политические идеи стали достоянием широких кругов словенского общества. Таборы — высший этап борьбы, на который оказалась способной словенская буржуазия. Радикализм последней был сильно поколеблен в начале 70-х годов выступлением на арену рабочего класса в качестве самостоятельной силы.

Итак, главным в словенском национально-политическом сознании на первом этапе его развития являлось требование Объединенной Словении. В этом отношении все течения словенской буржуазии (и старословенцы, и младословенцы) выступали в относительном единстве, что отмечал и печатный орган либералов «Словенски народ» в начале 1869 г.: «Нет ни одного вопроса, в котором бы все словенцы были так едины, как в вопросе об Объединенной Словении»¹⁴.

Как в национальном самосознании словенцев существенное значение имело осознание себя славянами, так в системе их политических идей Объединенная Словения являлась хотя и главным, но не единственным пунктом. Дело в том, что словенские национальные деятели, начиная с Линхарта, никогда не мыслили себе Словению самостоятельным государством. Это было прежде всего результатом отсутствия у словенцев государственной традиции и, главное, их малочисленности. Ф. Левстик прямо писал: «Мы, бедные словенцы... никогда не имели на земле своего царства и не будем его иметь»¹⁵. Поэтому Объединенная Словения всегда предполагалась словенскими национальными деятелями как автономная часть какого-то большого государственного целого. В 1848 г. этим государственным целым представлялась Австрийская империя, переустроенная на федеративных началах. Объединенная Словения должна была войти в нее опосредованно через федерацию австрийских славян, в которую она входила бы составной частью. В 1848 г. иногда шла речь и об особом югославянском объединении, но опять-таки в рамках габсбургской монархии. Таким образом, во время революции югославистские идеи у словенцев выступали не самостоятельно, а как часть австрославистских концепций.

В той или иной форме югославистские идеи имели приверженцев среди некоторых словенских национальных деятелей 60-х — начала 70-х годов. Особенно повысился интерес к ним в связи с угрозой введения дуализма, который вызвал решительный отпор со стороны хорватов. Словенцы, также недовольные им, почувствовали в хорватском национальном движении союзника в борьбе против австро-венгерского соглашения 1867 г. О словенско-хорватском сотрудничестве писал А. Эйншпиллер, словенский политический деятель в Каринтии, в газете «Словенец» в

сентябре-октябре 1866 г., а также Ф. Левстик в своей программе газеты «Славенски юг» в июле 1867 г. и т. д. Связи словенцев с хорватами во второй половине 60-х годов стали более интенсивными. Так, словенская делегация во главе с Блейвейсом присутствовала на праздновании 300-летнего юбилея хорватского национального героя Николы Зринского в Загребе (ноябрь 1866 г.), а многочисленные хорватские делегации приезжали на словенские таборы.

В конце 1870 г. произошли две встречи хорватских, сербских и словенских политиков — в Сисаке (ноябрь) и в Любляне (декабрь). На люблянкой встрече была принята югославянская программа. В ней говорилось о стремлении сербов, хорватов и словенцев к объединению в пределах Австро-Венгрии и к сотрудничеству их с другими южнославянскими народами вне зависимости от того, в каком государстве они живут¹⁶. Сисакская и люблянская встречи оказали значительное влияние на распространение югославянских идей среди словенцев. Однако надо подчеркнуть, что если идея Объединенной Словении прочно вошла в сознание широких народных масс, то югославянские концепции имели более узкий круг приверженцев. Они обсуждались на некоторых таборах, но не как политические программы, а как вопрос о необходимости более тесных экономических и культурных связей между югославянскими народами, например на таборах в Калце (9 мая 1869 г., Крайна), в Орможе (8 августа 1869 г., Штирия), в Каставе (21 мая 1871 г., Истрия)¹⁷.

Идеи тесного сотрудничества с хорватами, создание югославянской общности вызывали энтузиазм не у всех словенских политиков. Некоторые из них считали, что политика хорватов — «непостоянная» и «недостаточно славянская», что споры между сербами и хорватами мешают созданию югославянского объединения¹⁸. Особенно подчеркивалась мысль, будто югославянская общность слишком мала и не способна к самостоятельному существованию. В частности, младословенец Ф. Левец заявил на втором съезде словенской учащейся молодежи в Любляне 4 сентября 1869 г., что от германизации словенцев может спасти «только одна Россия»¹⁹. Некоторых политиков не устраивала и югославистско-автрославистская концепция, оставлявшая словенцев (как и других южных славян) в пределах Австрийской монархии, на благоприятную для словенцев политику которой после 1848 г. и особенно после введения дуализма в 1867 г. у них не оставалось надежд. Кроме того, после поражения Австрии в войне с Пруссией (1866 г.) не была ясна дальнейшая судьба Австрийской монархии: был возможен ее распад, что тоже заставляло словенских национальных деятелей искать иные пути политического самоопределения словенцев. Поэтому часть словенских политиков поддерживала «всеславянские» программы, имевшие обычно русофильский оттенок. С ростом опасности германизации словенцев в конце 60-х годов XIX в. среди словенской молодежи приобрел популярность лозунг: «Лучше стать

русским, чем пруссаком». Об этом, в частности, свидетельствует письмо Ф. Левеца к его другу и соратнику Я. Керснику от 1869 г.: «Ведь у нас нет будущего!— писал Левец.— Мы будем или пруссаками, или русскими»²⁰. Молодежь демонстративно пела русский гимн, провозглашала на своих пирушках здравицы за русский народ и царя. Но это русофильство не носило царистского характера. Младословенская газета «Словенски народ» отмечала 17 апреля 1869 г.: «Боже, царя храни!» для нас, иностранных славян, означает: «боже, дай братскому нам русскому народу счастье, боже, сохрани самого крепкого сына Славы»²¹.

Для словенских национальных деятелей не имело в то время решающего значения, являлась ли Россия абсолютистским или демократическим государством, для них был важен сам факт ее существования. Это выразил главный редактор газеты «Словенски народ» И. Юрчич. В ответ на замечание своего собеседника, что Россия смогла бы сделать что-нибудь полезное для австрийских славян, если бы захотела, он заявил: «Самая большая заслуга России перед австрийскими славянами заключается в том, что она вообще существует»²². Существование России как великого славянского государства вселяло в словенцев надежды на лучшее будущее.

Однако при всех русофильских высказываниях ряда младословенских деятелей никакой конкретной политической программы, связанной с Россией, у них не было. Русофильство 60-х — начала 70-х годов XIX в. не столько свидетельствовало об их политических целях, сколько о средствах защиты национальных прав своего народа. Надо иметь в виду, что «всеславянские» идеи коснулись сравнительно небольшого круга радикальной учащейся молодежи. В широких массах народа они хождения не имели. Все же русофильство словенских «всеславян» оказало известное воздействие на словенский народ, в котором распространились симпатии к русским, как братскому славянскому народу. Это отмечал, в частности, известный современный словенский историк Д. Кермавнер. «Наше национальное возрождение,— писал он,— развивалось в рамках славянства, и наша национальная гордость, которая удерживала нас от ассимиляции обоими великими культурными соседними народами на севере и на западе»²³, в значительной мере выросла и из нашей принадлежности к славянству, из нашего чувства родства с русским народом — великаном, имеющим такое государство и такую литературу, с братским народом, который станет также нашим действенным защитником, когда мы окажемся перед вопросом, быть нам или не быть»²⁴.

¹ *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja.* Ljubljana, 1970, s. 344.

² *Levstik F. Zbrano delo.* Ljubljana, 1959, zv. 8, s. 161.

³ *Ibid.*, p. 122.

⁴ *Kardelj E. Razvoj...*, s. 290—291.

⁵ *Prijatelj I. Duševni profili slovenskih preporoditeljev.* Ljubljana, 1935, s. 51.

- ⁶ Броневский В. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. М., 1828, с. 30—31.
- ⁷ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. Ljubljana, 1966, s. 103—104.
- ⁸ Ibid., p. 110.
- ⁹ Prelog M. Slavenska Renesansa. Zagreb, 1924, s. 325—326.
- ¹⁰ Чуркина И. В. Политическая программа Матии Маяра в 1848 г.—Сов. славяноведение, 1969, № 5, с. 29—30.
- ¹¹ Kmetijske in rokodelske novice, 1861, 13.III; 20.III, s. 89, 95.
- ¹² Gestrin F., Melik V. Slovenska..., s. 146.
- ¹³ Levstik F. Zbrano delo. Ljubljana, 1961, zv. 9, s. 314.
- ¹⁴ Melik V. Slovensko narodno gibanje za časa taborov.—Zgodovinski časopis, 1969, N 1—2, s. 76.
- ¹⁵ Levstik F. Zbrano delo. Ljubljana, 1958, zv. 7, s. 50.
- ¹⁶ Milutinović K. Problematika ljubljanskog jugoslovenskog programa kod Srba i Hrvata.—Zgodovinski časopis, 1956—1957, s. 160—161.
- ¹⁷ Melik V. Slovenski tabori.—Kronika, 1968, N 2, s. 74, 75.
- ¹⁸ Против хорватского варианта югославизма (т. е. объединения сербов, хорватов и словенцев под главенством хорватов в пределах Венгерского королевства) в 1868—1869 гг. выступали младословенцы Ф. Левстик и Г. Блаж. Levstik F. Zbrano delo, zv. 8, s. 211; Slovenski narod, 1869, 10.VII.
- ¹⁹ Pisma Frana Levca. Ljubljana, 1967, s. 80.
- ²⁰ Ibid., p. 80.
- ²¹ Slovenski narod, 1869, 17.IV.
- ²² Hribar I. Moji spomini (od 1853 do 1910). Ljubljana, 1928, zv. I, s. 8.
- ²³ Речь идет о немцах и итальянцах.—Ped.
- ²⁴ Kermavner D. Oktobrska revolucija in slovenci.—Sodobnost, 1967, N 11, s. 1058.

К ИСТОРИИ БОСНИЙСКО-МУСУЛЬМАНСКОГО ЭТНОСА

В. И. Фрейдзон

Основная масса мусульманского населения Югославии — южных славян, говорящих на сербскохорватском языке, — проживает в Боснии и Герцеговине. По-сербскохорватски этнонимы пишутся с прописной буквы, и название *Муслиман* означает представителя особого народа (следовательно, вовсе не предполагает обязательной принадлежности к исламу), тогда как *муслиман* (со строчной буквы) указывает на вероисповедание. Так как современное русское правописание не знает такого способа выделения этнонимов, то в данной статье в качестве этнонима условно применяется название *боснийские мусульмане* (для обозначения славян-мусульман Боснии и Герцеговины как особого этноса).

Территориально боснийские мусульмане размещаются совместно с другими народами, составляя относительное или абсолютное большинство в ряде районов Социалистической Республики Боснии и Герцеговины¹. Согласно переписи 1971 г. в Югославии «мусульман в смысле народности» насчитывалось 1729,9 тыс. человек (8,4%), в том числе в Боснии и Герцеговине — 1482 тыс. человек, или 2/5 населения этой республики. Сербов здесь было 1393,1 тыс., хорватов 772,5 тыс., остальных — 36 тыс. человек².

Население страны состояло из христиан (православных и католиков) и мусульман со времени османского завоевания Боснии и Герцеговины. Исламизация части славян привела к резкому политическому и культурному размежеванию в среде местного населения; социальная пропасть между феодалами, принявшими ислам, и крестьянством, в большинстве оставшимися христианским, усугубилась религиозной. В XIX в. боснийские мусульмане ощущали себя особой этнической общностью как по отношению к иноверцам, так и прочим мусульманам. Они называли себя «босняками» (сербскохорв. — бошняци). В условиях османского господства этот этноним «употреблялся, когда боснийские мусульмане хотели подчеркнуть свои этнические отличия от других мусульман»³, прежде всего от турок-османов. Однако А. Ф. Гильфердинг в середине XIX в. отмечал также, что «бошняками называют преимущественно славян-мусульман, жителей Боснии и Герцеговины, в отличие от влахов или сербов, т. е. православных, и шокцев или латинов, т. е. католиков»⁴. Это подтверждает хорватский автор, посетивший Боснию в 1839 г.: «В Боснии христиане не смеют называть себя босняками: говоря босняки, мусульмане имеют в виду себя, а христиане — только боснийская райя или вlahи»⁵. Но этноним *босняк* впоследствии не закрепился, так как им можно было обозначать все коренное единоплеменное население.

Итак, первоначально в Боснии под мусульманами понимались только приверженцы ислама; позднее, во время австро-венгерской оккупации (1878—1918), поскольку боснийские мусульмане стремились подчеркнуть свое этническое отличие от сербов и хорватов, название мусульманин, сохраняя и прежнее содержание, вместе с тем все более приобретало значение этнонима. И теперь, как пишет академик Б. Джурджев, «если не придумывать этому народу наименование, то не остается иного, как называть его так, как он сам себя называет, т. е. мусульманами»⁶.

В условиях Османской империи славянское боснийско-мусульманское население называло себя также *турками*, но при этом имела в виду принадлежность к господствующей религии, так как босняки-мусульмане сознавали свое отличие от турок, которых называли *османли*. Христиане также называли славян-мусульман *турками*. Этот этноним часто встречается в источниках. Так, русское консульство в Дубровнике, имея в виду славян, общало в 1878 г., что «турки в Герцеговине» готовятся к отпору австрийским войскам⁷. В петербургском «Голосе» в 1878 г. было опубликовано письмо Скендер Недим-бега и Хадхи-Хусейн-аги Бешлагича с просьбой к А. М. Горчакову добиться прекращения репрессий австрийских оккупантов в Боснии. Письмо на сербскохорватском языке авторы подписали арабскими буквами «от имени турок», бежавших к «соплеменным нашим братьям-сербам»⁸. В официальных документах нередко применялась формула «райя и турки»; при этом в большинстве случаев подразумевались христиане и мусульмане-славяне, так как подлинных ту-

рок в Боснии было немного. Так, сербский демократ В. Пелагич отмечал в 1879 г., что из боснийских феодалов «турецкого языка не знает ни один из сотни»⁹. Это совпадает с утверждением М. Мажуранича о том, что «в Сараеве немало ага (господ, помещиков. — В. Ф.), не знающих другого языка, кроме боснийского»¹⁰ (сербскохорватского. — В. Ф.). «Беги (феодалная знать. — В. Ф.), — писал Гильфердинг, — признают себя потомками христианских племищей... В их устах сербская речь звучит необыкновенно чисто и изящно, они употребляют древние формы, которые у христиан уже почти не слышны»¹¹.

В 50-х годах XIX в. русский славист так охарактеризовал этническое самосознание и состав населения Боснии: «Жители Боснии составляют, по собственному понятию и по официальному признанию, *три народа*, хотя все принадлежат сербскому племени и говорят одним языком. Эти три народа суть: *турки*, т. е. мусульмане, *латины*..., т. е. католики, и *сербь*..., т. е. православные»¹².

Таким образом, в Боснии при османах *турок* означал югославянина-мусульманина, а при австрийцах *мусульманин* стал означать не только религиозную принадлежность, но и во все большей мере этноним. При австрийцах боснийские мусульмане называли себя в разных документах «исламским» или «мусульманским» народом, а соседи еще долго продолжали называть их турками.

Для обширного района Балканского полуострова характерно своеобразие процесса формирования буржуазных наций. Так, население Боснии и Герцеговины, объединенное общностью разговорного языка и территории, не составило единой нации. Этническая дифференциация, связанная с принадлежностью населения, говорившего на сербскохорватском языке, к различным религиям, имела место также в Хорватии, Словении, Далмации, Воеводине и других областях. Она свидетельствовала о наличии более глубоких исторических, социально-политических и культурных различий между группами единоплеменного населения, на значительных территориях проживавшими совместно¹³.

В Османской империи мусульмане получали религиозное образование. В мусульманской культуре господствовали арабский, турецкий и персидский языки. «Образованность, которую получает мусульманин в Боснии, есть чисто восточная... Нет во всем его образовании ни малейшей частицы, приложимой к его народности», — констатировал Гильфердинг¹⁴. Известны югославы — теологи, юристы, поэты и прозаики, создавшие в XVII в. боснийскую мусульманскую литературу на восточных языках¹⁵.

Наряду с традициями культуры и политической ориентацией, боснийских мусульман отличала от христианского населения социальная структура: господствующий класс был мусульманским, кроме того, большинство мусульманского крестьянства не знало кметства (феодалной зависимости от помещиков). Основным объектом помещичьей эксплуатации были христиане.

В. Пелагич отмечал в 70-х годах XIX в., что мусульмане в большей мере, чем христиане, занимаются ремеслом, христиане же более «оборотисты», склонны к торговле, более умелы в животноводстве¹⁶. Но многое сближало население, независимо от вероисповедания, и прежде всего — общий разговорный язык. Сербскохорватский язык использовался и в мусульманской литературе. Это так называемая поэзия *альямиадо* — стихотворения, написанные в XVII—XIX вв. арабицей (арабица, или арабица, — арабская азбука со знаками, необходимыми для обозначения некоторых звуков сербскохорватского языка)*. Сохранился также текст конца XVI в., записанный в Трансильвании, — трогательная «Хорватская песня». Содержание стихотворений разное: духовное, дидактическое, патриотическое, политическое, лирическое. Имелись и прозаические произведения¹⁷. Литература на сербскохорватском языке развивалась, тогда как количество произведений, написанных на восточных языках, в XVIII в. сократилось. В XIX в. арабицей на сербскохорватском языке, который боснийские мусульмане называли боснийским, стали печататься книги. Первая книга такого рода «Од вированя китаб» (китаб — по-арабски книга, вироване — по-сербскохорватски вера), т. е. учебник закона божия», была издана в Стамбуле в 1868 г., а всего вышло около 40 книг, последняя — в 1941 г.

Кроме того, исламизированное боснийское население сохранило кириллическое письмо (босанчица); в некоторых семьях столетиями передавалось знание кириллицы¹⁸. Это дополнительное свидетельство сознания этнической самобытности боснийских мусульман, отличия их от османов. Кириллицу («сербские буквы») широко применяли в переписке мусульмане-феодалы и горожане, а в XVI в. — даже духовенство. Лишь постепенно в официальной документации возобладали турецкий язык и арабская письменность.

Но и в XIX в. мусульмане Боснии и Герцеговины пользовались кириллицей и родным языком в деловой и дипломатической переписке. Так, кириллицей и латиницей писал австрийским властям в Далмации визирь Герцеговины Али-паша Ризванбегович (1832—1850). Так же в большинстве случаев были написаны австрийские ответы¹⁹. Определенные традиции славянской культуры, таким образом, сохранялись в боснийско-мусульманской среде; более того, в XIX в. проявилась, хотя и слабая, тенденция к их оживлению. В 1875 г. учитель Омер-эфенди Хумо из Мостара издал (арабицей) стихотворения, в которых так прославлял родной язык: «Похвала книгам, написанным боснийским языком... нет сомнения, что язык отцов — самый прекрасный»²⁰. Задолго до этого, по сообщению М. Мажуранича, сараевский паша утверждал, что «наш славный боснийский язык — красивейший в мире»²¹.

* Алямиадо (alamiado), по-видимому, от арабского al[h]ammiet — «написанное на народном языке».

Народная поэзия боснийских мусульман в значительной степени посвящалась тем же сюжетам, что и сербская, однако героями здесь выступали приверженцы ислама²². В лирике же христиан и мусульман немало общего, так как имелось немало общих черт в быту населения. Так, одежда всего населения имела восточный колорит, одинаковыми были пища (восточная кухня), предметы домашнего обихода, музыкальные инструменты (гусли и др.), танцы (коло) и т. д.; в городах со смешанным населением христиане были вынуждены приспосабливаться к мусульманским обычаям — женщины, редко появляясь в общественных местах, обычно закрывали лицо. Крестьяне разных вероисповеданий, жившие по соседству, случалось, почитали одни и те же «чудотворные» источники, мусульмане для исцеления больных порой обращались к христианским священникам, которые читали над ними евангелие и т. д. Гильфердинг писал не только о единстве языка и происхождения, но и сходстве обычаев населения, правда, здесь же подчеркивая, что все это решительно отступало перед религиозными различиями, определявшими этническое самосознание²³. Конечно, не следует упускать из виду особенности культуры, в частности быта боснийских мусульман. Когда после 1878 г. в сфере науки, светской литературы и искусства у боснийских мусульман, сербов и хорватов «постепенно дело шло ко все большей унификации, мусульманская «народная культура» сохраняла самобытность» и, наряду с верой и традицией, определила этнические особенности народа²⁴.

К XVIII в. Османская империя утратила захваченные ранее территории севернее р. Савы. Босния стала основной опорой Османской империи в Юго-Восточной Европе. Ее «сохранила для Турции феодальная аристократия, которая... вместе с магометанством и Турцией защищала свою неограниченную домашнюю власть»²⁵. Для боснийских феодалов крах империи означал бы ликвидацию их господства над христианским населением. Но и широкие слои боснийских мусульман, подвергавшихся гнету османских властей, тем не менее не представляли себе возможности полной ликвидации власти султана; несмотря на ухудшение своего положения в XIX в., мусульмане ощущали себя привилегированным слоем по сравнению с «райей», терпевшей еще больший произвол²⁶.

В исторической литературе указывается на «укрепление самосознания господствующего класса и всего боснийского мусульманского населения» в XVIII — первой половине XIX в.²⁷ Немалую роль в этом играли города, прежде всего Сараево и Мостар — центры ремесла и торговли²⁸. Отмечается рост торговой буржуазии, в частности из богатых ремесленников²⁹. Однако крупное купечество составляли в основном христиане, сербы³⁰. Но были и богатые мусульманские купцы³¹. В первой половине XIX в. купцы уже выступали в качестве организаторов производства в форме простой капиталистической кооперации и зачатков мануфактуры, раздавали работу надомникам³².

Крупные мусульманские феодалы стремились упрочить свои позиции в местном управлении (должность комендантов округов Боснии переходила по наследству в знатных семьях: это паша Тузличи, Зворникские, Градашчевичи и др.) и сохранить существующие социальные отношения. Они возглавили борьбу за автономию Боснии против турецких реформ 30—50-х годов XIX в., направленных на модернизацию управления, против введения европейского военного строя (низам) и т. д. Войска в 1820 и 1826 г. учинили расправу над недовольными. Но в 1829 г. в Боснии началось восстание против Порты. Его возглавил Хусейн-бег Градашчевич, крупнейший землевладелец. Это восстание было разгромлено в 1832 г. Тем не менее отпор политике Константинополя продолжался. В Боснии и Герцеговине долго не удавалось провести в жизнь хатти-шериф 1839 г. о гарантиях имущества и личности подданных и признании некоторых прав христианского населения; политика танзимата воспринималась местными помещиками и мусульманским духовенством, а под их влиянием и широкими слоями боснийских мусульман как опасная измена традициям. Лишь в 1850—1851 гг. Омер-паша Латас, подавив сопротивление, утвердил в Боснии и Герцеговине власть султана. В войне и последующих расправах погибло много представителей местной знати; значительным был и материальный ущерб, понесенный классом феодалов³³.

Характеризуя эти события, югославский буржуазный историк В. Чорович, например, писал, что «Хусейн-бег был чужд развитию национальному сознанию и ...стремился лишь к укреплению своего престижа [...] и обеспечению исключительного положения своих земляков в родной стране», что «это было автономистское... движение», за которое, однако, «выступали буквально все босняки»³⁴. В другой работе Чорович говорит об «автономистских традициях и племенной ненависти к османам, которые смотрели на босняков свысока и стремились эксплуатировать страну»³⁵. Консервативный в социальном и ограниченный в политическом отношении характер движения ясен. Его руководители стремились сохранить в неприкосновенности позиции мусульманских феодалов. Это, однако, не снимает вопроса о наличии в движении определенных этнических тенденций, проявившихся хотя бы в неразвитой форме. Отсутствие у боснийских мусульман в первой половине XIX в. «развитого национального сознания»³⁶ не означает, что им вообще было чуждо представление о своей этнической самобытности. Знаменательно замечание Чоровича, что за автономию Боснии «выступали буквально все босняки». Представляет также интерес попытка Хусейн-бега Градашчевича договориться с сербским князем Милошем Обреновичем о совместной борьбе против Порты.

В истории Центральной Европы выступление дворянства под консервативными и вместе с тем национальными лозунгами против абсолютизма имело место в Венгрии в конце XVIII в. Мы не уподобляем эти события движению в Боснии, которое разви-

валось в более примитивных условиях. Но, повторяем, что консервативная программа движения не исключает присутствия в нем этнического компонента. Можно отметить следующие факты. В 1851—1852 гг. численность повстанцев в Боснии достигла нескольких десятков тысяч человек, т. е. восстала основная масса способного носить оружие мусульманского населения провинции. При этом «защита веры», вероятно, в большой мере являлась идеологическим оформлением оппозиционных настроений народа. В. Пелагич указывал, что мусульмане Боснии не хотели посылать своих сыновей в османскую армию, содержать «солдатню» султана и массу пришлых чиновников, отказывались платить налоги, возросшие в несколько раз (помещики были обложены налогом впервые)³⁷. Ход военных действий в 1851—1852 гг. свидетельствует о том, что Омер-паша имел дело не с простым «бунтом феодалов». Борьба продолжалась полгода. Жители ряда крупных и мелких городов, оказавшихся в руках повстанцев, и многочисленных селений подверглись репрессиям. После неудач первыми отказались от борьбы феодалы, но народ продолжал бороться. «Ни в какой другой неприятельской стране,— сообщал австрийский наблюдатель,— султанские войска не встретили бы такую ненависть, которую питают к ним босняки, и эти войска ведут себя как в стране врага». В сущности, армия султана вновь завоевала Боснию³⁸. Пелагич отмечал, что «была сломлена» не только боснийская аристократия, но «ужасная расправа была учинена и над остальными турками» (боснийскими мусульманами.— В. Ф.)³⁹.

В связи с проблемой этнического и политического развития боснийских мусульман в XIX в. югославский автор Г. Шливо справедливо полагает, что боснийское мусульманское дворянство «не могло развивать те формы общественной жизни, которые в других странах создавала буржуазия. Оно не было развито и в национальном отношении, чтобы... возместить роль буржуазии, как это происходило, например, в Венгрии в 1815—1848 гг.». Но, продолжает автор, «оно имело ясное представление о своем происхождении, стране и этнических особенностях». В связи с деятельностью его представителей, считает Шливо, «можно говорить о роли боснийско-герцеговинских мусульман в процессе южнославянского возрождения». События середины XIX в. облегчили выдвижение на политическую арену горожан. Но боснийско-мусульманская торговая буржуазия формировалась очень медленно, в трудных условиях преобладания сербской и иностранной буржуазии и «не была развита настолько, чтобы взять на себя роль, прежде принадлежавшую дворянству». По мнению автора, с гибелью политически активных феодалов развитие боснийских мусульман как этноса было затруднено. После 1851 г. массы оставались под идейным воздействием беговата и религии⁴⁰. На наш взгляд, автор серьезно преувеличивает «втягивание» боснийской мусульманской аристократии в процесс национального пробуж-

дения (возрождения); тем не менее, констатация ее интереса к проблеме этноса заслуживает внимания.

Для третьей четверти XIX в. характерны определенные социально-экономические сдвиги⁴¹. Танзимат создал более благоприятные условия для формирования буржуазии. Как отметил В. Пелагич, «горожане-христиане, а в некоторой мере и мухамедовцы, стали обогащаться». Он же писал о поденщиках, работавших на крестьян, в шахтах, на строительстве и т. д.⁴² Пелагич, однако, не упомянул в качестве нанимателей бегов. После отмены в 1848 г. барщины помещики, как правило, сдавали землю крестьянам (кметам) в феодальную аренду⁴³. Поэтому, несмотря на некоторое распространение наемного труда в сельском хозяйстве, говорить о заметном обуржуазивании мусульманских помещиков в Боснии в османскую эпоху нет оснований. Становление боснийско-мусульманской буржуазии как класса буржуазного общества и соответствующая эволюция этнической общности происходили крайне медленно.

В третьей четверти XIX в. в условиях обострившегося кризиса османского феодализма часть боснийского беговата сохраняла оппозиционные настроения и, по-видимому, убеждалась в недолговечности власти Порты. Гильфердинг сообщает о том, что, «так сказать, лучшие члены славяно-мусульманской аристократии в Боснии» стремились избегать острых конфликтов с крестьянством и даже выступали в качестве «защитников христиан»⁴⁴. Иначе говоря, будучи в оппозиции к Порте, они стремились упрочить свое положение путем несущественных уступок крестьянам.

Расширились контакты части беговата с югославянскими государствами. Сербский князь Михаил Обренович (1860—1868) и его окружение стремились пробудить в боснийских мусульманах — помещиках и торговцах — сознание югославянского «племенного родства». Надеясь получить поддержку боснийских мусульман в случае войны с Портой, сербское правительство обещало бегам уважать неприкосновенность их «веры, обычаев и собственности». Некоторые беги прислушивались к этим посулам, но такого рода соглашение было неприемлемо для боснийского крестьянства⁴⁵.

Недовольство боснийских мусульман османским господством нашло выражение в ряде документов. Так, в 1870 г. они представили жалобы правительству на рост налогов и вместе с тем требовали предоставления им должностей в местных войсках и администрации. В феврале 1875 г., накануне знаменитого восстания, «беги, аги, торговцы и представители местных властей» заявили протест против экономической политики правительства, которая, по их мнению, приведет Боснию к «жалкой судьбе Анатолии»⁴⁶.

Этнический момент несомненно сказался в массовом выступлении боснийских мусульман против оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгерской монархией в 1878 г. Брожение босний-

ских мусульман началось во время Берлинского конгресса, «уполномочившего» габсбургскую монархию оккупировать Боснию и Герцеговину. Недовольство было направлено и против Порты, признавшей решения конгресса. В июле 1878 г. в Сараеве и Мостаре турецкие власти были смещены восставшим народом. Во временное правительство были включены представители разных вероисповеданий. В считанные дни было создано ополчение. На сторону народа перешли войска, сформированные из боснийских мусульман. Большую активность проявили ремесленники и мелкие торговцы — трудовой люд Сараева и других городов, а также крестьянство. Движение развивалось под руководством духовенства; к движению примкнуло большинство бегов (они возглавили несколько отрядов). Боснийские мусульмане составили основную силу ополчения, но в нем участвовали и сербы.

Боснийские мусульмане выдвинули программу широкой автономии Боснии и Герцеговины в составе Османской империи. Эта программа была в определенной мере приемлема и для сербского населения. Сербское национальное движение добивалось автономии провинций (предусмотренной Сан-Стефанским договором), поскольку было ясно, что западные державы не допустят присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии. Так создалась возможность определенного сближения боснийских мусульман и сербов. В связи с этим была предпринята попытка компромиссного решения аграрного вопроса. Но противоречия, коренившиеся прежде всего в социальных отношениях, воспрепятствовали более тесному сплочению населения⁴⁷. Все же события лета и осени 1878 г. стали этапом в формировании традиции сотрудничества южных славян в борьбе за освобождение.

Народное ополчение нанесло чувствительные удары оккупантам. Чтобы захватить страну, Австро-Венгрии потребовалось свыше четверти миллиона солдат и около трех месяцев. Некоторые руководители сопротивления были казнены. Достоинно внимания, что беги мечтали получить помощь со стороны России⁴⁸.

Значение событий 1878 года в Боснии и Герцеговине в истории всех ее народов, в частности местных мусульман, велико⁴⁹. Важным фактом явилось само массовое выступление населения разных вероисповеданий. Оккупация страны габсбургской монархией, переход под власть «иноверного» государства означали исторический перелом в положении боснийских мусульман. Его привилегированное положение было утрачено.

В годы австро-венгерской оккупации (1878—1918) формирование классов буржуазного общества в Боснии и Герцеговине ускорилося. Численность населения, занятого в торговле и промышленности, в 1905—1913 гг. возросла на 150% (с 70 тыс. до 170 тыс. человек) при общем росте населения на 12%. Тем не менее в 1910 г. сельское население составляло еще 86,6%⁵⁰. Хотя ключевые позиции в экономике занял инациональный капитал, местная буржуазия, в основном сербская, укреплялась в сфере торговли, мелкого производства, мануфактуры и кредита⁵¹.

Крупным явлением общественно-политической жизни стало сербское национальное движение. Шел процесс формирования хорватского национального самосознания у католического населения⁵².

Изменения захватили и боснийских мусульман. Ускорился распад классов и слоев феодального общества. Но местная мусульманская буржуазия развивалась медленно и оставалась слабой. Помещики-мусульмане составляли по-прежнему феодальный слой. В отличие от землевладельцев-сербов, влияние которых в экономике росло, большинству бегов и ага не удавалось приспособиться к новым условиям⁵³. Участие их в процессе формирования буржуазной структуры боснийского общества и вместе с тем мусульманского этноса было небольшим.

Но помещики были широко втянуты в торговые операции, что сближало их с купечеством. Кроме того, в конце XIX — начале XX в. имелась группа боснийских мусульман — представителей торгового и банковского капитала⁵⁴. Наконец, боснийские мусульмане участвовали в промышленном, в основном мелком, предпринимательстве. Ряд богатых купцов и банкиров вышел из среды крупных мусульманских помещиков⁵⁵. В целом, однако, у боснийских мусульман наиболее сильные позиции по-прежнему занимали феодаль-помещики. Быстрее, чем буржуазия, формировался боснийский пролетариат, в том числе его мусульманская часть. По официальным данным, в предвоенные годы насчитывалось до 60 тыс. промышленных рабочих. Широкое распространение получила надомная работа⁵⁶.

Габсбургские власти, встревоженные отпором, оказанным оккупации боснийскими мусульманами, стремились подавлять их общественную жизнь⁵⁷. Вместе с тем монархия не видела иной возможности создать себе социальную опору в Боснии и Герцеговине, кроме охраны интересов мусульманских помещиков. Особенно опасными были для властей сербское национальное движение и тенденции югославизма. В этой обстановке сложилось сотрудничество боснийских мусульман, оппозиционных режиму, с сербским национальным движением. Их сблизило стремление освободиться от австрийского господства.

После долгой борьбы правительство, чтобы разрядить обстановку, признало сербскую церковно-школьную автономию в 1905 г.⁵⁸ Вслед за сербами в 1899 г. борьбу за церковно-школьную автономию начали боснийские мусульмане. Руководили движением представители духовенства, а позднее и беги. Церковно-школьная автономия мусульман также после долгих колебаний властей была признана в 1909 г., когда, аннексировав Боснию и Герцеговину, правящие круги монархии стремились заручиться поддержкой местных имущих классов⁵⁹. Борьба за автономию привлекла массу мусульман, которые рассматривали ее как этап на пути к освобождению от габсбургского господства, но помещики свели дело к компромиссу и союзу с властью. Интересами ислама беги и аги прикрывали собственные выгоды. Церковно-

школьная автономия была нужна им, чтобы закрепить свои позиции в управлении общественным имуществом (вакуф, меариф), а вместе с тем и свое воздействие на массы посредством школы. Переговоры об автономии они вели параллельно с поисками соглашения с властями в аграрной сфере (закон 1911 г. стимулировал факультативный выкуп кметских земель, чего добивались помещики)⁶⁰.

Остановимся на идейном содержании движения за автономию. Для его лидеров существенным было то, что «молодежь лишена исламского религиозного обучения» и «исламского сознания»⁶¹. Национальное чувство здесь слито с консервативным религиозным сознанием. Руководители движения добивались для духовенства права контроля над содержанием учебников. Тем не менее движение это, охватившее всю страну, способствовало сплочению боснийско-мусульманского этноса. В 1906 г. возникла Мусульманская национальная организация, издававшая газету «Мусават».

С конца XIX в. обозначился прогрессивный процесс дифференциации в общественной жизни боснийских мусульман. Формирование небольшого слоя умеренно-либеральной буржуазии сопровождалось появлением европейски образованной интеллигенции. В отличие от консерваторов, стремившихся изолировать боснийских мусульман от европейской культуры, группа Э. Мулабдича, С. Башагича, О. Нури-Хаджича подчеркивала, что боснийские мусульмане являются славянским этносом, родственным хорватам и сербам и имеющим домусульманскую фольклорную традицию; она призывала к усвоению достижений европейской цивилизации. Стремясь вытеснить арабскую письменность (арабицу) и создать современную литературу на родном языке, С. Мулабдич и другие «прогрессисты» основали общественно-литературный журнал «Бехар» (1900), явились инициаторами создания спортивных обществ, драматических кружков, читален, а также кредитной кооперации на селе. Наряду с сербской «Пробсветой» — обществом, первоначальной целью которого была материальная поддержка учащихся, и хорватским «Напредком» возникло аналогичное мусульманское общество «Гайрет» (1903).

Как видим, идеи «прогрессистов» были ограниченными. Все же в сравнении с окостенелыми взглядами консервативного беговата и духовенства они сделали шаг вперед. Но в области просвещения решающее влияние сохранило духовенство. В открытых новой властью «народных начальных школах» обучали латинице и кириллице. Духовенство и беги поддерживали старинные мектебы, религиозные школы, где изучали только коран и господствовала арабица. Попытки приспособить мектебы к новым потребностям были сорваны духовенством. Государственные же интерконфессиональные школы в 1913 г. посещало всего 18,5% детей. По соглашению 1909 г. государство не имело права принимать в свои школы детей, не окончивших мектеб, и в 1910 г. в школах училось только 5 тыс. боснийских мусульман⁶². Среди

гимназистов и учеников реальных училищ боснийские мусульмане составляли только 15%. В 1910 г., после 30-ти лет господства Габсбургов, в Боснии и Герцеговине неграмотные составляли 85,9% населения, в том числе среди мусульман 94,6%⁶³. Таковы были последствия политики «культуртрегеров» и опеки бегов и духовенства над народом, по отзыву министра Б. Каллая (1893), «интеллектуально очень даровитым»⁶⁴. В начале XX в. засилье консервативных кругов свинцовым грузом лежало на плечах народа и сдерживало развитие его национального самосознания.

Но все же общественная жизнь не стояла на месте. Это сказалось, в частности, в издательской деятельности. После 1866 г., когда была учреждена первая в Боснии типография, до 1878 г. здесь в разное время выходили четыре газеты, из них три — с параллельным текстом на сербскохорватском (кириллицей) и турецком языках. При австро-венгерском господстве число изданий стало расти. На сербскохорватском и турецком языках выходили периодические издания. Всего в период австро-венгерского господства в провинции выходило 20 мусульманских изданий⁶⁵; некоторые из них (религиозные) — арабицей наряду с кириллицей и латиницей, а также с параллельным турецким текстом; названия были как турецкие («Мисбах», «Муалем»), так и сербскохорватские («Самоуправа», «Огледало», «Муслиманска слога» и др.). Но еще в 1911 г. боснийский сабор по предложению мусульман просил, чтобы названия улиц наряду с кириллицей и латиницей были написаны арабицей. Причина таких акций заключалась, по-видимому, в стремлении боснийских мусульман подчеркнуть свою этническую самобытность.

Небольшая часть светской, боснийско-мусульманской по происхождению, интеллигенции сближалась по своему этническому самосознанию с сербами или хорватами. На нее оказали воздействие идеи югославянского единения и независимости. Засилье в мусульманской среде консервативно-религиозной идеологии стимулировало добровольную ассимиляцию некоторых представителей интеллигенции с единоплеменными сербской и хорватской нациями.

В 1906—1907 гг. в Боснии и Герцеговине произошло оживление политической жизни. В 1906 г. был создан Главный рабочий союз — общесербское профессиональное объединение. Из 6 тысяч его членов хорватов было свыше 2 тыс., сербов — 1,6 тыс., мусульман — 737 человек⁶⁶. В 1909 г. возникла Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины. Она объединила передовых рабочих — представителей всех национальностей, выступала против религиозной и национальной нетерпимости. Социал-демократии впервые удалось высвободить часть мусульманского населения из-под влияния консервативных сил.

Другой группировкой, начавшей подрывать идейно-политическое влияние феодально-церковных кругов, было югославистское (в основном сербское по составу своих членов) движение национально-революционной молодежи. В деятельности ее орга-

низацией принимали участие и боснийские мусульмане⁶⁷. Противоречия обнаружались и в просветительских обществах, в «Гайрете». Политика властей, защищавшая интересы помещиков, тормозила развитие социальной структуры боснийско-мусульманского населения и распространение в его среде прогрессивной идеологии, что не могло не сказаться на национальном самосознании. Все же от имени боснийских мусульман уже начали выступать не только беги и улемы, но и первые рабочие-социалисты и революционеры-югослависты. Правда, влияние их было ограниченным.

Поскольку консервативные буржуазно-феодалные силы отжествляли национальное с религиозным, распространение идей интернационализма и атеизма было необходимым условием для формирования зрелого, прогрессивного национального самосознания. Решающее значение для национальных процессов вообще имеют изменения в социальной структуре населения. Условия формирования боснийско-мусульманской этнической общности изменялись вместе со сменой государственности, различной по своему социальному содержанию (османская — феодальная, австро-венгерская — буржуазно-помещичья, югославская — буржуазная). Важнейшим рубежом в историческом развитии боснийских мусульман явилась социалистическая революция в Югославии.

По мере распространения атеистического мировоззрения и вообще в ходе социального и культурного прогресса постепенно начала сужаться роль религии в этническом самосознании, в частности в сознании этнической принадлежности. Это наблюдалось в истории всех народов Европы. Что касается югославян, то хотя религия сыграла в прошлом крупную роль в процессе складывания наций, в дальнейшем это сознание все более определялось не религиозными, а иными моментами (т. е. атеист не переставал чувствовать себя сербом, хорватом и т. д.). Тем более следует подчеркнуть, что религиозная принадлежность не определяет объективные национальные интересы.

В заключение отметим, что советская этнографическая наука неоднократно касалась славянского мусульманского населения Югославии⁶⁸.

¹ См., например: Напор Босне и Херцеговине за ослобођење и уједињење. Сарајево, 1929, с. 14 (карта).

² Statistički godišnjak Jugoslavije 1974. Beograd, 1974, s. 28; 104, 375. См. также: Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Некоторые аспекты этнических процессов в Югославии.— Сов. этногр., 1969, № 1. Данные австрийской статистики 1910 г. см.: Скарић В., Нури-Ха-

џић О., Стојановић Н. Босна и Херцеговина под аустро-угарском управом. Београд., б. г., с. 106.

³ Đurđev B. Рец. на кн.: Balić S. Kultura Bošnjaka — muslimanska komponenta. Wien, 1973.— Godišnjak Društva Istoričara Bosne i Hercegovine (далее — GDI). Sarajevo, 1974, s. 237.

⁴ Гильфердинг А. Ф. Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии.— В кн.: Босния, Герцеговина

- и Старая Сербия. СПб., 1859, с. 291.
- ⁵ *Mažuranić M.* Pogled u Bosnu.— In: Izabrani putopisi iz srpske i hrvatske književnosti. Sarajevo, 1956, s. 28.
- ⁶ *Đurđev B.* Op. cit., p. 237.
- ⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 97, л. 85. «Голос», 1.X 1878. См. также: *Čurić H.* Prilozi bosansko-hercegovačkoj istoriji XIX vijeka. Sarajevo, 1960, s. 75.
- ⁹ *Пелагић В.* Историја босанско-херцеговачке буне. Сарајево, 1953, с. 82.
- ¹⁰ *Mažuranić M.* Pogled u Bosnu, p. 28.
- ¹¹ *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 г. Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии, с. 430.
- ¹² Там же, с. 416.
- ¹³ *Фрейдзон В. И.* Об особенностях формирования нации в хорватских землях.— Сов. славяновед., 1969, № 4, см. также: *Đurđev B.* Op. cit., p. 237.
- ¹⁴ *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 г., с. 424.
- ¹⁵ *Sabanović H.* Književnost Muslimana Bosne i Hercegovine na orijentalnim jezicima — bibliografija. Sarajevo, 1973. Рец.: GDI, god. XX. Sarajevo, 1974, s. 231—236 (B.Đurđev).
- ¹⁶ *Пелагић В.* Указ. соч., с. 59, 61, 111.
- ¹⁷ *Kemura S., Čorović V.* Serbokroatische Dichtungen Bosnischer Muslims aus XVII, XVIII und XIX Jahrhundert. Sarajevo, 1912; Enciklopedija Jugoslavije, sv. 1, s. 144—145 (Arabica).
- ¹⁸ *Bogićević V.* Istorija razvitka osnovnih škola u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1965, s. 110.
- ¹⁹ *Čurić A.* Prilozi bosansko-hercegovačkoj istoriji XIX vijeka, s. 7—57.
- ²⁰ *Bogićević.* Op. cit., p. 122—123.
- ²¹ *Mažuranić M.* Pogled u Bosnu, p. 28.
- ²² О народной поэзии см. Narodne pjesme Muslimana u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1966; *Hörmann K.* Narodne pjesme Muslimana Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1976; *Buturović D.* Studija o Hörmannovoj zbirci muslimanskih narodnih pjesama. Sarajevo, 1976.
- ²³ *Гильфердинг А. Ф.* Поездка по Герцеговине, с. 119—121.
- ²⁴ *Đurđev B.* Op. cit., p. 239.
- ²⁵ *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 г., с. 421.
- ²⁶ *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.). М., 1971.
- ²⁷ См., например: Историја народа Југославије. Књ. 2. Београд, 1960, с. 1236.
- ²⁸ *Samić M.* Ekonomski život Bosne i Sarajeva početkom XIX vijeka.— GDI, god. 1, 1960, s. 113—122; Историја народа Југославије. књ. 2, с. 1245.
- ²⁹ *Терпић И.* Trgovina Despića u prvoj polovini XIX vijeka.— GDI, Sarajevo, 1974, s. 98—99.
- ³⁰ *Скарић В.* Из прошлости Босне и Херцеговине XIX вијека.— GDI, 1949, s. 20—22.
- ³¹ *Sljiwo G.* Omer-paša Latas u Bosni i Hercegovini 1850—1852. Sarajevo, 1977, s. 119.
- ³² *Терпић И.* Op. cit., p. 97—98.
- ³³ *Sljiwo G.* Op. cit.
- ³⁴ *Ђоровић В.* Босна и Херцеговина. Београд, 1925, с. 71, 72.
- ³⁵ Напор Босне и Херцеговине..., с. 27. О взаимоотношениях османов и боснийских мусульман см.: *Mažuranić M.* Pogled u Bosnu, p. 28.
- ³⁶ Напор Босне и Херцеговине..., с. 28.
- ³⁷ *Пелагић В.* Указ. соч., с. 104.
- ³⁸ Подробно см. *Sljiwo G.* Op. cit., p. 75—90, 117—119. Интересно замечание К. Энгельса (правда, по иному поводу), что «боснияки проявили себя... отличными партизанами» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 11, с. 493).
- ³⁹ *Пелагић В.* Указ. соч., с. 104.
- ⁴⁰ *Sljiwo G.* Op. cit., p. 117—180.
- ⁴¹ *Sarac N.* Položaj radničke klase u Bosni i Hercegovini pod austro-ugarskom okupacijom 1878—1914. Beograd, 1951, s. 11; *Екмеџић М.* Ustanak u Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960, s. 15; *Данилова Н. П.* Аграрные законы 40—50-х годов XIX в. и зарождение элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве Боснии и Герцеговины.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М., 1970, с. 340—348.
- ⁴² *Пелагић В.* Указ. соч., с. 122.
- ⁴³ *Хауптманн Ф.* Босанскохерцеговачки ага у процјепу између привредне активности и рентијерства на по-

- четку XX стољећа.— GDI, god. XVII. Sarajevo, 1969, s. 27.
- 44 *Гильфердинг А. Ф.* Поездка по Герцеговине..., с. 373—375.
- 45 *Екмечић М.* Национална политика Србије према Босни и Херцеговини и аграрно питање (1844—1875).— GDI, god. X, Sarajevo 1958; *Војводић В.* Рад Србије на политичкој пропаганди у Босни и Херцеговини (1868—1873).— Историјски гласник, 1960, № 3—4.
- 46 *Екмечић М.* Указ. соч., с. 214.
- 47 Напор Босне и Херцеговине..., с. 74.
- 48 О событиях 1878 года см.: *Чубриловић В.* Босански устанак 1875—1878. Београд, 1930; *Petrović R.* Pokret otpora u Bosni i Hercegovini protiv austrougarske okupacije 1878 godine.— In: Naučni skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini. Т. II. Sarajevo, 1977; *Idem.* Otpor austrougarskoj okupaciji u Bosni i Hercegovini 1878 godine.— In: Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu, sv. 14—15. Sarajevo, 1978; Naučni skup: Otpor austrougarskoj okupaciji 1878. godine u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1979.
- 49 *Petrović R.* Pokret otpora..., с. 370—373.
- 50 *Ibid.*, с. 330.
- 51 *Redžić E.* Austromarksizam u jugoslavensko pitanje. Београд, 1977, с. 333—340.
- 52 *Gross M.* Hrvatska politika u Bosni i Hercegovini od 1878 do 1912.— Историјски зборник. Загреб, 1968, god. XIX—XX.
- 53 *Кануџић Х.* Аграрно питање у Босни и Херцеговини за вријеме аустро-угарске владавине (1878—1918).— В кн.: Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967, с. 337; *Богићевић В.* Сельачки покрет у Босанској Крајини и Посавини 1910 године.— GDI, god. II. Sarajevo, 1950, с. 225.
- 54 *Крушевац Т.* Привредне прилике града Сарајева за време аустро-угарске управе (1878—1918).— GDI, Sarajevo, 1956, с. 175—224.
- 55 *Sarac N.* Op. cit., p. 15, 21, 22.
- 56 *Бабић Н.* Социјал-демократска странка Босне и Херцеговине у бор-
- би за друштвени преображај очи првог свјетског рата.— GDI. Sarajevo, 1973, с. 116; GDI. Sarajevo, 1957, с. 205 и след. В 1907 г. 22,5% радочки били мусульманами (*Хаџибеговић И.* Клерикализам према радничком покрету у Босни и Херцеговини почетку XX вијека.— GDI, Sarajevo, 1973, с. 159).
- 57 *Sarac N.* Op. cit., p. 15.
- 58 *Кеџмановић И.* Аутономна борба Срба Босне и Херцеговине.— В кн.: Југословенски народи пред први светски рат, с. 341 и след.
- 59 *Чемерлић Х.* Алибег Фирдус — борба Муслимана за вјерско-просветну аутономију.— В кн.: Југословенски народи пред први светски рат, с. 877 и даље.
- 60 *Hauptmann F.* Predgovor.— In: Borba Muslimana Bosne i Hercegovine za vjersku i vakufsko-mearifsku autonomiju. Sarajevo, 1967; *Кануџић Х.* Аграрно питање..., с. 333.
- 61 Напор Босне и Херцеговине..., с. 92.
- 62 *Вогићевић В.* Историја развјетка основних школа, с. 148—240.
- 63 *Ђоровић В.* Босна и Херцеговина, с. 138—141.
- 64 *Вогићевић В.* Историја развјетка основних школа, с. 238.
- 65 *Пејановић Б.* Штампa Босне и Херцеговине. 1850—1941. Сарајево, 1949; *Крушевац Т.* Периодика босанска у првом аустројском периоду.— GDI, god. XVII. Sarajevo, 1969, с. 341—365.
- 66 *Хаџибеговић И.* Указ. соч., с. 60.
- 67 См., например: *Љубибратић Д.* Гаврило Принцип. Београд, 1959, с. 196 и сл.; *Писарев Ю. А.* Млада Босна и друге организације југославјанској Омладине.— Ин-т славјановедения АН СССР/Краткие сообщ., вып. 29. М., 1960, с. 81.
- 68 *Кушнер П. И.* Етнические территории и этнические границы. М., 1951; *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 26; Страны и народы. Зарубежная Европа. Восточная Европа. М., 1980, с. 292 («со временем слово «мусульманин» стало синонимом национальности, а не религиозной принадлежности», «национальности «босниец» не существует»).

О СПЕЦИФИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛУЖИЦКИХ СЕРБОВ

Я. Шолта

В политико-административном отношении территория серболужицких поселений была очень раздробленной. Она охватывала в основном маркграфства Верхняя и Нижняя Лужица и бранденбургско-пруссский округ Коттбус. Кроме того, окраинные зоны серболужицкой области входили в состав других административных районов. Жители маркграфств Верхняя и Нижняя Лужица, а также граничивших с запада мейсенских округов были подданными саксонского курфюрства. Округ Коттбус и некоторые пограничные районы с серболужицким населением на севере и востоке принадлежали Пруссии. Сословия обоих маркграфств, в особенности дворянство, отстаивали автономность своих земель.

В 1806 г. округ Коттбус был передан Наполеоном Саксонскому курфюрсту (получившему в 1806 г. королевский титул), однако Венский конгресс 1815 г. вновь привел к изменениям: Пруссия получила Нижнюю Лужицу и две трети Верхней Лужицы и вернула себе округ Коттбус. Саксония сохранила только юг и юго-восток бывшего маркграфства Верхняя Лужица¹.

Если ранее преобладающее большинство серболужичан было саксонским, то после 1815 г. в Саксонии их осталось только 20%, т. е. 50 000 из общего числа 250 000. В Пруссии бывшие верхне-лужицкие районы были отнесены к округу Лигниц (провинция Силезия), Нижняя Лужица и округ Коттбус — к округу Франкфурт-на-Одере (провинция Бранденбург), а небольшой район на западе — к округу Мерзебург (прусская провинция Саксония)².

Политико-административной раздробленности соответствовала раздробленность церковной организации. Кроме того, существовал и конфессиональный раскол серболужицкого населения. Большая часть серболужичан придерживалась евангелическо-лютеранского вероисповедания. Население серболужицкой области в треугольнике Каменц — Хойерсверда — Бауцен было римско-католическим.

Политико-административный и конфессиональный раскол, раздробленность церковной организации решающим образом способствовали тому, что начиная с XVIII в. на основе коттбусского, бауценского и западнолужицкого диалекта, носителями которого были католики, шло формирование трех письменных вариантов серболужицкого литературного языка³.

В обоих лужицких маркграфствах господствовала смешанная серболужицко-немецкая национальная структура. Замкнутая серболужицкая языковая область Верхней Лужицы с давних пор была окружена на юге и востоке районами немецкого заселе-

ния. Земли на западе, севере и востоке Нижней Лужицы были германизированы.

Большую часть населения крупных и средних городов серболужицкой территории составляли немцы. В самых крупных из них — Бауцене и Коттбусе, которые в начале XIX в. имели соответственно 8 тыс. и 5,5 тыс. жителей, доля серболужичан доходила до 1/3. При этом значительную их часть составляли «низшие» слои населения, рабочие и в особенности поденщики, частично мастеровые и мелкие ремесленники⁴.

Сравнение обоих маркграфств показывает, что Верхняя Лужица в экономическом отношении была значительно более развита, чем Нижняя Лужица. Так обстояло дело в ремесле, промышленности и в сельском хозяйстве. Меньшая по территории Верхняя Лужица также значительно превосходила Нижнюю Лужицу по численности и среднегодовому приросту населения. Более развитым экономически по сравнению с соседней Нижней Лужицей был также и бранденбургско-пруссский округ Коттбус, заселенный почти сплошь серболужичанами.

Города Гёрлиц и Цитау в Верхней Лужице, находящиеся за пределами серболужицкой языковой области, в экономическом отношении опережали центр маркграфства Бауцен. На основе качества в кустарной промышленности и рассеянных мануфактурах, управляемых купцами, в Цитау сформировалось мануфактурное производство и установилась капиталистическая по своему характеру связь между городом и деревней⁵. Центром сукноделия был и г. Гёрлиц. Он стал важным центром Верхней Лужицы и в культурном отношении. В эпоху Просвещения, в 1779 г., здесь было основано Верхнелужицкое научное общество.

На рубеже XIX в. феодальная земельная собственность все еще составляла основу классовой структуры в деревне с ее двумя важнейшими классами — землевладельческой аристократией и крепостным крестьянством. Исключительно немецкая по своему составу аристократия противостояла крестьянству обеих национальностей, а в серболужицкой языковой области — серболужицкому крестьянству⁶.

В эпоху позднего феодализма помещичье землевладение в Верхней и Нижней Лужицах сохранялось прочнее, чем в соседних с ними Нижней Силезии и саксонских наследственных землях. Более благоприятными для крестьян были отношения, существовавшие в крупных, а также в церковных и муниципальных земельных владениях⁷.

В XVIII в. ускорилась дифференциация крестьянства. Под влиянием роста капиталистических элементов в экономике и идей Просвещения, под давлением крестьянского движения, ставшего особенно активным в период Французской революции 1789—1794 гг., некоторые помещики пришли к пониманию необходимости определенных аграрных реформ⁸, другие помещики сдавали имения в аренду крестьянам⁹. Эти частные меры давали новые импульсы процессу дифференциации крестьянства.

Отмена личной зависимости крестьян, уничтожение барщины и других феодальных повинностей в принадлежавших Пруссии лужицких областях произошли в 1819 и 1821 гг. вместе с принятием прусского законодательства, а в саксонской части Верхней Лужицы — в 1832 г. Несмотря на заметные различия в законодательстве Пруссии и Саксонии, аграрные реформы в том и другом случаях соответствовали так называемому прусскому пути развития капитализма¹⁰.

И в других сферах, таких, как ремесленное законодательство, городское устройство, народное образование, буржуазные реформы были проведены благодаря сближению интересов либеральной буржуазии и господствующего класса и в результате реформ сверху. Такая политика была направлена на предупреждение выступлений демократического характера и по существу осуществлялась за счет интересов народных масс. Реформы в прусских частях Лужицы вводились медленно¹¹. Отдельные их элементы в сравнении с прусскими законами о реформах 1807—1811 гг.¹² были ослаблены или совсем упразднены. Осуществление либеральных реформ в Саксонии, а значит, и в саксонской части Лужицы началось только в 1831 г. под давлением народного движения 1830—1831 гг.¹³ Оценка этой политики требует дифференцированного рассмотрения как с точки зрения основополагающих целей и тактических соображений, так и с точки зрения конкретных действий и достигнутых результатов в отдельных феодальных областях.

Среди факторов, оказавших влияние на этнические процессы в XIX в., не последнюю роль играли традиции политики господствующих классов по отношению к серболужицанам¹⁴.

Господствующие классы проявили единодушие в стремлении уничтожить родной язык серболужицких подданных, поскольку видели в нем решающую причину упорного сопротивления серболужицких крестьян немецким помещикам. При этом речь якобы шла о создании предпосылок для совершенствования народного образования. Временным отходом от такой политики было лишь широко распространившееся в серболужицкой области в XVIII в. идейно-культурное течение пиетизма, которое допускало на некоторый срок существование серболужицкого языка, отчасти даже поощряя его развитие. Дворяне, поддерживающие эту идеологию, ожидали, что она будет способствовать консервации феодальных отношений¹⁵.

В практической политике по отношению к серболужицкому языку имелись существенные различия. Так, в маркграфстве Верхняя Лужица в условиях сосуществования двух вероисповеданий выборные чины от сословий не могли столь же твердо проводить политику искоренения серболужицкого языка, как в маркграфстве Нижняя Лужица: протестанты опасались, что такая политика оттолкнет серболужицких подданных к католической церкви¹⁶.

С 1657 по 1738 г. в Нижней Лужице правила боковая ветвь

династии герцогов Саксен-Мерзебурга, подвергавшая серболужицкий язык систематическому гонению. Германизаторская языковая политика сохранилась в Нижней Лужице и тогда, когда область вновь оказалась под властью саксонского курфюрста¹⁷.

В бранденбургско-прусском округе Коттбус тактика по отношению к серболужичанам менялась каждый раз с приходом нового правителя. Расположенный в центре маркграфства Нижняя Лужица округ Коттбус оказался в XVIII в. предметом соперничества Саксонии и Пруссии. Для Пруссии, стремящейся к овладению Силезией, Коттбус представлял важное связующее звено. Но поскольку сообщение между Дрезденом и Варшавой осуществлялось через Нижнюю Лужицу, дрезденский двор также стремился заполучить округ Коттбус¹⁸. В этих условиях Фридрих II, стремясь к стабилизации внутренних отношений в этом округе, отказался от враждебной политики по отношению к серболужичанам, которую проводил его отец, и вернулся к политике уступок, уже испытанной его дедом¹⁹. В то же время в расположенном севернее Нижней Лужицы так называемом наследственном бранденбургско-вендском (лужицком) округе (Kurmärkisch-wendischer Distrikt), который не имел такого значения, как округ Коттбус, он продолжал германизацию²⁰.

В результате дифференцированной политики по отношению к серболужичанам серболужицкая языковая область в маркграфстве Нижняя Лужица и в бранденбургско-вендском округе значительно сократилась. Однако употребление серболужицкого языка частично допускалось, а в известной мере даже поощрялось в рамках церковной жизни Верхней Лужицы (как у евангелистов, так и у католиков) и в округе Коттбус. Все это способствовало образованию трех письменных вариантов серболужицкого литературного языка²¹. Если в XVII в. культурный центр серболужичан еще находился в наследственном бранденбургско-вендском (лужицком) округе, то в XVIII в. он переместился к югу, что привело к возникновению независимых друг от друга центров в Коттбусе и Бауцене. После 1815 г. новым культурным центром серболужичан стала саксонская часть Верхней Лужицы с г. Бауценом.

После 1815 г. прусские государственные и церковные власти (практически на всех уровнях) стали последовательно осуществлять политику ликвидации серболужицкого языка, не считаясь с сопротивлением серболужичан как в округе Коттбус, так и в других областях с серболужицким населением²². Иначе вело себя саксонское правительство, особенно после народного движения 1830—1831 гг. Оно было вынуждено принять во внимание традиции языковой терпимости периода позднего феодализма, согласившись с серболужицкими требованиями 1834 г., и тем самым пойти по пути либеральной языковой политики²³.

Эволюция этнического самосознания серболужичан и формирование серболужицкого национального движения происходили в условиях поисков путей решения социальных и национальных

вопросов, связанных с переходом от феодализма к капитализму. Такому развитию способствовали растущие культурные связи серболужицан с другими народами — как серболужицко-немецкие культурные связи, так и контакты, в которых отражалась идея славянской взаимности в сфере культуры и литературы.

Серболужицко-немецкие культурные связи основывались на давней традиции. Они отражали классово обусловленную общность в борьбе серболужицких и немецких крестьян против феодалов и в городских классовых боях. Оживлению этих взаимосвязей в значительной степени способствовали пиетизм и Просвещение, распространившееся в XVIII в. в большинстве центров образования, где учились молодые серболужичане.

Особое значение имел Лейпциг, где серболужицко-немецкие культурные связи достигли высшей точки развития в 1766 г., в 50-летний юбилей Лужицкого общества проповедников (Wendische Predigergesellschaft), созданного в университете серболужицкими студентами. В общество вступали также и немецкие учащиеся, которые позднее стали решительными защитниками серболужицкого народа. Члены общества впоследствии создали важные труды о языке и истории серболужичан²⁴. Серболужицкое общество Виттенбергского университета также способствовало развитию культурных связей серболужичан и немцев. Еще до начала XVIII в. с помощью студентов-серболужичан и бывших выпускников университета оно поддерживало культурные связи с другими славянскими народами²⁵. Местом, где общались серболужичане и немцы, было также упомянутое выше Верхнелужицкое научное общество в г. Гёрлице. Один из его основателей и секретарь юрист К.-Г. фон Антон в студенческие годы был членом лейпцигского Лужицкого общества проповедников. Антон в течение всей жизни поддерживал многочисленные контакты с интересующимися наукой серболужичанами, а также с учеными других славянских народов. Он считается одним из первых славистов в Германии²⁶. Его основной труд по славистике был использован Й.-Г. Гердером²⁷.

Все преданные делу Просвещения серболужичане, которые являлись активными пропагандистами языка и культуры своего народа, одновременно содействовали и развитию серболужицко-немецких культурных взаимосвязей. Назовем лишь некоторые имена, например: занимавшийся естественными науками Х.-Б. Шерах, член академии и научных обществ в Вене, Петербурге, Гарлеме, Лейпциге и Гёттингене²⁸, заместитель ректора гёрлицкой гимназии Я. Горчанский²⁹, бауценский католический епископ Ф.-Ю. Лок³⁰, редактор и издатель серболужицкой и немецких газет в Бауцене и Лебау Я.-Б. Дейка³¹, а из округа Коттбуса — священник Й.-З.-Ф. Шиндлар³² и педагог Д.-Б. Глован.

Кроме того, заслуживает упоминания и священнослужитель из Мужакова-на-Нейссе немец А. Тамм. В период острой классово-вой борьбы серболужицких крестьян, совпавшей по времени с

французской революцией, он смело защищал их от местных помещиков³³.

Просвещение в Германии, с одной стороны, активизировало серболужицко-немецкие связи в области культуры и способствовало развитию национального самосознания серболужичан. Но с другой стороны, влиятельные литераторы, государственные и церковные чиновники во имя Просвещения настоятельно требовали искоренения серболужицкого «мужицкого языка» (Waiernsprache), как якобы не способного к развитию. Ликвидация серболужицкого языка рассматривалась ими как необходимая предпосылка улучшения народного образования. Чем сильнее в связи с ростом капиталистических элементов в экономической и общественной жизни ощущалась потребность в улучшении дела образования, тем более страстно в течение 20 лет (1790—1810) обсуждался вопрос о серболужицком языке³⁴.

Должно ли народное образование совершенствоваться на основе родного серболужицкого языка или на основе немецкого языка, не понятного народу? Следует ли с целью развития культуры поддерживать серболужицкий язык, исследовать его и развивать или необходимо его искоренять? Вопрос заключался в том, действовать ли на основе демократических и педагогических принципов или пойти на уступки классовым интересам помещиков и национальному чванству правящих кругов страны. Классовую ненависть крестьян к своим господам помещики истолковывали на свой лад — как «социальные заблуждения и предрассудки лужицкого национального духа» (граф И.-В. Риш, 1805)³⁵, как «укоренившуюся неистребимую ненависть к немцам» (Ц.-Г. Шмидт, 1787)³⁶. Ссылаясь на якобы растущую враждебность со стороны серболужичан, они пропагандировали и активно осуществляли ликвидацию серболужицкого языка.

Вокруг вопроса о будущем серболужицкого языка, языка крепостных и подданных, велась упорная идеологическая борьба. Она составляла одну из сторон взаимоотношений серболужичан и немцев в области культуры и народного образования. Необходимость защищать родной язык ускоряла развитие национального самосознания серболужичан.

По мере укрепления своего национального самосознания серболужичане начинали осознавать близкое родство с другими славянскими народами и интересоваться их национальными движениями. Идея славянской взаимности была связана у серболужичан с их национальным пробуждением³⁷.

В области культуры и литературы эта идея имела давнюю традицию. Именно ею можно объяснить значительную интенсивность контактов серболужичан (со славянами) в XIX в. Несмотря на передачу лужицких маркграфств саксонским курфюрстам, связи обеих Лужиц с Чехией сохранились*. Габсбурги оставили

* Согласно Пражскому миру 1635 г., Верхняя и Нижняя Лужицы как ленные владения саксонских курфюрстов должны были остаться в составе вла-

за собой в первую очередь защиту католической церкви в маркграфствах³⁸.

Кадры католических священников для маркграфств, в особенности для Верхней Лужицы, готовились в Чехии. В 1706 г. в Праге была основана Лужицкая семинария (Вендский семинар), из которой в течение более двух веков выходили серболужицкие католические священники. В конце XVIII в. семинария стала важным местом встреч серболужичан с представителями других славянских народов³⁹.

Если протестантские церковные круги ряда славянских народов устанавливали связи с Виттенбергским университетом при активном участии серболужичан — его бывших выпускников, то интерес католической церкви Чехии к своим пережившим Реформацию опорным пунктам в Верхней и Нижней Лужицах тесно связал Прагу с серболужичанами-католиками. Значение Чехии и Праги, а вместе с ними и Лужицкой семинарии для Верхней Лужицы возросло в связи с изменениями в общественной жизни в 70—80-х годах XVIII в. После упразднения в 1773 г. ордена иезуитов Просвещение одержало победу и в Лужицкой семинарии.

Крупное крестьянское восстание в Чехии в 1775 г. и отмена личной феодальной зависимости крестьян в Австрии в 1781 г. нашли отклик и у верхнелужицкого крестьянства, которое в своей борьбе опиралось на чешский опыт⁴⁰. В начале 80-х годов⁴¹ буржуазия в Бауцене и Гёрлице с большим воодушевлением восприняла реформы Иосифа II. С возвращением после учебы в Праге серболужицких «иозефинистов» — Ф.-Ю. Лока, Я. Жура и М. Фулька — бауценский католический деканат (административная инстанция) попал под влияние идей Просвещения в духе иозефинизма.

Чешский просветитель Й. Добровский всю жизнь был тесно связан с Лужицкой семинарией. В течение трех десятилетий он руководил там славянской коллегией, читал лекции о славянских языках и культурах. Бауценский епископ Ф.-Ю. Лок, отвечавший за контроль над деятельностью пражского «Вендского семинара», помогал Б. Больцано и его сторонникам, когда их преследовали в период реставрации после 1815 г. Больцанисты находили поддержку в Лужицкой семинарии, которая являлась важным центром чешского Просвещения, а затем и романтизма. Семинаристы-серболужичане были воспитаны в духе национального возрождения и идеи славянской взаимности.

Верхнелужицкое научное общество в Гёрлице также заботилось о поддержании живых контактов серболужичан с чехами, в

дений чешской короны. Представители сословий обоих маркграфств всегда подчеркивали независимость этих земель от курфюрста. Польский исследователь Лещинский называл отношения Лужицы к саксонскому курфюрсту «только личной унией» (*Leszczyński J. Stany Górných Łużyc w latach 1635—1697. Wrocław, 1963, s. 18*).

особенности с И. Добровским, который был избран членом этого общества ⁴².

Таким образом, Просвещение в значительной степени способствовало как развитию серболужицко-немецких культурных связей, так и вовлечению серболужичан в межславянские связи. Укреплению последних содействовали два обстоятельства: во-первых, перемещение лужицкого культурного центра из северных районов серболужицкой языковой области (бранденбургско-прусская провинция) на юг, в Верхнюю Лужицу (с центром в Бауцене), которая прежде принадлежала чешской короне. Во-вторых, сыграл роль тот факт, что именно Прага благодаря экономическому и культурному значению Чехии в габсбургской монархии стала особенно важным пунктом межславянских контактов. Для серболужичан Прага была воротами в славянский мир.

С конца XVIII в. развитие серболужицкой культуры шло по двум направлениям: постепенного улучшения народного образования и приобщения к миру славянской общности; сближением с остальным славянством серболужичане как маленький народ, испытывавший сильный национальный гнет, особенно дорожили.

В эпоху перехода от феодального общества к буржуазному серболужицкая культура была важным фактором национального движения серболужичан; она уже пустила глубокие корни в серболужицкой области и обогащалась идейно-культурными течениями Германии и славянских стран. Серболужицкая культура формируется довольно поздно, в конце 40-х годов XIX в. Как в социальном, так и в этническом отношении она не имела достаточно прочной основы, что неоднократно отмечалось друзьями серболужичан — Я. Колларом, Л. Штуром и др.

Особенностью исторического развития серболужичан было то, что в процессе его не сформировалась собственная национальная буржуазия (если не считать сельской). Национальное движение имело по существу мелкобуржуазный характер; его носителями были широкие слои крестьянства. Ему были присущи периоды подъема и спада, что было также характерной чертой развития немецкой буржуазной оппозиции против феодально-абсолютистского порядка. Каждому всплеску буржуазного общественного движения в Германии — как, например, после 1815, 1830, 1840, а также в 1848—1849 и 1859 гг. — сопутствовала активизация национально-культурных устремлений серболужичан. Соответствующим образом влияли и временные застои в развитии немецкой оппозиции. В связи с этим национальное движение серболужичан можно рассматривать как специфическое выражение общего буржуазного оппозиционного движения в Германии. Этот вывод не исключает того, что между немецкими и серболужицкими либералами могли проявляться и противоречия, как это было в десятилетие перед 1848 г.

В начале 40-х гг. XIX в. начался новый подъем антифеодального движения, которое быстро распространилось по всей стране

и охватило все сферы общества. В это время серболужицкое национальное движение полностью сформировалось⁴³. Благодаря освобождению крестьян в Лужице во время проведения буржуазной аграрной реформы значительно расширилась социальная база национальных устремлений серболужичан. Эмансипация сельских школьных учителей от опеки церкви в первой трети XIX в., которая проходила вместе с введением их систематической подготовки и реформой школьного образования, привела к увеличению слоя серболужицкой интеллигенции. Учителя представляли демократически настроенную и тесно связанную с народом часть интеллигенции, которая занимала значительное место в национальном движении. Учреждение союзов серболужицких гимназистов и студентов в Бауцене и Бреслау (Вроцлаве) в конце 30-х гг. (несколько позже в Лейпциге и Праге) также свидетельствовало об активизации национальной деятельности.

Практически уже в момент своего рождения молодое национальное движение серболужичан попало в атмосферу споров, вспыхивавших между немецкой национальной буржуазией и рвущейся вверх буржуазией славянских стран. Чем очевидней становился в этот период двойственный характер либерализма и чем более усиливался умеренный реформистский курс, тем яснее растущая национальная буржуазия осознавала противоположность своих интересов интересам немецкой либеральной буржуазии⁴⁴. С 1840 г. национальные движения славянских народов подвергаются обвинениям в панславизме, поставленном на службу царизму⁴⁵. Этот упрек со стороны мадьярских и немецких либералов использовался как оружие в классовых интересах буржуазии, отошедшей от революционных позиций. Его нельзя смешивать с революционно-демократической критикой панславизма Марксом и Энгельсом в 1848—1849 гг. Враждебная славянам волна немецкого либерализма коснулась также и национально-культурных устремлений серболужичан. Их контакты со славянскими учеными, в особенности посещение Лужицы И. И. Срезневским, встречались с недоверием и подвергались резким нападкам⁴⁶.

Положение и ориентация серболужицкого народа побуждали деятелей серболужицкого национального движения особенно активно защищать идеи славянской взаимности в культуре и литературе. Они были также сторонниками примирения славян и немцев с помощью просвещения и информации о славянах, их литературе, культуре и истории. Стремление к такому примирению было характерно для культурной деятельности серболужичан в саксонской Верхней Лужице и проявлялось также в выступлениях Я. П. Йордана и других серболужичан в Лейпциге.

Лейпциг, университетский и торговый город, в 40-х гг. XIX в. снова стал важным центром растущей серболужицкой интеллигенции, местом встреч представителей многих славянских стран, славянских и немецких либералов и демократов⁴⁷. Выдающаяся роль посредника между славянами и немцами, пропагандиста славянских литератур и культур была предназначена «Ежегоднику

славянской литературы, искусства и науки» (Jahrbücher für slawische Literatur, Kultur und Wissenschaft), который основал в 1843 г. в Лейпциге серболужичанин Я. П. Йордан. Позднее в нем активно сотрудничал Я. А. Смолер⁴⁸.

Серболужичане ожидали, что прогрессивное буржуазное развитие приведет к признанию их равноправной славянской национальностью, к уважению их взаимоотношений с другими славянскими народами в области культуры и литературы. В экономическом, социальном и политическом отношении они ощущали свою связь с историческим развитием немецкого народа. Эта точка зрения была четко сформулирована в 1843 г. под влиянием лейпцигского «Ежегодника» молодым публицистом, учителем по профессии, Я.-Б. Мучинком. Такого рода умеренная позиция определяла направление и характер серболужицкого национального движения в период революции 1848—1849 гг.

- 1 *Mětsk F.* Einige Erwägungen über die Auswirkungen der territorialen Veränderungen zu Beginn des XIX. Jh. auf die sorbische Nationalität.— *Lětopis*, 1962, Rjad B, 9/1, s. 60—70.
- 2 См. карту, составленную Ф. Мечком в кн.: *Sotta J., Zwahr H.* u. a. Geschichte der Sorben. Bd. 2. Von 1789 bis 1917. Bautzen, 1974, Anhang.
- 3 *Lötzsch R.* Einheit und Gliederung des Sorbischen Volkes.— Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin—Klasse für Sprachen. Literatur und Kunst. Jahrgang 1965, N 7, Berlin, 1965, mit zwei Karten; *Faska H.* Lužickosrpski književni jezik i njegov odnos prema dijalektima.— Zbornik za filologiju i lingvistiku, Novi Sad, XVIII/2 za 1975, s. 25—30.
- 4 *Mětsk F.* Narodnostne poměry w měsće Budyšinje a socialekonomiska struktura jeho serbskigo wobydlerstwa w započatku 19. lětstotka.— *Lětopis*, 1956, Rjad B, 3, s. 55—90.
- 5 *Kunze A.* Zittau Weg in die Welt. Zittau, 1955, S. 18—36.
- 6 *Boelcke W.* Bauer und Gutsherr in der Oberlausitz. Ein Beitrag zur Wirtschafts-, Sozial- und Rechtsgeschichte der ostelbischen Gutsherrschaft. Bautzen, 1957.
- 7 *Sotta J.* K stawiznam klóstrskeho knjejtwa Marijneje Hwězdy wot 16. stolěća hač do zběhnjenja robocánstwa.— *Lětopis*, 1956, Rjad B, 3, s. 103—143; *Он же.* Die Ertragsentwicklung der Landwirtschaft des Klosters Marienstern: Zur Entwicklung der Getreideerträge unter den Bedingungen des preußischen Weges der bürgerlichen Agrarrevolution. Bautzen, 1958.
- 8 *Sotta J.* Die Ertragsentwicklung..., S. 30—44.
- 9 *Müller H.-H.* Bäuerliche Rittergutspachtungen im Cottbuser Kreis in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts.— *Lětopis*, 1964, Rjad B, 11/1, s. 29—54.
- 10 *Sotta J.* Die Ertragsentwicklung..., S. 44—54; *Он же.* Die Bauern der Lausitz: Eine Untersuchung des Differenzierungsprozesses der Bauernschaft im Kapitalismus. Bautzen, 1968, S. 39—52.
- 11 *Lehmann R.* Geschichte der Niederlausitz. (West-) Berlin, 1963, S. 544—568. Следует отметить, что методологически автор следует традициям немецкого буржуазного исторического краеведения и разделяет враждебные серболужичанам националистические воззрения.
- 12 *Streisand J.* Deutschland von 1789 bis 1815. Berlin, 1959, S. 142—161.
- 13 *Schmidt G.* Die Staatsreform in Sachsen in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts: Eine Parallele zu den Steinschen Reformen in Preußen. Weimar, 1966.
- 14 *Mětsk F.* Der Anteil der Stände des Markgraftums Oberlausitz an der Entstehung der obersorbischen Schriftsprache (1668—1728).— Zeitschrift für slawische Filologie, 1959, Jg. XXVIII, H. 1, S. 122—148; *Он же.* Die brandenburgisch-preußische Sorbenpolitik im Kreise Cottbus

- vom 16. Jahrhundert bis zum Posener Frieden (1806). Berlin, 1962.
- 15 *Brankač J., Mětsk F.* u. a. Geschichte der Sorben. Bautzen, 1977, Bd. 1, S. 292—297.
- 16 *Mětsk F.* Der Anteil der Stände..., S. 145.
- 17 *Brankač J., Mětsk F.* u. a. Geschichte..., S. 264—270.
- 18 *Sotta J.* Abriß der sorbischen Geschichte. Bautzen, 1976, S. 60—61.
- 19 *Mětsk F.* Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik..., S. 93—102.
- 20 *Mětsk F.* Der Kurmärkisch-wendische Distrikt: Ein Beitrag zur Geschichte der Territorien Bärwalde, Beeskow, Storkow, Teupitz und Zossen unter besonderer Berücksichtigung des 16. bis 18. Jahrhunderts. Bautzen, 1965, S. 202—209.
- 21 *Jenč R.* Stawizny serbskeho pismostwa. I džěl. Budyšin, 1954, s. 190—213.
- 22 *Kunze P.* Die soziale und nationale Lage der sorbischen Bevölkerung in der späteren preußischen Ober- und Niederlausitz in den Jahren 1789 bis 1815.—*Lëtopis*, 1973, Rjad B, 20/2, s. 161—211; *Он же.* Probleme der sorbischen Geschichte in der Übergangsperiode vom Feudalismus zum Kapitalismus.—*Lëtopis*, 1975, Rjad B, 22/1, s. 62—99.
- 23 *Kunze P.* Probleme..., s. 84—86.
- 24 *Jenč K. A.* Serbske predárske towarstwo w Lipsku wot lěta 1716—1866.—*Časopis Mačicy Serbskeje*, Budyšin, XX, 1867, s. 465—540.
- 25 *Mětsk F.* Die Sorben und die Universität Wittenberg.—*Wiener Slawistisches Jahrbuch*, 1962, 9. Bd., S. 32—62.
- 26 *Anton K. G.* Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen. Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1783, 1789. В вопросе о ликвидации феодального землевладения Антон, крупный помещик, оказался защитником интересов своего класса и пропагандировал реформы сверху (*Anton K. G.* Über die Rechte der Herrschaften auf ihre Untertanen und deren Besitzungen nebst einigen Bemerkungen über die Verfassung in der Oberlausitz: Auditor et altera pars. Leipzig, 1791. Ср.: *Sotta J.* Die Ertragsentwicklung..., S. 41—42).
- 27 *Zeil W.* Karl Gottlob von Anton und seine Beziehungen zu den Sorben.—*Lëtopis*, 1968, Rjad B, 15, s. 1—17, 175—220.
- 28 *Nawka B.* Adam Gottlob Schirach, der Begründer der Oberlausitzischen Bienengesellschaft von 1766.—*Lëtopis*, 1970, Rjad C, 13, s. 87—97.
- 29 *Neue Lausitzische Monatsschrift.* Görlitz, 1801, I. Teil, S. 81—112; *Musiat S.* Über die volkswissenschaftlichen Werke von Johann Hortschansky und Michael Conrad.—*Lëtopis*, 1967, Rjad C, 10, s. 98—140.
- 30 *Kilank R.* Franc Jurij Lok und die Oberlausitzische Gesellschaft der Wissenschaften.—*Lëtopis*, 1968, Rjad B, 15, s. 94—103.
- 31 *Hajnc L.* Jan Bohuchwał Dejka — založitel serbskeho nowinarstwa.—*Lëtopis*, 1955, Rjad A, 3, s. 80—144.
- 32 *Kunze P.* Die soziale und nationale Lage..., S. 200—202.
- 33 *Sotta J., Zwahr H.* u. a. Geschichte..., S. 27—28.
- 34 *Sotta J.* Die Lausitzer Sorben und ihre Nachbarn in der Zeit von 1789 bis 1848: Ein Beitrag zur Frage der internationalen Wechselbeziehungen der sorbischen Geschichte.—*Lëtopis*, 1975, Rjad B, 22/1, s. 53—54.
- 35 *Sotta J., Zwahr H.* u. a. Geschichte..., S. 30.
- 36 *Ibid.*, S. 29; *Mětsk F.* Ideologen der antisorbischen Sprachpolitik während der Periode des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus: Eine Quellensammlung. Bautzen, 1973, S. 9.
- 37 *Sotta J.* Zur Frage der Herausbildung des Nationalbewusstseins bei den Lausitzer Sorben in der ersten Hälfte des 19. Jh.—In: *Le développement de la conscience nationale en Europe orientale: Colloque de la Commission internationale des Etudes slaves du Comité international des Sciences historiques.* Paris, 1969, p. 37—49.
- 38 *Sotta J.* Abriß..., S. 53—55; *Zeil W.* Bolzano und die Sorben: Ein Beitrag zur Geschichte des «Wendischen Seminars» in Prag zur Zeit der josephinischen Aufklärung und der Romantik. Bautzen, 1967, S. 9—12.
- 39 *Zeil W.* Bolzano..., S. 17—85.
- 40 *Stulz P., Opitz A.* Volksbewegungen in Kursachsen zur Zeit der Französischen Revolution. Berlin, 1956, S. 55—56.
- 41 *Zeil W.* Bolzano..., S. 40.

⁴² Ibid., S. 49—51.

⁴³ *Sotta J., Zwahr H.* u. a. Geschichte..., S. 95—97.

⁴⁴ *Sotta J.* Die Lausitzer Sorben..., S. 54—59.

⁴⁵ *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». — В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, с. 42—45.

⁴⁶ *Sotta J., Zwahr H.* u. a. Geschichte..., S. 100—104.

⁴⁷ *Wolfgramm E.* Die Rolle der Univer-

sität Leipzig bei der nationalen Wiedergeburt der slawischen Völker, besonders in der Periode des Vormärz: Karl-Marx-Universität Leipzig 1409—1959.— Beiträge zur Universitätsgeschichte, Leipzig, 1959, Bd. 1, S. 223—249.

⁴⁸ *Алексеев М.* Белинский и славянский литератор Я. П. Йордан. К вопросу об известности Белинского на западе и у славян в 40-е годы XIX в.— Литературное наследство, 1950, т. 56, с. 437—470.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аврорин В. А. 164
 Агис 301
 Албин А. 135
 Александр Экзарх 319
 Али-паша Ризванбегович 332
 Антон К.-Г. фон 348, 354
 Аньш 305
 Априлов В. 128, 131, 152, 154, 155, 159
 Арань Я. 232
 Арато Э. 300
 Бальбин Б. 245, 255
 Бандтке Е. С. 177
 Батшани Я. 302, 312
 Башагич С. 339
 Белич А. 139
 Белявский Ю. 269
 Бержени Д. 250
 Бернолак А. 56, 88, 195, 197, 207, 224
 Берон П. 128, 152
 Бешенеи Д. 227, 235, 240, 301, 302, 304
 Бжостовский П. 259
 Биньон Л. 178
 Блаж Г. 329
 Блейвейс Я. 130, 324, 327
 Блюмфильд Л. 120
 Богатырев П. Г. 256
 Богомолец Ф. 269
 Богорида 319
 Богоров И. 131, 152, 157, 159, 161
 Бодянский О. 192
 Бовзели Н. 128, 131
 Больцано Б. 350
 Бончек Н. 177
 Бородин 249
 Ботев Х. 128, 131, 232, 256, 316
 Брадаты И. 255
 Бредов 146
 Бродзинский К. 290, 293, 299
 Бродовский А. 232
 Брозович Д. 124—126
 Бромлей Ю. В. 12
 Броневский В. Б. 323, 324
 Бурминстрова Т. Ю. 96
 Вэлческу Н. 92
 Вюхнер Г. 232
 Варошова Е. 204
 Везилич А. 140
 Велева М. 235
 Велеславин Д. А. 185, 190, 195
 Вельгорский М. 266, 279
 Венгерский К. 168
 Венедиктов Г. К. 75, 132, 150
 Венцлович Г. С. 141, 142
 Вёршмарти М. 250
 Верховский А. 204
 Вершеги Ф. 304
 Вешшеленьи М. 307—309
 Видакович М. 147
 Вираг Б. 305
 Витек В. 230
 Владимиреску Т. 92
 Владыкин Г. М. 130
 Возар С. 200
 Волошинский Р. 278
 Вольтер 268
 Враз С. 127, 129, 130, 323
 Вуич Й. 250
 Вусин 182
 Выбицкий Ю. 259, 264, 272
 Габсбурги 22, 24, 26, 27, 76, 78, 79, 83, 245, 349
 Гавличек-Боровский К. 196, 207, 229, 232
 Гаек В. 236
 Гай Л. 41, 127, 129
 Гамульях М. 200, 206
 Гандев Хр. 19—21
 Ганка В. 187
 Гарашанин И. 70
 Гарибальди 320
 Гарчинский 276
 Гаттала М. 209
 Гачев Г. Д. 128
 Гвадани Й. 304
 Гебауер Я. 186
 Гегель 201
 Гейне Г. 232
 Герлер И.-Г. 227, 242, 348
 Геров Н. 157, 159
 Герометта Э. 206
 Гизевий Г. 173, 176, 177
 Гильфердинг А. Ф. 330, 331, 333, 336
 Глинка 249
 Глишич М. 232
 Глован Д.-Б. 348
 Гловацкий Б. 280
 Гогенцоллерны 24
 Гогина К. П. 75
 Гоголь Н. В. 250, 257
 Годжа М. М. 200—202, 206, 208, 209
 Голчек Ю. 206
 Гольдони К. 143
 Горчаков А. М. 330
 Горчанский Я. 348
 Готшед К. 234
 Градацичевичи 334
 Грамши А. 93
 Грдличка Я. 57
 Григорий V, патриарх 214
 Григорович В. И. 156
 Гриммельсхаузен Г. 227
 Грох М. 76, 80
 Гудков В. П. 135
 Гумбольдт В. 201
 Гурбан Й.-М. 200, 201, 206, 209
 Гухман М. М. 101, 164
 Дайнко П. 130
 Далматин Ю. 124
 Дамрот К. 177
 Данилов К. 251
 Данилов Л. В. 23
 Данивич Дж. 41, 129
 Данов Х. 156
 Дейка Я.-Б. 348
 Деркос И. 129
 Дефо Д. 227
 Дешернев Ю. Д. 164
 Джорджевич Й. 127
 Джурджев Б. 330
 Дине С. 251
 Динеков П. 236
 Дитль И. 174
 Добнер Г. 228, 234, 236, 239
 Добровский П. 41, 155—157, 183—190, 193—195, 350, 351
 Догнани М. 203
 Доленги-Ходаковский З. 292
 Домбровский Я. Х. 273, 274, 281
 Дончо 255
 Драшкович Я. 31, 129
 Дринов М. 151
 Дутонич А. 250, 304
 Душничанин Х. П. 130, 131
 Дурих В. 184
 Езерский Ф. С. 54, 242, 282—286, 289, 297
 Езерский Я. 259
 Жак В.-П. 191
 Жевуский В. 276
 Жевуский С. 280
 Жирмунский В. М. 164
 Жмигродская М. 279
 Жоффрен 277
 Жуковский Я.-Л. 288, 297, 299
 Жур Я. 350
 Заблоцкий Ф. 250
 Зай К. 199
 Залуские 276
 Замойский А. 259
 Зворинские 334
 Змай Й. П. 126
 Зорич Г. 146
 Зринский Н. 327
 Иванов П. 156
 Ивеш П. 140, 141, 145, 147, 148
 Икономов Т. 155
 Иссиф II 53, 64, 301, 303, 304, 350
 Исайлович Д. 146
 Йордан Я. П. 352, 353
 Кадави Я. 207
 Казинци Ф. 41, 54, 250
 Каирис Т. 155
 Калничак Я. 200, 209
 Каллан Б. 340
 Калтахчян С. Т. 12, 24, 28
 Кантакузино М. 228

- Капелюш X. 279
 Каравелов Л. 128, 131, 232, 316
 Карагеоргий 65
 Караджале П.-Л. 232
 Караджич В. 41, 69, 126, 129, 131—133, 135, 142, 146—149, 228, 243
 Карамзин Н. М. 195, 250
 Карась М. 170
 Кардель Э. 322
 Карман П. 303, 304
 Кароя М. 120
 Кашич П. 147
 Кельчен Ф. 307—309, 313
 Кеплен П. 192
 Керманвер Д. 328
 Керник Я. 328
 Клиньский Я. 280
 Климович М. 279
 Клищера Ф. 187
 Клошка 92
 Княжески Э. 134
 Князевич К. 273
 Ковальченко И. Д. 23
 Колейка И. 76
 Колетис И. 218
 Коллар Я. 89, 192, 198, 205, 351
 Коллонтай Г. 166, 168, 236, 282—285, 287—289
 Коменский Я. А. 185, 195
 Конарский С. 166, 258, 265
 Коннаш А. 196
 Конобеев В. Д. 28
 Копитар Е. 41
 Копитар П. 147
 Копчинский О. 167
 Коржалка И. 76
 Косев Д. 72
 Косицкий К. 176
 Костич Л. 126
 Костюшко Т. 272—274, 280, 281, 286, 294
 Кочи И. 76
 Кошут Л. 49, 307, 309, 313
 Краль Я. 209
 Крамериус М. 184
 Красинский З. 282
 Красицкий И. 168, 242, 261, 272, 278
 Кремповецкий Т. 288, 292, 296
 Криновский Г. 142
 Кришан 92
 Куделка М. 239
 Кукулевич И. 129
 Куна Х. 135
 Кымпиняну И. 92
 Лазар, кн. 143
 Лазаревич С. 140, 141
 Левец Ф. 327, 328
 Левский В. 316
 Левстик Ф. 127, 130, 322, 325, 327, 329
 Лейбниц Г. 227
 Лелевель И. 232, 248, 289, 292, 293, 295, 297—299
 Лемпа Ю. 176, 177
 Ленин В. И. 9, 10, 27, 44, 78, 95, 223, 225, 226, 243
 Лёринц 305
 Лер-Сплавинский Т. 169
 Лессер 232
 Лессинг Г. 227, 233, 234
 Лесьнодорский Б. 279, 286, 296
 Лещинский 350
 Лещинский С. 278
 Ливанова Т. Н. 229
 Линде С. В. 167, 195
 Линхарт А. 323, 326
 Липатов А. В. 258
 Лихачев Д. А. 234
 Логачев К. И. 211
 Лок Ф.-Ю. 348, 350
 Мадзинн 320
 Мажуранич И. 41, 127, 129, 331, 332
 Манол 255
 Марек А. 189, 193
 Маркович С. 232
 Маркс К. 95, 352
 Мармонтель Ж.-Ф. 137
 Мартинович И. 312
 Матула В. 61, 85
 Маха К.-Г. 196, 231
 Маяр М. 130, 324, 325
 Метелко Ф. 130
 Миклошич Ф. 41, 130
 Мику-Клайн С. 228
 Милетич С. 127
 Миллер И. С. 5, 6
 Милош 143
 Милош Обренович 334
 Мильтон 194
 Митина Н. П. 281
 Михаил Обренович 336
 Мишкевич А. 169, 176, 177, 231, 232, 251, 293
 Младенович А. 135, 139, 141, 142, 147
 Момчилов И. 157
 Монтеские 268
 Моношко 249
 Морозов А. А. 234
 Морозова О. П. 281
 Мохнацкий М. 282, 290—292, 294, 295, 298, 299
 Мраз А. 211
 Мронговий 176, 177
 Мулабдич Э. 339
 Мургу Е. 92
 Мучинк Я.-Б. 353
 Мыльников А. С. 222
 Наполеон I 274, 275, 344
 Наполеон III 318
 Нарушевич А. 168
 Неседы Я. В. 181, 186
 Некрасов 128
 Неманичи 70
 Немцевич Ю. У. 272, 273
 Немцова Б. 196, 232
 Неофит Рильский 128, 130, 154, 159, 250
 Неруда Я. 196
 Нецименко Г. П. 178
 Нидерле Л. 103
 Нидерхаузер Э. 247
 Никитин С. А. 25, 66
 Николай I 317
 Нич К. 171
 Новяков Н. И. 195
 Норвид 275
 Нума 138
 Нури-Хаджич О. 339
 Обрадович Д. 68—70, 74, 143, 144
 Обушенкова Л. А. 50, 224
 Огнянович К. 131
 Омер-паша Латас 334, 335
 Омер-эфенди Хумо 332
 Орфелин З. 136, 138—140, 149
 Орци 305
 Оттон 213
 Павлович Хр. 157, 158
 Пансий Хиллендарский 71, 72, 151, 228, 236, 248, 314—316
 Пал 305
 Палаузов Н. 155, 156
 Палацкий Ф. 33, 189, 192, 193, 205, 207, 245, 248
 Палкович П. 195
 Паригиоулос К. 211
 Паскалева В. 66
 Пелагич В. 331, 332, 335, 336
 Пецел Ф. М. 181, 182, 184, 186, 228
 Петёфи Ш. 250, 251, 310, 311
 Петр I 139, 264, 267, 276
 Петрович Н. 71
 Петрович-Негош П. 250
 Печели П. 303, 304
 Пименов В. В. 253
 Плошич Ю. 206, 210
 Погодин М. 192
 Поль Я. В. 182
 Понятовский С. 278
 Попович Р. 131, 154
 Поршнер Б. Ф. 93
 Потоцкий Ст. К. 166, 175
 Потоцкий Щ. 259, 280
 Префс П. 192
 Прерадович П. 127, 129, 250
 Пресл 189, 193
 Пресл Я.-С. 193
 Прешери Ф. 41, 127, 130, 249, 323
 Прохазка Ф. 184
 Психарис Я. 219
 Пулаский К. 259, 272, 280
 Пумпур А. 250
 Пухмайер А. 184, 187, 242
 Пушкин А. С. 251
 Пыпин А. Н. 142
 Пясты 283
 Радзивилл К. 280
 Радичевич Б. 41, 126, 129, 250
 Ранч П. 147, 248
 Райнш П. 304
 Раковский Г. С. 72, 131, 157, 158, 161, 320
 Рачанин Г. 141
 Рачанин Е. 141
 Реваи И. 235
 Решетка М. 206
 Ригер Ф. 325
 Риш И.-В. 349
 Рогачев П. М. 96
 Романовы 24
 Роса В. 182, 195
 Роспонд С. 176
 Руссо Ж.-Ж. 259, 260, 265—269, 279
 Сабина К. 196
 Сабо Д. В. 305
 Свердлин М. А. 96
 Седлачек В. 189
 Седлачек Я.-В. 193
 Селимнинский И. 155
 Сенивин 323
 Сечени И. 306, 308, 309, 312
 Сказкин С. Д. 23
 Скендер Недим-бег 330
 Скерляк И. 137
 Славейков П. 128, 152, 157, 159
 Сладкович А. 206, 209
 Сломшек А. 324
 Сметана А. 249
 Смирнов Л. Н. 61, 95, 197
 Смолер Я. А. 353
 Снегаров И. 154
 Снядецкий Я. 166, 228
 Соларич П. 143—145

- Соломол Д. 219
 Сосюр Ф. де 120
 Срезневский И. И. 192, 203, 352
 Стальмах П. 121
 Станислав Август 267, 269, 271, 273, 276, 277
 Статтлер 232
 Сташиц С. 282—285
 Стеванович М. 136, 137
 Стефановская Э. 279
 Стецкевич С. М. 16
 Стойков Ст. 132
 Стойкович А. 144
 Стрекалова З. Н. 163
 Стритар И. 127
 Струкова К. Л. 62
 Суворов А. В. 145
 Суворецкий В. 297
 Там К. И. 182
 Тамм А. 348
 Танчич М. 310, 311
 Терлаич Г. (Трланч) 138, 144, 148
 Тодоров Н. 20
 Толстой Н. И. 122
 Томмазиус Х. 227
 Томса Ф. И. 181, 186, 195
 Трдина Я. 127
 Трембецкий С. 168
 Триандафилидис М. 220
 Трнка Ф.-Д. 191
 Трубар П. 124
 Тузличи 334
 Тыл И.-К. 196, 232
 Урбаньчик С. 168
 Фаллмерайер Я. Ф. 211
 Фандли Ю. 56
 Федотов 249
 Филин Ф. П. 101, 178
 Филиппеску М. 92
 Фойгт М. А. 228
 Фотинов К. 128, 131, 157, 158
 Францисцы-Римавский Я. 200
 Фредро А. 250
 Фрейдзон В. И. 28, 224, 329
 Фридрих II 347
 Фрич П.-В. 207
 Фрозин А. 182, 230
 Фульк М. 350
 Хаджитошев Д. 315
 Хаджитошевы 315
 Хадзидакис Г. 219
 Хадхи-Хусейн-аги Бешлагич 330
 Хайнэ И. 279
 Халупка С. 204, 209
 Херасков М. М. 138
 Хлебовчик Ю. 8, 12, 21—23, 41, 102, 163, 244
 Холлый Я. 250
 Хорня 92
 Хрептович И. 259
 Хурезяну Д. 90
 Хусейн-бег Градашчевич 334
 Цанков А. 156
 Цанков Д. 156
 Цанковы 156
 Чарноевич А. 141
 Чарторьская И. 280
 Чарторьские 280
 Чарторьский А. К. 166, 174, 270, 273, 280, 319
 чацкий Т. 175, 299
 Челаковский Ф. Л. 187, 189
 Чинтулов Д. 250
 Чоконан М. 303, 304
 Чоп М. 130
 Чорович В. 334
 Чосич Д. 149
 Чуркина И. В. 321
 Шаняевский Ю. К. 297, 298
 Шапкарев К. 161
 Шарова К. 75, 313
 Шатобриан 194
 Шафарик П.-И. 84, 187, 189, 192, 193, 198, 205, 206
 Шафранек Ю. 177
 Шацкий Е. 298, 299
 Шашкевич М. 41
 Швейцер А. Д. 164
 Шевченко 128
 Шептунов И. М. 251
 Шерах Х.-Б. 348
 Шимек М. 182
 Шинич Н. 145
 Шиндлар П.-З.-Ф. 348
 Широкова А. Г. 179
 Шливо Г. 335
 Шмидт Ц.-Г. 349
 Шнайдер М. 130
 Шолта Я. 344
 Шопен Ф. 231
 Штур Л., 41, 49, 89, 90, 199—209, 224, 351
 Штур С. 200
 Эйншпиллер А. 326
 Элиаде-Рэдулеску П. 250
 Энгельс Ф. 19, 23, 95, 342, 352
 Эрдени Я. 232
 Эркель 249
 Этвэш П. 250
 Юлинац П. 137, 138
 Юнгман А. 189, 193
 Юнгман П. 41, 181, 183, 189—195, 229, 240, 243, 250
 Юрчич П. 127, 328
 Ягеллоны 283
 Ягич В. 139
 Якубинский Л. П. 101
 Якубский В. А. 16
 Якшич Д. 126
 Ян III Собеский 271
 Янион М. 279
 Янкович Э. 143, 144
 Ярник У. 130
 Ясиньский Я. 273

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	5
Формирование наций; комплексное изучение и сопоставительный анализ (И. С. Миллер)	6

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

Экономические аспекты формирования наций (С. М. Стецкевич, В. А. Якубский)	16
Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи (В. И. Фрейдзон)	28
Сопоставление процессов формирования польской, венгерской и словацкой наций (Л. А. Обушенкова)	50
Об особенностях развития сербской и болгарской наций (К. Л. Струкова)	62
О становлении чешской нации (К. П. Гогина)	75
Характеристика процесса формирования нации у словаков (В. Магула; Чехословакия)	85
Формирование румынской нации (Д. Хурезяну; Румыния)	90

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

О языковом аспекте формирования наций (Л. Н. Смирнов)	95
Роль и функции двуязычия в процессе образования наций (Ю. Хлебовчик; Польша)	102
Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков (Н. И. Толстой)	122
Книжно-письменный язык у сербов в XVIII — начале XIX в. (В. П. Гудков)	135
О создании литературного языка как предпосылке упрочения национального единства болгар в XIX в. (Г. К. Венедиктов)	150
О роли языка в процессе формирования польской нации (З. Н. Стрекалова)	163
Особенности формирования литературного языка чешской нации в эпоху национального возрождения (Г. П. Нещименко, А. Г. Широкова)	179
Отражение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации (середина XIX в.) (Л. Н. Смирнов)	197
Языковой вопрос в период формирования греческой нации (о роли архаического письменного языка) (К. И. Логачев)	211

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

- К вопросу о формировании национального самосознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе (А. С. Мыльников) 222
- Роль национальной культуры в становлении наций (Э. Нидерхаузер; Венгрия) 247
- Фольклор и развитие национального самосознания (И. М. Шептунов) 251
- Формирование польской культуры эпохи Просвещения (Проблемы синтеза национальных традиций и общеевропейских веяний) (А. В. Липатов) 258
- Эволюция концепции нации в польской общественной мысли конца XVIII — первой трети XIX в. (Н. П. Митина, О. П. Морозова) 281
- Идеологические аспекты становления венгерской нации (Э. Арато; Венгрия) 300
- Межнациональные отношения и утверждение болгарского национального самосознания (К. Шарова; Болгария) 313
- Национально-политические идеи словенцев в 1848 — начале 70-х годов XIX в. (И. В. Чуркина) 321
- К истории боснийско-мусульманского этноса (В. И. Фрейдзон) 329
- О специфике национального развития лужицких сербов (Я. Шолта; ГДР) 344

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редакторы издательства Н. Г. Белей, Г. В. Шелудько
Художественный редактор Н. А. Фильчагина. Технический редактор Т. С. Жарикова
Корректоры Л. С. Агапова Л. И. Карасева

ИБ № 15272

Сдано в набор 05.06.81. Подписано к печати 02.11.81. Т-28206. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая
Усл. печ. л. 22,5. Усл. кр.-отг. 22,5. Уч.-изд. л. 26,1. Тираж 2950 экз. Тип. зак. 5459
Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука», 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

2р.80к.

ВАНКЕНСКОЕ ИЗДАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ